Юрий Сенчагов

КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть Юрия Семенова посвящена короткой, но яркой жизни комиссара госбезопасности А. Н. Михеева, возглавившего в первые месяцы Великой Отечественной войны особый отдел Юго-Западного фронта.

- Комиссар госбезопасности
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
    - Спустя много лет…
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6

Комиссар госбезопасности

Контрразведчикам Юго-Западного фронта посвящается

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Оперативная сводка особого отдела Киевского Особого военного округа с грифом «Совершенно секретно» на имя начальника управления контрразведки Красной Армия А. Н. Михеева сообщала:

«9 апреля, в среду, в 23 часа 05 минут оператор службы пеленгации зафиксировал работу неизвестного радиопередатчика. Квадрат места сеанса связи определен в лесном районе за поселком Бровцы, что в двадцати километрах восточнее Киева. Дешифровка перехваченной цифровой передачи установила донесение следующего содержания:

«Распоряжением штаба округа двадцать седьмой танковый полк 6-й армии передислоцируется из-под Броды в Рава-Русский укрепрайон. Срок до 30 апреля 1941 г. Задержка связи доложена главному. Осложнений нет. Впредь выход установленном режиме. 673».

Для выявления подпольного радиста приняты первоначальные меры:

1. Усилена служба пеленгации.

2. Созданы две опергруппы из восьми человек под общим руководством лейтенанта госбезопасности Стышко, взявшего под контроль Бровцы и северо-восточный край леса с двумя полевыми дорогами — вероятный участок работы агента-радиста.

3. Устанавливаются лица, осевшие в Бровцах и в трех прилегающих селах за последнее время.

Содержание перехваченной шифровки указывало на утечку секретной информации из штаба округа или 6-й армии либо непосредственно из штаба танкового полка. После проведенной проверки третий предполагаемый объект отпал.

Особым отделом разработаны мероприятия по выявлению агента иностранной разведки как в штабе округа, так и в 6-й армии, изучаются возможности внедрения чуждых элементов под должностным прикрытием в аппарат указанных штабов.

В полночь с пятницы на субботу 11 апреля подпольный радист снова вышел на связь. Почерк его опознал оператор-чекист. Передача велась из района предполья за Бровцами, в стороне от массива леса,

находившегося под контролем опергрупп особого отдела. Взять под наблюдение радиста не удалось. Поиск его в целях скрытности был запрещен.

Дешифрованный текст второй радиограммы:

«Приказано передислоцировать 89-ю стрелковую дивизию 6-й армии из-под Львова в район южнее Ровно. Срок до 10 мая. Место штаба дивизии уточняется. Связь режиме. 673».

Следует отметить, передислокация указанных танкового полка и стрелковой дивизии санкционирована штабом округа в одностраничном документе под пунктами 1-м и 2-м. Однако агент-информатор сразу не передал полный текст, составив две отдельные шифровки по содержанию каждого из пунктов. Полагаем, сделанная разбивка преследовала цель ввести в заблуждение органы советской контрразведки в случае перехвата радиошифровок, чтобы навлечь подозрение на источник информации непосредственно в передислоцируемых воинских частях. Поэтому, должно быть, не случайно первое донесение агентом «673» передано после издания приказа командующего 6-й армией на передислокацию танкового полка. Аналогичный приказ командиру 89-й стрелковой дивизии подписан лишь 10 апреля и на следующий день, еще не поступив по назначению, появился в радиошифровке.

Вывод: агент иностранной разведки имеет доступ к документам оперативного характера в штабе КОВО или 6-й армии. Есть основания считать, что агент недостаточно подготовлен как разведчик, иначе бы он не допустил заметных просчетов: избежал бы в первой шифровке ссылки на указание штаба округа и повременил бы со вторым донесением но крайней мере до того, как приказ о передислокации стрелковой дивизии поступит по назначению. Тогда бы сфера наших поисков значительно расширилась.

Кроме того, определенные выводы можно сделать из текста шифровки. Очевидно, радиосвязь только что наладилась. В группе есть руководитель, названный «главным». Видимо, контакт с ним у агента «673» ограничен.

Учитывая, что прежде работа упомянутого радиопередатчика не фиксировалась и почерк радиста операторам-чекистам неизвестен, что ранее утечки

оперативных сведений из штабов обнаружено не было, заключаем: действует недавно созданная группа (резидентура) иностранной разведки, выдвинутая на важный канал штабной информации.

Мероприятия по разоблачению шпионской группы условно названы «Выдвиженцы».

Особым отделом округа ведется работа по двум направлениям: выявлению радиста и агента «673».

16 апреля, в среду, предполагается очередной сеанс связи подпольного радиста. Приняты все меры к его негласному обнаружению. При этом учитывается возможность неожиданного выхода агента-радиста в эфир, в связи с чем оперработники, одетые в гражданское, контролируют свои участки в поселке Бровцы и прилегающей окрестности начиная с темноты и до рассвета.

Начальник 3-го отдела[1] КОВО бригадный комиссар

Н. Ярунчиков».

В четвертом часу ночи Никита Алексеевич Ярунчиков, не уходивший домой, получил из управления контрразведки Наркомата обороны шифровку. В ней говорилось:

«Принятые меры по группе «Выдвиженцы» санкционирую. Подключите к работе опытных чекистов Плетнева и Грачева. Не дожидаясь понедельника, проинформируйте по делу командующего округом Кирпоноса, предложите издать фиктивный приказ о передислокации какого-либо соединения из глубины 6-й армии к границе, создайте возможность ознакомиться с ним необходимому кругу лиц как в штабе округа, так и в 6-й армии, проследите прохождение приказа, не давая ему выхода по назначению.

Установите контроль за прибывающими в Бровцы, выявляя вероятную явку связного к радисту. Для выполнения этой задачи срочно свяжитесь с начальником управления НКГБ по Киевской области, скоординируйте совместные действия.

Отработайте план мероприятий с начальником особого отдела 6-й армии Моклецовым, окажите ему необходимую помощь.

Задержание подозрительных лиц запрещаю.

Первейшая задача состоит в том, чтобы с бесспорной очевидностью скрытно выявить агентуру иностранной разведки, ее связи.

О результатах докладывайте немедленно.

А. Михеев».

Держа в руках бланк, Ярунчиков долго курил, щурясь и шевеля лохматыми бровями, снова и снова просматривая текст шифровки, выхватывая глазами только что подчеркнутые красным карандашом настойчивые слова: «требую», «запрещаю», «докладывайте немедленно». До той минуты, пока Никита Алексеевич не прочитал указания Михеева, ему казалось, что все необходимое по группе «Выдвиженцы» им учтено в оперативных мероприятиях, осуществление которых, считал он, достаточно обеспечено чекистскими силами. И вдруг во всем этом начальник нашел изъян, лишивший Ярунчикова уверенности в успехе начатого оперативного расследования.

«В самом деле, — думал он, — что за нужда была взваливать на одного старшего оперуполномоченного Стышко всю тяжесть серьезнейшего дела, пусть даже под моим руководством? Потому что Василий Макарович ночи просиживает в Бровцах, ожидая с опергруппами выхода радиста на связь? Спит два-три часа, а днем вместе с оперуполномоченным Ништой продолжает заниматься своим делом в штабе округа? И как я мог забыть про таких опытных контрразведчиков, как Плетнев и Грачев?.. Нужно перестраиваться. В Бровцах необходимо круглосуточное наблюдение».

Ярунчиков крупно написал слева на чистом листе: «Бровцы. Д. Д. Плетнев», но, поразмыслив, зачеркнул фамилию и вместо нее проставил: «М. П. Грачев».

«Больно уж горяч Дмитрий Дмитриевич, — решил бригадный комиссар, — как бы ненароком не спугнул радиста. А Мирон Петрович в самый раз там будет, человек с выдержкой, осмотрительный, да и опыта не меньше, чем у Плетнева. А Плетневу надо поручить руководство чекистской работой в штабе, вместе со Стышко и Ништой. — Он размашисто вывел в правой стороне листа: «Киев», а под ним — три фамилии и подкрыжил написанное ровной чертой, заключив: — Так-то получится надежнее».

Взглянув на часы — было около шести утра, — Ярунчиков воспрянул духом. Еще оставалось время, чтобы вызвать сотрудников, заново расставляемых для работы по группе «Выдвиженцы», поговорить с ними еще до встречи с командующим округом. А позвонить генералу и попросить у него

приема Никита Алексеевич раньше десяти утра не мог: все-таки выходной день, да и вопрос о «липовом» приказе решать надо было в понедельник, сегодня штаб округа не работал.

Ярунчиков позвонил дежурному по особому отделу, распорядился послать машину на квартиры к Плетневу, Стышко, Грачеву и Ниште, доставить их к нему в отдел.

— Если Стышко еще не вернулся из Бровцов, — добавил он, — пусть ему туда передадут, чтобы срочно явился.

Положив трубку, поднялся, высокий, худощавый, подошел к окну, раздвинул шторы. Но не на дворника, подметавшего безлюдную улицу, не на пробившуюся возле деревьев нежно-зеленую траву, необычайно желанную после зимы и грязной слякоти, посмотрел Ярунчиков прежде всего. По давней летной привычке он сразу скользнул взглядом по небу, порадовавшись его светлой бездонности.

Ярунчиков хорошо знал, сердцем чувствовал небо: летал в нем и над Крымскими горами, когда учился в Качинской школе военных пилотов; и над заволжской неоглядной степью, работая инструктором-летчиком; и над Черным морем близ Одессы, водя звено боевых машин. Он привык ощущать рассветную прохладу мускулами своего тренированного тела.

Казалось, давно это было! И вроде недавно — пять лет не прошло, как он перестал летать, став слушателем Военно-воздушной академии имени Жуковского. Но перед окончанием третьего курса авиационная судьба Ярунчикова в одночасье сделала неожиданно крутой вираж: приземлился он на двухнедельных курсах руководящих работников НКВД. Тридцатипятилетнего капитана Ярунчикова по специальному партийному набору направили работать в армейскую контрразведку. Так он два года назад оказался в Киеве, сначала заместителем, а с прошлой осени — начальником особого отдела КОВО, сменив на этой должности двадцатидевятилетнего Анатолия Николаевича Михеева, нынешнего начальника управления контрразведки Красной Армии.

За два года в петлицах Ярунчикова шпала сменилась ромбом, а его грудь месяц назад украсил орден «Знак Почета» — за отличное выполнение контрразведывательных задач в частях округа. Нельзя сказать, чтобы Никита Алексеевич тосковал по авиации — некогда было даже мысленно заглянуть в заоблачную высь, но, когда ему случалось оказаться возле авиационной части, он обязательно заглядывал на летное поле, отрешенно и молчаливо смотрел на боевые машины с грустинкой в глазах.

Сейчас он смотрел на небо не из ностальгических чувств. Синоптики обещали нежданный в эту пору снегопад, а он плохой

помощник для выслеживания врага в лесу или поле. Преследователи тоже оставляют следы.

«И откуда взяли синоптики этот прогноз? Но и они, как та бабушка, часто говорят надвое. Может, пронесет», — понадеялся Ярунчиков. Размышляя так, он снова вспомнил требовательные слова шифровки. В них ему слышался басовитый, напористый голос Михеева, виделся рубящий жест его широкой ладони и цепкий взгляд, который, однако, удивительно смягчала нежная голубизна глаз.

Бывало, в самом начале совместной работы в КОВО Ярунчиков болезненно воспринимал непреклонную волевую распорядительность Михеева, особенно если она касалась непосредственно заместителя. Все-таки как-никак они в один год пришли на работу в органы госбезопасности и даже сидели за одним столом на курсах руководящих работников НКВД. Капитана Михеева направили работать в армейскую контрразведку тоже по спецнабору накануне окончания Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, и он уже позже, являясь начальником особого отдела Орловского военного округа, осилил выпускные экзамены. А через полгода Анатолия Николаевича перевели в КОВО.

«Повезло человеку», — ревниво подумал тогда Ярунчиков, убедившись при встрече в Киеве, что Михеев обошел его не только по должности, но и по званию — два ромба имел в петлицах, да еще орден Красной Звезды отхватил.

В начале совместной службы — теперь уже Ярунчиков в точности и не помнил, по какому поводу, — у них состоялся первый и, надо сказать, единственный колкий разговор.

— Ну, гонорочек-то у тебя, скажу прямо, есть, — откровенно и по-простецки высказал Михеев, не ожидая, должно быть, как вспыхнет от этих слов его заместитель.

— Если сравнивать мой, как вы говорите, гонорочек с вашим, не смягчая, то мой всего лишь выражение обыкновенного человеческого достоинства, — запальчиво отпарировал Ярунчиков.

— Почему такой обидчивый тон? — искренне удивился Михеев. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного, — сдержался Ярунчиков, но, чувствуя, что ответ следует уточнить, намекнул: — Как говорится, «в своем глазу не видят и бревна».

— Бревна? — повторил Михеев. — Знакомое дело. У нас сплавщики на Двине говаривали: «Бревна-толкунцы[2] в плоту что гулливый лоцман на борту: плыли-плясали, челена[3] растеряли, руками замахали». Я это к тому вспомнил, что не грех нам уметь

кое-что примечать в себе вовремя и поправлять. Без толкунца в душе работать. А то, знаешь ли, все у нас вразброд пойдет.

Понял тогда Ярунчиков и присказку, и особенно последние слова начальника о том, что вразброд их отношения никак идти не должны. Надо поступиться личным, теснее сработаться, понимать друг друга. Никита Алексеевич вскоре убедился в незаурядной чекистской смекалке Михеева, в его оперативной смелости, умении без оглядки брать на себя ответственность, завидной простоте в обращении как с начальниками, так и с подчиненными.

Представился случай убедиться Ярунчикову и в отчаянной храбрости Михеева, когда тот сам взялся возглавить опергруппу по захвату одного из видных руководителей ОУНа[4], прибывшего из-за кордона. Операция проходила на заброшенном хуторе возле леса. Плотный ружейный огонь остановил было оперработников, заставил их укрыться. И тут Михеев бросился вперед, к крайнему дому, из-за которого стреляли, начиная отходить к лесу, пятеро оуновцев.

— Вперед! — загремел голос Анатолия Николаевича, жестами показывающего, чтобы чекисты стремились в обход дома, перекрыли выход к лесу.

Трое оуновцев были убиты, двоих обезоружили, в том числе и функционера, пришедшего из-за кордона. Ярунчиков в той операции не участвовал, а когда узнал подробности, заявил Михееву:

— Какая нужда была вам лезть под пули? Никуда бы они не скрылись.

— А если бы воспользовались замешательством и смылись? В любом деле, особенно в нашем, знаешь ли, важно не упустить момент. Вот я и постарался не упустить…

Так Ярунчиков наглядно убеждался в том, что Михеев как чекист и человек обладает способностями, которые заметно превосходят его собственные, хотя тот моложе почти на шесть лет. Потому Ярунчикова и не очень удивило, когда Михеева перевели в Москву на главную должность в армейской контрразведке.

Вот и теперь, прочитав указания Михеева, Ярунчиков в очередной раз почувствовал разницу аналитического мышления. И не щепетильную ревность от волевых слов «требую», «запрещаю» испытал он, а, наоборот, уважительное почтение, представляя себя в рабочем кабинете начальника управления, где был последний раз совсем недавно — ездил в Москву получать награду. Михеев первым поздравил бывшего своего заместителя с орденом «Знак Почета».

И вот теперь предстояло оправдать эту награду делом чрезвычайной важности.

…Вызванные Ярунчиковым оперработники в полном составе прибыли на машине в особый отдел. Стышко и Ништа догадывались о том, зачем потребовались они начальнику — по группе «Выдвиженцы». Плетнев же с Грачевым пока лишь недоумевали, что за нужда была вызывать их спозаранку, да еще в выходной день. В одном все четверо были единодушны: вызвали, — значит, что-то важное, неотложное.

Ярунчиков оглядел вошедших в кабинет, случайно выстроившихся по ранжиру. Высоченный, добродушного вида Грачев оказался крайним справа; рядом с ним, на голову ниже, — сухопарый, с решительным лицом и бойким взглядом Плетнев; возле него — Стышко, одетый в гражданский костюм, простенький, сутуловатый, больше похожий на конторского служащего, чем на кадрового военного. Несколько на отшибе от остальных — разделял приставной столик — держал руки по швам оперуполномоченный Ништа — паренек, да и только, плотненький, с нежной округлостью лица и с мальчишеским чубчиком. Сведя построже жиденькие брови, он не сводил глаз с начальника отдела.

— Рассаживайтесь, товарищи, — предложил Ярунчиков и спросил Стышко: — Из Бровцов вернулись?

— Да. На улице перехватили, сказали, вызываете, — неспешно ответил Василий Макарович.

— Пришлось… Что нового?

— На связь радист не выходил. В Бровцах выявили четверых новоселов. Электрика с подстанции — парень из соседнего села; шофера — женился, переехал к супруге из Лохвицы; учителя физики — перевели из Сенчи…

Ярунчиков заинтересовался:

— Из Сенчи? По какой причине?

— Устанавливаю. Прибыл в ноябре, преподает со второй четверти. Живет одиноко — ему под пятьдесят, снимает полдома у конюха.

— Кто еще? — напомнил о четвертом Ярунчиков.

— Художник, на этюды приехал из Киева. Серьезный интеллигент, степенный, ни с кем не общается, работает. На рассвете уходит к берегу речки и до вечера… — Стышко сделал на узу и особо подчеркнул: — Вторую неделю усердно малюет.

— Вас-то он там поутру, когда уходите, не зарисовал? — спросил Ярунчиков, настороженно сощурив глаза.

— Исключено, — коротко ответил Стышко, добавив: — Хотя

не нравится мне этот художник…

— Ну а мне еще и учитель физики. Перевели из Сенчи. Странно, село из другой области. Веские причины должны быть, скажем престарелые родители или невеста. А он один как перст. Тут надо посмотреть. Но об этом потом, — взял в руки два скрепленных документа Ярунчиков. — Я пригласил вас по очень важному делу, над которым мы начали работать со среды при участии Стышко и Ништы. Чтобы вам все сразу стало ясно, познакомлю с двумя документами…

И он зачитал оперативную сводку особого отдела КОВО на имя начальника управления контрразведки Михеева, а также ответное указание из Москвы. Вопросов не возникло. Изложенное в документах было исчерпывающим. И Ярунчиков высказал свои соображения насчет новой расстановки сил. Четверо оперработников, слушая, мысленно прикидывали каждый свою роль в предстоящем деле.

— Мне думается, — мягко, ни на кого не глядя, заговорил Грачев, — Стышко надо продолжать работу в Бровцах, так сказать, по линии радиста, который, как подчеркнуто, на сегодня самая уязвимая фигура в смысле обнаружения и так далее. Василий Макарович уже освоился там, у него есть кое-какие наметки. А время дорого. Для пользы дела я подключусь…

Ярунчиков взглянул на Плетнева, но тот не заметил проявленного к нему внимания, сидел, облокотись на стол и уперев другую руку в колено, всем своим видом показывая, что готов тут же встать и приняться за дело, которое ему поручат.

— Так и поступим, — наконец согласился Ярунчиков. И добавил без промедления: — Вам, Грачев, прежде всего надо связаться с начальником УНКГБ по Киевской области и решить все вопросы, на которые нацелил товарищ Михеев. Начинайте круглосуточную работу… Стышко, вы отдохните до обеда и отправляйтесь в Бровцы. Постоянно держите меня в курсе… А вы, Плетнев, — обратился он к Дмитрию Дмитриевичу, — сейчас же ознакомьтесь с материалами по штабу округа, которые собрали Стышко с Ништой, обмозгуйте их. Я до полудня должен встретиться с командующим округом. Вернусь, поконкретнее обсудим дополнительные меры по штабу шестой армии. Вероятно, завтра-послезавтра вам придется подъехать во Львов к Моклецову. Посмотрите, что и как у них делается на этот счет, скоординируйте работу. Службой пеленгации и связи я займусь сам. Звоните мне в любое время суток, — Ярунчиков положил руку на телефонный аппарат, — буду на месте. Вопросы есть?.. Все свободны.

Глава 2

За окнами серел рассвет, растворяя тихий, лениво расступающийся мрак.

Михеев глянул на часы. Было без малого половина шестого, а спать уже не хотелось, мысли сразу перенеслись в Киев, в особый отдел округа. Анатолий Николаевич и засыпал с думами о «Выдвиженцах», поздно возвратись домой из управления — специально ездил поговорить с Ярунчиковым по телефону; застав того на месте, в кабинете, посочувствовал даже, что Ярунчикову еще беспокойнее, чем ему самому.

Смутное неудовлетворение мучило Михеева. Он чувствовал какую-то недотяжку в предпринятых мерах по группе «Выдвиженцы». С холодной логикой сапера думал сейчас Михеев о возможных действиях неизвестного радиста, не забывая при этом о том, что даже нелогичные поступки разведчика тоже могут служить удачным защитным прикрытием. Анатолий Николаевич размышлял о неизбежной предосторожности радиста, который постарается выйти на очередной сеанс связи со своим центром в совершенно другом районе, где его не ожидают. Да и в Бровцах ли он осел? А если окрестности Бровцов для него были всего лишь двумя первыми намеченными пунктами связи, а очередной сеанс он может провести откуда угодно, даже из самого Киева? Тогда все предпринятое пойдет насмарку…

Осторожно, чтобы не разбудить жену, Анатолий Николаевич поднялся с постели и вышел в прихожую. По привычке остановился возле полупудовых гантелей, поднял их, до хруста в спине размашисто развел мускулистые руки, отчего еще четче обозначилась выпуклая атлетическая грудь. Но, сделав всего два маха, опустил гантели, пошел в ванную.

«А ведь радист дважды работал возле Бровцов, причем в ночные часы, едва ли он стал бы ездить туда издалека и возвращаться по пустынным дорогам, рискуя быть запеленгованным и схваченным. Какая нужда? Не налицо ли здесь нагловатая самоуверенность немецкой разведки? Тогда наши предположения и принятые меры правильные. Впрочем, в любом случае они на сегодня необходимы…» — обдумывал ситуацию Анатолий Николаевич, окатываясь холодной водой.

Даже стылый душ не охладил сомнений Михеева. Он понимал, что радист не такой уж болван, чтобы глупо рисковать и лезть в совершенно вероятный капкан, когда проще простого подать голос морзянки откуда угодно. А там ищи-свищи. «Что ж, тогда придется идти ва-банк. И сделают это особисты из той

воинской части, ближе к которой окажется радист при запеленговании», — нашел самое простое решение Михеев, испытав при этом не столько удовлетворение, сколько недоумение — как это сразу не пришло ему в голову. Он отложил намыленный помазок, вытер полотенцем лицо, прошел к телефону и позвонил дежурному по управлению, попросил срочно прислать за ним машину.

Брился Анатолий Николаевич старательно, не спеша, без конца поправляя спадающую на лоб прядь мягких русых волос. Они у него были чуток волнистыми, с желтинкой. Исподлобья приглядываясь в зеркало к собственному лицу — гладкому, с тугими скулами, он успевал размышлять. В сознании по частям складывалась шифровка, которую он собирался нынче же послать Ярунчикову:

«В целях надежного выявления радиста… учитывая возможность выхода его иа связь в более отдаленном от Бровцов квадрате, чем предполагается, необходимо привлечь к поиску сотрудников…»

Выпив стакан холодного чая, Михеев направился было будить жену — скоро подымать сына в школу, но тут увидел своего девятилетнего Диму.

— Ты что так рано встал, пап? — сонно морщась, спросил сын, такой же голубоглазый, как и отец, но тощий, длиннолицый, с торчащими в разные стороны жесткими волосами.

— Дела, сынок, — ответил Анатолий Николаевич, с сожалением подумав о том, как мало ему приходится видеться и говорить с Димой. Только в выходной, а на неделе почти не получается. Встает, когда тот уже в школе, а днем, во время своего перерыва с пяти до восьми вечера, успевает пообедать и немного вздремнуть: работа вечером редко укладывается в официальный промежуток до часа ночи, нередко заканчивается на рассвете.

Удовлетворенный ответом отца, Дима подсыпал рыбкам корма, отряхнул руки.

— И у меня первое дело сделано, — авторитетно заключил он.

Оброненная сыном фраза почему-то привязчиво не оставляла Михеева и пока он спускался с третьего этажа по лестнице, и после, когда уже рядом с шофером Капитонычем ехал в машине. На ум пришли прочитанные недавно слова Дзержинского, адресованные жене, где речь шла о воспитании сына:

> «Не тепличным цветком должен стать Ясь. Он должен… в жизни быть способным к борьбе во имя

правды, во имя идеи».

Непоследовательно, лоскутками всплыли в памяти Михеева эпизоды его неуютного детства, скрашенного лишь прелестями таежного леса.

Вырос он на станции Пермилово Северной железной дороги, что на Архангельщине. Рано схоронил отца, в шестнадцать лет, не закончив школы, пошел рабочим на лесозавод, где его вскоре избрали секретарем комсомольской ячейки. Работал и учился на рабфаке. А через два года навсегда расстался с родным домом, добровольцем ушел в армию.

Сейчас Анатолию Николаевичу почему-то вдруг вспомнилась мелководная и петлястая речушка в километре от Пермилово, на которую он с малых лет бегал рыбачить. До сих пор с памятной радостью возвращался домой, ставил на лавку блюдо и неторопливо выкладывал в него из кошелки гладких красноперых язей и голавликов, говорил матери: «Ты всю вари, мам, и пожарь, ужо я еще схожу» или «Дяде Семену отнесла б малость, хворает… Хлебца бы чуток, на него язик моментом берет». А с хлебом было худо, считай, совсем не было хлеба в ту голодную пору начала двадцатых годов.

Но больше всего мальчонка любил лес. С него теперь начинались все светлые воспоминания о детстве, связанные одновременно с бабушкой Аленой, неугомонной, спорой на любое дело труженицей. От нее он научился различать грибы и понимать, какой для чего способней: на варку, на сушку или соление. Приноровился собирать морошку, голубель, чернику самодельными грабельками, похожими на большую ложку с прорезями, только подцепи стебельки снизу, разом чесани и ссыпай пригоршню ягод в туесок. «Молодец!» — бывало, хвалит бабушка Алена. И руки чистые, только губы от пробы синие.

До удивительного отчетливо сохранились в памяти отдельные моменты. Вот он сидит с бабушкой Аленой на бугорке возле родника, та подает ему крынку и раскладывает на тряпицу корявыми, узловатыми пальцами ячменные шаньги, вареную картошку, луковицу, соль, велит ему есть, а сама, прожевав ломоть и запив молоком, причмокивая, достает из кошелки надранную загодя бересту, свой маленький остроносый ножичек, ловко отсекает им продолговатые берестяные дольки, вырезает в них по краям косые пазы, незаметно соединяет их, пробует крепость и говорит:

— Теперь донышко сделаем и крышечку с хвостиком — почитай, табакерка готова.

У нее были припасены из дома и овальные дощечки для

донышек, и полоска черной кожи, которой хватит не на один десяток «хвостиков» для крышек табакерок. Бабушка работала руками, словно вязала, проворно, успевая и есть, и нахваливать лес, деревья, особенно упругую и прочную березу, самую желанную и богатющую из всех других деревьев, у которой и сок сладок, деготь мазок и кора для поделок годна, тут тебе «туесок и лукошко, полезай в окошко». Бабушка любит приговаривать, а сама объясняет внуку тонкости ремесла.

А еще они отправлялись на озеро, срезали тонкий и гибкий лозняк, по две необхватные вязанки приносили каждый домой. Вечерами бабушка Алена с дочерью, матерью Анатолия, плели корзины. Работы хватало и ему: счищал с лозы тонкую зеленую кожицу, обнажая волглую белизну прутка. Понемногу Толя и сам приспособился плести корзины, узорчатые, с такой выдумкой, что даже бабушка Алена всплескивала руками, восхищалась: «Молодец, внучек, схватчиво умом владеешь, узор хитер».

В первую зиму после смерти отца Толя с матерью и бабушкой срядились в артель лес рубить. Тяжело пришлось, когда мороз окреп, снега богато навалило. От удара топор звенел, на сторону скакал, а сверху, с ветвей, ошметки снеговые на голову сыпались, за шиворот набивались. Бабушка бодрит внука, напевно смешинку подпускает: «Не пужай Толю, соснина, помогутней наш детина, ты мальчонке покорись и макушкой поклонись». Когда домой с подряда возвращались, заработки подытожив, бабушка посулила внуку: «Чую, не по годам у тебя, Николаич, отчество к имени приладится».

Потом объявился в доме помощник-мужчина, отчим Кузьма Петрович, слесарь железнодорожных мастерских, который, правда, поначалу не проявил домашнего старания, любил посидеть на лавочке возле дома, пока однажды не получил выговор от бабушки Алены, не выдержавшей пустого времяпровождения новоявленного зятя, в глаза ему бухнула: «Пошто маешься снаружи дома-тё? От людей срамотища. Михеевы сроду об завалинку штаны не терли. Полезайте лучше с глаз долой на печку».

Как же давно Анатолий Николаевич не слышал северного певучего ёканья! Он и сам до поступления курсантом Ленинградской военно-инженерной школы говорил «пойдемтё», «вешайтё». Один из курсантов спародировал его, нараспев лихо продекламировав: «Эх вы, ребята-ребятё, где вы деньги беретё, с чужими гуляетё, своих ненавидитё». Гадать нечего было, кому адресована колкая, вызвавшая смех шутка, но Михеев не выказал ни смущения, ни обиды, а тут же ответил тем же смешливым напевным тоном: «Эх ты, темная деревня, никто замуж не берет.

Прилегла бы под осину, может, заяц подберет».

Ответ был так кстати и метко притерт, что насмешник смущенно умолк. И больше уж никто не смел подтрунивать над Михеевым. Да и он стал следить за своей речью, понемногу исправляя вологодско-архангельский говор.

Бабушку Алену давно схоронили. А мать жила все там же, на станции Пермилово. И Анатолий Николаевич подумал: «Не послать ли к ней Димку на лето? В лесное царство! Пусть наберется силы и ума-разума на земле предков…»

Мысли Михеева перебил шофер, многозначительно произнесший:

— Валерий Чкалов! — и указавший рукой в окно машины.

Анатолий Николаевич сразу не понял, с чего бы это Капитоныч вспомнил Чкалова, да еще показывает, будто увидел его на улице. Оказывается, ехали мимо кинотеатра «Метрополь». На огромном рекламном щите задорно улыбался знаменитый летчик. Шла премьера фильма «Валерий Чкалов».

Михееву представилось живое лицо мужественного пилота, не успевшего облететь вокруг земного «шарика», но сумевшего убедить соотечественников, что кто-то из них непременно сделает это. Мысли о Чкалове каким-то образом напомнили Анатолию Николаевичу вчерашнее сообщение по радио о том, что немецкие самолеты шесть часов подряд бомбили английскую столицу. Шесть часов! Лондон! Он невольно поднял глаза и через ветровое стекло машины увидел в небе свинцовую, с подсиненными закраинами, тучу, но не смог представить вместо нее над Москвой вражеский самолет и бомбы, сыплющиеся с него…

В приемной Михеева встретил дежурный по управлению старший лейтенант госбезопасности Плесцов, такой же крепкий на вид, как и Анатолий Николаевич, только повыше ростом, со слегка откинутой назад кучерявой головой, что придавало ему независимый вид. На его груди сверкал орден Красного Знамени, заслуженный в боях у озера Хасан.

Поздоровавшись, Михеев раскрыл высокую, с массивной бронзовой ручкой дверь своего кабинета и распорядился:

— Свяжите меня с Ярунчиковым.

Окна кабинета выходили на восточную сторону, и сейчас в них уже заглядывало солнце, ярко высвечивая на стене за письменным столом портрет Дзержинского. Обстановка была простой: широкий с гнутыми ножками стол, десятка два стульев вдоль стен, тумбочка с телефонами, сейф в углу и на нем — изящная хромированная модель трехпролетного моста, подаренная Михееву сослуживцами по военно-инженерной

академии два с лишним года назад, когда его провожали на работу в органы госбезопасности.

Достав из сейфа папку с материалами по группе «Выдвиженцы», Михеев сел за стол и сразу склонился над чистым листом бланка с грифом «Совершенно секретно», собираясь писать задуманную дома шифровку для Ярунчикова.

В кабинете появился Плесцов, мягко прошел по ковровой дорожке, положил на стол красную папочку, доложил:

— Шифровка от Ярунчикова, только что получена. Киев сейчас дадут, — и, чуть помедлив, не последует ли каких распоряжений, так же неслышно удалился.

А Михеев уже читал пришедший от Ярунчикова документ, и в его округлившихся глазах и даже на слегка выпяченных пухлых губах все больше отражалось удовлетворение. В документе сообщалось:

> «Осуществляя начатые мероприятия по группе «Выдвиженцы», с учетом данных вами указаний, считаем необходимым привлечь дополнительные чекистские силы для обнаружения радиста в случае его очередного выхода на связь в отдалении от предполагаемых и взятых нами под контроль участков, для чего использовать оперработников из ближайших частей округа. Практически: четкий инструктаж сотрудников, содержание их в готовности на своих местах при части, чтобы при возникшей необходимости, получив конкретную ориентировку после запеленгования радиста, оперативно начать его поиск силами отделов, в зоне которых тот окажется. Прошу санкционировать дополнительные меры, а также возможность задержания радиста иностранной разведки в случае вероятной утраты наблюдения за ним и невозможности негласной установки его личности. Ярунчиков».

Прочитав донесение, Михеев по привычке отбросил чуть свисшую прядь волос, взглянул на белый аппарат телефона. Ему захотелось поговорить с Ярунчиковым и согласиться с его поправкой, о которой они, оказывается, одновременно думали. Впрочем, тут он, пожалуй, опоздал, Никита Алексеевич опередил его. Видать, ночь у того была бессонной.

Телефонистка вызвала Киев. Михеев услышал грудной с нажимом голос:

— Ярунчиков слушает!

— Доброе утро, Никита Алексеевич! Получил я твою бумагу. Своевременное решение насчет дополнительных мер, —

сдержанно одобрил Михеев.

— Спасибо, значит, ставлю это дело на готовность. А как с задержанием?

Михеев чуть помедлил, хотя ответ у него фактически был заготовлен.

— Желательно, сам понимаешь, избежать, — не дал он полного согласия и лишь после этой оговорки добавил: — Если другого выхода не будет, тогда берите и сразу в работу. «Добро» сейчас посылаю тебе. Новенького за ночь, конечно, ничего нет?

— Нет пока…

— Что это у тебя сипловатый голос? Ты, видать, не спал?

— Не спал, — сознался Никита Алексеевич и даже пошутил: — Боялся проспать «Выдвиженцев», а то потом не то что не приляжешь, а и не присядешь.

— Да, дело, сам понимаешь, серьезнейшее, — поддержал Михеев и требовательно добавил: — Только для отдыха находи время. Голова должна быть светлой. До встречи с командующим округом успеешь часок соснуть. Исполняй!

* * *

Почти ежедневно Анатолий Николаевич мысленно успевал побывать в военных округах на западе и на востоке, в южных армиях и на флотах, и уж конечно в Киевском Особом военном округе, напоминающем о себе настойчиво и тревожно. Начавшаяся с февраля интенсивная переброска немецких войск к советской границе дополнялась еще и подозрительной активностью их военной разведки. Агентура, в основном проникшая к нам из-за кордона, занималась не только сбором военной, экономической информации. Обобщенные показания арестованных агентов выявили необычайный интерес абвера к западным военным округам страны. Враг пристально выявлял обстановку в обширной приграничной полосе, спешно обновлял штабные карты, уточняя сельские дороги, мосты на малых реках — их надежность и проходимость, топи и болота, обширные лесные поляны — для вероятной посадки самолетов. Это было уже похоже на практическую цель.

Именно об этом сейчас докладывал Михееву старший батальонный комиссар Пригода — заместитель начальника оперативного отделения управления, только что вернувшийся из командировки с Украины.

Михеев достал из сейфа и развернул во весь стол карту, на которой аккуратными условными треугольничками,

кружочками — черными, красными, синими и зелеными — были обозначены разведывательные и учебные центры абвера, в основном в Польше, а на советской территории — ликвидированные очаги вражеской разведки, активные гнезда оуновского подполья, расчеркнутые стрелками связей, пересекающими кое-где целые области.

Не случайно Михеев командировал в западные военные округа руководящих сотрудников из аппарата управления с заданием разобраться на месте в оперативных делах и обстановке, в целенаправленности чекистской работы и контактах особых отделов с политорганами частей и соединений.

Пригода докладывал:

— Активность абвера возросла. У него больше стало центров армейской разведки, каналов их связей и попыток проникновения через границу, учебных подразделений, в которые вербуют кадры оуновцев, — водил указательным пальцем по карте Михаил Степанович, как бы подчеркивая этим важность сказанного. — За оуновцев надо браться основательно, — сказал он убежденно. — Немцы делают на них серьезную ставку. И украинские националисты угодливо сотрудничают с абвером, поставляют кадры для разведшкол, помогают в переброске агентов, диверсантов. Необходимо глубже знать оуновскую сеть изнутри. Работы уймища, боюсь, что справиться с ней двоим сотрудникам в особом отделе округа — непосильная задача…

Михеев внимательно слушал Пригоду, легонько кивал, соглашался с выводами. Спросил:

— Какие же у вас предложения?

— По-моему, — кашлянув, ответил тот, — необходимость создания нового контрразведывательного отделения настолько ясна, что не требует обсуждения…

— Ясна? Так и говори: «Считаю, надо…» или «Необходимо то-то», — взмахнул широкой ладонью Михеев. — А то дипломатничаешь: «Вопрос настолько прост, что не требует ответа». Мы не на посольском приеме. Понятно?

— Куда понятнее, — сразу откликнулся Пригода, добрея лицом. — Считаю, надо разработать штат нового отделения. С финансами вот только как?

— Готовьте проект приказа, — сказал Михеев. — Что касается финансов, то уже заручился кое-какой поддержкой, а пока, чтобы не терять времени, обойдемся за счет наличных штатных единиц.

Он сложил карту и положил ее в сейф. Присаживаясь к столу, спросил:

— Кого из киевского аппарата вы можете рекомендовать начальником отделения?

— Вполне подойдет старший оперуполномоченный Грачев.

— Грачев, говорите? — задумался Анатолий Николаевич. — Пожалуй… Крепкий мужчина, цепкого ума, похвальной оперативности. Ворчун, правда. Только, думаю, он полезнее будет на посту заместителя. Понимаете почему?

— У заместителя работы больше, — отшутился Пригода.

— И то верно, — поправил упавшую прядь волос Михеев. — На нем будет руководство разведывательной работой в особых отделах армий округа. Думаю, Грачев самая подходящая кандидатура для этого. Тем более опыт уже имеет…

Только теперь Михаил Степанович понял замысел начальника управления во всей полноте. И подумал о том, как это он упустил такое активное звено, действующее непосредственно в приграничной зоне, как особисты армий округа. Им сподручнее работать на месте. И не только выявлять врага, но и проникать в сеть абвера, в его учебные центры.

— Заманчивые перспективы, — заключил Пригода.

Но Михеев выразил неудовлетворение:

— Хвастаться нечем.

Пригода не понял его.

— По хвостам бьем. А нам надо опережать события. Предложений не вижу с мест, продуманной инициативы. Ярунчиков на этот счет не высказывал соображений?

— Нет, разговора не было.

Михеев задумался, постукивая карандашом по столу. Пригода воспользовался паузой, продолжал докладывать:

— Кое-где в штабах неверно понята наша реорганизация, передача особых отделов из подчинения НКВД в Наркомат обороны. Командование частей поручает контрразведчикам всякого рода расследования, вплоть до включения в комиссии по ревизии складов.

— Этого еще не хватало, портянки считать! — изумленно произнес Михеев; в его голосе было и удивление, и недовольство. — Неужели трудно понять, что у контрразведчиков задачи государственной важности! Необходимо срочно разъяснить. Тут, наверное, без наркома и начальника Главного политического управления не обойтись. Кстати, какие отношения и контакты у особистов с политорганами?

Доставая из папки два скрепленных листа, Пригода стал рассказывать, казалось, вовсе не о том, о чем спросил Михеев:

— Отмечается повышенная бдительность красноармейцев. Известно, националисты используют любой подходящий случай для обработки населения, даже военных пытаются вербовать, склоняют к измене Родине. Воины, понятно, наслышаны об этом

и, чуть что подозрительное, вмешиваются, да так рьяно, что порой без кулаков не обходится. В стрелковой дивизии шестой армии подо Львовом, в которой я был, красноармейцы здорово избили «националиста» и приволокли его к комиссару. Оказалось, схваченный всего-навсего болтун. Говорят, это не первый такой случай, потому политуправление округа циркулярно разослало специальное письмо. — Пригода положил перед Михеевым этот документ.

Анатолий Николаевич бегло прочитал начало, где разъяснялась активизация империалистических происков, требующая повышения бдительности, а политработникам предлагалось вести воспитательную работу, чтобы предотвращать недостойные для советских воинов поступки — самосуд, а также подозрительность, граничащую со шпиономанией.

Взяв красный карандаш, Михеев подчеркнул строки в письме, где говорилось об укреплении связи политорганов с особыми отделами. И некоторое время сидел молча. Слишком важный вопрос содержали подчеркнутые строки. Как раз то, на что постоянно обращал внимание особистов Михеев. Ему захотелось, чтобы такое письмо появилось и во всех остальных округах.

— Надо понимать, нет нужного контакта, — сказал Михеев. — Еще мало сотрудники общаются с политруками. А кто, как не те, лучше знает людей. Зачем же особистам игнорировать таких верных помощников? В результате оперработники распыляют свои силы на разбирательства всякого рода недовольств, вызванных какой-нибудь хозяйственной неразворотливостью, а то и головотяпством, что совсем не наше дело. А ведь это отвлекает внимание от борьбы с настоящим врагом.

— Да, случается, что в поломке танка мы склонны видеть вредительство, — подтвердил Пригода.

— Освобождаться нужно от таких работников немедленно с формулировкой «за отсутствием данных для чекистской работы». А как же вы думаете? — Он словно бы обратился ко всем армейским контрразведчикам.

Пригода предложил:

— Это письмо надо бы размножить и разослать опер-составу во все округа.

— Нет, подготовим свое циркулярное письмо. А об этом доложу в Главном политуправлении как об очень своевременном документе, попрошу заострить внимание на укреплении связей штабов с особыми отделами во всех военных округах Красной Армии. — Михеев убрал в ящик привезенный из политуправления КОВО документ. — Письменный отчет по командировке

представьте завтра утром. По Белоруссии данные уже у меня. Картина почти одинаковая. Буду готовить доклад Наркому обороны. Внесем ясность и в характер обязанностей особистов перед командованием.

Пригода снова открыл папку.

— Ну что там у вас еще? — настороженно спросил Михеев.

— Рапорт написал… Прошу направить меня на периферию. Хотелось бы попасть на Украину, — протянул Пригода начальнику листок.

— Рапорт? — сильно удивился Михеев, прочитал его и резко отодвинул. — Да вы что?

Холодная неуступчивость обозначилась в темных глазах Михаила Степановича. Он стоял вполоборота к столу, и Михеев, глядя на замолчавшего старшего батальонного комиссара, на его резко очерченный профиль — высокий, с глубокими залысинами лоб, орлиный нос, тугой подбородок, сказал резко:

— Вы ястребом не смотрите, не отпущу! Видите ли, на Украину ему захотелось! А здесь что, чиновничья служба? Я сам, может, мосты строить хочу!

— Я хотел сказать, что мне больше по душе практическая работа.

— Что к чему: каша к молоку, лес к топору, шея к кулаку, — вспомнилась Михееву давнишняя поговорка; он произнес ее мягко, уступчиво, продолжая: — Желание работать в частях, в сложной обстановке — похвально. И у вас это стремление, я знаю, не ново. Вы ведь разок уже подавали подобный рапорт.

Михаил Степанович согласно кивнул.

— Мне также известно, что на финском фронте в позапрошлом году вы действовали как рядовой разведчик: ползали за передний край, ходили в атаку, доставляли боеприпасы. Верно меня информировали чекисты-фронтовики?

Придя на работу в органы контрразведки после окончания Ленинградского военно-политического училища имени Ф. Энгельса, Пригода около года проработал в НКВД СССР, а во время войны с белофиннами ушел на фронт начальником особого отдела стрелковой дивизии.

— А вы не скромничайте, поподробнее расскажите, — нетерпеливо потребовал Михеев.

— Одно время, помню, житья не было от лыжного отряда белофиннов, — усмехнулся Пригода. — То заминируют дорогу, то связь порушат, то кого-то подстрелят… Под носом шныряли. Диверсионная группа! Так это же, думаю, моя кровная обязанность заняться ею.

— Ну это вы сейчас придумали. Сознавайтесь, кровь

взыграла, не усидел, в драку полез.

— Полез, — признался Михаил Степанович. — Взял десятка два хороших лыжников из роты пограничников — они подчинялись мне — и устроил засады. Пришли, долгожданные, и, конечно, — он указательным пальцем черкнул в воздухе крест, — не ушли. Между прочим, лыжники-диверсанты оказались полицейскими и жандармами. Тут уж считайте как хотите, а не случайно меня против них потянуло…

— А боеприпасы доставляли попавшим в окружение?

— Было такое, — признал Пригода. — Считал долгом контрразведчика находиться там, где самая сложная обстановка.

Лишь теперь Михеев спросил о том, ради чего затеял весь этот разговор.

— Какое у вас, Михаил Степанович, сложилось мнение о работе особых отделов в боевых условиях?

Задумываться Пригоде не нужно было. После возвращения с фронта он изложил свое мнение в рапорте руководству особого отдела НКВД СССР, где подчеркнул, что контрразведчики вросли в армейские части и соединения, что их деятельность жизненно необходима и чем активнее сотрудники особого отдела опираются на помощь политорганов и командования, тем успешнее они работают.

Так он и сказал сейчас Михееву, добавив:

— Что же касается поведения особистов в условиях боя, то они, если понадобится, должны суметь стать и боевыми командирами, и бесстрашными политработниками.

— Согласен, Михаил Степанович, целиком согласен, — буквально вырвалось у Михеева. Он был удовлетворен тем, что подтверждалось его собственное представление о роли чекиста в бою. Потому и обязывал всех заниматься боевой подготовкой «неотложно и всерьез!».

— А как же мой рапорт? — напомнил Пригода.

Михеев недолго думал, придвинул к себе лист, исписанный закорючистым почерком. Еще раз внимательно прочитал рапорт, а рука привычно потянулась за красным, остро заточенным карандашом.

— Поедете во Львов, в шестую армию, заместителем начальника особого отдела, — сказал наконец он и аккуратно вывел в левом уголке листа это свое решение. Пояснил: — На острейший участок отпускаю. Да ведь вы и сами знаете.

— Знаю!.. — твердо произнес Пригода. — Впору хоть сейчас вылететь туда.

— А вы и не тяните, — посоветовал Михеев. — Передайте дела начальнику отделения и послезавтра утром вылетайте.

Глава 3

Дмитрий Дмитриевич Плетнев относился к редкой категории людей, в которых странным образом уживались две совершенно противоположные натуры. Непоседливый, порывистый, порой даже взрывной и резкий, он становился неузнаваемым, когда садился за оперативные документы, мог проработать неотрывно весь день, а то и ночь, не напомни ему кто-нибудь, что пора поесть и отдохнуть, но и тогда он, не поднимая головы, поморщится, отмахнется рукой, неразборчиво пробормочет: «Сейчас, сейчас, погодите…» И продолжит свое занятие.

Плетнев считался в отделе одним из самых опытных чекистов. Он начинал помощником оперуполномоченного ОГПУ в двадцатые годы у себя на родине, в городе Ош, что в Киргизии, где успел постоять грудью за Советскую власть в разгар борьбы с басмачами. Тогда он едва не погиб, схваченный всадниками юзбаши[5] Кытанбека при выполнении оперативного задания, но сумел бежать из-под замка и охраны: помог старый киргиз Исмаил из кишлака Коджар. И теперь, когда случалось ему встретить казаха или киргиза, сиял весь и наговориться не мог на их родном языке.

В любом оперативном деле Плетнев, не проявляя внешней спешки, перевоплощаясь в человека исключительного спокойствия и выдержки, без шума и суеты привлекал нужные источники информации, брал под контроль все, что мало-мальски и даже косвенно могло иметь причастность к разрешаемой контрразведывательной задаче со многими неизвестными, по принципам набирая ту фактуру, из которой он кропотливо выцеживал заслуживающие внимания факты.

Не прошло и двух суток с того момента, как Плетнев подключился к работе по группе «Выдвиженцы», а он с помощью оперуполномоченного Ништы успел закончить подготовительную работу, перелистав столько бумаг, что и сам бы затруднился ответить, сколько их прошло через его руки. Тут были и указания Наркомата обороны, и приказы командующего округом за последние три месяца, и переписка с частями округа..

Казалось, что можно было найти в этих бумагах? Какая фраза в указаниях НКО военному округу могла сослужить пользу в разоблачении агента иностранной разведки? Но Плетнев знал, что искал. В распоряжениях из Москвы имелись куда более важные сведения, чем те, которые переданы агентом «673» в радиошифровке. Следовало полагать, что шпион не имел к ним доступа. При этом появлялась уверенность, что утечки сведений

раньше не было. Лица, ознакомленные с документами центрального аппарата, значились пофамильно на каждом из них, что подтверждалось подписью и датой.

На документах, датированных началом апреля, появились новые фамилии: майора Мохова, капитана Есипенко, старшего лейтенанта Рублевского, капитана Кукина. Читая приказы командующего округом, Плетнев снова встретил эти фамилии, и ему стало ясно, что все четверо командиров недавно переведены работать в штаб округа из 5, 6 и 12-й армий. В переписке с частями и соединениями Плетнев нашел и четыре распоряжения, подписанные начальником штаба КОВО генерал-лейтенантом Пуркаевым, в которых предлагалось подобрать по одному кандидату в армиях для использования в оперативном и разведывательном отделах штаба округа.

Майор Мохов и капитан Есипенко сразу же выпали из поля зрения Плетнева. Они работали в разведотделе и к документу о передислокации отношения не имели. Оставались Рублевский и Кукин, получившие назначение в оперативный отдел. На этих лицах и сосредоточил внимание Дмитрий Дмитриевич.

Тридцатидвухлетний капитан Кукин, член ВКП(б), сибиряк, родом из Нарыма Томской области, вел род от таежных охотников и не без гордости в автобиографии причислял к ним себя, хотя с восемнадцати лет служил в армии, окончил командную школу РККА. Во время боев с белофиннами, являясь начальником штаба отдельного лыжного батальона, проявил храбрость — награжден медалью «За отвагу». В 12-й армии КОВО с января прошлого года, работал в штабе дивизии. По службе характеризуется положительно. Женат, имеет двоих детей.

Прочитав справку о Кукине, Плетнев погладил колючий подбородок, с улыбкой качнул головой, видать, этот капитан ему понравился, и стал знакомиться с данными о Рублевском.

Старшему лейтенанту Рублевскому шел двадцать шестой год, он был беспартийным, родился на Украине, в Тернополе, в семье служащего. Отец с матерью погибли в конце первой мировой войны, а где и при каких обстоятельствах — Рублевский не указал. Воспитывался у тетки, закончил девятилетку, но дальше учиться не стал: тетка умерла, и он поступил в фотографию учеником ретушера, освоил фотодело, но пришло время идти служить в армию. Его зачислили писарем, а использовали по редкой специальности — фотографом. Службу закончил отделенным командиром с треугольничками в петлицах — учил своему ремеслу группу красноармейцев.

«Пришло время увольняться, — писал в

автобиографии Рублевский, — а ехать было некуда и не к кому. Я полюбил военную службу и подал рапорт с просьбой направить учиться на среднего командира РККА. Закончил Киевское артиллерийское училище. С 1938 года прохожу службу в частях КОВО».

Прервав чтение, Плетнев сказал Ниште:

— Надо проверить место рождения Рублевского, кто были его родители, действительно ли погибли. Тут неясно что-то. — И он снова углубился в справку, прослеживая этапы жизни Рублевского, в которой бесспорной была лишь служба в армии. Почему-то он ничего не написал про обстоятельства гибели родителей, связывая их потерю с таким событием, как первая мировая война. О себе, однако, сделал довольно чувствительное уточнение: «ехать было некуда и не к кому», «полюбил военную службу», вроде бы постарался подчеркнуть свое круглое сиротство. Что же, бывает… Надо понимать, если бы не смерть тетки, он бы продолжал учиться. Выходит, в достатке жили. Значит, после тетки что-то осталось. Почему же тогда, отслужив, «вернуться было некуда»? Да и специальность денежную имел…

Плетнев сидел, обхватив голову ладонями, чувствуя потерю ясности мышления, понял, что сильно устал, необходимо прерваться, выйти на свежий воздух.

— Петр Лукич! В штаб больше не ходи, — сказал он Ниште. — Я сам продолжу. Сейчас же поезжай в Тернополь и найди в архиве подтверждение того, что Рублевский действительно там родился шестого октября пятнадцатого года. Если не окажется такой записи, просмотри архивные книги учета сплошняком за четырнадцатый и шестнадцатый годы. В таком случае обратись там к начальнику управления НКГБ, тебе дадут в помощь сотрудника, мы созвонимся и договоримся. В книге записей о рождении указываются данные о родителях. Все выпиши.

— Ясно, еду, — поднялся Ништа, — попробую и фотографию установить, в которой работал Рублевский.

— Попытайся. И учти, что в ту пору встречались частные фотографии, — подсказал Плетнев. — Заодно выясни, проживает ли в Тернополе кто-нибудь по фамилии Рублевский, нет ли на них чего-нибудь в управлении НКГБ с тех лет, скажем после революции, в гражданскую войну. Любую самодеятельность запрещаю. Если что возникнет непонятное, новое, звони мне или начальнику отдела. Поедешь на машине, скорее будет. А я во Львов слётаю, о Рублевском поспрошаю, как он там служил, в штабе армии.

* * *

Работавший в Бровцах художник простудился и второй день не выходил из дома. Он даже не пошел к врачу, а послал за ним хозяйскую девчонку, слег по-настоящему, с высокой температурой. Днем к художнику приехала жена и увезла мужа домой, в Киев. Кроме мольберта, ящика с красками и завернутых в холстину рамок с этюдами, в руках у них ничего не было.

Стышко сразу решить не мог, упростило задачу это обстоятельство или усложнило. Но, поразмыслив, решил, что упростило. Как бы то ни было, один подозреваемый уходил из-под наблюдения в Бровцах, за ним теперь присмотрят в Киеве.

Мысли Василия Макаровича перекинулись на учителя Хопека, привлекавшего внимание чекиста больше, чем художник. Стало известно, что Хопек, чех по национальности, родился в 1894 году в местечке Лучаны под Белой Церковью в состоятельной семье — отец служил управляющим имением. Закончив гимназию, Хопек пошел учиться в политехнический институт, но начавшаяся мировая война помешала учебе, юношу призвали вольноопределяющимся в артиллерийский полк, где тот проявил склонность к изобретательству. Попав на фронте под газовую атаку немцев, Хопек якобы едва остался в живых — спасла перемена ветра. После этого у него зародилась мысль создать новый газовый баллон. Продумав его конструкцию, он оформил чертежи и представил их высшему начальству. Но проект Хопека перечеркнула резолюция: «Не его дело». Спустя некоторое время Хопека все же перевели в артиллерийские мастерские, дали ему возможность сделать свой баллон, но война закончилась, и осуществить задуманное не удалось.

Хопек рассказывал об этом случае коллегам в сенчанской школе, и необычный эпизод запомнился. Вообще же, судя по анкетным данным, в жизни Хопека ничего примечательного не было. После революции он стал преподавать в сельской школе, об изобретательстве больше не помышлял, но любил создавать действующие модели всевозможных электрофизических приборов, собирал их старательно, умело. Школа, в которой он работал, не нуждалась в наглядных пособиях по физике.

«Он и передатчик сварганит в два счета», — размышлял Стышко, сидя у окна и поглядывая на дом, в котором шил Хопек. Василий Макарович поселился напротив у колхозного садовника, седобородого кряжистого старика с почетным прошлым — воевал у Котовского, в число первых организовывал колхоз и бессменно избирался членом сельсовета. Стышко отметил для себя завидную степенность и немногословие садовника, потому без опаски

сообщил ему в общих словах причину своего появления в Бровцах, предупредив при этом:

— Напраслину чтоб не возвести на человека, попрошу никому ни слова, даже своей жене. А то дело такое — и спугнуть можно… Ей скажите, что я… журналист, допустим. Да и другим тоже. Так будет лучше. А сами по-соседски наведайтесь за чем-нибудь к конюху, неплохо бы осторожно, между прочим узнать, как живет их бирюк-квартирант, бывает ли кто у него.

Утром Хопек уходил на занятия в школу, следом покидал дом и Стышко. Из чекистов он встречался только с Грачевым, приехавшим в составе бригады ремонтников телеграфно-телефонной связи, среди которых настоящим специалистом был только один человек — радиотехник особого отдела, обеспечивающий связь чекистской группы с Ярунчиковым и начальником станции пеленгации. «Связисты-ремонтники» находились и в Бровцах, и на столбовой дороге.

Стышко поневоле вошел в роль журналиста, между делом интересовался готовностью к полевым работам в колхозе, а дома у садовника для видимости начал писать подобие очерка под названием «Весна в Бровцах». Но дальше описания природы не двинулся ни на строчку, подумал: «Закончим с «Выдвиженцами», возьмусь-ка и опишу все без придумок, как было, расскажу о поимке шпионов… Только как же без выдумки-то? Сижу вот фантазирую: чи тут прячется радист, чи в Киев смотался, а может, и уже черт-те где прохлаждается. А ты, как сова, таращишь глаза на чужие окна…»

Между тем начинало темнеть. В окне у Хопека появился свет. Василий Макарович мысленно представил грузного, на коротких ногах, учителя физики, всмотрелся в его полное, одутловатое лицо с полукружием синеватых мешочков под глазами, очень желая знать, что у того на уме и чем он сейчас занят.

Василий Макарович знал — сообщил садовник, — что Хопек вечерами возится со своими поделками. Из прежней школы в Сенче он ничего не забрал из сделанного собственными руками, и там с уважением вспоминают о нем. В новую школу в Бровцы вместе с ним кроме похвалы странным образом пришло еще и нелестное прозвище «человек в футляре». Хопек действительно мог напоминать чеховского Беликова. Воротник его пальто был всегда поднят, уши шапки опущены, а с валенок он не снимал калоши. Если к этому еще добавить очки, трость с набалдашником и огромный кожаный портфель с одним уцелевшим металлическим угольничком, можно понять, почему ученики так прозвали своего педагога. Хопек к тому же был малообщительным, дружбы ни с кем не заводил. Он даже дома

держался замкнуто, но хозяйка-старушка слышала вечерами, как ее постоялец мурлычет песни, какие-то тягучие и гнусавые — слов не разобрать.

«Не такой он уж сухарь, как видится, — вклинилась она в разговор, затеянный садовником. — Мужик он самостоятельный, еще в силе, а то, что один-одинешенек, то само собой — временно. К какой-то крале стал с темнотой ездить на своем дыр-дыр-дыр, аж в полночь заявляется. Скрытничает, а чего? Штука житейская».

Новость о поздних поездках Хопека и его возвращении домой за полночь, конечно, очень заинтересовала Стышко, и теперь он подолгу ожидал появления учителя на мотоцикле, о существовании которого как-то не привелось раньше узнать. Василий Макарович и услышал-то об этом с недоверием. «Человек в футляре» — и вдруг на мотоцикле. Попробуй тут суди… Впрочем, Хопек ездит, как говорит старушка, с темнотой, чтобы люди не видели, вроде бы избегает огласки. А какой? Если у него где-то неподалеку есть знакомая женщина, почему же он просидел дома весь выходной день? Куда, однако, он ездит? С кем встречается? В какие дни он уезжал? А может, у него в среду очередное свидание «в установленном режиме»?

Совсем стемнело, и Василий Макарович вышел на улицу. На это время была условлена встреча с Грачевым.

Но они еще не успели сойтись, когда Василий Макарович услышал позади треск мотоцикла. Мотор сразу заработал ровно, уверенно, сверкнула фара, яркий луч описал полудугу и, высветив дорогу на восток, закачался, удаляясь.

Грачев сразу повернул обратно, шел так быстро, что Стышко пришлось пробежаться, чтобы догнать его. А когда поравнялся с ним, услышал торопливое, но четкое:

— Оставайтесь на месте, займите позицию на задах двора. В оба смотрите, когда вернется Хопек, возьмет ли что в дом из мотоцикла или во дворе чего-нибудь спрячет. Поняли?

— Понял, Мирон Петрович, — откликнулся Стышко и недоуменно напомнил: — А кто за ним?

— Присмотрят и за ним… Только предупрежу по рации, чтобы там, впереди, наши проследили, куда он направился, и передали с рук на руки, вернее, с глазу на глаз… Ты потеплее оденься, а то, чего доброго, до утра придется прождать.

Василий Макарович понемногу начал отставать, потом повернулся и пошел обратно. Он был уверен, что начиналось то главное, от которого зависит раскрутка всего клубка группы «Выдвиженцы».

* * *

Плетнев вошел к начальнику отдела насупленный, плотно сжав губы. При этом Ярунчиков заметил, что его впалые щеки чисто выбриты — запахло одеколоном, видно, пришел прямо из парикмахерской.

— Ну что у вас? — не вынес паузы бригадный комиссар. — Какие новости?

— Выяснили, что Рублевский вовсе не Рубле… а Врублевский, — махнул кистью руки, будто сбросил косточки со счетов, Плетнев. — Остальное — время и место рождения — указано им точно. Родители — мещане, православные, сам он крещен в церкви… словом, такая запись есть в книге…

— Чем же вы недовольны? — шевельнул густыми бровями Ярунчиков. — Одна буква «В» что-то значит, Она может оказаться бесценной.

— Я и ценю, — раскрыл наконец папку Плетнев, пошуршал бумагами и положил перед Ярунчиковым нужный лист. — В Тернополе сейчас ни Рублевские, ни Врублевские не проживают. Но нашлись вот такие сведения, — указал он на представленную справку. — В архиве управления госбезопасности значится петлюровец Врублевский, заметьте, зверствовал с бандой как раз на Тернопольщине. Ни имени, ни других данных нет. Банда была разгромлена, считают, убит и сам Врублевский.

— Да, но среди убитых, пишут, труп Врублевского не был обнаружен, — уточнил Ярунчиков, продолжая читать документ.

— Там в конце сказано: «возможно, был изрублен до неузнаваемости», — пояснил Плетнев. — Считаю, сейчас нам копаться в родстве — он петлюровец или нет — не стоит. В Тернополе этим займутся. Думаю, была серьезная причина исказить фамилию. Заметьте, в армию он пошел уже Рублевским.

— Да, конечно… — задумчиво согласился Ярунчиков. — А что нового по обнаруженным связям?

— Не ясны пока связи. Короткие контакты были, считаем, случайные, в магазине, на улице старичок прикурить попросил, на автобусной остановке. Рублевский купил абажур, выключатели, обживает новую квартиру… Тут все нормально. И во Львове новостей не густо… Но есть такая деталь. Документ о передислокации полка и дивизии проходил через Рублевского, он же готовил и два проекта приказа, причем это были последние бумаги, которые исполнял старший лейтенант перед откомандированием сюда, в Киев.

— Кто его рекомендовал? — спросил Ярунчиков, по достоинству оценив услышанную подробность.

Плетневу нечего было ответить на этот вопрос, хотя он и пытался выяснить это в разговоре с начальником особого отдела 6-й армии Моклецовым, но тот лишь пожал плечами. Рублевский выпал из поля зрения армейских чекистов, потому что был откомандирован к новому месту службы. Так и доложил Плетнев бригадному комиссару, добавив:

— Моклецов, конечно, расстроился до пота, красную шею платком трет. Чувствует, проморгали. Сразу же начал заниматься Рублевским, наверное, вот-вот начнет докладывать нам.

— Поздно почувствовал… — нахмурился Ярунчиков. Он посмотрел на часы. — Что-то Грачева нет, звонил, сказал — выезжает… Ох как нужен выход на радиста!

* * *

…Мирон Петрович Грачев в это время подъезжал из Бровцов к Киеву, дремотно поглядывая на дорогу. Ему чуток нездоровилось, побаливала голова, без конца чихал, перестав уже клясть бестолковую ночь — продрог в сырой рощице близ села Яблоневка, в котором остановился Хопек. Это километрах в пятнадцати от Бровцов. Чуть ли не до рассвета проторчал гулена чех у вдовой хохлушки и преспокойно вернулся домой досыпать. Мотоцикл оставил во дворе, в дом ничего не заносил.

И все-таки большого огорчения после безрезультатной ночи Грачев не испытывал. Данные о том, что Хопек лишь в последнее время поздними вечерами стал исчезать из дома, соответствовали подозрениям чекистов и начинали подтверждаться. Ну а интимная связь с женщиной могла служить для него всего лишь прикрытием. Не пропустил Грачев и такую важную деталь, как выход радиста на связь из участка, который находился как раз в створе между Бровцами и Яблоневкой.

«Да-а, выйди он ночью на связь, прищучили бы стукача, — думалось Мирону Петровичу. — Но ничего, мы тоже провели что-то вроде генеральной репетиции, наладили четкую свою связь. Не думали только, что до утра промаринует на холоде…» Он громко чихнул раз, другой, чертыхнулся, потирая переносицу.

До особого отдела оставался один поворот — налево. А если повернуть направо — там дом Грачева. Мирон Петрович всматривался в спокойные, свежие лица прохожих и ухмыльнулся своей мысли: «Живут же люди…»

Глава 4

Редкий день в вечерние часы Михеев не посещал один из своих отделов. Без начальства он не скучал — виделся при ежедневных докладах, а к оперативным работникам заходил поочередно то к одному, то к другому, расспрашивал о конкретных делах, интересовался житейскими — потому-то за короткий срок довольно прилично узнал своих подчиненных по центральному аппарату. После каждой из таких встреч в его блокноте появлялась запись-памятка.

Записки эти были самыми разнообразными, вроде таких вот:

«Резерв на выдвижение».

«Петров — семья».

«Боевая подготовка. Стрельбы».

«Машинистка. Болен сын. Костный туберкулез ноги. Санаторий».

«Место чекиста в бою…»

Недавний разговор Михеева с Пригодой о роли чекиста во фронтовой обстановке возник не сам по себе, а был результатом нескольких бесед Анатолия Николаевича с сотрудниками управления, которым довелось участвовать в боях. Сказывалась армейская, строевая закваска Михеева, он на лету схватывал смысл услышанного. Немалую пользу сыграла и учеба в военно-инженерной академии. Напряженная политическая обстановка, явные военные приготовления гитлеровской Германии возле наших границ вынуждали его думать и о работе особых отделов в случае развязывания войны.

Михееву вспоминался случай, происшедший со старшим оперуполномоченным Плесцовым, очень уж созвучный его сегодняшним заботам. Анатолий Николаевич не только уважал старшего лейтенанта госбезопасности Плесцова за героизм, проявленный в боях у озера Хасан, но искренне симпатизировал этому умному, интеллигентному человеку.

В недавнем прошлом политработник, Плесцов хорошо знал армейскую жизнь, любил и умел работать с людьми. При этом он старался осмыслить многие насущные проблемы, посылал в армейскую газету статьи и очерки. Когда Плесцову предложили работать в органах госбезопасности, он не без удивления, но и не колеблясь, согласился. Его направили в особый отдел Дальневосточной армии. Работа в армейской контрразведке оказалась сложной, но увлекательной и творческой: она

оправдала надежды Ивана Михайловича; только, правда, поначалу начальник отдела указывал Плесцову на то, что он иногда забывается, превращаясь из особиста в лектора-пропагандиста.

— Я был и остался политработником, — убежденно заявлял Плесцов.

— Разумеется, — соглашался с ним начальник отдела. — Но вы теперь контрразведчик, а не пропагандист. Для пропаганды и агитации у нас в армии достаточно опытных кадров.

— Ко мне же обращаются с вопросами, и я обязан дать исчерпывающий ответ, — не возражал, а объяснял Плесцов и удивлялся: — Как же иначе-то с людьми? Без них я на отшибе окажусь. Наша сила в живом общении, а не в молчании. Так я мыслю свою задачу, в совокупности со страстностью, непримиримостью.

— Но для этого вовсе не обязательно читать лекции, — не отступал начальник. — Не забывайте о своих основных обязанностях.

Плесцов не забывал, однако выговор заработал…

Это произошло августовским утром 1938 года во время отражения японского нападения у озера Хасан. В тяжелом бою возле сопки Заозерной оперуполномоченный Плесцов поднял в контратаку стрелковую роту — командир ее погиб — и отогнал японцев на их прежние позиции. Однако случилось так, что враг расчленил фланги и Плесцов с бойцами оказался в окружении. Он приказал занять круговую оборону на сопке. Бились весь день. Несли потери. Кончились патроны. Плесцов мотался с одного места на другое: тут стрелял из замолчавшего пулемета, там бросался в атаку с группой красноармейцев, чтобы сбить вплотную подобравшихся самураев, а отогнав их, успел с бойцами подобрать брошенный вражеский пулемет и коробки с патронами, крайне выручившие их потом. И всюду Плесцов подбадривал бойцов, находил шутку: «Что такое самурай? Это значит хочет сам в рай. Помочь ему надо».

Трудно сказать, чем бы закончилась для остатков роты схватка в окружении, если бы к вечеру не подоспели свои. Японцы отступили.

Начальник особого отдела посчитал, что Плесцов полез не в свои сани, попал в окружение и вполне мог очутиться в плену. Последнее особенно возмущало его. Ранение Плесцова в бою смягчило наказание, которое начальнику отдела вскоре пришлось отменить: командование Дальневосточной армии представило оперуполномоченного Плесцова к правительственной награде, и ему был вручен орден боевого Красного Знамени.

Михеев узнал эту историю недавно, знакомясь с Плесцовым, прибывшим из высшей школы НКВД. Прочитав личное дело Плесцова, Михеев одобрил и стиль его работы, и похвальную храбрость в бою. Но при этом все же заметил: «Однако забывать о своем основном назначении ни при каких обстоятельствах нельзя. В этом ваш бывший начальник отдела прав».

Нынче Михееву снова захотелось повидать Плесцова. В прошлый раз им не удалось поговорить как следует, и теперь Михеев чувствовал потребность завершить разговор. Да и надо было узнать, как обстоят дела с занятиями по боевой подготовке сотрудников управления, проследить за которыми он поручил лично Ивану Михайловичу.

— Посещаемость стопроцентная, за исключением больных, командированных и занятых неотложными делами с разрешения руководства, — доложил Плесцов.

— Дайте-ка мне списочек этих освобожденных от занятий. Кстати, что у нас запланировано на понедельник?

— Утром два часа обзорная лекция по Боевому уставу пехоты — часть вторая, — ответил Плесцов. — На следующей неделе — продолжение. Читает преподаватель тактики…

— Почему, однако, по второй части, а не по первой? — недоуменно спросил Михеев.

— Все-таки нам не очень удобно… — замялся Плесцов.

— Ах вот в чем дело, — догадался Михеев. — Шпалы в петлицах не позволяют изучать обязанности бойца, тонкости тактики взвода и роты, масштаб мелковат. Нам, значит, подавай посолиднее: полк, дивизию!

— Тут я оплошал, — честно признался Плесцов. — Преподаватель, видимо, так и решил, как вы сказали. А я не стал возражать.

— Передайте мои слова про то, что чекистам не помешает и первая часть устава, не всем приходилось командовать взводом и ротой.

— Хорошо, я поправлю положение.

— Запланируйте и мою лекцию «Оборонительные сооружения». Меня ведь после академии рекомендовали начальником инженерной службы дивизии, — уважительно к должности сообщил Михеев и задумчиво, словно для самого себя, заключил: — Я ничего не забыл.

Потом он неожиданно спросил Плесцова:

— Где должен находиться оперработник во время наступления, допустим, обслуживаемого им полка?

— Он должен, по возможности, способствовать успешному решению боевой задачи.

— А конкретнее?

— Его место и возле командира полка, в штабе, и в передовых подразделениях, и, конечно, там, где случилась заминка.

— Как же ему успеть и там и сям?

Плесцов не задумывался:

— Он должен везде поспевать, на то он и зовется оперативным работником.

— А в оборонительных порядках?

— Прежде там, где труднее всего, — с нажимом сказал Иван Михайлович, и глаза его сверкнули — вспомнился неравный бой у Хасана.

Но Михеева интересовал уже другой, щекотливый, как ему думалось, вопрос:

— Ну а при вынужденном отступлении?

Склонив голову, Плесцов с хитринкой в глазах усмехнулся:

— Мы этого не проходили. Да и нет у особистов такого устава, как Боевой устав пехоты. А вообще-то подобное руководство нужно бы. Боевой устав чекиста! А сокращенно — БУЧ, — поморщился Плесцов. — Не очень звучно выходит. Тогда вернее будет создать боевое руководство для чекиста. Вот там бы я и записал: «При прорыве обороны противником и вынужденном отходе оперработник обязан предотвратить панику, бегство, разброд. Он имеет право лишь на организованный отход в боевых порядках. В любом случае он должен показывать личный пример стойкости и мужества».

Михеев с интересом слушал подчиненного, безоговорочно приняв его толковую и своевременную мысль о создании продуманного боевого руководства для армейских чекистов. Это руководство должно разъяснить особистам их роль и задачи в бою, четко определить права и обязанности.

А Плесцов завершил разговор словами:

— Армейский чекист в критический момент боя должен уметь заменить выбывшего из строя командира, не говоря уже о политруке.

После Плесцова Михеев заглянул к старшему лейтенанту госбезопасности Петрову. Тот вскочил из-за стола, едва не уронив стул.

— Добрый вечер! Вы что так резво? Нервишки? — улыбнулся Михеев и повел носом: — А накурено-то…

— Неожиданно вы появились как-то, — потянулся открыть форточку низкорослый Петров, а Михеев покосился на розовую, с двумя тугими складками, мощную шею бывшего танкиста. А тот

уточнил: — Нервишки пока в порядке.

— Ой ли? Какой-то вы взъерошенный… — укоризненно произнес Михеев, садясь к столу.

Он заметил усталую серость лица сотрудника и тайную грусть в глазах. Анатолий Николаевич слышал о неполадках в семье Петрова, даже взял себе на заметку при случае поговорить с ним, но подходящего момента все не возникало. Странно ему было видеть сумрачный и какой-то хворый вид этого обычно бойкого, задорного чекиста. При встрече с ним сотрудники иногда шутливо и вместе с тем уважительно обращались: «Ну как, порядок в танковых войсках?» В ответ раздавалось неизменное: «Броня крепка!» Но недавно Петров явно стал сдавать.

— Ну что там у вас с этим Файфилевичем? — спросил Михеев о разыскиваемом агенте абвера, у которого не было точно установленного отчества. Было известно, что Криницкий Ян Файфилевич или Фийфилевич, в возрасте около тридцати лет, уроженец Харькова, закончил разведшколу абвера и в феврале заброшен на Украину. Старший брат Яна Криницкого служит в Красной Армии, майор. Это все, что показал на него другой агент, однокурсник по разведшколе, заброшенный в Белоруссию и разоблаченный советской контрразведкой. Петров разыскал майора Криницкого Густава Файфилевича в Приволжском военном округе. Есть ли у него брат Ян — предстояло выяснить.

Петров достал маленькую с уголком фотографию, протянул Михееву:

— Вот он, Ян Файфилевич Криницкий. Живет в Днепропетровске. Установить не стоило хлопот. Его брат, майор, недавно приезжал на похороны матери.

— Частенько все завершенное кажется простым и быстрым… — заметил Михеев, возвращая фотографию. — Неприятная физиономия. Посылайте на опознание. Думаю, что тот, кого мы ищем. Редкое отчество, ни разу не слышал такого. Вы молодцом, товарищ Петров!

— Послал уже увеличенный снимок, — польщенный похвалой, сообщил старший лейтенант.

— Ну а почему в Приволжском округе наши бдительные коллеги не занялись розыском Криницкого? Его брат — майор у них служит, за ниточку-то им спервоначала следовало ухватиться.

— Не успели, сменился у них уполномоченный, — попытался выгородить коллег Петров.

— Слабо, наверно, работа поставлена, вот в чем секрет. Надо поинтересоваться, как в других особых отделах с этим обстоит, — больше для себя, чем для собеседника, сделал вывод Михеев, не отводя глаз от лица Петрова, и неожиданно для того участливо

поинтересовался: — Что-нибудь случилось? У вас нездоровый вид.

Петров подтянулся, его мощная шея напряглась; он настороженно посмотрел в ожидающие глаза начальника управления, но уловил в них сочувствие и желание помочь.

— Не выспался сегодня… — начал было издалека, но, не умея скрытничать, ответил напрямую: — С женой у меня неладно. Сначала обижалась на то, что меня постоянно нет дома, говорила, у всех мужья как мужья, а ты спать только приходишь. Потом и вовсе другую методу избрала, — махнул он рукой.

— Какую же?

— Позже меня домой приходить стала. Разодетая, навеселе, довольная… То у подруги, говорит, засиделась, то в театре… Прошлой ночью пришла почти в два часа. Говорит, меня ходила встречать. Сама расфуфыренная, и винцом от нее попахивает.

— А что вообще-то она хочет?.. Сколько вы с ней живете?

— Седьмой год. Она, по-моему, сама не знает, чего хочет. Я ей все объяснил, когда поженились, Поначалу жалела — много работаю. Теперь словно взбеленилась… Стыдно признаться, вчера сам себе стирал, — разоткровенничался Петров, нервно поводя плечами. — Я потому ничего и не хочу скрывать, все равно открыться предстоит. Разведусь я с ней. Так и сказал ей нынче. До утра объяснялись.

— Дети есть?

— Умерла дочь. От скарлатины.

— Жена работает? Кстати, как звать ее?

— Юля, Юлия Викторовна. Сейчас не работает. Экономист она. Я ведь ее крепко любил. Все «Юляша» да «Юляша», «лебединая шейка»…

— Значит, и теперь любите… — мягко сказал Михеев и, видя молчаливое согласие, счел необходимым попытаться предотвратить семейный разлад сотрудника, потому решился предложить: — А что, если мне встретиться с Юлией Викторовной? Здесь или лучше у вас дома. Скажем, начальник управления завел такой порядок: знакомство с семьями и бытом сотрудников. Ваша мужская гордость никак не будет задета.

— Не надо так, вы уж напрямую с ней, — посоветовал Петров, обрадованный таким предложением. — К ней с тыла не подобраться, хитрющая до смерти. С ней только откровенно надо, это она ценит.

— Еще лучше, коли напрямую, — принял совет Михеев. — Только не предупреждайте жену о моем визите. Я загляну к вам завтра или послезавтра. Где вы живете?

— В нашем ведомственном доме, Кисельный переулок.

— Совсем рядом… Так я после перерыва, как только уйдете на службу, и навещу ее.

— Спасибо. Может, и склеится наша жизнь, — признательно выразил надежду Петров.

— Постараюсь убедить. Не отчаивайтесь. Моя бабушка говорила: праведная любовь не потеряется. Только и вы не напортачьте. Сказали — развод, держитесь за свое. Мужская твердость дела не напортит. Хотя бы до моего прихода, — заговорщически наставлял Михеев, но тут же спохватился, деловито поправился: — А коли вдруг Юлия Викторовна окажется больше вашего права, то ей скажу: «Соглашайтесь на развод».

И, уходя, смягчил:

— До этого, надеюсь, не дойдет. И, пожалуйста, больше по ночам не выясняйте отношений. Будьте на высоте.

…Вернувшись к себе, Михеев черкнул в блокноте памятку:

> «Боевое руководство для армейских чекистов. Розыскная работа на местах. Петров — жена Юлия Викторовна».

Сделав последнюю запись, Анатолий Николаевич беззвучно засмеялся, невольно вспомнив произнесенное Петровым: «хитрющая до смерти».

* * *

В половине десятого вечера Плетнев размашисто прошагал по коридору, энергично открыл и закрыл за собой дверь кабинета начальника отдела, прямо от порога нетерпеливо произнес:

— Есть новости!

— Отдышитесь сначала, — указал рукой на стул Ярунчиков. — Бежали, что ли, от кого? Что стряслось?

Плетнев остро глянул на бригадного комиссара, пятерней поправил волосы.

— Ни от кого никогда не бегал… — самолюбиво ответил он. — Новость, говорю, приличная есть, потому спешу доложить.

— Другое дело, — отлегло на душе у Ярунчикова. — Вы иногда так внезапно появляетесь, что уж никак не ждешь добрых вестей.

— С недобрыми я не поспешаю. Новость вот какая. Около семи вечера по дороге с работы домой Рублевский зашел на почтамт, взял два бланка телеграмм, пошел к столу. Народу в зале было немного. На пути Рублевского был свободный стол, но

старший лейтенант прошел мимо. Сел к дальнему столу в углу, возле окна, стал писать. А сбоку за тем же столом уже находился добрый молодец лет двадцати пяти, смазливый такой, прилично одетый, даже с форсом. Он сидел лицом к выходу, заканчивал письмо, рядом лежал конверт. Когда подошел Рублевский, молодец, буду называть его «красавчик», что-то сказал и снова склонился, но рука его застыла, было заметно, он следит взглядом за тем, что пишет старший лейтенант. Потом сам стал поспешно, этакой борзой скорописью что-то строчить, будто бы заканчивая письмо. Рублевский составил телеграмму, отодвинул бланк, быстро написал вторую, что-то сказал соседу и пошел в очередь к окошку приемщицы. Тем временем «красавчик» положил письмо в конверт, не спеша запечатал, при этом глазищами шарил по присутствующим. Долго писал адрес на конверте, пока Рублевский не отошел от окошечка, мельком проводил его до выхода, сунул конверт в карман плаща. Зачем положил в карман? Ведь тут же достал письмо и опустил в почтовый ящик.

— Не бросил ли он другое, хотите сказать? Не то, которое писал при Рублевском, — высказал догадку Ярунчиков.

— Вот именно, посмотрим, что покажет анализ чернил. Ручку также изъяли. Письмо бросил пустяковое, любовное. — Плетнев сделал паузу, слегка подался к столу и тоном большой важности сообщил: — Рублевский-то отбил одну телеграмму, поздравительную — с днем рождения, вымышленному адресату в Минск. Проверили, такой там не проживает. И обратный адрес дал с потолка под фамилией Коваленко. Вот штуковина каковская. Вторая телеграмма исчезла.

«Молодец! Тут жареным пахнет», — подумал Ярунчиков, а вслух произнес:

— Нащупали ниточку, чувствую, не зря взволновались. Не текст ли новой шифровки передал связному Рублевский? Пора уже, фиктивный приказ о передислокации авиационного полка успел пройти через его руки.

— Возможно, — равнодушно согласился Плетнев. — Передать он что-то передал, не в содержании главное. Важно, встреча состоялась. Нащупали связь Рублевского.

— Кто этот «красавчик», выяснили?

— Экспедитор «Заготзерно» Георгий Осин. Живет в своем доме за высоким забором. Это все, что пока о нем известно, — ответил Плетнев и добавил: — Ну еще узнали, что он бабник несусветный. Здоровый бычок, гладкий бочок.

— Добро, — азартно потер ладони Ярунчиков. — Завтра же этого «красавчика» берите в работу, следите за каждым шагом,

глаз не спускайте. И все о нем разузнать. По возрасту, как я понял, Рублевский с Осиным почти годки. Надо проверить, не сходились ли где их жизненные пути.

— Все завтра доложу, — твердо пообещал Плетнев, отлично понимая, что́ необходимо выяснить.

Глава 5

В тихом переулке на окраине Львова, пересекающем Варшавскую улицу, за чугунной литой оградой стояло небольшое двухэтажное здание. Раскидистые каштаны скрывали его от глаз в глубине двора, но крохотная будка у ворот с дежурным красноармейцем выдавала какое-то армейское учреждение. Здесь размещался особый отдел 6-й армии.

Кабинет начальника отдела бригадного комиссара Моклецова находился на втором этаже в левом углу коридора. Рядом — кабинет заместителя. Наблюдательный человек с улицы мог бы заметить, что свет в окнах этого кабинета не зажигался по вечерам больше двух месяцев. Моклецов работал без заместителя.

Полный, с виду медлительный, говоривший мягким, вкрадчивым голосом, Моклецов, однако, был скор в решении возникающих вопросов и держал в голове все свои распоряжения. Его скрупулезная точность давно перестала удивлять сотрудников. Он мог сказать: «Доложите мне в тринадцать пятьдесят пять». И, верно, до этой минуты он был занят и принимал сотрудника с докладом точно в назначенную минуту. Его уважали и за то, что по натуре он был добродушным и незлопамятным.

Приезд нового заместителя Михаила Степановича Пригоды Моклецов конечно же воспринял с радостью. О таком помощнике — из центрального аппарата, совсем недавно толково проверявшем работу отдела, Моклецов и не мечтал. Встретились они как давние знакомые, поговорили о Москве, о том, как устроить Михаила Степановича с жильем.

— Ничего, перебьюсь пока в кабинете, на диване пересплю. Это даже лучше, не надо тащиться куда-то ночью.

— И то верно, теперь дома-то нас почти не видят, — между прочим сказал Моклецов и переменил разговор: — Выходит, после проверки вами нашей работы товарищ Михеев решил вас самого послать к нам исправлять недостатки.

— Да нет, я сам напросился. Тут дело в другом, — успокоил начальника Пригода. — Задачей номер один Михеев поставил усиление противодействия и изучение деятельности абвера, интерес которого к нашему округу, и в частности к шестой армии, известно, особый. А то, что мы еще находимся в центре подрывного оуновского подполья, удваивает нашу ответственность. Необходимо организовать проникновение в абвер, в его разведывательные центры и школы.

Моклецов задумался.

— Кой-какие возможности у нас, конечно, есть, — тихо сказал он. — Этим занимается оперуполномоченный Лойко. Он ездил недавно на семинар в Киев. Работает активно.

— Всего один? Не охватить ему весь объем предполагаемой работы. Надо подключить минимум еще двоих сотрудников. В округе для этого создано новое отделение.

— Где же взять этих сотрудников? — развел руками Моклецов. — Я считал, новое отделение в округе централизует эту особо секретную работу, мы же будем лишь подспорьем, не будем заниматься самодеятельностью.

Пригода дослушал, отрицательно покачивая головой.

— Не-ет, — возразил он. — Не на подхвате надо быть, а самостоятельно работать от начала и до конца. Имеется в виду определенное, цельное звено в особом отделе округа. Только так можно решить поставленную задачу. И приниматься за нее нужно немедленно.

— Понятно. У вас, чувствую, желание, даже вроде нетерпение взяться за это дело.

— Выходит, снова напросился, — шутливо развел руками Пригода. — Значит, руководство этой работой поручаете мне? Двоих оперативных работников подберу, возможно, в территориальных органах. Думаю, наше начальство с ними договорится.

— Неплохо бы, — как-то без уверенности одобрил Моклецов. — Ну что ж, может, пригласить Лойко? Он, кстати, занимается арестованным агентом абвера, вчера-таки схватил его с поличным. Подслушивал, гад, телефонный разговор. Карась его фамилия… Карту изъяли с множеством важных пометок.

— Очень интересно, — оживился Пригода, обрадованный тем, что может сразу начать работу с живым агентом абвера.

Алексей Кузьмич Лойко вошел, держа тоненькую папку с материалами на Карася. Молодой, большеглазый, с ярким румянцем на щеках, он выглядел здоровяком. Правда, симпатичное лицо его несколько портил искривленный нос — след увлечения боксом.

— Что нового показал Карась? — спросил Моклецов.

Лойко покосился на Пригоду, зная его по недавнему приезду к ним во Львов как работника центрального аппарата, подобрался, стал еще серьезнее. Деловито и четко доложил:

— Арестованный агент утверждает одно: выяснял, нет ли передислокации штабов соединений, которые помечены на карте. Их пять. А подслушивал разговоры попутно, на авось, без конкретного задания. Сейчас он сам пишет, где и чему учился, кто преподавал, как забросили к нам, с каким заданием, что

выполнил и чего не успел.

— Как закончит показания, познакомьте меня с ним, — отдал первое распоряжение в новой своей должности Пригода.

— По-моему, агент раскололся, — продолжал Алексей Кузьмич. — У меня было подозрение, не наговаривает ли на себя этот сморчок. Туповат он для такого задания.

— Подтверждение о его прежнем месте жительства получили? — спросил Моклецов.

— Сказал правду. И фамилия подлинная. Жена с сыном есть — все сходится.

— Заканчивайте с ним быстрее, — поторопил Моклецов, отпуская Лойко, и снова обратился к Пригоде: — Значит, сразу быка за рога. А я предполагал дня три дать вам оглядеться, в части съездить…

Моклецов уже намеревался пригласить Пригоду пройтись по отделу, хотел представить сотрудникам нового своего заместителя, но тот вдруг спросил:

— А что у нас есть нового по делу группы «Выдвиженцы», начатому в Киеве?

— К сожалению, ничего.

— Почему «к сожалению»? — удивился Михаил Степанович. — Не можете напасть на след агента?

Моклецов поморщился:

— Нет у нас пока ни одной зацепки. Подозреваемый недавно в Киев откомандирован… Похоже, проморгали мы, отпустили безо всякого подозрения врага. Теперь задним числом проверяем, кто он, как служил, почему именно его рекомендовали на службу в штаб округа.

— Вы о Рублевском? — уточнил Пригода.

— Уже и в Москве о нем известно, — грустно констатировал Моклецов и с горечью добавил: — В Киеве, едва появился, Рублевский сразу попал на крючок. Тут же под носом восемь месяцев работал в штабе армии, и все было чин чином: исполнительный, толковый, серьезный, в быту скромный, в списке на выдвижение состоял.

Моклецов взял Пригоду под руку и увлек в коридор, сказав:

— Пойдемте-ка знакомиться с сотрудниками. Пусть уж о Рублевском у меня одного голова болит.

* * *

Экспедитора Георгия Осина сотрудники особого отдела уже привыкли видеть всегда подвижным, веселым, а для чекистского

глаза — излишне общительным. Он задал столько работы своими служебными, личными и случайными связями — только успевай разматывать, что невольно подозревалось намерение «красавчика» сбить с толку возможную слежку. В то же время он не выказывал ни оглядки, ни попыток каким-либо скрытым способом обнаружить за собой хвост. Осталось думать — либо у Осина в это время не предполагалось тайных встреч, либо он не искушенный в конспирации агент, либо слишком самоуверен. Впрочем, неопытность в таком деле чаще заставляет озираться, а искушенность сама собой велит постоянно присматривать, нет ли хвоста. Как бы то ни было, предположение о том, что совесть у этого человека чиста, отпадало. После встречи с Рублевским на почтамте Осин опустил в ящик не тот конверт с письмом, которое готовил, а с иным, написанным другими чернилами и не остроносым почтовым пером № 86, а тупым «рондо».

Сегодняшний день Осин терпеливо высидел на работе, даже не ходил в соседний буфет выпить пива. Из конторы ушел пораньше — кто-то позвонил ему, и он, достав из железного ящика несколько фотографий, положил их в карман, запер свой неказистый сейф и удалился чем-то очень озабоченный.

На углу Осина встретила красивая молодая женщина. Белый берет и беличий воротник пальто очень шли к ее смуглому лицу. Она вышла навстречу Осину приветливая, улыбчивая, но при этом почему-то виновато разводила руками. Осин держался сухо, молча слушал спутницу, порой с чем-то не соглашался, отрицательно качая головой. Они шли, очевидно, куда глаза глядят, потому что, сделав два поворота, направились обратно по прежнему пути, а потом спустились на Крещатик, свернули в сквер и устроились на скамейке. За разговором Осин достал фотографии и, близко склонившись к женщине, стал показывать ей снимки один за другим. Женщина при этом вскочила с места, но тут же опустилась обратно на скамейку, растерянная, с приоткрытым в испуге ртом, потянулась дрожащими руками к фотокарточкам, но Осин быстро спрятал снимки в карман. Женщина без умолку о чем-то говорила, было видно, что она возмущалась и упрашивала. Слова Осина понемногу успокаивали ее. Она вздыхала, сокрушенно покачивала головой, нервно теребила ручку сумочки.

Из сквера парочка снова вышла на Крещатик. Осин повел себя оживленнее, выскакивал на обочину дороги с поднятой рукой, когда появлялась легковая машина без пассажира, но остановить ни одной не удавалось. Женщина при этом продолжала одна идти дальше; похоже было, что ехать она никуда не собиралась.

Но все-таки Осин усадил ее в остановленную «эмку», она

откинулась к спинке заднего сиденья, обхватив руками голову. Видимо, женщина переживала что-то тяжелое, мучительное, не дающее ей ни минуты покоя.

Машина свернула к Днепру, проскочила мост, выехала на левый берег, миновала Дарницу и помчалась по шоссе на восток.

Солнце село, но было светло, только даль уже скрывала серая дымка. На шоссе изредка встречались машины, повозки.

Шофер ходко гнал машину, и через полчаса они въехали в Бровцы, остановились возле дома, в котором жил… Хопек. Осин попросил шофера, показав ему рукой, чтобы тот развернулся, а сам с женщиной вошел во двор, уверенно поднялся на крыльцо, хозяйски раскрыл дверь и пропустил спутницу в сени.

…Стышко весь напрягся, увидя таких гостей возле дома напротив. Грудью навалился на стол, прощупывая взглядом молодую пару. Память его мгновенно запечатлела их внешний облик, марку машины, лицо шофера. Записав номер «эмки», он вышел на улицу. Ему надо было немедленно увидеть Грачева, сообщить ему о приезжих и организовать за ними наблюдение, когда те поедут обратно. Василий Макарович не знал, что стоявшая возле магазина полуторка пришла в Бровцы следом за «эмкой», а дремлющий в кабине мужичок с усами и копающийся в моторе парень-шофер — его коллеги из особого отдела округа.

Встретившись с Грачевым, Стышко не успел заикнуться о том, что возле дома Хопека остановилась машина, как услышал в ответ спокойные слова:

— Не волнуйся, гостей сопровождают. Их, кроме того, еще поджидают у моста через Днепр. Оставайся на месте.

Ни о чем больше не расспрашивая, Стышко зашагал дальше по улице, стараясь понять, каким образом эти двое неизвестных, еще не ступив на порог дома Хопека, уже оказались под чекистским присмотром. «Не Плетнева ли это работа?.. — гадал он. — Мы тут все глаза проглядели, поджидая гостей, а они — здрасьте! — хвост из Киева привели… Но почему их двое? Женщина, видимо, для отвода глаз… Ловко сработал Дмитрий Дмитриевич. Так вклинился, что и мы на сей момент вроде как и вовсе не нужны…»

Мимо по дороге в сторону Киева промчалась «эмка». Василий Макарович выхватил глазами знакомый номер машины и перевел взгляд на сидящую на заднем сиденье молодую пару, успев разглядеть только белый воротничок женского пальто.

«Ну нет, теперь-то мы как никогда нужны здесь», — оценив происшедшее, решил Стышко. Он вдруг с изумлением заметил, что пошел снег. Редкие хлопья, будто затерявшиеся остатки ушедшей зимы, переваливаясь, вяло и отвесно падали на

пристывшую землю. И пока Стышко добрался к своему дому, земля заметно побелела.

* * *

Юлия Викторовна — жена Петрова — встретила Михеева со смесью удивления и настороженности, теребила ворот цветастого халата и поспешно приглаживала темно-рыжие волосы.

— Вы к Леониду? А он только что ушел, — не дала она представиться Анатолию Николаевичу и отступила, догадываясь, что навестил их большой начальник.

— Я к вам, Юлия Викторовна, простите за то, что без спроса, — дружески начал Михеев, мысленно соглашаясь с Петровым в том, что у жены его действительно лебединая шея, да и сама она была привлекательной, с молодящими ее веснушками на лице. Она очень походила на киноактрису Серову из фильма «Девушка с характером», который Михеев недавно видел: такой же вздернутый нос, маленькие с пухлинкой губы и блестящие лукавые глаза.

— Ко мне?.. — кокетливо пропела она, пропуская гостя в квартиру, и, когда Михеев представился, деловито указала рукой на стул возле стола, а сама заспешила в другую комнату, предупредив: — Извините… Я только переоденусь.

Михеев просяще раскинул руки:

— Юлия Викторовна! Коли встретились ненароком, чего уж… Давайте попросту, по-домашнему. Да и времени у меня в обрез… Посоветоваться зашел.

— Вот как? — посмотрелась она в зеркало, накидывая на плечи гарусный платок. — Вы считаете нужным советоваться с женами сотрудников?

— Иногда. Со временем у нас действительно туго. Так вы это по своему мужу знаете.

— Да, знаю и чувствую. — Она присела к столу напротив Михеева, уперев белые кулачки в подбородок. — Я слушаю вас.

— Вопрос у меня житейский, я бы сказал, очень даже деликатный. А мы впервые видим друг друга.

— Пожалуйста, не стесняйтесь. Вы же хотели попросту, — положила она руки на стол, словно этим жестом ликвидируя возникшее затруднение.

Глядя в ее глаза — ожидающие и настороженные, Михеев все же не решился спросить напрямую, как советовал Петров, а поинтересовался наводяще:

— Вам очень трудно… с нашим братом чекистом?

У Юлии Викторовны шевельнулись губы и застыли трубочкой, будто она удерживала в них леденец.

— Трудно ли? — повторила она, задумавшись. — Неучтиво отвечать вопросом на вопрос. Но мне хочется прежде узнать, спрашивали ли вы об этом свою жену?

Михеев поправил прядь волос, охотно выпалив:

— Неоднократно.

— И что же она говорила?

— Она отвечала так: «Не труднее, чем вам — нашим мужьям». И еще вот так: «Жены военных должны быть самоотверженными женщинами, особенно жены моряков, летчиков, чекистов… Как может быть одной семейной половине легко, когда другой — трудно! Надо уметь поровну делить трудности, чтобы обоим становилось легче».

— Ах вот вы с чем пришли, — стрельнула догадливым взглядом женщина. — Петров, значит, нажаловался. Представляю, такой солидный бугай — и с обиженным видом!..

— Иронизировать не надо, Юлия Викторовна, — серьезно сказал Михеев. — Все было совсем иначе. Я сам навязался к Леониду Владимировичу с расспросами. Скажу больше, искал для этого удобный случай. Возможно, к кому-нибудь другому я бы домой вот так не поехал. Ваш же муж толковый, жизнерадостный человек, к нему хмурость вовсе не идет… Я не хочу сказать, что у нас водятся бестолковые работники. Но Петров выделяется среди других… Но не об этом сейчас речь. Сник он за последнее время, вижу, тоска его гложет. Нам, начальникам, Юлия Викторовна, положено быть психологами, и мы должны знать, что на душе у того или иного подчиненного.

— А что у нас на душе, вы, мужья-психологи, часто распознаете? — не спрашивала, а упрекала она. — На это у вас времени не хватает. Жена должна все понимать, сочувствовать, лелеять мужа, отдавать всю себя, если хотите. А что же ей взамен, равной половине? Вдовье одиночество при живом муже… Мы вот в санаторий приехали. Леонид, как положено, к врачу пошел, а тот ему: «Вы отоспитесь сначала денька три, потом приходите, посмотрим, что вам назначить». Я его бодрым-то за едой только и вижу. Говорю ему, поставил бы там у себя койку, чего тащиться домой спать… Дочка, когда была жива, только и слышала от меня: «Тише, папа спит, ему на работу…» Она у нас слово «тише» узнала раньше, чем «гулять» и «играть», — дрогнул голос Юлии Викторовны, она замолчала, скорбно поджав губы.

Михеев положил на ее маленькую нежную руку свою широкую ладонь, не находя сразу нужных, утешающих слов.

— Все это грустно, конечно, — наконец заговорил он и убрал

руку. — Но все-таки, как хотите, вы преувеличиваете свою безутешность. Я понимаю, всякому свои радости. Скажу откровенно, вам… с вашей внешностью можно желать, даже требовать большего внимания к себе. Конечно, вам хочется интересно жить. Кто же против этого?.. У вас с мужем есть настоящие друзья?

— Почти что нет. С Плесцовыми разве встречаемся… Вы, по-моему, учите сотрудников быть щепетильными в связях и знакомствах.

— А разве хорошо быть неразборчивыми? И потом друзей не предлагают, их даже не выбирают. Они сами сердцами прикипают. Настоящие-то… Я знаю семьи наших сотрудников, которые по-родственному близки. И живут они не в своем замкнутом мирке, а полнокровно, интересно…

— Как понимать этот интерес? Леонид мой, к примеру, птиц любит, завел как-то красноголового щегла. «Поет!» — радуется, глядя на него. И не поймет, что мечется птица в клетке и вовсе не поет она, а криком плачет.

— Вы о себе эту притчу?

— Нет, о щегле… Я домашняя птица.

— А если любите свой дом, должны и домочадцев понимать, — ухватился Михеев за возможность склонить разговор в желаемом направлении. — Бывает, всю жизнь люди живут рядом без понятия. Но разве Леонид Владимирович не понимает вас…

Она не дала досказать:

— Любит, знаю. Даже больше, чем следовало бы… Но когда к этому «больше» добавляется эгоизм, ревнивые подозрения, в тягость становится такая любовь.

— Вы не преувеличиваете, Юлия Викторовна?

— Что вы! — отмахнулась она обеими руками. — Мне поначалу нравилось видеть беспокойство Леонида, когда на меня кто-нибудь заглядывался. Боже упаси, если кто-то подойдет ко мне, заговорит. И неважно где: в троллейбусе ли, в кинотеатре, да где угодно. Другому мужу бы льстило, а он лопнуть от ревности готов. Так я-то при чем, если другим нравлюсь? А он говорит: почему к тебе одной всегда липнут? Значит, повод даешь, глазки строишь…

— Вы знаете, мне как будто бы все стало ясно, — после паузы сказал Михеев. — И все-таки я не был бы удовлетворен, если бы не спросил вас еще об одном…

— Пожалуйста, Анатолий Николаевич. Я вижу, вы с пониманием отнеслись к нашим неурядицам.

— У вас очень расстроились отношения с мужем?

Она посмотрела на окно, пошла задернуть шторы — на дворе уже было темно. Михеев успел взглянуть на часы, перевалило за половину девятого вечера, он мог позволить себе еще не более пятнадцати — двадцати минут разговора.

— Я не ваш вопрос обдумывала, — начала она, вернувшись к столу. — Теперь я поняла и не осуждаю Леонида за то, что он с вами поделился. А на вопрос отвечаю: нет, я бы не сказала, чтобы пошатнулись наши отношения. Но трещинка появилась. Так, наверное, начинается тропинка к разводу. Он не заикался об этом?

«Хитрющая до смерти», — вспомнил Михеев слова Петрова. Ему так и хотелось сказать: «Милая вы бестия. Вы же уверены, что ни на какой развод он не решится, да и вы о нем не думаете. Тоска вас заела, не знаете, куда деть себя…»

— Работать бы вам пойти… — как-то вырвалось у Анатолия Николаевича, и он заметил на ее лице разочарованную ухмылку.

— Рецепт на лекарство от скуки, — усмехнулась она и напомнила: — Но я вас спрашивала о другом.

Михеев смягчил ответ улыбкой.

— Вам разве не подсказывает женская интуиция, почему я пришел?

— Да, да… Значит, говорил. Он и сегодня мне о разводе заикался… Я начинаю жалеть, что подозрения его напрасные. Я бы не скрыла, если бы завела кавалера, ей-богу, сказала бы. Так мне кажется… Ну и пусть… Только, конечно, глупо. Вот она и вся, его любовь. Пусть ищет себе такую, которая… За которую душа будет спокойна. Серую клушку! — закончила она язвительно.

— Не сочтите бестактным мое вторжение, но я безоговорочно верю вам. Я чувствую, вы искренни. Видимо, вы нарочно позлить его захотели и в чем-то переборщили, а разубеждать не захотели.

Она вздохнула и посмотрела на Михеева так, будто сейчас только увидела его.

— Извините и вы меня, Анатолий Николаевич. Скажите, сколько вам лет?

— За что же извинять? В сентябре перевалит на четвертый десяток.

— Тридцать! — удивилась она, хотя на глаз дала ему немногим больше. — Вы, должно быть, много пережили, коли так понимаете других…

— Не знаю, не задумывался об этом.

— Наверное, вы правы, переборщила я. Возмутилось все во мне… В какой-то момент надо было положить ему руку на шею и по-человечески, душевно поговорить. А я ударилась в другую крайность. — Она поднялась, пошарила рукой за буфетом,

достала початую бутылку коньяка, поставила на стол.

Наблюдая за Юлией Викторовной, Михеев догадался, о какой крайности она говорит, даже несколько смутился от неожиданности. И, пытаясь снять наступившую неловкость, шутливо воскликнул:

— Сейчас бы Леонида Владимировича за стол да по рюмке за мировую!

— Он коньяк не пьет, — продолжала держать руку на бутылке Юлия Викторовна.

— Кто же? — разыграл простачка Михеев.

— Я, Анатолий Николаевич, я, кто же еще, — произнесла она так, будто говорила: «Неужели вы можете в это поверить?»

— Наговариваете вы на себя…

— Неловко признать, скажете, взбалмошная, эксцентричная бабенка… Пошла я неделю назад во МХАТ на «Горячее сердце». Насмеялась досыта, вернулась домой под впечатлением куражей купца Хлынова, его Москвин играл. Вспомнила, как он нарядился разбойником, разыгрывал из себя злодея… И пришла мне блажь в голову. Вспомнила про бутылку коньяка. Брат проездом был в Москве, к его встрече купила, а он с вокзала на вокзал, на обратном пути пообещал заехать… Я не переоделась после театра, решила разыграть Леонида. Налила рюмку, выпила и пошла его встречать. Мне хотелось, чтобы он запах унюхал… Подождала его на улице, потом решила, что опять задерживается на работе. Вернулась домой, а он уже в постели. И такого мне наговорил, что у меня голова кругом пошла. А тут еще запах коньяка учуял… Я уж и не рада была, что затеяла, но объясняться не стала. Да он и не стал бы слушать объяснения… И вот решили на развод подать.

— Ну что же, раз вы решили… — сухо произнес Михеев, вставая и надевая фуражку.

— Вы меня осуждаете?

— Ну коль вам все равно, Юлия Викторовна… Помочь можно, когда знаешь, что хотят люди…

— Хорошо, мы сами с мужем разберемся. Обещаю, — решительно заверила она, и Михеев понял, что не зря потратил время.

…В управлении Михеев первым делом зашел в кабинет к Петрову, показал тому жестом, чтобы не вставал.

— Только что говорил с Юлией Викторовной. Хорошо потолковали. Ума в ней больше, чем хитрости. Вы верите в мою искренность?

— Безусловно.

— Так вот верьте и своей жене. Она порядочная женщина. Без фальши. Ну а как она разыграла вас, пусть сама поделится. Приласкайте ее да по-людски миром поговорите. И все наладится. Уверяю вас.

— Спасибо вам!

— Не за что. И вы дома прекратите жить, как морж на лёжке. Изобретательнее будьте. Друзей заведите. В театр ходите, на выставки… И не ревнуйте жену до безрассудства. Этим вы ее унижаете. Пусть на нее другие глаза пялят, мелким бесом рассыпаются перед ней. На то и красота, чтобы привлекала. Все поняли?

Петров от неожиданности такого заключения не сумел произнести ответного слова, только согласно и с охотой кивнул.

Глава 6

С наступлением темноты все, что было предназначено для обнаружения подпольного радиста, Ярунчиков привел в повышенную готовность. Приближалось время предполагаемого выхода радиста на связь «в установленном режиме». Должно было замкнуться важное контактное звено, чтобы без сомнения выявить скрытую сеть вражеской резидентуры.

Ярунчиков с необычной поспешностью отвечал на телефонные звонки, возбужденно прохаживался по кабинету, много курил. Однако при этом он довольно основательно занимался текущими делами, спокойно выслушивал доклады сотрудников, подписывал бумаги, что в общем-то уравновешивало его нетерпеливое ожидание главной вести.

Пришел Плетнев со свернутым листочком в руке, быстро прошел к столу, сел, начал рассказывать:

— С Осиным в Бровцы ездила жена летчика, некая Римма Савельева. Живет в Киеве с больной матерью, надолго оставить ее одну не может. Иногда навещает мужа в гарнизоне подо Львовом. Он служит в авиационном полку, молодой, перспективный капитан, командир эскадрильи, боевым орденом награжден во время финской кампании.

— Что же ее связывает с этим, с Осиным? — медленно спросил Ярунчиков.

— Чем может нравиться видный мужчина интересной женщине… — начал было Плетнев, но бригадный комиссар не дослушал его.

— Меня не интересуют постельные подробности, — резковато перебил он. — Докладывайте с чекистских позиций.

— Я обратил внимание на две детали, — быстро перестроился Дмитрий Дмитриевич. — Во-первых, Савельева встретила Осина в тот вечер, когда они ездили в Бровцы, очень даже располагающе, как будто соскучилась по нему. Во-вторых, когда он показал ей в сквере какие-то фотографии, Савельева сникла, явно перепуганная увиденным. Чем таким подействовал на нее Осин? Что за снимки он ей показал? Ох как они меня заинтересовали! Не может быть, чтобы у «красавца мужчины» в железном ящике на работе не оказалось чего-нибудь привлекательного для нас. Думаю, завтра он сунет фотографии обратно под замок. Надо бы нам заглянуть в этот любопытный сейфик.

Ярунчиков, помедлив, ответил:

— Утром видно будет.

Станция пеленгации не давала вестей. Подпольный радист не выходил на связь. Да и время еще не подошло, судя по предыдущим передачам. Грачев ежечасно докладывал: «Точка. Грач.». Это означало, что объект наблюдения — Хопек на месте и никуда не выезжал.

Медленно тянувшееся днем время к полуночи, казалось, ползло быстрее: долгожданный час приближался.

Плетнев вдруг вскочил и быстро вышел из кабинета, но скоро вернулся, опять присел к столу и как бы между прочим сообщил:

— Художник спит в больничной палате.

Ярунчиков в ответ кивнул, поднялся, не спеша прошелся по кабинету. Плетнев видел, как хмуро шевелятся его густые брови, сидел молча, не мешая начальнику думать. Да и самому не хотелось тратить лишних слов. И потому, когда раздался звонкий протяжный сигнал аппарата ВЧ, оба встрепенулись. Плетнев даже приподнялся, уперев руки в спинку стула.

— Ярунчиков слушает! — спокойным грудным голосом ответил бригадный комиссар. — Пока нет, Анатолий Николаевич. Ждем. Понимаю… Самому невтерпеж… Конечно, доложу немедленно.

Осторожно положив трубку и не убирая руки с аппарата, Ярунчиков порассуждал вслух:

— Что бы это могло значить? Контакт тройки — Рублевский — Осин — Хопек, — прослеженный с разных точек, должен исключить нашу ошибку. Может быть, очередной сеанс связи в их режиме не в среду, а в четверг или в пятницу, раз в неделю? А прошлая среда оказалась неурочной? Сообщалось же в предыдущей шифровке: «задержка связи доложена главному», что впредь она будет «в установленном режиме». — Ярунчиков сел к столу и стал чертить на листке треугольнички, стрелки. — Художник исключается. Связей у него нет, и не ищет. Случайно оказался в поле зрения… И Хопек упорно сидит дома. Если бы он собирался что-то передавать сегодня, он бы непременно воспользовался прикрытием своей сожительницы и давно к ней отправился. Не заявится же солидный человек к одинокой вдове за полночь.

— А почему бы и нет? — усмехнулся Плетнев. — Занят человек, контрольные работы, скажем, проверял, отложить невозможно. Кончил дело — сам себе хозяин, хочет спит, хочет в гости отправляется!

— Поймите, это же деревня, а не лестничная площадка городского дома — дал короткий звонок и шмыгнул за дверь, — возразил Ярунчиков, будто Дмитрий Дмитриевич сам намеревался ехать на полуночное свидание.

Между тем Плетнев приоткрыл штору окна, понаблюдал за блестящим снежком в свете полной луны, сказал предположительно:

— Не снег ли перепутал карты радисту? Боится теперь целину топтать, след оставлять. Антенну же на дороге не развесишь. Да больно приметен человек на свежей белизне при такой луне.

Часы пробили полночь. Откуда-то издалека приглушенно донеслись звуки «Интернационала», должно быть, в каком-то кабинете забыли выключить радио. Торжественные, зовущие аккорды невольно заставили Ярунчикова вспомнить слова гимна, он пропел их про себя до конца. И как будто кто-то терпеливо ждал этого момента. В кабинете раздался резкий телефонный звонок.

Бригадный комиссар мгновенно взял трубку и только успел назваться, как глаза его широко раскрылись, брови дрогнули, а на лице проступила слабая улыбка. Карандаш в его руке быстро набрасывал что-то в блокноте.

Положив трубку, Ярунчиков откинулся к спинке стула и выдохнул только одно слово:

— Вышел!

Он тут же поднялся и, направляясь к двери, сообщил идущему следом Плетневу:

— Доложил пятый. Радист вышел на связь в семь минут первого непосредственно из Бровцов. Почерк тот же. Грачеву сообщено. Идем-ка свяжемся с ним.

— Из самих Бров-цов заработал?! — озабоченно повторил Плетнев. — Это уже сложнее.

— Все должны оставаться на местах, не метаться, — сказал Ярунчиков, взмахнув рукой, и пояснил: — Грачев со Стышко знают, что делать, предусмотрен и такой вариант. — И уже у дверей радиорубки добавил: — Меня интересует лишь, на своем ли месте Стышко…

…С первой темнотой Василий Макарович Стышко начинал свое дежурство на задворках дома, в котором жил Хопек. Третью ночь встречал он за невысоким дырявым забором, устроившись в укромном уголке за сараем, где можно было и пошевелиться, и посидеть на принесенном чурбаке. Отсюда просматривался весь двор: и калитка, и крыльцо, и уборная возле другого конца забора, и лицевая сторона приземистого сарая, и мотоцикл с коляской возле старой телеги посреди двора, отчетливо различимые на заснеженной земле.

Холод и скованность движений не так угнетали Стышко,

сколько нудность ожидания в глухой тиши. И все-таки его ни разу не покинула уверенность, что он вот-вот дождется того, ради чего затаился здесь, напрягая зрение и слух. Задачей его было зрительно обнаружить у Хопека передатчик в момент, когда учитель выходит из дома и начинает возиться с мотоциклом, или, наоборот, узнать, не уносит ли его в сени из поездки. Передатчик не коробок спичек, в карман не спрячешь. Он мог находиться у него дома где-нибудь в тайнике, к примеру в сарае. Другое дело, если укрыл в лесу или в Яблоневке у вдовы. Но там уже епархия других. Да и вряд ли станет он использовать для этой цели чужой дом. К тому же хлопотно. Пришлось бы ехать за передатчиком в Яблоневку, брать его, отлучаться, чтобы провести сеанс, возвращаться, снова прятать… Невыгодный вариант. При этом не исключалась возможность скрытого выхода радиста на связь прямо с хозяйской усадьбы. И такой вариант считали вполне возможным.

В предыдущие ночи, поближе к утру, Стышко осторожно вдоль стенки сарая проникал в глубину двора, обследовал коляску мотоцикла, но, кроме инструмента в тряпице, ничего не нашел. Не обнаружил он ничего подозрительного и в сарае. Василий Макарович оставлял свой пост перед рассветом, спускался через огород к речке и оказывался на полевой дороге, шел к шоссе, а уж оттуда возвращался в Бровцы.

С большой надеждой Стышко ждал вечера сегодняшнего дня. И сейчас, перемаявшись три часа, стал подумывать о том, что нынче его «объект» скорее всего никуда не тронется.

И стоило Стышко подумать об этом, как резко скрипнула дверь. У Василия Макаровича прервалось дыхание, он прильнул к щели в заборе, выхватив взглядом фигуру на крыльце. Когда она двинулась по двору, легко опознал Хопека — невысокого, плотного, с переваливающейся походкой. На Хопеке была шапка, пальто внакидку, ботинки, которые двигались будто сами по себе, ноги как-то не различались, и Василий Макарович понял, что полуночник в кальсонах, значит, собрался по нужде. Шел к уборной, и, когда миновал тень от дома на середине двора, Стышко заметил, что Хопек прикрывает что-то объемистое полой пальто. Возле уборной он круто свернул вдоль забора, прошмыгнул буквально в трех шагах от чекиста к двери сарая и скрылся за ней.

Все это произошло на глазах Василия Макаровича так неожиданно и быстро, словно померещилось. Он даже не дал короткой отсветки — сигнала фонариком в нужную сторону, который должен был означать, что объект наблюдения вышел из дома, а только еще сильнее напряг слух, приложив ухо к

холодной доске сарая. Там что-то глухо стукнуло, расслышались шаги, потом стихли, донесся мягкий металлический щелчок, и немного погодя едва уловимо дошла дробь морзянки. Сомнений не стало — Хопек вышел на связь.

Прикрыв бортом пальто фонарик, Стышко дал короткую вспышку, потом вторую. Его сигнала, видно, заждались: в ответ тотчас же мелькнула короткая отсветка.

Между тем в сарае снова щелкнуло, будто повернули выключатель, послышались торопливые шаги. Открылась дверь, и появился Хопек. Мгновение постояв на пороге, он тем же путем вернулся к дому, обеими руками поддерживая под пальто скрытую ношу.

Стышко не стал задерживаться в своем укрытии после того, как Хопек скрылся в сенях, небоязливо стукнув задвижкой двери. Взяв под мышку чурбак, на котором сегодня так и не довелось посидеть, Василий Макарович с шутливой мыслью: «Уберу-ка и я с глаз свое «кресло», — слегка пригнувшись, умышленно пошел не огородом к речке, а вдоль забора, пробираясь задами к улице, чтобы на всякий случай, если за ночь не запорошит следы, создать впечатление, будто кто-то с поселковой дороги сократил здесь путь к селу.

* * *

При хороших вестях Ярунчиков возбужденно потирал руки, причем делал это усердно, будто намыливая их, а в завершение прихлопывал ладонями и произносил свое любимое: «Сверхудачно!»

Так он сделал и сейчас после разговора с Грачевым по рации. Тот доложил: «Первое — ясно. Второе — «добро». Бригадный комиссар с подъемом подтвердил: «Добро!» Разговор означал: задание выполнено, прошу разрешения оперативной группе вернуться в отдел. И Грачев получил на это разрешение.

— Всему оперсоставу в частях отбой! — передал Ярунчиков Ниште.

«Да, пожалуй, в самом деле получилось «сверхудачно», — про себя отметил Плетнев, шагая за начальником отдела в его кабинет.

— Что же накарябали они в новом донесении? — нетерпеливо спросил Ярунчиков. — Вы сходите, Дмитрий Дмитриевич, передайте дешифровальщику: как будет готово у него, пусть сразу тащит сюда.

Велик был соблазн завалиться на диван, вытянуть ноги и

лежать не шевелясь до тех пор, пока самому не захочется подняться. Но Ярунчиков постоял возле дивана, закурил «Казбек», вяло положил спичку в пепельницу, а глаза его сами собой остановились на белом аппарате ВЧ-связи. Чувствовал, надо немедля связаться с Михеевым, обрадовать и успокоить его, зная, с каким нетерпением тот ждет сообщения. Но решил повременить самую малость, пока не принесут расшифровку переданного радистом Хопеком текста, чтобы уж и самому на этом этапе операции поставить точку.

Вошел Плетнев.

— Сейчас будет готово, радист работал прежним шифром, — доложил он и тут же предложил: — Думаю, пора переходить к активным действиям. С кого начинать? С Осина или Савельевой?

— Прямо сейчас, что ли? — с добрейшей улыбкой откликнулся Ярунчиков. — Подождите, подумаем. Знаю, что вы прежде всего хотите! Заглянуть в железный ящик Осина, в любопытный сейфик.

По лицу Плетнева скользнула ответная улыбка.

— Я уже счел этот вопрос решенным, — с достоинством сказал он. — Меня теперь больше интересует Савельева.

Принесли дешифрованный текст перехваченной радиограммы. Ярунчиков быстро пробежал его глазами, хмурясь, прочитал снова и протянул лист Плетневу.

— То, да не совсем, — сказал он упавшим голосом.

Плетнев прочитал:

> «Главный восстановил львовскую швею, осваивает стояк. Надежно. Контролирует кадровик. Приему готов. Белка пошла. Связь режиме. 673».

— Почему не то? — возразил начальнику Дмитрий Дмитриевич. — По-моему, все как надо, с гаком даже. Появилась львовская связь плюс какие-то «кадровик» и «белка». Да еще «прием готов»!

— Привязки к Рублевскому пока нет, — уже спокойным тоном пояснил Ярунчиков. — Ожидали передачи нашего фиктивного приказа о передислокации авиационного полка. Ну а это, конечно… — стал он снова читать короткий и в принципе понятный текст.

Так они размышляли вслух, стараясь глубже постигнуть смысл и возможность перехваченной шифровки.

— Не мог Рублевский задержать это донесение, — предполагал Плетнев. — Оно самое важное на сегодня. Вы обратите внимание на уверенность, напористость: «восстановил»… «осваивает»… «надежно»… Что там еще? —

заглянул он в текст. — «Контролирует»… «приему готов»… Энергично работают.

— Вы правы, — согласился Ярунчиков. — Учтите еще, агентам надо создать для центра впечатление ритмичности своей работы. Кроме того, хотят иметь что-то важное впрок. А сообщение о передислокации авиационного полка пока еще не устарело.

— Об этом-то и мне подумалось, — поддержал Плетнев.

— Видимо, по той же причине они и в прошлый раз сделали разбивку одного распоряжения из двух пунктов на две передачи. Теперь я начинаю верить, что они только-только развертывают работу.

— Да, тут есть над чем помозговать, — снова взял в руки лист бумаги Плетнев. — Ведь вот явно у агента была встреча с «главным». Проморгали ее наши либо она прошла до того, как Рублевского взяли под наблюдение?.. Далее, можно понимать, восстановлена старая львовская связь. Что касается «осваивает стояк», тут, вполне возможно, речь идет о тайнике, о явочной квартире…

Дали Москву, и Ярунчиков сорвавшимся голосом произнес:

— Докладываю, Анатолий Николаевич!..

А Плетнев, видя его волнение, все хотел уловить пришедшую на ум логическую связь в словах «белка пошла»: «Белка… Беличий воротник, белый берет… Не Савельеву ли обозначили кличкой «белка»?» — осенило Дмитрия Дмитриевича.

* * *

Ярунчиков встретил Грачева со Стышко, возвратившихся из Бровцов, приглашающим жестом вскинутой руки — заждался, взглядом, приветливым и нетерпеливым, говоря, как желанен для него приход сотрудников. Предложил им сесть и рассказать все подробно. Присутствующий при разговоре Плетнев освободил им место возле стола, сам присел поодаль.

Слушая попеременно то одного, то другого, Никита Алексеевич уточнял подробности ночного наблюдения за Хопеком, при этом лицо отражало все обуревавшие его чувства: то строго напрягалось, и глаза ожесточались, то добрело, расслабляясь, и подрагивали брови.

— Передых вам всем до десяти утра, — скомандовал наконец он строго, словно ему собирались возражать. — В машину и по домам!

Грачев напомнил:

— Утром надо сменить наших, которые присматривают за Хопеком.

— Позабочусь сам. — Ярунчиков встал, прихлопнул ладонями по столу — разговор окончен, а когда все вышли, размашисто потянулся, дошел до дивана, лег, устроил поудобнее голову на валике и сразу отключился.

…В половине шестого утра оперуполномоченный Ништа вошел в кабинет начальника отдела. Горела настольная лампа. Ярунчиков спокойно спал на диване, сунув руки под мышки. Жалко и неловко было Ниште будить бригадного комиссара, но и промедлить с докладом о том, что Римма Савельева десять минут назад выехала Львовским поездом из Киева в Москву, он не мог.

Едва Ништа дотронулся до плеча Ярунчикова, как тот открыл глаза, не спеша сел, хмуро и озабоченно выслушал новость.

— Во сколько, говорите, выехала? — спросил он.

— В пять двадцать. Вагон седьмой, билет взяла до Москвы, едет одна, провожающих не было, — заглянул в листок с записью Ништа. — Одета в пальто…

— Давайте-ка эти данные, — взял листок из рук оперуполномоченного Ярунчиков. Спросил: — Что еще?

— Пока все.

— Пока, говоришь… — заспанно прищурился Никита Алексеевич. — Тогда до следующего «пока» еще вздремну. Если ничего срочного, не буди… Львовскому поезду до Москвы еще шлепать да шлепать.

…В десять утра Плетнев, Грачев и Стышко предстали перед начальником отдела бодрые и посвежевшие, будто и не было бессонных, издерганно-напряженных суток. Серьезные лица оперработников выражали чувство исполненного долга и готовность продолжать успешно начатую работу. Они внимательно слушали Ярунчикова, подключась к деловому размышлению.

Зачем Савельева чуть свет выехала из Киева в Москву? Какие у нее там могут быть неотложные дела? Больна мать, сравнительно недалеко служит муж… связь с Осиным… А она едет в столицу… Чем же, наконец, она занята?..

— Не станем гадать на кофейной гуще, — прервал паузу Ярунчиков. — Подождем, посмотрим, что она будет делать в Москве. А сейчас о сиюминутной задаче. Что мы имеем?.. Радист остается под наблюдением, так же как и Рублевский, Осин, Савельева. К последним троим надо искать пути для близкого контакта. Если бы мы были уверены в активной роли Савельевой,

надежнее бы, конечно, начинать с нее. Возможно, нынче-завтра роль красавицы прояснится. Имеется в виду не только цель ее поездки в Москву. У Дмитрия Дмитриевича Плетнева есть кое-какие дельные соображения. Их надо осуществить немедля. И необходимо нащупывать новые подходы. Сделаем перегруппировку сил. Вы, Василий Макарович, — обратился он к Стышко, — переходите под начало Плетнева. Работать в основном будете с Осиным и Савельевой. Участие Грачева здесь не требуется, тем более что Мирона Петровича ждут неотложные дела во вновь созданном контрразведывательном отделении. Мне об этом снова напомнил товарищ Михеев. Грачеву нужно ехать в особые отделы армий округа, посмотреть, что делается, организовать необходимую работу на местах. И отправится он для начала во Львов, в шестую армию. Там, кстати, в территориальном управлении НКГБ заодно отдаст последнюю дань «Выдвиженцам», помозгует с товарищами на местах о содержании перехваченной ночью шифровки. — Ярунчиков зачитал ее и продолжал: — Львовская «швея» — лицо, безусловно, реальное, «кадровик» и «белка» — тоже. Может быть, во Львове сыщется зацепка к этим кличкам. Мы не можем ждать, пока нас Рублевский или Осин сами выведут на львовскую агентуру.

— Ништу не дадите мне в помощники? — попросил Грачев.

— Он на важной связи с Бровцами, перебрасывать его пока нельзя, наоборот, ему подобрать помощника надо, — решительно отказал Ярунчиков.

Глава 7

Утром из командировки в Прибалтику вернулся бригадный комиссар Будников.

— Наконец-то!.. — вырвалось у Михеева, увидевшего в дверях кабинета своего заместителя. Поскрипывая сапогами, Виктор Иванович степенно подошел к столу и подал руку так, будто показал, что́ лежит у него в разжатой ладони.

— Точно за неделю управился, причесаться не успел — сразу к тебе, — в самом деле полез в карман за расческой Будников.

— Какую неделю, будто целый месяц отсутствовал…

— Ценю доверие, Анатолий Николаевич. Выходит, нужен пока, — присел к столу Будников, с обычной тщательностью поправил волосы возле пробора, стараясь прикрыть ими кружочек лысины.

— Не нужен, а необходим! К двенадцати мне на совещание к наркому. Докладывай… В общих чертах, подробности — потом.

Глядя на Будникова, нельзя было понять, какими — хорошими или плохими — будут вести. Привлекательное лицо его постоянно сохраняло невозмутимое выражение, а когда он начинал докладывать, то, казалось, в разговоре принимали участие одни лишь губы. Лицо оставалось неподвижным.

Из краткого доклада Будникова Михеев понял, что оперативная обстановка в прибалтийских армиях в основном схожа с той, которая сложилась в западных военных округах, особенно на Украине, где у абвера одинаковый расчет на буржуазных националистов, создавших разведывательно-террористическую сеть. Михеева порадовало известие о том, что вновь созданные отделения по работе над структурой и деятельностью абвера неплохо развернулись и уже имеют приличные для начала результаты.

— При мне в Паневежисе территориальные чекисты вместе с нашими сотрудниками ликвидировали крупную немецкую резидентуру… — сообщил Будников. — Ну и резидента взяли! Бывшего министра правительства бывшей буржуазной Литвы Дорцикаса. Он работал на немцев еще при старом режиме, тертый калач, опытный в конспирации. Но раскусили! Он так натаскал своего двенадцатилетнего сына, что мальчишка стал ему незаменимым связным и разведчиком. Наши-то долго понять не могли, в чем дело: выйдет Дорцикас из дома, прогуляется два-три квартала и вдруг — кругом, к себе домой. Встречаться со своими людьми перестал. И что, ты думаешь, оказалось?

— Обнаружил хвост, и все тут, — предположил Михеев.

— Да, но как он обвел чекистов! Его сынок прежде отца выбегал на улицу, играл или гонял велосипед, а сам наблюдал за прохожими, особенно зорко следил, когда появлялся отец: топает важно, стучит тросточкой, не оглядывается. Да и незачем ему было оборачиваться. Сын, играючи, успевал доложить папаше: кто за ним идет, в чем идет. Этот бывший министр незадолго до ареста подослал вечером к нашему сотруднику девочку со свертком. Та отдает его и говорит: «Дяденька послал, велел сказать, он сегодня не выйдет, утром приходите». А в свертке пирожки.

— Значит, сообщил, сегодня не выйдет, — усмехнулся Михеев. — Какой нахал!

— Он таки вышел, вывели арестованным. Наверное, понял, что засвечен, и выкинул номер. Но без расчета… Наши сотрудники включились в это дело вот почему, — опередил неизбежный вопрос начальника Будников. — Оперуполномоченному поступил сигнал об утечке оружия со склада. Подозрение у него пало на одного старшину, стал им заниматься. Связи вывели на шпионскую группу, которую готовился арестовать Паневежский горотдел. Выяснилось, старшина по липовым документам, так сказать, под официальным прикрытием, выдал переодетому в военную форму агенту группы пять винтовок и ящик с патронами. Тот вывез оружие со склада на машине…

— Ради наживы продал? Или предатель? — не дослушал подробностей Михеев, посмотрев на часы.

— Началось у него с наживы — списанный пистолет по случаю продал, потом люди Дорцикаса затянули его в свои сети, заставили выдать пять винтовок. Не нужна им была такая малость, все делалось ради того, чтобы позднее вынудить старшину пойти на операцию с вывозом крупной партии оружия. Тот поддался, привлек верного себе человека со склада, без которого не обойтись было, да просчитался… Назначили день и час для вывозки оружия и патронов, после чего старшина собирался скрыться, уйти в подполье… Тут их и ущучили, начали общую ликвидацию резидентуры. Между прочим, командование объявило благодарность нашему оперуполномоченному, представило ходатайство о досрочном присвоении ему очередного звания.

— Даже так?! — воскликнул Михеев. — Впрочем, почему бы и нет, сами-то мы не очень горазды на поощрение, считаем, выполнил свою работу, и все тут… А я собираюсь нынче говорить у наркома о некоторых ненормальностях в отношениях командования с особистами.

— Этот вопрос надо основательно проработать, чтобы разговор не сошел на частные издержки реорганизации. Без них не бывает.

— Хорошо, повременю, — согласился Михеев, сочтя довод заместителя веским и высказанным вовремя.

А Будников продолжал:

— Надо бы заготовить по этому поводу проект письма в округа за подписью наркома. В нем обстоятельно, тактично разъяснить командованию роль и задачи особых отделов, подобрать характерные примеры взаимных контактов. Ведь чаще сложности в отношениях возникают от незнания, недопонимания сути нашей работы. И здесь оперативники должны быть на высоте. Для особых отделов тоже надо заготовить циркулярное письмо.

— Все так — письма, отпечатанные указания. Но мало от них проку, — засомневался Михеев. — Послать разъяснение командованию в части от имени наркома — это понятно. Разошлем наставительные указания оперработникам. Но это — капля в море. Надо сюда вызывать начальников особых отделов округов для отчета о работе, тут и поговорить с ними по всем вопросам. Будет обоюдная польза.

— Вот это верно, — поддержал Будников, сам думавший об этом. — Начать надо с западных округов, пригласить всех сразу… Тем более после инспекционных поездок картина ясна, остается посоветоваться и сделать толковые выводы. Откладывать нечего.

— Придется обождать немного, пока закончим дело с « Выдвиженцами».

— В каком положении оно? — озабоченно спросил Будников, хотя в словах Михеева не уловил ничего тревожного.

— Неплохо… Вышли на связного Рублевского, вчера установили радиста. В перехваченной шифровке зацепили львовскую связь, но определенного по ней пока ничего… Текст был такой: «Главный восстановил львовскую швею, осваивает стояк. Контролирует кадровик. К приему готов. Белка пошла…»

— Логика кое-что подсказывает. Видно, резидент отыскал старую связь, восстановил ее и осваивает конспиративную квартиру. Она представляется надежной, можно давать явки. Ну а кадровик — это вербовщик, так сказать, лицо для особых поручений, водятся у них такие. Что касается «белка пошла»… Связная, наверное. Может быть, за кордон пошла? Или просто работать начала…

Михеев досказал:

— Женщина вклинилась. Молодая, жена летчика. Он служит подо Львовом, она живет в Киеве… Очень подозрительный у нее

контакт со связным Рублевского, ездила с ним к радисту. Ты познакомься подробнее с материалами. — Михеев достал из сейфа папку и передал ее Виктору Ивановичу. — Тут забот еще хватит. Наступил переломный момент, надо выходить на сближение, вынуждать их на опрометчивые действия. В общем, сам знаешь, надо побыстрее и надежно довести их до полного провала. Подумай об этом… Ярунчиков сегодня доложит свой план.

— Хорошо. Нарком, конечно, встревожен, торопит с этим делом?

— Не забывает. Но сегодня я с обнадеживающими результатами на доклад явлюсь… — поднялся Михеев и стал убирать со стола бумаги, подытоживая разговор: — Значит, разведывательную работу неплохо поставили… Похоже, наплыв немецких войск в приграничных районах спал. Перепроверить бы эти данные. И вообще шире использовать ценный канал информации.

— Знаю, думаю…

Шагая с Будниковым по коридору, он сообщил:

— А я хочу привлечь тебя к одной работе. Задумка появилась создать боевое руководство для армейских чекистов. Чтобы все было ясно…

— Что-то вроде боевого устава? — уточнил Будников.

— Не совсем. В руководстве я мыслю растолковать чекистам об их месте в бою, в сложной обстановке, подсказать, как поступать в той или иной ситуации в обороне, в наступлении, при вынужденном отходе. Подключим к работе бывалых чекистов, повоевавших в гражданскую, на финском фронте.

— Надо ли, Анатолий Николаевич? — усомнился Будников. — Армейские чекисты руководствуются данными им правами, существующими положениями и указаниями. Стоит ли им еще разжевывать, пусть сами соображают, что и как делать.

— Ты так считаешь? — даже приостановился Михеев, не ожидавший такого возражения, но тут же двинулся дальше, заключив:

— Завтра на занятиях по тактике возьмем да и повоюем в роли оперуполномоченных… со ссылкой на существующие положения. И застенографируем. Вот и будет ответ, нужно ли боевое руководство.

* * *

…В течение дня Ярунчикову доложили, что утром Хопек

пошел на занятия в школу, Рублевский — на службу в штаб округа, а Осин по пути к себе в контору заглянул на рыбный рынок, выпил у палатки стакан бочкового молдавского вина, беззаботно пошатался вдоль рядов, пошучивая с торговками-молодухами, и в приподнятом настроении отправился на работу. Ровно в двенадцать часов Осин ушел из конторы обедать в кулишню, съел пшеничную похлебку, а потом автобусом уехал на элеватор: послал с поручением начальник конторы «Заготзерно» — как после узнал Ярунчиков, не без содействия Плетнева.

Сам Дмитрий Дмитриевич появился в особом отделе около трех часов дня и первым делом отдал в фотолабораторию кассету с пленкой, попросил скорее проявить ее и напечатать снимки, а затем уж отправился к бригадному комиссару.

— Через часок будут готовы снимочки, — с заговорщицкой интонацией сообщил он Ярунчикову.

— Уже? — изумился Никита Алексеевич. — А что надутый такой? Промашка вышла?

Плетнев отмахнулся, говоря:

— Не-ет, все как надо. Увидите карточки — поймете. Мерзость необыкновенная.

— Да что там в них? — сразу успокоился Ярунчиков. — Была бы польза для дела.

Когда снимки принесли, он сконфузился. Он даже чуть подался от стола, на котором была разложена «коллекция» Осина, глянул на Плетнева, покачал головой и брезгливо хмыкнул:

— Крепко скомпрометировали красавицу… Не это ли обстоятельство — причина ее нервозности в сквере?

— Конечно, но не обстоятельство, а просто моральная казнь! И что любопытно, все снимки сделаны в одном ракурсе, видимо, фотографировали из комнаты, соседней с той, где она с Осиным расположилась…

— Выходит, шантаж?

— Безусловно. Как вы думаете, не с помощью ли этих снимков Осин заставил Савельеву поехать с ним в Бровцы?

Ярунчиков не отвечал, думал. Мысленно он соглашался с Плетневым.

— Еще эта поездка в Москву, — продолжал тот. — Сколько там пробудет? Думаю, недолго, все-таки дома больная мать.

— Что же вы собираетесь делать с этими фотографиями? — спросил наконец Ярунчиков.

— Воспользоваться ими, что же еще, — с бесспорной решимостью ответил Плетнев. — Можно под любым предлогом пригласить Савельеву, чтобы ни одна душа не узнала, и напрямую

объясниться с ней.

Лицо Ярунчикова стало настороженным.

— А поручить это дело надо Стышко, — успел все продумать Плетнев, — Василий Макарович давеча моментально переснял «коллекцию». Его работа. Человек он степенный, деликатный и завидно терпеливый. С его обходительностью контакт с Савельевой получится…

— Подождем возвращения Савельевой, там видно будет, — заколебался Ярунчиков и потверже добавил: — За остальными присмотр и присмотр.

…Ярунчиков не сразу позвонил в Москву, прежде поразмышлял: «Ну а если Савельева не враг и не ведает, с кем так близко сошлась? Возможно, Осин всего лишь прощупывает ее перед вербовкой. Зачем тогда ее ждать? Будет потеряно дорогое время… Решиться задержать Осина, когда он поедет в Бровцы и явно нацелится к Хопеку, или попытаться где-нибудь встретиться с ним тоже рискованно и чревато нежелательными последствиями. У него может ничего не оказаться. Брать его надо наверняка, с поличным. И тут пригодится Савельева. Грачев что-то должен раскопать по львовским связям. Но это дальний прицел. Значит, нужна Савельева!»

Разговор Ярунчикова по телефону с начальником управления закончился неожиданным решением: Михеев распорядился прислать со Стышко все материалы по группе «Выдвиженцы» в Москву.

— Пусть вылетает с ближайшим самолетом, — поторопил Анатолий Николаевич и подсказал: — Дайте ему сопровождающего на всякий случай.

* * *

Когда Михееву доложили, что Стышко прибыл и ждет в приемной, Анатолий Николаевич рукой показал, чтобы того пригласили, а сам, прохаживаясь по кабинету, продолжал диктовать стенографистке:

— Вокруг особых отделов, обязанных опираться на широкую поддержку командования и личного состава частей, должна царить атмосфера коммунистического доверия.

В дверях появился Василий Макарович. Михеев поздоровался, указал на стул и снова подошел к стенографистке:

— Начальники особых отделов должны информировать о своей работе партийных руководителей, командование, выступать

с периодическими докладами перед воинами…

Повидать Анатолия Николаевича Михеева Стышко был чрезвычайно рад. С осени не встречались. А были они давними знакомыми. Василию Макаровичу не столько льстили старые приятельские отношения со своим начальником, сколько нравились в нем простота и человечность, не всегда присущие людям, занимающим столь высокий пост.

Впервые встретились они в тридцать первом году под Днепропетровском, в отдельном саперном батальоне. Стышко остался тогда на сверхсрочную службу — старшиной роты, а двадцатилетний Михеев после окончания Ленинградской военно-инженерной школы прибыл в батальон командиром взвода.

Подтянутый и ладный, Анатолий Михеев скоро завоевал в батальоне уважение своей горячей увлеченностью армейской службой. Семьи тогда у Михеева не было. Поселился он в канцелярии роты, но неудобства вроде бы вовсе не стесняли его. Любил поговорить с людьми, объяснялся басовито и напевно — поморским слогом. Любил спеть под настроение, особенно «Ямщика» и «Стеньку Разина».

Стышко знал, что из Днепропетровска, уже с должности командира саперной роты, Михеев уехал сдавать экзамены в академию. Правда, в тот раз не поступил, но и в батальон не вернулся: его назначили начальником погранШколы в Саратове.

И вдруг неожиданная прошлогодняя встреча в Киеве: Михеев — уже начальник особого отдела округа! Василию Макаровичу, конечно, интересно было узнать, насколько изменился Михеев, сделавший прямо-таки головокружительную карьеру.

Михеев возмужал, стал строже, начальственнее — не то что в двадцать лет. И это было понятно. Анатолий Николаевич к тому времени уже обладал приличным опытом работы в контрразведке на посту начальника особого отдела Орловского военного округа. Перевод Михеева в Киев, на один из самых ответственных участков, надо было расценивать как бесспорное признание даровитости молодого чекиста. В его личном деле хранилась аттестация из Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, в которой писалось:

> «…По своим склонностям и данным — образцовый командир, всесторонне развитый, с твердой волей, инициативой и решительностью.
>
> Скромен, общителен и настойчив.
>
> Как образцовый командир-большевик, обладающий хорошими политическими и деловыми качествами,

капитан Михеев заслуживает присвоения воинского звания «майор» во внеочередном порядке и подлежит выдвижению как в мирное, так и в военное время на руководящую работу, минуя обычную последовательность в прохождении службы.

Рекомендовать начальником инженерной службы дивизии».

Но разве могли в академии предположить, какая совершенно необычная последовательность в прохождении службы ожидает Михеева?..

Наблюдая теперь за Анатолием Николаевичем, Стышко припомнил первое знакомство Михеева с оперативным составом в Киеве. Возникший тогда разговор очень походил по смыслу на то, что сейчас Анатолий Николаевич диктовал стенографистке.

«Среди вас есть старые, заслуженные чекисты, — рассудительно говорил Михеев на той встрече. — Напоминать им о том, для какой надобности была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, — нелепо. Я и не собираюсь делать этого. Но использовать в работе поучительное прошлое — необходимо. Почему, к примеру, от чекистов всегда требовался личный авторитет? Нелишне напомнить о том, как партия, заботясь об органах государственной безопасности, вскрывала и решительно устраняла возникавшие недостатки в работе, постоянно борясь за чистоту чекистских рядов. А вот я с горечью должен заявить, что у некоторых наших товарищей в отделе либо нет нужной связи с политотделами, либо отношения неискренние, натянутые. Это явное недомыслие! Как правило, у таких работников неважно обстоят оперативные дела. Досаду вызывает и то, что есть среди нас любители копаться в мелочных недовольствах, в старье чиновных предков и тому подобном, чего нам без нужды и касаться не следует. Как говорит старинная крестьянская поговорка, ежели кобыла неглубоко пашет и в борозде валится, ее нужно выпрягать, потому что на одном кнуте далеко не уедешь. У нас же задача определена четко: ограждать войска от подрывной деятельности врага и помогать командирам, политработникам в повышении боеготовности частей. И мы должны бороться за неуклонное выполнение этой задачи».

Отпустив стенографистку, Михеев раскинул руки, подошел к Василию Макаровичу и по-приятельски обнял его.

— Ну давай, сапер, посмотрим, как вы там дело правите, — взял он из рук Стышко кожаную папку с застежкой-«молнией» и, позвонив по телефону Будникову, попросил того зайти в кабинет.

Фотографии, на которых были сняты Осин с Савельевой,

лежали под верхней обложкой дела «Выдвиженцев» и первыми попали Михееву на глаза.

— Это еще что за похабщина? — изумился он, но тут же вспомнил: — Ах да, о них упоминал Ярунчиков.

Василий Макарович пояснил, почему и как появились эти фотографии в деле; не забыл он отметить и подозрение чекистов на то, что снимки сделаны для компрометации женщины, чтобы заставить ее работать на иностранную разведку.

Вошел Будников, степенно кивнул Стышко и хотел было сесть напротив гостя у приставного столика, но Михеев остановил:

— Нет-нет, подсаживайся-ка рядышком, будем, так сказать, в тесном контакте работать.

Поглядывая на Михеева и Будникова, занятых просмотром бумаг по группе «Выдвиженцы», Стышко почему-то вспомнил, как они с Анатолием Николаевичем, служа под Днепропетровском, вдвоем ходили в баню у реки, как хлестко, обжигающе, до багрянца стегали друг друга веником. А потом, возвращаясь из бани в батальон, заходили по пути в буфет, пили чай и лакомились пирожками с повидлом из тыквы — на спор, кто больше съест. Веселое было время…

— Савельева уже выехала обратно в Киев, — сообщил Михеев, прочитав последний документ. — Она всего лишь выхлопотала для матери место в клинике сердечных болезней и вернулась на вокзал. Посторонних встреч не было.

— Тогда есть резон начинать с нее, — предложил Будников.

— А если она не преступница, Осин только еще готовит ее к вербовке? Есть такое резонное предположение у Ярунчикова. Как тогда? — спросил Михеев.

Будников заявил:

— Тогда мы их опередим, Савельева будет нам помогать, в проигрыше не останемся.

— Логично, — поддержал Михеев, собираясь положить фотографии в конверт. — Как видим, она теперь вхожа даже к радисту. Есть реальная возможность проникнуть в сеть «Выдвиженцев», а это на данном этапе немало.

— Скорее всего они ее готовят на роль связной, — предположил Будников.

— Надо думать, не на резидента, — построжало лицо Михеева. Он положил фотографии в конверт, спросил Стышко: — С них хотите начинать?

— Придется, куда денешься, — смущенно пожал плечами Стышко.

Михеев отрицательно покрутил головой, сухо говоря:

— Я против повторения грязных методов работы врага.

Сначала надо придумать предлог поблагороднее.

— Мы и не станем повторять, а всего лишь воспользуемся уликой, — пояснил Стышко.

— Ею уже они воспользовались, — отверг довод Михеев.

— Как это повернуть — вот в чем вопрос, — не отступал мягко говоривший Василий Макарович. — Надо учитывать, если Савельева не будет знать о том, что нам известно о фотографиях, она может не пойти на откровение, опять-таки боясь обратного, чтобы не вскрылся ее позор. Женщины, говорят, так же упорны, как и податливы…

— Лично мне об этом неизвестно, — то ли в шутку, то ли всерьез вставил Михеев.

— Раскрой мы ей главную карту, Савельева наверняка все выложит. Другого подхода я не вижу, — с убежденностью закончил Стышко.

— Нового испуга хотите? — исподволь противился Михеев. — Вторичное всегда теряет первоначальную остроту.

— На испуг мы не рассчитываем. И потом, почему в отношениях с врагом мы должны деликатничать? — недоуменно воскликнул Стышко.

— Должны, Василий Макарович, — ответил Михеев. — Благородная цель в нашей работе не может достигаться любыми средствами.

— Да, но если ее скомпрометировали на этой фактуре, запугали и она живет под страхом, — все живее и настойчивее говорил Стышко, — разве не благородно снять с ее души мучительную тяжесть? Для этого нужно говорить открыто, напрямую, ну и, конечно, с тактом. Она ведь жена заслуженного летчика, семейные отношения у них не нарушены.

Михеев слушал его с доброжелательным вниманием.

— Вот ты как поворачиваешь… — произнес он улыбчиво. — Ничего не скажешь, логично. Главное, ты свою правоту убежденно чувствуешь. Такой подход, пожалуй, годится. Но… в последнюю очередь, на крайний случай. Ты сделай вот что: приготовь пачку снимков, где Савельева с Осиным засняты нашими в сквере, на Крещатике и возле дома Хопека. Но сразу не показывай ей, — вскинул указательный палец Михеев, — спроси прежде, что это за человек, Осин, и что ее связывает с ним. Посмотри, как она среагирует, положи снимки на стол. Она должна выдать себя, ожидая увидеть совсем другую фактуру. Ты и воспользуйся этим моментом. Думаю, так будет с твоей стороны деликатно и мило. Савельева тебе за это мысленно поклонится. По-доброму и дело обначалишь.

Стышко пристально смотрел на него.

— Не знавал я в вас этакой дипломатии, — не удержался он от комплимента и добавил твердо: — Так и сделаю.

— Встретиться с ней нужно абсолютно конспиративно, чтобы ни одна посторонняя душа не знала, — подсказал Стышко Будников.

— Так и задумано. Перехватим Савельеву возле ее дома… — начал делиться планом Стышко, но его остановил Михеев:

— Не годится. Она должна выйти из дома подготовленная увидеть тебя, без лишних эмоций. Допустим, ты служишь в эскадрилье ее мужа — побольше разузнай о нем, приехал по делам в Киев, привез ей от него, скажем, посылку. Остальное додумай.

Стышко понравились и план и легенда Михеева. Они обсудили тонкости исполнения, стараясь предусмотреть возможные неожиданности. И когда все с этим было решено, Михеев заговорил о другой ветви этого дела:

— Надо форсировать поиск львовских связей, они помогут выйти на «главного», о котором нам даже приблизительно ничего не известно. Похоже, что в Киеве его нет. А что, если старшему лейтенанту Рублевскому организовать командировку в Москву? Может быть, даже направить вдвоем, для важности скажем, в оперативное управление. Рублевский начнет искать связь, сразу активизируется. Срок на отъезд дать ограниченный. Пора заставлять их плясать под нашу дудку.

Будников дополнил:

— Перед этим ему надо подсунуть новое фиктивное распоряжение.

— Обязательно даже, — поддержал заместителя Михеев. — Пока время есть, им надо больше представить липовой фактуры. Пусть потом разбираются.

— Ясно, доложу начальнику отдела, — счел разговор оконченным Стышко.

— Виктор Иванович сейчас напишет бумагу с нашими соображениями, возьмешь с собой. Не один, надеюсь, прилетел, охрану-то взял?.. — заинтересованно спросил Михеев и направился с папкой к сейфу.

— Взял, внизу ждет… А материалы по «Выдвиженцам» я разве с собой не возьму? — недоуменно приподнялся Стышко.

Михеев пятерней поправил волосы, смешливо ответил:

— Ты прямо-таки за ними готов в огонь. Дело вам вернем. Идем перекусим сначала, потом заберешь.

Глава 8

Полдня Мирон Петрович Грачев потратил в управлении НКГБ по Львовской области на выявление в оперативных делах кличек, схожих с теми, которые имелись в последней перехваченной шифровке: «швея», «кадровик», «белка», «стояк». Он рассчитывал на больший результат, однако был доволен и тем, что удалось достигнуть. Заместитель начальника управления, пригласив нужных сотрудников, обязал их принять все возможные меры для выхода на след вражеской агентуры во Львове и предложил припомнить архивные материалы.

— Кажется, год назад, — сказал он, припоминая, — у нас проходило дело то ли «Ремесленников», то ли «Сезонников», словом, что-то в этом роде, я немного им занимался. Но точно помню, что один из проходивших по делу мужчин имел женскую кличку, вроде «швея»… то ли «портниха». Надо порыться в архиве. Не знаю, арестован ли он. Проверим. Завтра дадим ответ.

Это уже были реальные шаги, и Грачев с легким сердцем отправился в особый отдел 6-й армии. До своего отъезда Грачев рассчитывал и здесь нащупать что-нибудь по львовской связи «Выдвиженцев». Поэтому он сам попросил бригадного комиссара Моклецова порыться в памяти, вспомнить давнишние дела.

— Опять нити к нам тянутся, — обескураженно произнес Моклецов и заверил: — Все возможное сделаем. Возьму под личный контроль.

Далее Грачев отправился к Михаилу Степановичу Пригоде, по всей форме представился ему и вдруг по-приятельски спросил:

— Чего глазищами шаришь, аль не узнал? — и полез в карман доставать удостоверение личности.

— Здравствуй! — подал Пригода руку — Без документов знаем, что в начальство вышел, нечего удостоверять. Я, может, сам тебя рекомендовал.

— Вот я из благодарности тянусь перед тобой, — отшутился Грачев. — Знаешь, что трезвонит о твоем приезде контра националистская? Приехал, мол, головорез из чека.

— Как это — трезвонит? Я еще не осмотрелся как следует, — нахмурился Пригода. Новость пришлась ему, как говорится, не в жилу.

— Ничего себе «не осмотрелся», — присел на стул подле стола Грачев. — Зашуровал так, что искры полетели. Что насторожился? Все как надо, не волнуйся. Донесение мы перехватили.

Сел на свое место и Пригода, несколько польщенный

услышанным.

— Оперативно!.. — оценил он. — Пример надо брать.

— Как освоился на новом месте? В столицу не тянет?

— Столица что, ее там почти не видишь. И не встретишь ни вербы, ни ветряка… Я ведь привык в армии работать, столицы не по мне. Правда, хлопот вы мне отвалили!

— А дальше еще головоломнее будут «кроссворды». Я доволен, что ты здесь руководишь работой по нашему профилю. Первостепенная задача — подбор надежных кандидатов для внедрения в сеть абвера, в их учебные центры. Все, чем сейчас располагаем, капля в море.

— Есть у меня две кандидатуры. Кстати, они причастны к разоблачению немецкого агента.

— Кандидатуры из бывших националистов? — уточнил Грачев.

— Один — да, так сказать, доморощенный оуновец, по нашему заданию вошел к ним в доверие. Именуем Цыганом. Они его уже сделали связным, надеемся, что пошлют за кордон.

— Откуда такая уверенность?

— Усиленно натаскивают на приграничной зоне. Мы поручили ему изучать людей, наметить подходящих, которых можно попытаться обратить в нашу веру.

— Не двурушник этот «доморощенный»?

— Не-ет. Говорю, наш человек, много раз проверен. С ним Лойко работал, парень толковый.

— Ну, Алексея-то Кузьмича я знаю; хотя и молодой, но с доброй хваткой чекист. Понравился он мне с первого взгляда.

— Двоих помощников ему выделяют из областного УНКГБ, — с нескрываемым удовольствием похвалился Пригода.

— Очень хорошо. С оуновцами будьте осторожны, коварные подонки, фанатики, хуже баптистов. Взяли мы недавно с территориальными чекистами группу «лесных братьев», вместе с попом-проповедником. В группе два дезертира из Красной Армии. На допросе показаний не дают, хоть тресни. Прикинулись тупыми, ничегонезнайками. А взяли их с оружием. Что прикажете делать?

— Наверняка что-нибудь придумали, — не стал гадать Пригода.

— И тогда я взялся за батюшку попа, давай с ним толковать напрямую. Говорю ему: «Не вы ли запрет наложили своим людям? Молчат они, а все едино отвечать будут за свои злодеяния, свидетелей, как вам известно, у нас хватает. Но тем усугубите свою вину, получите по высшей строгости», — внушаю сивогривому. «Бог простит», — отвечает старик. Он неправильно

понял мой намек. Отвечаю ему: «Это как народный суд решит. В ваших интересах сказать нужное слово братии для общей пользы. Потом будет поздно». И, что же ты думаешь, поп велел всех позвать. Ввели. Глазом не моргнут, друг на друга не смотрят. А старик вышел на середину кабинета, изрек: «Мы находимся в плену. Бог завещал говорить правду и только правду». Те бултых ему в ноги, аж пятки кверху задрали.

— Ну это исключительный случай, — заметил Пригода. — Потому что вера у них одна: лютая ненависть к Советской власти.

— Я о том и толкую. Подобрать ключ в каждом отдельном случае — для этого тончайший подход нужен. Поэтому мало знать только структуру оуновцев. Путь к нашей цели через расслоение их рядов. Здесь обнаружится, что ненависть-то эта самая у всех разная. Есть среди них люди просто-напросто обманутые и запуганные. Вразумить надо этих людей.

— Так-то оно так, — не совсем согласился Пригода. — Но сколько времени уйдет на подбор подходящих людей! Враг же действует рискованно, так сказать, не считается с возможными потерями.

— Что ты хочешь этим сказать? Работать наобум, не считаясь с возможными провалами? — удивился Грачев.

— Я говорю о самом факте. Абвер, по сути, тоже не знает, кого ему подсовывает ОУН, к примеру, в разведшколы. Он страхуется тем, что их будущие агенты знают узкий круг людей с вымышленными фамилиями и легендами. Этим мы тоже можем воспользоваться.

— Использовать подставных лиц?

— Конечно. Получаем данные о готовящейся переброске. Держим под контролем их «окно» возле границы. — Пригода сжал пальцы в кулак. — У Лойко есть надежный человек.

— Это — дело. Ну а что представляет собой взятый агент абвера?

— Карась-то? Фамилия подлинная. Окончил гитлеровскую разведшколу в Польше, как он говорит, в генерал-губернаторстве. Там у них с десяток учебных заведений.

— Школ, точнее, — поправил Грачев, — в каждой по двадцать курсантов.

— Карась показал, что завербованных сначала направляют за кордон, в Грубеж, оттуда под вымышленными фамилиями поодиночке сопровождают в разведывательные школы. Все строго секретно. Даже оберегают учащихся от случайных встреч со знакомыми среди курсантов.

— Знаю. Твои данные явно занижены. На украинском участке нами уже зарегистрировано около двадцати шпионско-

диверсионных школ. Что касается разведцентров, всяких там филиалов, то таких работает против нашего военного округа гораздо больше.

— Потому, Мирон Петрович, я и попросился сюда. После недавней командировки не мог спокойно рассиживаться в московском кабинете.

Грачев понимающе кивнул.

— Очень ответственный участок у тебя тут, остроугольным я бы его назвал. Ты прав, работать смелее надо, активнее, разнообразнее и, главное, надежнее. А теперь давай мне показания Карася. Подготовиться к встрече с ним хочу.

* * *

Когда лазутчика доставили в кабинет, старший лейтенант госбезопасности Грачев невольно ухмыльнулся, увидя тощенького, с лысеющей головой человечка средних лет, настороженного, с плаксивым выражением лица.

«Плюгавый карасик», — подумал Мирон Петрович, предложив арестованному присесть к столу. Обычный мужичок в простенькой крестьянской одежде; судя по тщедушному виду, способный разве лишь к писарской работе. Карась и в самом деле до прошлого года был счетоводом в селе Меденцы под Бориславом, а осенью насовсем уехал в город, и односельчане больше ничего не знали о нем.

Завербованный немецкой разведкой, Карась, выполняя задание, покинул родное село и вскоре был переправлен за кордон — в разведшколу абвера возле города Грубеж в Польше.

Показания Карася сводились к тому, что ему поручена разведка — подтверждение дислокации частей и соединений 6-й армии, которые якобы заранее были помечены на полевой карте; связей он не имел, должен был вернуться в разведцентр. Получалось вроде бы простенькое задание. И вполне убедительное, если бы не карта с пометками, отобранная у Карася при аресте, плюс миниатюрное устройство в кожаном футляре для подслушивания телефонных разговоров, а также то обстоятельство, что агент должен был вернуться через границу в центр и лично доложить результаты разведки. Тут-то и была подвязка — выходило, задание Карасю поручено важное, гораздо серьезнее того, в котором признался шпион.

Грачев долго изучал отобранную у него карту, сравнивал записи и пометки на ней с запротоколированными показаниями Карася — почерк совпадал. Значит, в обозначениях на карте надо

было искать главный смысл разведывательного задания. Расположение штаба армии, мехкорпуса и двух дивизий соответствовало фактической дислокации; судя по аккуратности знаков, действительно могло быть сделанным заранее, в разведцентре. Но что обозначали связующие стрелки, пунктирные прочерки, галочки рядками? Они нанесены простым карандашом, торопливо, неопытной рукой, легковесно: должно быть, подкладывал под карту ладонь. На каждом из этих условных обозначений в строго определенном месте значился крестик с непонятным указанием числа километров.

Грачеву вспомнился изъятый у Карася подслушивающий аппарат, мелькнула неожиданная мысль: «На карте обозначены линии телефонной и спецсвязи. А что же обозначают галочки? Если крестики — места, где велось подслушивание, тогда что обозначают помеченные под ними «2 км», «км 4,5»? Нет, с ними что-то связано», — размышлял Грачев, ища разгадку в показаниях агента. Но, кроме упоминания о подслушивании «для отчета», как выразился Карась, от него ничего не добились.

Грачев хотел посоветоваться с Пригодой, но тот отправился в политотдел армии и пока не вернулся, потому Мирон Петрович пригласил оперуполномоченного Лойко.

Выслушав бывалого чекиста, Лойко заявил скорее в оправдание:

— С Карасем еще не закончили. Не сразу раскололся, юлил поначалу, правда, примитивно и не так уж упорно. Выявлять штабы, подслушивать разговоры — и того много для этого недоумка.

— Жаль, — покачал головой Грачев, но не стал упрекать Лойко в недальновидности, решив высказать замечание самому Пригоде, да и то после личного допроса арестованного.

Смотря сейчас на сидящего по другую сторону стола Карася, на его рыбьи, немигающие глаза, Грачев сразу начал:

— Когда вас забросили на советскую территорию?

— Меня проводили к утру семнадцатого.

— Какого семнадцатого, месяц?

— Да марта, в воскресенье шестнадцатого растеплилось, слякотно… Значит, в понедельник утром.

— И сколько же вы прошли километров почти за месяц?

— Да трохи совсем, говорю, болел, нутро дерет, видишь, ослаб вовсе. Меня и посылать не хотели, видят, совсем хворый; сам вызвался, все одно бы убег. Чего мне с ними, на испуг взяли…

Грачев придвинул Карасю знакомую ему карту.

— Судя по ней, немалые «трохи», можно подсчитать

километры. Шустрый вы человек, легкий на ногу. Когда должны были вернуться обратно?

— В нонешнее воскресенье.

— Второй срок возвращения когда назначен?

— На ночь на среду или на следующее воскресенье. Я все одно не вернулся бы туда… А то, что меня ваши застали за этим делом, подслушивал для блезиру, удумал — на всякий случай, вдруг они следят за мной…

— Вы побывали далече, вот аж где, — указал Грачев на карте, — облазили немало, а взяли вас на обратном пути.

— Не, туда я не ходил…

— Кто вам преподавал в разведшколе средства связи? — пристально взглянул на арестованного Грачев.

— Дербаш его кличка, — ответил Карась, и в его настороженном лице промелькнула искорка любопытства. Добавил: — Кто его знает по настоящей-то фамилии. Я и сам там прозывался Слипкой, сюда послали по документам Стецко.

Грачев остался доволен ответом. Дербаш — разведчик, известный чекистам, уже выявлен профиль его специализации: поиск линий связи штабов и диверсии на них.

«Именно диверсии, нарушение связи», — понял Грачев, мрачнея от обилия крестиков на карте, представляя себе, что было бы, выполни враг разом свой план в нужный момент. Наверное, такие караси посланы и в другие армии. И Мирон Петрович решил принять срочные меры по розыску вражеских лазутчиков и усилению охраны проводной связи.

— Нам известно, чему учат в разведшколе под Грубежем и на что вас нацелил Дербаш, — сверлил он взглядом Карася. — Да и карта все говорит. Это ваше карандашное художество — квалифицированное выполнение серьезного разведывательного задания. Не пытайтесь заморочить нам голову!

— Боже упаси, чего я, вы больше моего знаете…

— Не забывайте, вам перед судом отвечать. С чем предстанете? Как уличенный преступник или чистосердечно признавшийся во всем, оказавший помощь нашим органам? Понимаете, надеюсь, разницу?

Карась тяжело вздохнул.

— Жену и сына убьют, — ответил он со вздохом каким-то новым тоном. Было видно, агент о многом успел подумать и прочувствовать разницу, о которой ему напомнил чекист.

— Виделись с ними?

— Заходил… Наперекосяк вот тут пошло, — потер Карась грудь. — Не вру, была думка за кордон не вертеться. Только ведь родных убьют…

— Положим, безопасность вашей семьи можно обеспечить. Мы проверим, когда вы заходили… Жена знает, что пришли с той стороны?

— Не-ет! — потряс обеими руками Карась. — Ее не впутывайте, не говорил ей ничего.

— Как же ей объяснили долгое отсутствие?

— Соврал раньше, когда уезжали из села Меденцы. Погорел, сказал, афера со скотом… Посадили, толкую, теперь удалось бежать… Не скажет она никому ничего, знает, меня ищут. Не впутывайте христа ради!

— Она-то при чем? Не знает так не знает, — успокоил Грачев. — Ей нужно помочь перебраться в другое место, и без огласки. Захотите, устроим встречу.

— Да как же так-то… — замялся Карась. — А переехать им надо бы. Не вернусь же, в самом деле посадите, там подумают, скрылся или продался. И кокнут семью.

— С этим мы, по-моему, решили. А свои обещания мы выполняем четко. Таиться нечего, вы можете быть нам полезны. Давайте напрямую. Какое главное задание получили? Вы же скрыли его.

Немного помедлив, будто собираясь с духом, Карась заговорил профессионально, как, должно быть, зазубрил на занятиях в разведшколе:

— Обнаружение и отметка на карте навесной телефонной, телеграфной и скрытой спецсвязи в звеньях штабов: армия — округ, армия — корпус — дивизия.

— И крестами на линиях связи обозначены… — подал наводящую мысль Грачев.

Выпятив губы, Карась чуток подумал, взглядом выхватив на карте свои пометки, пояснил тихо:

— Места, подходящие для диверсий.

— Из чего исходили?

Карась пожал плечами.

— Где поскрытнее, в овражках, у лесочков.

Достав стопку чистых листов бумаги, Грачев положил их перед Карасем, предложил:

— Изложите письменно и подробнее. В конце укажите, куда, когда должны явиться для переброски за кордон, с кем встреча, пароль.

— Я уже рассказывал и сам писал показания.

— Ничего, напишите еще раз, и подробнее, — подав ручку, настойчиво повторил Грачев.

* * *

В полночь с пятницы на субботу радист Хопек вышел на связь. Ярунчикову довелось перенервничать, когда узнал, что за четыре часа до этого учитель выехал на мотоцикле из Бровцов по шоссе на восток. Двое сотрудников особого отдела устремились за ним на грузовике с незажженными фарами, держались поодаль, ориентируясь по скачущему лучу мотоциклетной фары. Хопек миновал Прилуки, прокатил больше ста километров не останавливаясь, когда Ярунчиков сообразил, что учитель, видимо, направился в Сенчу, где прежде работал, — она была на пути, и вызвал к телефону Боженко, начальника особого отдела мехкорпуса.

— Разбудил? — спросил Ярунчиков. — На охоту решил тебя пригласить. Мой чех выехал на мотоцикле с коляской, надо помочь проследить. Ты понял?

— Понял, немедленно еду, — ответил Боженко.

— Присоединяйся за Прилуками в направлении Сенчи. Должен успеть нагнать. Грузовик следом идет, не перепутай. Зверя не спугни и без меня не бери. Ну, ни пуха!

Очень сложно было сопровождать Хопека на открытом месте, но еще труднее на лесистых холмах близ реки Суды. Свет от фары мотоцикла пропадал, и не понять было, едет он или остановился. А остановку его в укромном месте предполагали: радист, по расчетам, уже должен был выходить на связь. С риском оперработники продолжали ехать вслепую и, обнаружив, что отстали от мотоцикла слишком далеко, прибавляли ходу. И вдруг поняли, что Хопек свернул на полевую дорогу к темнеющему неподалеку лесочку. Увидели, как погасла фара…

Близилась полночь.

…Прочитав дешифрованную радиограмму, Ярунчиков облегченно вздохнул. Наконец-то дождались: Хопек передал содержание фиктивного приказа!

— Клюнул все-таки, паразит! — воскликнул бригадный комиссар, перечитывая текст:

> «Приказ командующего округом. 123-й авиационный полк передислоцируют из-под Днепропетровска в Ровно. Срок до 10 мая. Указаний главного нет. 673».

Ярунчиков заходил по кабинету, потирая руки, словно стараясь умерить нахлынувшую радость, ни о чем не думая, только чувствуя сверхудачу. Какие уж тут мысли! Но надо было срочно связываться с Михеевым. И Никита Алексеевич направился к телефону.

* * *

Холода прошли, пригрело солнце, и днем стало жарко. А Стышко припас себе для маскировки под летчика даже меховые унты. Они не пригодились. Перед тем как выйти из особого отдела в новенькой авиационной форме, он предварительно справился, где находится Осин — тот оказался у себя в конторе, и Василий Макарович отправился на встречу с Риммой Савельевой. На голове его красовалась фуражка с летной кокардой; на рукавах гимнастерки поблескивали золотистые угольнички галунов, соответствующие капитанскому званию; в голубых петлицах — шпала с пропеллером. Василий Макарович шагал собранно, стараясь не сутулиться и выглядеть браво, по-авиаторски. Только что он говорил с Риммой Савельевой по телефону, передал ей привет от мужа, сообщил, что привез ей посылку, а поцелуй передать ему не доверили. Римма рассмеялась и ответила, что поцелуи спрятаны в посылке, а это значит — они находятся в руках у того, кто ее привез.

Они условились встретиться возле большой клумбы в сквере, неподалеку от дома Савельевой.

На безлюдной аллее показалась Римма. На ней был малиновый берет и такой же яркий, облегающий ее стройную фигуру казакин с блестящими металлическими застежками «восьмеркой». Она шла быстро, мелькали остроносые лаковые туфли, и таким привлекательным было ее смуглое, черноглазое лицо, оживленное мыслью о встрече с товарищем мужа.

«Красна, сатана! А ведь дрянь баба», — противоречиво думал Стышко, направляясь ей навстречу. Ему вспомнилось вчерашнее донесение сотрудника, в котором описывался теперешний наряд Савельевой, поразмышлял: «Запуталась бабенка, но следит за своим видом. Строга, недоступна, прямо-таки настоящая королева. Робко и заговорить-то… А что с ней выделывает этот прохвост!..»

Вчера, вернувшись в Киев, Савельева из дома позвонила Осину и сказала: «Все в порядке, Георгий». Что она имела в виду: мать ли свою, которую договорилась положить в московскую больницу, либо что другое — осталось неизвестным. Похоже, она говорила о матери. Вечером они встретились, пошли на квартиру к Осину. Пробыла она там около часа и ушла мрачная, торопливая.

Смотря сейчас на быстро подходившую жену «сослуживца», Стышко внутренне собрался и смотрел на нее, почти искренне любуясь.

Поздоровались.

— А посылка где? В кармане? — шутливо спросила Римма.

— У приятеля оставил, пока в парикмахерскую бегал, тут недалеко. — Они свернули на тихую улочку. — Не мог предстать перед вами небритым. И на почту успел забежать, деньги жене отправил. Не перевез пока семью к себе — второй месяц холостякую.

Он говорил бы еще о чем угодно, только бы не дать ей начать расспросы. Но Римма все же улучила момент, спросила:

— Как Никифор, не собирался в Киев?

— Да нет вроде…

— Я на следующей неделе загляну к нему, так и передайте. Только отвезу маму в больницу в Москву и сразу к нему.

Когда она произнесла имя мужа, в ее голосе послышалась и грусть, и усталость, и затаенная робость. Это Стышко отметил особо.

— Никифор Саввич заждался, часто о вас вспоминает, — все увереннее чувствовал себя Василий Макарович, довольный тем, что все идет как по нотам и пребывать ему в пилотах осталось не больше пяти минут.

— Многим женщинам, и вам в том числе, не идет грусть, — продолжал он игру. — Я представлял вас непременно улыбчивой.

— Представить незнакомого человека я лично не умею, — не приняла она комплимента.

Стышко и к этому был готов. Он воспользовался в разговоре самым малым из того, что приготовил тщательно, без задоринки.

— Я с вами знаком, — возразил он приподнято. — Каждый день вы улыбаетесь всей нашей эскадрилье. У Никифора Саввича на столе ваша фотография.

Она скромно потупилась и промолчала.

— Нам сюда, — взял он ее под руку, сворачивая к подъезду трехэтажного, с виду самого обыкновенного дома. Они прошли по коридору мимо множества дверей.

— Прошу вас, — привычно открыл дверь Василий Макарович.

Настороженно оглядываясь, Савельева вошла в кабинет. Василий Макарович снял фуражку и направился к столу.

— Куда вы меня привели? — взволнованно спросила Римма, увидев, что «сослуживец» ее мужа уверенно садится за стол и тянется рукой к телефону.

— В особый отдел, — как о чем-то обычном, сообщил Василий Макарович и, не обращая внимания на испуганное: «Зачем?» — добавил: — Вы уж извините, но обстоятельства государственной важности вынудили меня стать летчиком. Я — сотрудник особого отдела округа.

Глаза у Риммы округлились, маленький рот по-детски

приоткрылся — она чуяла настигшую ее страшную беду, но не совсем осознавала сейчас, что к чему, и ошарашенно смотрела на оперработника.

— Пожалуйста, садитесь и расскажите, каким образом начиналась ваша связь с иностранной разведкой? — предложил Стышко мягким, несколько покровительственным тоном.

— С разведкой?! Иностранной?! — чуть ли не выкрикнула Савельева, подавшись к столу, и обреченно застыла, увидя в руке оперработника несколько фотографий. Она впилась в них взором, и у нее истерично вырвалось: — Мерзавцы!

Не произнеси Римма этого слова, Стышко еще помедлил, бы заводить разговор о фотографиях. Но тут он выложил их на стол, взял первую, попавшуюся под руку, протянул Римме.

— Кто этот человек? Расскажите обо всем, что вас связывает с ним.

Римма онемела. Ее пунцовый рот исказился, и в ту же секунду она схватила фотографии, начала их рвать. Обрывки выскальзывали из ее рук, разлетались в стороны, под стол, к ногам оперработника.

— Где вы взяли эту гадость? — еле выговорила Римма, нервически расстегивая верхнюю пуговицу кружевной кофточки.

— Вы сядьте, успокойтесь, — посоветовал Василий Макарович, успев отметить про себя, каким точным и пробивным оказался расчет Михеева: Савельева толком не разглядела снимки, приняв их за те, которыми Осин недавно так здорово напугал ее. Достав из стола новые, точно такие же снимки, Стышко произнес с укором: — Я не вижу в них ничего гадкого. Вот вы идете со знакомым по аллее, здесь с ним же сидите на скамейке, рассматриваете фотографии, тут вы в Бровцах выходите из машины, вместе направляетесь в дом… Кто же этот человек?

Савельева повернула снимки к себе, озадаченно взглянула на чекиста, разложила фотографии в ряд.

— Ах вот в чем дело, — как будто бы только что догадался Василий Макарович. — Вы имели в виду снимки, которые однажды ужасно огорчили вас. Те в самом деле гадкие, мерзкие.

Савельева стыдливо поморщилась, невидящими глазами уставилась в стол. Тихо сказала:

— Я действительно приняла их за другие… Подумала: значит, выполнили угрозу, послали снимки вам, мужу. Боже мой!

— Вы понимаете, для чего они сделаны? Знаете этих людей, их преступные цели и, разумеется, свою роль в их делах? Так рассказывайте чистосердечно, что вы медлите?

…Стышко слушал, ни разу не перебив и ни о чем не

переспросив Римму, записывал показания сосредоточенно и быстро.

Римма начала с того, как в январе познакомилась с Осиным в купе вагона, возвращаясь от мужа из Львова в Киев. При этом она говорила предельно откровенно, не скрывая того, что подумалось ей в тот момент, когда увидела Осина впервые: «Интересный, обходительный, завидного телосложения, словом, красив, как киноартист».

Она рассказывала сбивчиво, как будто стремилась выбрать главное, что могло прежде всего интересовать чекистов.

Василий Макарович был частично осведомлен о том, где встречались Савельева с Осиным, и вовсе не это его интересовало. Он ждал, когда Римма сама подойдет к самому важному: к подробностям ее вербовки врагом.

— После того проклятого вечера, ну, когда нащелкали эту гадость у него на квартире, дня через три мы встретились, и мне показалось, что-то случилось у него. Плел мне всякую ерунду, подготавливая, а потом выложил эти снимки. Я обалдела. Позор! Уму непостижимо!.. Не помню, что я говорила, кажется, себя проклинала. И решила немедленно порвать с ним. Я стала требовать фотографии. Хотя вы же, оказывается, знаете об этом. Он говорит: «Ты уж лучше бы пленку просила. И ругаешься, как будто я сам нащелкал…» В самом деле, думаю, он-то при чем? «Так ты, Георгий, — говорю ему, — скорее добудь пленку. Заплати… И кто, наконец, этот фотограф? Откуда он взялся там, у тебя дома? Сосед, что ли, шантажист? Не дай бог мужу подбросит…» — Римма налила стакан воды, отхлебнула глоток, продолжила: — После, потом уж все уразумела, дура… Он тогда в сквере с письмом к нему посылал, к фотографу, в Бровцы, уверял, если исполню просьбу, тот отдаст пленку. Я отказалась. Противно, стыдно было видеть этого субъекта, тем более еще умолять его. Тогда Осин предложил поехать вместе. Я противилась, но в конце концов уступила, когда он поймал машину. У меня было желание объясниться с Георгием, хотя бы что-то понять и уладить, словом успокоиться. В машине Георгий сунул мне запечатанный конверт и тихонько сказал: «Отдашь ему, тут записка от влиятельного человека, которая дороже денег, не возражай, я делаю все, что могу. Меня тоже шантажируют этими снимками. Но в конечном счете дело не во мне. Я человек холостой. А вот ты можешь пострадать. Уладить все надо. Шантажируют-то на громадную сумму. Где ее возьмешь? Не хотел тебе говорить. А куда денешься…» Я, конечно, когда приехали, отдала конверт. Так и не узнала, что в нем было.

— Вы говорили с этим человеком? — спросил Стышко.

— Я задержалась возле старушки в прихожей. Потом Осин позвал меня. Тут я отдала конверт, всего одно слово сказала: «Вам». Готова была ударить по противной роже с поросячьими глазками. «Мы поладим, не обижайтесь», — взял меня под локоть этот боров. Я отстранилась. И мы с Георгием сразу ушли.

— И Осин вам ничего не разъяснил?

— Сейчас скажу, соображу только, в голове все путается. Когда мы уходили, я спросила Осина, взял ли он пленку. Георгий дернул меня за рукав, молчи, дескать. И в машине на обратном пути о всяких пустяках болтал. Когда же пошел меня провожать, я ему опять о фотографиях, о пленке, взял ли он ее. А он говорит, что мне придется еще раз съездить за пленкой к этому человеку.

— Как его фамилия, знаете?

— Осин называл, но я плохо запомнила. Что-то созвучное «хапуге».

— Может быть, Хопек? — подсказал Стышко и достал фотографию.

— Он! — с придыхом подтвердила Савельева. — Преподает якобы в школе. И доверяют такому поганцу детей! Впрочем, мне ли судить об этом… Так вот, «хапуга» — я так буду его называть, со слов Георгия, потребовал гарантию, что его не подведут, а то ему за эту пленку может сильно не поздоровиться. Словом, в таком духе Осин стал меня обрабатывать. Пообещал, что гарантию эту достанет, а я должна буду отвезти ее в Бровцы «хапуге».

«Не наивничает ли она?» — закралось подозрение у Стышко, но услышанное дальше развеяло всякие сомнения.

— «Какая еще гарантия? — возмутилась я. Говорю: — Врешь ты мне все. Взял бы вместе с ним сжег пленку, и весь разговор». А он мне: «Ты возбуждена, успокойся, все уладится, обещаю тебе. Вернешься из Москвы, поговорим спокойно, и ты, уверен, согласишься со мной. И вот вчера, едва я приехала, сразу позвонила Осину. Душа-то ноет… Встретились мы, Георгий сам возобновил прошлый разговор и подметил: «Видишь, подумала и успокоилась. В самом деле, лиха ли беда еще раз съездить, бумажку отвезти».

Я спросила, что за бумажку он раздобыл, откуда она, почему так надеется на нее. Георгий объяснил: «хапуга», то есть Хопек, добивается перевода в киевскую школу и в этом смысле зависит от одного человека — родственника Осина. Георгий недавно знакомил меня с ним. Неприятное впечатление произвел на меня родич… «Хапуга» однажды приезжал к Осину домой, чтобы встретиться с этим родственником. Кстати, было это как раз тогда, когда «хапуга» сделал те самые снимки — он, оказалось,

как объяснил Георгий, находился в соседней комнате и подглядел, воспользовался случаем… Я и духом его не чуяла. Вообще встретилась с ним один раз тогда, в Бровцах…

— Уточните, когда познакомились с родственником Осина, как его звать, фамилия, если знаете? — очень заинтересовался Стышко.

Савельева пожала опущенными плечами и неуверенно ответила:

— Он мне назвался, но я вообще с первого раза плохо имена запоминаю… Вениамин вроде… Не помню, хоть убейте, но отчество точно расслышала — Викентьевич. У меня так дядю зовут. А познакомил меня с ним Георгий недели две назад. Сказал, что тот — брат матери… и представил меня своей невестой. Я не возражала, какая разница, не любовницей же называться.

— Ну а почему он произвел на вас неприятное впечатление?

— Настырно расспрашивал: и чем занимаюсь, и кто родственники, и давно ли в Киеве, и много ли у меня знакомых. Сначала думала, будущей родней интересуется, много ли приглашать на свадьбу с моей стороны. Потом серчать начала, перестала отвечать. И Георгий ушел на кухню закуску готовить… А этот в амбицию: «Вы что же замолчали?» Я ему ответила, что не люблю болтать лишнее. Он похвалил меня за это и опять подкидывает вопрос: «Не было ли у вас в роду польской крови?» Что-то шляхетское во мне нашел. И тут, знаете, он опять возмутил меня. Заявляет: «Где ваш папа? У меня, — говорит, — был сослуживец Савельев, интереснейший мужчина… Пропал, исчез человек, слух пошел — посадили». Он задел меня за больное: отец ушел от нас, когда я была крохой. У него другая семья, он жив-здоров. Правда, я с ним вижусь изредка… Я вспыхнула: «Что вам до моего отца?! У него другая фамилия. Я по мужу Савельева!» Тут он губы поджал: «Вот те невеста!..»

Подоспел Осин, разрядил обстановку. Но я уже не могла успокоиться, распрощалась и ушла. Потом Георгий позвонил мне и сказал, что я понравилась его родичу. Нашел чем порадовать!

Стышко слушал, не записывая, изредка делая пометки, чтобы не отвлекать Савельеву, чувствуя, что ухватывает новую ниточку связи Осина, которая, очень даже возможно, тянется непосредственно к «главному». Ему стало ясно — Савельеву кто-то изучал перед вербовкой. Но кто же этот человек?

— Больше вы его не видели? — спросил он, когда Савельева замолчала.

— Нет.

— Обрисуйте его внешность, — приготовился записать

Стышко.

Римма прищурилась, как будто смотрела куда-то вдаль; узенький лоб ее наморщился.

— Рослый, крупный мужчина, лет за сорок. Лоб у него бросается в глаза, широкий и вроде как немного вогнутый. А вот тут у него, — взяла она себя двумя пальцами за горло, — сильно выпирает и дергается, когда говорит.

— Кадык имеете в виду, — подсказал Стышко.

— Да, углом выпирает, плохо побритый… Шевелюра буйная, немножко волнистая. Говор вкрадчивый, любезный. Глаза впалые, так и ходят. Да и сам он… Привычка у него вот такая, — провела она рукой по голове и задержалась на затылке, — щупает, вроде побаливает там у него. Я подумала, страдает гипертонией.

— Вы наблюдательны, — заметил Стышко и спросил: — А на чем мы прервались, отклонились в сторону?

Римма недолго собиралась с мыслями.

— Я встретилась с Осиным, когда из Москвы вернулась, он подметил, что я успокоилась, и уже как о решенном стал говорить по поводу моей поездки к «хапуге».

— Верно, — подтвердил Василий Макарович и подсказал, с чего продолжать: — Вы направились к нему домой.

— Знаете и про это… Зареклась ходить, но он принудил… Тут я ему сказала, что никуда не поеду. И зря считает, будто я успокоилась. Я действительно все обдумала и решила с ним порвать. Так и сказала ему. Добавила только то, что надеюсь на его порядочность, и предложила закончить эту отвратительную историю со снимками без моего участия. Пошлют мужу — сама буду расхлебывать. Другой вины на мне нет.

— Что же он?

— Георгий достаточно знал меня, чтобы понять, — в лице даже переменился. Запричитал, что я гублю его, бросаю в тяжелой ситуации, что я и не представляю, какая опасность нам обоим грозит. Он вытаращил на меня злющие глаза, таких я не видела. «Да ты знаешь, что это такое!» — выпалил с угрозой и кладет передо мной новую фотографию. На ней я отдаю письмо «хапуге». Когда успели, кто, ведь, кроме нас троих, никого не было? Не старушка же спроворила…

— А Осин где в этот момент был? — заинтересовался деталью Стышко, исключая при этом подозрение на хозяйку дома.

— Осин?.. Да сбоку на диванчике сидел.

— Вот он вас и заснял. Показал вам фото, говорите, и что?

— Неужели он?.. Какой подлец! А мне сказал, будто ему принесли шантажисты… Я швырнула карточку: «Что в ней особенного?» Вот тут-то и оказалось еще какое «что»! На явке,

говорит, была! Да как произнес-то ядовито: «На явке!..» И раскрыл все карты. Получалось, я давно с ними работаю. Заверял, что его самого когда-то грех попутал, он сделал две какие-то услуги, и теперь от него почти отстали. Советовал и мне поступить так, иначе худо будет, с матерью даже не посчитаются. Могут послать фотографии мужу, его сослуживцам, в НКВД, если появится необходимость. По правде сказать, я перепугалась, и Осин это заметил, обнял меня… успокаивать стал… Да, перед тем сказал еще, что у них есть фотографии, где я разговариваю с их человеком во Львове. В марте последний раз я ездила, но ни с кем не встречалась. Подстроили, наверное.

Она все говорила и говорила, а Стышко думал: опять упоминается львовская связь «Выдвиженцев», а у них никакой зацепки. Окажись в железном ящике Осина фотография, о которой упоминала Савельева, другое бы дело. Всего лишь одна фотография!

Между тем, выговорившись, Римма заметно успокоилась, с виноватой покорностью смотрела на чекиста.

— Я ничего не хочу, — сказала она, глядя ему в глаза. — И ничего уже не боюсь. Нет мне оправдания.

— Оправдания нет, это верно, — согласился Василий Макарович. — Но загладить моральную вину вы можете.

— Каким образом? — с надеждой воскликнула Римма и ответила себе сама: — Помочь разоблачить?

— Вы правильно меня поняли.

— Если бы я могла знать раньше… — запричитала Римма, всхлипывая. Пальцы ее сжались в кулак. — Поверьте! Я ненавижу их. И вас боялась. Думала, отстанут, а вы не узнаете…

— Нет, не отстанут… Вы собираетесь положить маму в больницу, везти в Москву?

У Савельевой дугой поднялась бровь.

— Вам и об этом известно… — произнесла она уже без удивления. — Мы собирались завтра ехать. Но, если надо, я отложу.

— Нужно бы очень, Римма Константиновна. Ненадолго, если, разумеется, это не повредит здоровью вашей матери.

— Выдержит ли она дорогу, вот в чем вопрос. И в Москве об этом предупреждали.

— Тогда повремените. Здесь вы будете нужны. О нашей встрече никому ни слова. Ни при каких обстоятельствах.

— Понимаю… Хорошо, — сосредоточенно и решительно отвечала Римма.

— Обязательно приведите себя в порядок, — посоветовал Василий Макарович.

Они договорились встретиться завтра днем, а в случае необходимости — связаться по телефону.

Глава 9

Как ни огорчала Пригоду серьезная недоработка в деле Карася, Михаил Степанович конечно же был доволен вмешательством Грачева, сумевшего раскусить главную суть задания фашистского агента. И эта суть круто меняла все дело.

— Как же понимать эту практическую сторону заинтересованности абвера? — спросил он Грачева.

— Сам голову ломаю. И ничего на ум не приходит, кроме одного: готовятся к боевым действиям.

— Да, похоже, — заключил Пригода, допуская возможность вооруженного конфликта, провокации со стороны гитлеровцев, — посуди, прикинь-ка интересы абвера за последние месяцы, и выйдет, как ни ряди, подготовка к переходу границы.

— Ну, может, и не это, а другая какая-то политика, прощупывание слабых мест, что ли. Во всяком случае, надо немедленно доложить в центр.

— Сейчас же сделаю… «Окно» через границу взяли под жесткое наблюдение, результатов еще не знаю. Не для одного же Карася распахнули его.

— Без сомнения. Надо связаться, узнать, нет ли новостей. Ты не тяни с этим, Михаил Степанович, — поторопил Грачев. — Пусть ждут гостей со дня на день, особенно в ночь на воскресенье и на среду. Возврат агентуры они могут приурочить одновременный. Не может же быть, чтобы абвер не интересовали другие армии округа. Известно, они привыкли намечать и осуществлять мероприятия разом. Надо срочно предупредить наших товарищей в частях.

— Возможно, уже поздно. Промедлили, день был дорог, — покачал головой Пригода. — А ты говоришь, «зашуровал, искры полетели».

Грачев успокоил:

— Не горюй, Степаныч, карася схватили, значит, щука не дремала. И распотрошили его как следует. Оформляй и посылай Карася к нам в округ, я сам им займусь. У вас ему больше нечего делать.

— Добро. Сегодня уедешь? — спросил Пригода.

— Да нет, завтра собираюсь. Хочу посмотреть, как у Лойко дела идут, хорошенько с ним потолковать. Промашка с Карасем не нравится мне.

— Заодно и я маху дал, — не мог успокоиться Пригода.

— Ты человек новый, только в курс входишь. А он на этом деле сидит, тонкое чутье обязан иметь. Разнос ему делать не

собираюсь, а вот расшевелить хочу.

— У меня сегодня разговор с Цыганом, с тем самым, который в доверие вошел к оуновцам, связным сейчас у них. Что-то срочное у него, известил; могу пригласить тебя.

— С охотой бы, Михаил Степанович, но не успею. И с Моклецовым у нас вечером час намечен. Серьезнейшее дело начато в Киеве. Тебя не стал отрывать, да и работник ты здесь новый. Львовские связи нащупываем, а из добытых данных — одни клички, не густо. Правда, нашлась «швея». И, похоже, та, что нужна. В работу взяли. Ну, — подал он руку, — о беседе с Цыганом потом расскажешь. Карася завтра утречком сопроводи в Киев. Документы на него нынче приготовь.

* * *

Отправляясь на встречу с Антоном Сухарем — Цыганом, Пригода продумал меры предосторожности. Как-никак стал он известен оуновцам, надо быть осмотрительнее. Разговор должен состояться в десять часов вечера на дороге километрах в двадцати от Львова. Старший батальонный комиссар выехал из отдела пораньше, повел машину в противоположную, куда надо было, сторону и, сделав крюк по тихой окраине, выбрался на дорогу в сторону города Яворов.

Проскочив железнодорожное полотно, Пригода взглянул на часы — самый раз — и прибавил газку. Было еще светло, но день кончался. Дорога была пуста, лишь далеко впереди маячила бричка, да и та свернула на взгорье в сторону млына возле села.

Вот и поворот за клином рощи, впереди — никого. И вдруг приметливый глаз Михаила Степановича выхватил за рядком густого терновника сидящую фигуру со знакомой лохматой головой. Машина остановилась, дверца распахнулась.

— Я вас с той стороны глазею, — быстро шел навстречу Антон Сухарь, парень рослый, чернобровый, с огромной кучерявой шевелюрой, в которой не только донесение на тонкой папиросной бумаге можно спрятать, как шутил он сам, но и пушку. Веселый, немного даже удалой, Антон и сейчас простодушно улыбался Пригоде, откровенно довольный встречей.

Машина тронулась дальше.

— Всегда надо в нашем деле появляться не с той стороны, с которой ожидают, — ответил Пригода и спросил: — Рассказывай, зачем тревожную отметку в открытке поставил?

Лицо Антона стало хмурым.

— К фашистам хотят послать, говорят, учиться, начальником

большим обещают сделать.

— Учиться… — раздельно, будто не поверив, повторил Пригода. Он удивился и в то же время чрезвычайно обрадовался сообщению Сухаря. Дело имел не с завербованным ouновцем, а со своим, проверенным человеком, на способности которого очень надеялся. — Ты будто недоволен? — заметил Пригода.

— Неожиданно, не свыкся… — ответил Антон и шутливо заключил: — Чего отказываться, в люди выводят. — Добавил: — Имел счастье вчера зреть самого Горулько, заместителя начальника по разведке, беседовал со мной, благословение, так сказать, дал в последней инстанции. Громила мужик, морда длинная, башка наголо обрита, глаза большие, свирепые, чуток заикается. Я все описал. И где встречались, кто привел, — положил он на колени Пригоде сложенный лист бумаги.

— Когда переправят, не сказали?

— Три дня разрешили кутнуть. А там скоро, наверное.

— Ну, в добрый путь, — пожал руку Антона Пригода. — Сообщить о себе едва ли сможешь. Значит, до возвращения. Забросят обратно, для того и учить будут. Глядишь, правой рукой Горулько станешь.

— Ничего, поднаторею, — мечтательно произнес Антон. — Немецкий язык выучу… Мы их в гробовую доску выведем.

Пригода притормозил, хотел развернуть машину, чтобы ехать обратно — в нужном месте высадить Антона, но тот остановил:

— Вы для меня вертаете?.. Не надо, я во Львов к сестре. Должен же я отпущенные три дня погулять.

— Совсем хорошо. Тогда завтра увидимся в половине одиннадцатого вечера. Только вот где?

— У памятника Адаму Мицкевичу, — моментально наметил Антон.

Пригода покосился на него, понял, что тот шутит, сказал:

— Да вот, где высажу тебя, поглуше улочку найду, туда и придешь. Буду в гражданском.

— Ну и я отутюженный в двадцать два тридцать буду на нечетной стороне.

Уточнение насчет конкретной стороны улицы понравилось Пригоде.

* * *

Командующий округом генерал-полковник Кирпонос два дня пробыл в Москве, в Генеральном штабе. Продолжавшаяся с февраля подозрительная переброска германских войск к

советской границе вызывала необходимость корректировки оперативного плана сосредоточения и развертывания войск, тщательной увязки его с мобилизационным планом — меры, рассчитанные на усиление обороноспособности западных границ. Коррективы вносились при участии руководства всех западных военных округов. Кирпонос еще в марте вместе с начальником штаба округа генерал-лейтенантом Пуркаевым занимался этим я вопросами в оперативном управлении, и теперь командующий ездил утвердить намеченный порядок прикрытия границы и размещение для этой цели дополнительных сил.

Вернувшись в Киев и едва переступив порог кабинета, Кирпонос первым делом позвонил по телефону в особый отдел, попросил Ярунчикова срочно прибыть к нему.

Никита Алексеевич сам нетерпеливо ждал возвращения командующего из Москвы. Он лично познакомился с Кирпоносом недавно. Михаил Петрович лишь в январе приехал в Киев, до этого командовал Ленинградским военным округом. Вся сознательная жизнь его была связана с армией. Он прошел гражданскую войну, командовал полком во время жестоких боев с петлюровцами, воевал в легендарной дивизии Щорса. Войну с белофиннами Кирпонос встретил начальником Казанского пехотного училища. Он обратился к командованию с просьбой отправить его на фронт.

> «Для того чтобы правильно обучать и воспитывать военные кадры в духе современных требований, — писал он в рапорте, — надо иметь боевой опыт».

70-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Кирпоноса после прорыва линии Маннергейма пробилась к берегам Выборгского залива и захватила укрепленные острова. Под огнем противника она совершила беспримерный бросок по льду, вышла на северный берег Финского залива и перерезала важнейшую артерию — стратегическое шоссе Выборг — Хельсинки, по которому происходило снабжение Выборгского узла сопротивления противника.

Советское правительство высоко оценило доблесть и мужество личного состава дивизии. Она была награждена орденом Ленина. Михаила Петровича Кирпоноса удостоили высокого звания Героя Советского Союза. Он стал девяносто девятым человеком в стране с Золотой Звездой Героя.

После окончания боев Кирпонос принял командование 49-м стрелковым корпусом, а в июне 1940 года его назначили командующим войсками Ленинградского округа, присвоили звание генерал-лейтенанта. Через полгода Михаила Петровича

перевели в Киев, где его знали и помнили многие еще с времен гражданской войны.

До первой встречи с Кирпоносом Ярунчиков представлял себе нового командующего-героя бойким, напористым и громогласным человеком с крепкой, солидной фигурой. И ничуть не был разочарован, увидев довольно еще молодого, высокого, стройного генерал-полковника, показавшегося чересчур интеллигентным и мягким.

Сейчас они встретились, приветливо пожали друг другу руку. На всякий случай Кирпонос поплотнее прикрыл обе двери в свой кабинет, вернулся к столу и лишь тогда спросил:

— Как обстоят дела с командиром, подозреваемым в шпионаже, и его компанией?

— Неплохо, товарищ командующий. Признаться, вас заждался.

— Приятно слышать, — вставил Кирпонос, гася папиросу и беря другую.

— Радист и связной установлены бесспорно. Мы вышли на львовскую агентуру. Сейчас стоим перед задачей взять связного с поличным и начнем ликвидацию агентуры.

— Но меня прежде всего интересует старший лейтенант в штабе округа, — сделал Кирпонос ударение на «в штабе». — Я не могу задерживать важных распоряжений. Не станем же мы заведомо работать на противника. Обстановка требует решения наших неотложных задач. К тому же ожидается прибытие к нам новых соединений.

Ярунчиков выслушал его спокойно, с готовностью ответить.

— Задерживать не надо, товарищ командующий, — сказал Ярунчиков. — Рублевского завтра же нужно командировать в Москву. Сделать это необходимо со всей естественностью. Только что мой начальник сообщил из Москвы о том, что вам послано срочное распоряжение о направлении в оперативное управление двоих работников штаба для отработки плана двусторонних армейских полевых учений.

— Мы действительно планируем в мае проведение оперативной игры как в армиях, так и в штабах по отработке оборонительной операции, — подтвердил Кирпонос. — Однако зачем же направлять еще второго работника штаба? Чтобы не дал шпиону убежать?

— Второй ничего не должен знать. Второго лучше взять из разведотдела, чтобы они ведали разными вопросами. Им дадут над чем поработать. Предполагаем, это займет несколько дней.

— Обратно, надеюсь, он не вернется? — на всякий случай уточнил Кирпонос.

— Скорее всего нет, — не решился ответить с уверенностью Ярунчиков. — Санкция на арест взята пока на радиста и связного… Перед неожиданным отъездом Рублевский начнет поспешно искать встречи со своими людьми. Вот на все последующее мы и планируем несколько дней. Было бы желательно, чтобы сегодня через Рублевского прошла серьезная секретная информация. Он постарается ее передать. Кстати, наш фиктивный приказ передан их радистом ночью с пятницы на субботу.

— Вот как! Не зря, выходит, мы с вами старались, — с приятным интересом воспринял Кирпонос. — Значит, он и есть — Рублевский. Что ж, пожалуйста, представим ему еще одну солидную фикцию. Да, да, только ложную информацию. Раз вы стопроцентно не уверены в том, что Рублевский не вернется в штаб, мы тоже «скорее всего» подстрахуемся. Я передислоцирую соединение из приграничной зоны в глубину округа. Лишь на бумаге, разумеется. Годится?

— Вполне, — моментально согласился Ярунчиков. — Такую информацию мы им позволим передать. И вообще рассчитываем еще не на один сеанс связи радиста со своим центром, но текст — под нашу диктовку. Спутаем дислокацию настоящих и вымышленных частей, пока там не раскусят провала своей резидентуры.

— Резонно, — оценил Кирпонос. — Вы только сообщения о спутанной, как вы говорите, дислокации прежде согласуйте со мной. Ознакомьте обязательно.

Глава 10

Весенний день разгулялся. С утра на небе плотнилась дождевая хмарь, но к полудню она разошлась, лишь кое-где оставив низовые рваные тучки. Тепло и ярко сверкнуло солнце.

Собираясь на встречу со Стышко, Римма Савельева оделась полегче и попроще: в ситцевое с короткими рукавами платье и черные туфли со старомодным бантиком из кожи. Хотела повязать голову яркой голубой косынкой, но та показалась ей не соответствующей выгоревшему желто-зеленому рисунку на платье.

Римма подошла к троллейбусной остановке чуть-чуть раньше условленного времени, осмотрелась и стала ждать. Она заметила Стышко, одетого в светлый гражданский костюм, когда подошел троллейбус и распахнулись дверцы. Как и было условлено, она, не обращая внимания ни на кого, поднялась в салон… Через три остановки они вышли и рядом направились по улице.

— Я вас едва узнал, — признался Василий Макарович. — Зачем вы так необычно простенько оделись?

— К чему бросаться в глаза, — не поворачивая головы, ответила Римма. — И не до нарядов мне теперь.

— Напрасно. Как раз этот-то наряд кое-кому и может броситься в глаза. Внешне у вас все должно оставаться прежним. И внутренне не выдавайте себя, — наставлял Стышко, посматривая на прохожих. Спросил: — Что нового?

Коротко взглянув на него, Римма, быстро заговорила:

— Вчера мы встретились в семь вечера, звал меня в кино, я отказалась. Объяснила, не до кино мне, у мамы приступ был. Недолго погуляли, домой к себе не приглашал. Поинтересовался, когда повезу маму в Москву. Я сказала, что нужно взять выписку из истории болезни, потом уж отправляться, в зависимости как будет чувствовать себя. Спросил он скорее всего для того, чтобы узнать, когда я отлучусь из Киева.

— Это-то его и интересовало, — определил Стышко. — О поездке в Бровцы, о фотографиях и пленке не заводил разговор?

— Да, но не так напористо, считая, видимо, этот вопрос со мной улаженным.

Они свернули за угол, остановились.

— С чего вы это решили? — спросил Василий Макарович, не упуская из виду прохожих, которые только что шли за ними.

— Допытывался, не проболталась ли я матери или кому-нибудь еще о нашем с ним прошлом разговоре. Он же меня строго предупредил… Я вытаращила на него глаза, говорю: «Что я, дура,

что ли? Я думать-то про себя об этом боюсь». А он мне: «Чего ты боишься, дуреха, ерунда все это. Лишь бы наши отношения не омрачались, а это пройдет. Ну раз, на худой конец два раза съездишь к тому «хапуге» — точно ты его окрестила, и больше сам тебе не разрешу. Там мы будем командовать». Уверенный стал, опять в хорошем настроении. И даже заботливый. Говорит мне, замоталась ты, уж скорее бы положила мать в больницу. Не поймет, что я каждую неделю буду летать к ней… — Римма помолчала и добавила: — Если разрешите мне.

— Пусть вас это не тревожит, — успокоил Стышко, веря в искренность Савельевой.

— Спасибо! — прикоснулась к локтю Василия Макаровича Римма. — Чуть было не забыла. Он спрашивал, не собирается ли приехать муж или, наоборот, не намерена ли я отправиться к нему в ближайшее время, когда положу маму в больницу. Я сказала, что еще ничего не знаю, как получится.

— Напрасно, — огорчился Стышко, — тем более, я думаю, вы хотите поехать к Никифору Саввичу, обязательно даже вам надо проведать его, и побыстрее.

— Вы так считаете? — немного смутилась Римма и тяжело вздохнула, сказав с чувством: — Скорее бы от них отвязаться!

— Это зависит и от вас… А что еще Осин говорил, спрашивая, поедете ли вы к мужу?

— Проводить хотел. У него какие-то дела во Львове по службе и кто-то из родственников. Больше ничего не говорил. Ну разве что еще клялся, что жить без меня не может. Знали бы, что стоило мне отвечать ему взаимностью! — Она поморщилась. — Завтра договорились встретиться, очень просил.

— Во сколько?

— В семь вечера. Будет ждать возле аптеки неподалеку от моего дома. Видели, может быть, на углу…

— Знаю. Пойдемте, на перекрестке расстанемся… Будьте осторожны, Римма Константиновна, никаких бумаг, конвертов у него не берите. Сошлитесь на что угодно, скажите, приступ был у мамы, врач от нее не отходит. Если убедитесь, что у него, у Георгия Осина, что-то есть для передачи, оброните сумочку. Только постарайтесь убедиться, увидеть даже. Он должен иметь с собой такое, ради чего стремится послать вас в Бровцы. Вы откажитесь и сразу пойдите домой. Больше ничего. Вы все поняли?

— Поняла.

— Ну а если состоится обычная встреча, погуляйте, поговорите. Не отталкивайте его. Потерпите немного.

Римма согласно кивнула.

— Будет малейшая новость — звоните. Меня не окажется на месте, пусть не смущает, мне передадут. Встретимся послезавтра в двенадцать на остановке, где сейчас сошли.

— Поняла, — тихо откликнулась Савельева.

— До свиданья, Римма… — то ли впервые назвал по имени, то ли не успел произнести отчество Василий Макарович, повернув на противоположную сторону улицы.

* * *

В этот час острие чекистского внимания нацелилось на Рублевского. Весть о командировке в Москву на пару с сотрудником разведотдела штаба он воспринял деловито и польщенно. До конца рабочего дня оставалось немногим больше часа, и старший лейтенант заторопился передать служебные бумаги. Уловив момент, когда работающий с ним вместе капитан отлучился из кабинета, Рублевский сразу же позвонил по телефону. На другом конце провода был Осин.

— Я завтра уезжаю в Москву, ты помоги жене с переездом на дачу… Жду на Свердлова в восемь вечера.

— Помогу, — ответил Осин.

Тотчас обо всем этом Плетнев доложил Ярунчикову.

— Выходит, «главного» нет в Киеве, — рассудил бригадный комиссар. — Вероятно, на связи с ним оставит Осина.

— Похоже, что так, — думал об этом же Дмитрий Дмитриевич. — Будь пояснее для нас их львовская связь, можно было бы рискнуть взять Рублевского при встрече с Осиным.

— Ни в коем случае, — замотал головой Ярунчиков. — У Рублевского может совершенно ничего не быть, что-нибудь передаст на словах. Все идет как надо. Радист торчит дома, что имел — передал. У львовской «швеи» на конспиративной квартире состоялась встреча двух националистов. Наши «Выдвиженцы», предполагаю, не имеют к ним прямого отношения, там другая группа, которой руководит тот же «главный» — резидент. Он через Рублевского держит связь той группы с радистом. Такой мне представляется их структура.

— Что же, дадим Рублевскому спокойно встретиться с Осиным и разойтись, — принял план Ярунчикова Плетнев. — Правильно, пусть старший лейтенант уматывает в командировку, а Осина мы здесь раскрутим. Будет ему на чем попасться.

…Спустя три часа Плетнев доложил Ярунчикову:

— Встретились Рублевский с Осиным точно в восемь вечера на улице Свердлова и быстро свернули по переулку в сторону

Пушкинской. Там улочки заковыристые, с лесенками на бугорушках. Ну как на проходном дворе: моргни — и потеряешь объект. Так что не установлено, передавали они что-нибудь друг другу или нет. Разошлись, не оглядываясь: Рублевский направился дальше по Пушкинской, Осин же мимо гостиницы «Украина» спустился к Крещатику и зашел на почтамт. Дал он телеграмму такого содержания, — раскрыл блокнот Плетнев и зачитал: — «Львов. Почтамт, востребования. Рымарь М. А. Выехал командировку Москву Георгий достроил дачу приезжайте. Коваленко».

Ярунчиков смотрел на Плетнева с просветлением в глазах.

— Рымарь М. А., говорите?! Неужели правда?! Сейчас же сообщите заместителю начальника управления НКГБ во Львов содержание телеграммы, — приподнято и торопливо распорядился бригадный комиссар. — Вы знаете, кто такой Михайло Апанасович Рымарь? Это же портной по кличке «швея», содержатель явочной квартиры. Вы понимаете?..

— Вот оно что… — удивленно вытянулось лицо Дмитрия Дмитриевича. — Я и не предполагал такой удачи.

— Сверхудача! — вскинулась рука Ярунчикова с растопыренными пальцами, будто поднимал он невидимый шар.

— Будем ждать гостей, коли у Георгия достроена дача и выдано приглашение, — поднялся Плетнев. — Пойду подготовлю во Львов бумагу, сейчас же передам по ВЧ.

Ярунчиков задержал его еще на минуту.

— Укажите в ней, что, если сотрудникам территориальных органов станет известно о выезде объекта из Львова в Киев, пусть своевременно известят нас для встречи. По-моему, Рублевский зовет сюда «главного». Вопрос, как поступит сам резидент?..

…Было маловероятным, чтобы Осин после подачи телеграммы устремился в Бровцы. Рублевский, конечно, неспроста встретился с ним, дал связному и поручения, и наставления, как вести себя. Осин становился привязанным «к месту» в ожидании львовской связи. А связь эта должна вывести особистов на резидента в случае, если не явится он сам.

Осин никуда и не собирался, с почты направился домой.

Утром Рублевский уехал. Осин, оказалось, еще вчера отпросился с работы до обеда, из дома вышел в десятом часу…

Стышко был в курсе всего, что происходило с Осиным. Пока что он всего лишь брел по улице, купил газеты, папиросы. Потом зашел в телефонную будку и кому-то позвонил…

Римма Савельева из дома пока еще никуда не выходила. Стышко предполагал, что Осин скорее всего будет искать

неурочной встречи с ней, но как-то не ожидал, что она произойдет в утренний час. Без пяти десять раздался телефонный звонок, и Василий Макарович услышал в трубке обеспокоенный голос Савельевой:

— Товарищ Стышко?! Это Римма. Только что звонил Георгий. Просил встретиться сейчас же. Говорит, очень, очень надо. Что-то важное, коли сказал: «Будь ласка». Так он редко просит. Я пообещала выйти через полчаса, только покормлю маму…

— Понял. Где встреча? — воспрянул Василий Макарович, сдерживая возбуждение.

— У аптеки, возле дома. Он звал к кинотеатру, я сказала, что далеко. Подумала, там народу проходит много. Не зря я?

— Умница! Как договорились, так и поступайте. Сумочку не забудьте. Вы все помните?

— Все. Много раз представилось само собой… Я готова.

— Спокойнее. Всего хорошего, — мягко и раздельно закончил Стышко.

…Осин прогуливался возле аптеки, разглядывая нежно-зеленые кроны каштанов, поводил носом, будто принюхивался к пахучей утренней свежести. Ждать ему пришлось немного. Римма энергично вышла из подъезда, в нарядном казакине, строгая и озабоченная. Подходя к Осину, устало улыбнулась, и он ответил ей легким кивком, сразу заговорил, торопливо и неумолчно. Они шли все дальше и дальше, остановились возле ограды у пруда. Было видно, Осин стал нервничать, заглядывал в лицо женщине, в чем-то убеждал, трогал ее за плечо. Потом достал из внутреннего кармана пиджака конверт и уже хотел было положить его в сумочку Римме, но та убрала руку назад и выронила свой ярко-красный ридикюль. Она живо подняла его, обтерла платком и, взяв Осина под руку, увлекла вдоль ограды, говоря ему что-то спокойно и уверенно.

Совсем немного Осин проводил Римму к дому и расстался с ней мрачный. Он направился в сторону своей конторы, очевидно на работу, и, когда стало ясно, что заходить он никуда не собирается, его под благовидным предлогом задержали. Выбросить он ничего не успел, да и не пытался этого сделать в присутствии двух оперработников — Стышко и Ништы, доставивших его в особый отдел.

Протестуя и недоумевая, Осин вместе с тем покорно дал обыскать себя и сразу умолк, увидя в руке Стышко страшную улику — запечатанный конверт, в котором лежали два листочка с убийственным для него текстом. В первом сообщалось о передислокации авиационной дивизии, а во втором

уведомлялось: «Выехал командировку Генштаб. Связь передал». Оба текста заканчивались известным для контрразведчиков знаком — «673».

Осознавая безнадежность выдумок того, как очутились у него сведения шпионского содержания, Осин в то же время глупо врал, утверждая, что нашел конверт на почте — видимо, кто-то обронил — и даже вскрыть его не успел, забыл о нем.

Отвечая на вопросы Стышко, Осин успевал напряженно думать о том, как неожиданно и безнадежно он попался. Жалостливо и гадко ему было оттого, что поймали с уликой именно его, и теперь в одиночестве он должен отвечать… Но как?.. В мозгу мельтешили мятущиеся мысли. «Почему вдруг спешно уехал Рублевский? Почему Римма все-таки отказалась ехать в Бровцы? Почему нервничал старший лейтенант, когда говорил: «Остаетесь в некотором роде за меня, так складывается. Для связи с вами придет человек. Пароль: номер моего служебного телефона в обратном порядке, то есть «триста семьдесят шесть». Передайте со связной вот это. — Он сунул Осину скрученные, величиной со спичку, две трубочки, добавил: — Смотрите осторожнее. Для передачи сообщения запечатайте в конверт. О дальнейшем шеф распорядится».

Ничего себе «осторожнее». Страх, стремление к самозащите овладели Осиным.

— Какие у вас отношения с Рублевским? — неожиданно спросил Стышко.

— С каким Рублевским? Я не знаю такого, — дрогнул голос Осина, когда он произнес «не знаю».

Старший оперуполномоченный достал две фотокарточки и положил их перед Осиным.

— Вот с этим старшим лейтенантом Рублевским, с которым сидите за одним столом на почте.

— Не помню, — отодвинул снимки Осин. — Мало ли кто там мог рядом подсесть.

— И вчера вы встретились с ним на улице Свердлова случайно? — продолжал Стышко.

Осин потупился, не успел ответить. Вошел Плетнев.

— Для чего хотели вручить этот конверт Римме Савельевой? — резко спросил он.

— А?! — привстал Осин.

— Сядьте. И не морочьте голову, — повысил голос Дмитрий Дмитриевич. — Учтите одно: без улик и подтверждений вашей преступной деятельности мы бы не разговаривали с вами. Вот ордер на ваш арест.

…Родился Георгий Осин в Харькове в 1915 году. Семья жила

обеспеченно. Отец Георгия, инженер мельничного производства, оборудование которого в первые годы Советской власти поставлялось из-за границы, не раз выезжал в Германию. Последний раз он отправился туда с группой специалистов в 1938 году и при возвращении был арестован. Его уличили в валютной контрабанде и еще в каком-то государственном преступлении, неизвестном Георгию Осину. В то время он молодым лейтенантом начинал командирскую службу в армии, и скрыть арест отца ему было невозможно — вызывали из части к следователю. А тут еще у лейтенанта Осина случился скандал в ресторане, названный в официальных бумагах «пьяным дебошем». Георгий отсидел десять суток на гауптвахте и вскоре распрощался со службой «за недостойное для командира Красной Армии поведение». Про себя же Осин считал причиной увольнения в запас не скандальный проступок — видел в нем лишь повод, — а более серьезную основу, связанную с арестом и осуждением отца. Не смущаясь, Осин при случае говорил о себе: «лишенец в запасе». Такое он произносил чаще, когда крепко выпивал, и тогда разбудораженный рассудок его мучила горечь перенесенной обиды. В одни из таких моментов ему встретился пожилой «душевный» человек в очках на остреньком носу, с которым за рюмкой, платя откровенностью за откровенность, поделился своей «лишенческой» долей. Этот человек, назвавшийся Климом Климовичем, ловко использовал недовольство подпоенного лейтенанта в запасе, который к тому же испытывал постоянную нужду в деньгах, привлек его за подачки к выполнению безобидных с виду поручений, оказавшихся шпионскими.

Поначалу Осин легкомысленно считал, что в его пособничестве нет явного преступления — он ничего не выдает и не пишет донесений. Но тайное занятие связного засасывало все больше и глубже, пока он наконец не осознал, что стал изменником Родины. А понял он это со всей отчетливостью в тот момент, когда в начале апреля был передан на связь Рублевскому, прибывшему в Киев для работы в штабе округа. Клим Климович сказал тогда Осину: «Подбирай себе надежную замену, довольно тебе ходить в связных. Серьезным делом пора заниматься. С любовницей милой особо поработай, скрути ее похитрее. Скомпрометировать ее надо под корень. Нам женщина очень нужна. Постарайся. К тебе послезавтра придет мой человек, назовется Кострица, обсудите с ним план и детали».

С тех пор Осин со своим «благодетелем» больше не виделся. Дня через два после этой встречи на улице к Осину подошел высокий лобастый мужчина с кривым кадыком, сказал: «От Клима Климовича. Кострица». Поговорили о Савельевой. Сразу обсудили

план негласной фотосъемки Осина с любовницей у него дома и в тот же день осуществили задуманное. Хопек к этой провокации не имел отношения, его посвятили в нее позже. Дальше все пошло по намеченному плану: поездка в Бровцы после знакомства Кострицы с Савельевой — невестой, во время которого чуть было не вскрылось вранье Осина шефу о том, что отец Риммы якобы репрессирован. Осин вообще постарался представить Савельеву в глазах Клима Климовича скрытно обиженной на Советскую власть, подчеркивая при этом, что для него она сделает все без исключения. Кострица после беседы с Риммой разрешил Осину попробовать послать ее связной к Хопеку и назначил день, чтобы проследить за ней. В их расчет никак не входил категорический отказ Савельевой. И когда Осин с ним столкнулся, понял, что все задуманное рушится, он в отчаянии, на свой страх раскрыл карты. И не пожалел об этом, решив, что сломил Римму…

Если бы теперь он знал роль Савельевой в его провале, то, наверное, не стал бы просить: «Римму не трогайте. Нет ее вины. Я пытался завербовать, хотел отличиться, она не поддалась…»

И еще Осин утверждал, что, кроме Клима Климовича, Кострицы, Рублевского и Хопека, никого из их людей не знает. Где находятся первые двое — ему не известно. Как будто бы обитают во Львове.

…После допроса Осин спросил:

— Теперь что — трибунал? — и вяло прислонил указательный палец к виску.

— Судить будут. Честное признание, помощь следствию смягчат вашу вину. Подумайте серьезно, у вас не все потеряно, — обнадеживающе ответил Стышко.

— Мне зачтется?.. Зачтется мне? — сразу ухватился за подсказанную надежду изменник.

— Я вам сказал о смягчении вины, — напомнил Василий Макарович. — Мы можем даже отпустить вас, но не пытайтесь скрыться.

— Боже упаси! — не верилось в услышанное Осину. — Я помогу вам задержать того, кто явится ко мне из Львова.

— Задерживать никого не надо, и не пытайтесь, — категорически возразил Стышко. — У вас в доме будут наши люди, за потеснение не взыщите. Продолжайте работать. На улице и на службе ведите себя обычно. Связи только служебные. Если встретите их человека, то есть вашего, в конторе или на улице, поступайте так, как бы вели себя без провала. Запомните этого человека, если раньше не видели его, постарайтесь договориться об очередной встрече. Ну а после сразу дайте знать вот по этому телефону. — Стышко подал Осину листочек. — А

теперь подпишите протокол допроса и обязательство о невыезде.

Руки у Осина легонько тряслись. Последнюю страницу допроса он подписывать помедлил и сказал:

— Добавьте, пожалуйста, что я добровольно вызвался указать место этого самого… тайника, что ли, называется. В доме на улице Хмельницкого.

Осин показал ячейку тайника в подъезде дома. Римма отвезла радисту донесение Рублевского. Оставалось ждать неизвестного с паролем «376».

Прошел день. Агент не появился. Стышко конечно же несколько опасался, как бы Осин не сбежал, хотя это как будто и было исключено. Но вот он и сам проявил беспокойство, встретившись утром с Василием Макаровичем.

— Я хочу спросить… Тот придет и уйдет; чем докажу: вы же не велите его задерживать?

— Вам ничего и не надо доказывать, — ответил Василий Макарович. — Я же сказал вам, запомните его хорошенько, договоритесь о встрече. Найдете же вы о чем-нибудь посоветоваться с ним.

— Ясно.

— Вот и хорошо, — удовлетворился Стышко, подумав: «Ты только дождись его, а там мы найдем, о чем с ним поговорить».

* * *

Тихий оклик по имени заставил вздрогнуть Осина. Он шел домой со службы глухой улочкой, разбитый и угнетенный всем тем, что с ним случилось. Оглянувшись, Осин на мгновение обомлел, увидя знакомое остроносое лицо в роговых очках. Возле него шел Клим Климович. И что-то страшно стало Осину от его появления.

— Вы не подскажете, где тут номер триста семьдесят шесть? — тихо и с шутливой ноткой спросил Клим Климович.

Осин опять оглянулся.

— Идите, не вертитесь, — одернул его шпионский наставник.

Все это произошло в считанные секунды, которых Осину оказалось достаточно для того, чтобы впервые ощутить себя одиноким и чужим среди людей. До этой минуты он еще нет-нет да и поддавался в душе робким, не способным увлечь порывам: то к бегству, то к самоубийству. Ему тягостно было сознавать, что его жизнь, каждый новый день — не в его власти, что нет больше ничего личного.

— Не торопитесь, — услышал он возле самого уха, — за вами

не поспеешь.

Пошли рядом.

— Вы растете, Осин, о ваших успехах я осведомлен, — польстил связному Клим Климович и спросил: — Когда твой уехал?

— Вчера утром, вдвоем с капитаном из разведотдела. Сказал, ненадолго. Вручил два…

— Что мне велел передать?

— Он, наверное, и не знал, что вы сами придете, — ответил размышлением Осин, за что сразу получил крутой выговор:

— Я о ваших догадках не спрашиваю. Мы не в ресторане за приятной беседой. Отвечайте на вопрос, — властно отчитал Клим Климович, сохраняя на морщинистом личике дежурную улыбку.

— Ничего не говорил, — обидчиво понизил голос Осин. — Моей дачей велел заняться, сказал, нужна будет.

— Приведите ее в жилой вид и наведите уют, она потребуется нам. Не возражаете? — снова перешел на добродушный тон Клим Климович.

— А чего же… — не отказал Осин.

— Вы, Георгий, как будто и не служили в армии. Или, во всяком случае, не зря вас оттуда поперли, — незло посердился прибывший гость. — Я люблю, когда мне по-деловому четко отвечают: «да», «нет», «принял», «передал» и тому подобное, исключая разве что сообщения «продал», «провалил». Приучайтесь наконец, милейший, мы об этом уже толковали. В даче один вход и выход?

— Да. Один.

— Окна зарешечены?

— Нет.

— Сад с тыльной стороны есть?

— Да. Но запущен.

— Зарос?.. Это ничего. Составьте подробный план участка и окружения. Укажите тыльные подходы.

— Сделаю.

— План положите в тайник. Но в ближайшее время от этого тайника нужно отказаться. Там у подъезда поставили лавочку, без конца торчат люди. Срочно подыщите другой надежный тайник. Представьте два-три варианта.

— Найду, — покорно слушал и соглашался Осин, как это делал раньше, сам продолжая думать о чекистах, не сомневаясь в том, что они сейчас видят их затылки.

— Со всей серьезностью отнеситесь к поиску, чтобы глупо не завалиться. О вариантах посоветуйтесь с Рублевским, когда тот вернется.

— Понятно.

— Эти дни поработайте со связной, поднатаскайте ее получше. Она вчера неплохо начала, уверенно, деловито, не как пришибленная шлюха. Но зачем она так ярко одевается? Люди обращают внимание в городе, а на селе каждый глаза пялит, ее за версту видно.

— Учтем. Она привыкла так, — без промедления отвечал Осин, все больше убеждаясь, что возле него не кто иной, как шпион, именуемый «главным».

— В выходной с утренним поездом приедете во Львов, подойдете к билетной кассе. Пора вам приобщаться к другой работе.

Осин внимательно слушал начальственные указания, даже мысленно представил себе билетную кассу на львовском вокзале и потому не сразу сообразил, к чему это прохожий верзила с усами, обходя их быстрым шагом, напористо произнес:

— Сзади хвост. Двое в светлом, по той стороне… — дернул он крупным кадыком.

«Кострица!» — признал усача Осин, в первое мгновение наивно подумав: когда тот успел отрастить усы? И уже только потом сообразил, о каком хвосте шла речь.

— Нарвался!.. — гневно выдавил Клим Климович. — Продал, Георгий?! Чего уж тут, говори…

— Нет! — мотнул головой Осин. В голосе его прозвучала испуганная нотка, придавшая ответу убедительность.

— Быстро же ты усвоил четкий ответ… — к чему-то протараторил Клим Климович. — Не верти башкой, иди спокойно, как шел. И не сворачивай. Я за угол… — прибавил он шагу.

Сбоку взвизгнула тормозами «эмка», из нее резко вышли двое в гражданском… И одно то, что они прежде оказались возле заторопившегося Клима Климовича — Осин продолжал идти, его чекисты остановили, когда он поравнялся с ними, — подсказало опытному разведчику, по чьей вине он очутился в ловушке. Но не подал виду, когда его с Осиным пригласили в машину.

Осин успел шепнуть Стышко на ухо:

— Кострица… лобастый-то, сейчас обогнал нас… свернул за угол налево.

Василий Макарович за руку придержал Осина, не дал ему сесть в машину, приказал оперуполномоченному Ниште везти задержанного в отдел, а сам, махнув рукой — указал двоим сотрудникам на противоположной стороне улицы, чтобы следовали за ним, — бросился с Осиным за угол.

— Видишь?.. Смотри во всю улицу, — пошел широким шагом

Стышко.

— Нет, впереди его не видно. Далеко уйти не успел… Надо посмотреть во дворах, — на ходу торопливо подсказывал Осин. И вспомнил: — Усы у него! Усы нацепил.

— Надо было сразу сказать, как только я вышел из машины, — упрекнул Стышко, оглядывая небольшой, с запертыми сараями двор. Спрятаться здесь было негде.

— Откуда я знал… Вы же сказали, только запомнить его…

Он был прав, и Стышко ничего не ответил. У ворот они встретили двоих сотрудников особого отдела. Василий Макарович описал им приметы Кострицы и послал их по дворам на противоположную сторону улицы.

— А мы давай быстро сюда, — заспешил он в соседний двор, не теряя надежды столкнуться со сбежавшим врагом.

Но ни поиски, ни расспросы ни к чему не привели. Кострица скрылся. Времени терять было нельзя. Враг мог предупредить радиста, содержателя явочной квартиры во Львове, быть может, даже самого Рублевского. Надо было срочно принимать меры.

— Что же, пойдемте в отдел, Осин, — хмуро предложил Стышко.

…Оперативное совещание, на котором находились Плетнев, Стышко и Ништа, было недолгим и напряженным. Сразу принимались решения и отдавались распоряжения. Первым неотложным делом стало — розыск и задержание подручного Клима Климовича, имевшего документы на имя Федора Лукича Кагарлицкого.

— Искать его на ночь глядя в Киеве по словесному портрету — занятие дохлое, — торопливо стал высказываться Плетнев. — Видно, это опытный разведчик. На вокзал, в аэропорт он едва ли поедет. Для страховки можно послать туда по одному человеку. Скорее всего он на чем попало махнет по шоссе до ближайших станций или на попутных машинах доберется до Львова. Надо сейчас же связаться с львовским управлением, изложить ситуацию, чтобы приняли меры к розыску этого здорового лобастого человека с большим кадыком. Немедленно пусть возьмут под жесткое наблюдение Михайлу Рымаря, его дом. Хотя бы до завтрашнего вечера, дальше видно будет.

Ярунчиков сразу же связался по телефону с начальником львовского управления НКГБ и, высказав суть дела, вдруг произнес:

— Вот как!.. И фотография есть?.. Тогда, если до завтрашнего вечера у Рымаря никто не появится, его надо брать. Мы ликвидируем дело.

Закончив телефонный разговор, Ярунчиков сообщил своим сотрудникам:

— Он известен в управлении, у них тоже значится по фамилии Кострица. Из оуновцев. Приходил на явочную квартиру к Рымарю для встречи с другим националистом. Помните, в сообщении приходили двое… Вчера Кострица объявился здесь. А мы прохлопали.

— Ну уж тут Василий Макарович ни при чем, — заступился Плетнев.

— Давайте о деле, — прервал его бригадный комиссар. — Стышко сейчас же нужно выехать в Бровцы. Возьмите машину. Может быть, Ништу дать в помощники?

— Обязательно даже, — поддержал Плетнев.

— Хорошо, — согласился Стышко и стал уточнять детали: — Брать сразу же после выхода на связь?

— Что же, с рацией и берите, — ответил Ярунчиков.

— А если не выйдет на связь?

— Утром арестуете. Обыск в любом случае с утра. Понятые нужны, ночью не беспокойте людей. Обеспечьте себя связью из поселкового Совета. Докладывайте.

— Все понятно. Едем! — поднялся Стышко. — У меня только просьба. Надо послать охрану к Савельевой. Кострица может явиться к ней, чтобы поговорить и убрать.

— Это верно, — поддержал Ярунчиков. — Кострица наверняка решит, что мы и не подумаем оберегать Савельеву.

Плетнев не согласился:

— Оберегать — да. Но засаду у нее он очень даже побоится. Кострица же не знает, взяли мы Савельеву или нет.

— Нечего гадать, пошлем, — пообещал Ярунчиков Василию Макаровичу и предложил ему позвонить Савельевой, предупредить ее.

Вслед за Стышко и Ништой ушел Плетнев, чтобы продолжить допрос Кагарлицкого. Ярунчикову же оставалось последнее и не менее обязательное — доложить о результатах Михееву и сообщить, что ордер на арест Рублевского имеется.

…Говоря по телефону с Ярунчиковым, Михеев удовлетворенно восклицал и называл особистов «молодцами» за поимку важной львовской птицы, пока по узнал об охраннике Кагарлицкого, которого упустили.

— Досадная осечка вышла у сапера, — сдержанно высказал недовольство Михеев, как будто сожалея, что промашка получилась именно у Стышко. В то же время начальник управления вполне понимал возможность чекистской недоглядки

в сложившейся уличной ситуации: прошел рядом с врагом человек, только и всего, не возьмешь же под подозрение всех спешащих. Однако Стышко должен был предусмотреть подобный вариант, предупредить строго-настрого Осина, чтобы тот глядел в оба и в случае чего подал условный знак, как это обговорил с Савельевой — обронила сумочку. А теперь исчезнувший агент Кострица знал о провале, об аресте шефа и, вполне понятно, предпринимал все возможное, чтобы обезопасить не только себя, но и оставшихся на воле. И поэтому все мысли Михеева сейчас были заняты этим. Согласившись с принятыми мерами по розыску Кострицы, Анатолий Николаевич с упреком подсказал: — Почему не взяли под контроль киевские телеграфные пункты связи? Он пошлет «молнию», и она опередит все ваши телефонные оперативные меры. Сейчас же дай указания и свяжись по этому вопросу с львовскими оперработниками. Потом сразу позвонишь мне.

Сильно рассердился Михеев, резко отбросил от виска прядь волос, про себя ворча: «Все Стышко да Плетнев, а ты где был, где твой контроль и руководство?» Он позвонил Будникову, попросил его зайти к нему. И быстро набросал столбцом на листке бумаги:

«Рублевский — брать!
Осин — арестован.
Хопек — ночью возьмут.
Кагарлицкий — арестован.
Кострица — розыск.
Рымарь — ?!
Савельева — свидетель».

Пришел Виктор Иванович, внимательно посмотрел на приунывшего начальника управления, садиться не стал. Михеев сухо посвятил его в суть последних событий по группе «Выдвиженцы» и заключил:

— Рублевского немедленно надо брать. Займись этим. Ордер на арест у Ярунчикова.

— Мне, кстати, только что доложили, что старший лейтенант поужинал и пошел в номер наркоматовской гостиницы, — сообщил Будников. — Сейчас пошлю сотрудников на его арест. Что касается сбежавшего охранника, не переживайте вы так. Говорят, нет худа без добра. Побеспокойнее зашевелятся львовские товарищи — им же известна личность Кострицы. Никуда он не денется, обнаружится. Наверняка вскроются новые связи…

— Зря успокаиваешь, — без настроения произнес Михеев.

— Думаю, Кострица немного переждет в Киеве, конспирацию

он, как выяснилось, знает, — продолжал Будников, размышляя. — Ведь ясно, что это он проследил за Савельевой, когда она ездила к радисту в Бровцы. Знает, что Хопек до последнего дня находился на свободе. Как же он уедет, не разведав?.. Пусть с нарочным вышлют из Львова в особый отдел фотографию Кострицы. Надо подключить милицию на розыск.

— Посоветую, — согласился Михеев задумчиво. — Как еще он, этот Кострица, не засек встреч Стышко с Осиным и Савельевой? Вот клюква была бы.

— Во Львове, значит, находился…

Снова позвонил Ярунчиков.

— Возьми под жесткий контроль арест. Мало ли что Рублевский может выкинуть, — предупредил Михеев Будникова, одновременно слушая то, что говорил по телефону Никита Алексеевич. Попрекнул его: — Нельзя целиком полагаться на опытность оперработника. Ты бы прежде обсудил с ним все, прикинул… Как ведет себя на допросе Кагарлицкий?.. Отрицает даже знакомство с Осиным? Прохожий, говорит? С очной ставкой подождите до завтра. Хопека тепленького допросите. Сейчас возьмем Рублевского… О Рымаре я переговорю с начальником львовского управления. Посоветуемся, для нас нужен арест содержателя явочной квартиры. Через него ведь Рублевский вызвал Кагарлицкого, а этот прихватил с собой Кострицу. Начнут выкладываться, выдадут оставшиеся связи… Буду говорить с Львовом, попрошу, чтобы вам прислали фотокарточку Кострицы. Размножьте и подключите милицию. Он может проторчать в Киеве, сунуться в Бровцы. Радиста обложите как следует, пусть Плетнев возглавит это дело… Уже послан? Очень хорошо. Если Хопек нацелится километров на десять от Бровцов, как тот раз в Сенчу, берите на ходу, а то еще уйдет. Завтра решим, когда их сопроводить в Москву. Жду доклада. После ареста радиста.

Глава 11

Следственное дело на группу агентов абвера, условно названных «Выдвиженцами», заканчивали в управлении контрразведки. Здесь, в камере под стражей уже находились Рублевский и доставленные из Киева Осин, Хопек и Кагарлицкий (Клим Климович). На свободе оставалась лишь Римма Савельева, но ее пригласили в Москву, посоветовав заодно привезти мать в больницу и побыть с ней первое время, а там уж как она сама пожелает распорядиться своим временем.

При всем этом Анатолий Николаевич Михеев испытывал болезненное огорчение от бесследного исчезновения охранника Кагарлицкого, названного Кострицей. Впрочем, пропавшего не совсем бесследно. Чекисты УНКГБ но Львовской области перехватили телеграмму, адресованную содержателю явочной квартиры Михайло Рымарю, посланную из Житомира. В ней сообщалось: «Отец умер, выезжай похороны. Федор». Телеграмма была явно от Кострицы. Получив ее, Рымарь сразу же покинул дом и уехал на глухой хутор подо Львов к дальнему родственнику. Встреч у него ни с кем не было. Чекисты поняли: Рымарь скрылся от всех, затаился, спасает свою шкуру. Через два дня его арестовали и, допросив, отправили в Москву.

Следствие по делу «Выдвиженцев» велось под непосредственным руководством Михеева, и уже одно это обстоятельство придавало расследованию напряженную и четко налаженную организацию. Доклады поступали один за другим.

Вот и сейчас, после допроса Рублевского, Виктор Иванович Будников информировал Михеева:

— Рублевский служил в штабе шестой армии с августа прошлого года. Точно установлено, что в ту пору он не был связан с абвером. Его завербовали в январе, а точнее — новогодним утром. Подлинная фамилия старшего лейтенанта — Врублевский. Его отец действительно был петлюровцем, злобным врагом Советской власти. Врублевский-старший зверствовал с бандой на Тернопольщине. Его считали зарубленным в последнем, разгромном бою. А он уцелел и теперь состоит на службе у гитлеровской разведки. Врублевский-младший утверждает, что ничего не знал об отце до Нового года. Получил от него с неизвестным человеком письменное поздравление, фотографию отца и подарок — часы. Все это он сохранил и показал при обыске. Поздравительное письмо датировано декабрем прошлого года. В нем есть такие строки, — Будников достал из папки выписку и зачитал: — «Долгие годы я искал тебя,

сынок, но мои возможности отсюда были слишком ограничены. Я благодарен моим друзьям, они многим рисковали, пока сыскали тебя. И ты отплати им добром за это, помоги также, если что потребуется. Ты ведь, наверное, как и я, хочешь повидаться. Нам помогут приблизить этот счастливый миг. Надеюсь и уповаю на бога о скором свидании с тобой. Мама не дождалась, умерла, ты поддержи мою веру и надежду».

— И он что же, сразу согласился сотрудничать с ними? — спросил Михеев.

— Ему сказали прямо, что, если он не согласится, отцу будет плохо, да и ему не лучше. В общем, после короткой обработки Рублевский поддался, как он выразился, «под страхом мести и разоблачения его происхождения и причины изменения фамилии». Кстати, исказил он ее по совету покойной тетки, когда получал паспорт. В метриках стерли первую букву. Лишь тогда якобы тетка рассказала ему о прошлом отца-петлюровца, посоветовала скрыть и забыть его. Да он почти и не помнил родителей. Только перед смертью тетка открыла племяннику то, что отец его жив, но где он за границей, не знала. И вот обнаружился отец в новогодний день. Для начала Рублевский позволил сфотографировать свое удостоверение личности, дал расписку в том, что никому не расскажет о состоявшейся встрече и разговоре, написал короткий ответ отцу, в котором подтверждал, что посильно поможет его друзьям. Рублевский указал даты еще пяти встреч с тем же человеком, который при повторном свидании назвал себя Климом Климовичем. Каждую встречу тот использовал для учебы, натаскивая старшего лейтенанта в качестве своего агента. Точно установить все, что передал Рублевский этому Климу Климовичу, теперь трудно. Сам он утверждает, что собственноручно написал короткие характеристики на работников штаба армии, а из оперативных документов успел передать лишь сведения о передислокации частей. Считаю, показания Рублевского соответствуют истине. На первой радиопередаче мы и засекли их.

— Что ж, тут все ясно, остается… — задумался Михеев, постукивая пальцами по столу.

Будников и сам хорошо знал, что́ остается выяснить и доказать. Роль каждого из арестованных в ликвидированной шпионской резидентуре, кроме Кагарлицкого, он же Клим Климович, была полностью доказана материалами предварительного расследования и показаниями самих агентов абвера. Но вот поставить бесспорную точку на подлинной роли в резидентуре самого Кагарлицкого, точно установить, кто он есть на самом деле, оказалось сложнее. Он вел себя резко, на вопросы

не отвечал либо твердил «ничего не знаю» и даже отрицал знакомство с Рублевским и Осиным. На очной ставке с Осиным Кагарлицкий не выдержал, заматерился, бросив: «Сопляк, ты меня путаешь с кем-то, я же тебе на улице сказал об этом, когда ты пристал с разговором».

Радисту Хопеку не была известна личность Кагарлицкого. На допросе он пояснил:

«Я знал о существовании «главного», но кто он, в глаза не видел. Связь со мной установил его помощник Кострица. Это произошло осенью прошлого года. Шесть лет немецкая разведка не тревожила меня, потеряла — я переезжал, думал, забыли. А в Сенче этот появился, Кострица, велел перебраться в Киев… Зимой в Бровцы привез передатчик и свел с Осиным, а этот недавно передал связь дамочке, Римме Савельевой, которая самостоятельно приезжала ко мне только однажды. И в тот же день в школе я столкнулся с Кострицей, на ходу перебросились несколькими словами. Он поспрашивал о Савельевой, об Осине и о том, какая обстановка, сунул мне донесение для передачи».

Будников первым нарушил молчание, ободряюще сказал:

— Подождем немного, что покажет на следствии Рымарь. Ведь именно ему дал телеграмму Рублевский о выезде в Москву. Без Рымаря Кагарлицкий не явился бы в Киев. Значит, у них довольно доверительный контакт.

— Я тоже так думаю. Допрос Рымаря начали?

— Идет.

— Давай, Виктор Иванович, проследи, что показывает он на Кагарлицкого, — с озабоченным видом предложил Михеев. — Сегодня, сейчас мы должны с уверенностью знать лицо резидента. Мне вечером на доклад к наркому. Все же теперь у нас в руках…

Михайло Рымарь не заупирался. После очной ставки с Кагарлицким он стал говорить о нем многозначительно, как о главной персоне, с которой не первый год имел дело, стараясь заодно принизить свою роль, подчеркнуть неохоту к преступной деятельности.

— Когда Кагарлицкого арестовали — не теперь, а в тридцать восьмом, — я ожил, думал, его шлепнут. Бежал! В прошлом году заявился…

Дактилоскопическая проверка помогла опознать, кто такой человек, называвшийся Кагарлицким. Под этим именем действовал кадровый разведчик абвера Карл Ризер. Он не ожидал, что встреча с Осиным станет роковой. Ему необходимо было лично руководить резидентурой, к тому же с каждым днем все активнее. У него имелся надежный помощник для особых поручений, который негласно охранял шефа, присматривал, нет

ли за ним слежки, вел наблюдение и за «своими» людьми, изучал намеченных для вербовки кандидатов. Хопек и Рымарь также назвали его фамилию: Кострица. Но следствие не установило ее подлинность.

* * *

В огромном, по-деловому уютном кабинете Наркома обороны Анатолий Николаевич бывал сдержан. Здесь, докладывая герою-маршалу, ветерану Первой Конной, он говорил мягче обычного.

Маршал Тимошенко знал Михеева еще в ту пору, когда командовал Киевским Особым военным округом, ценил и уважал молодого начальника особого отдела, направленного партией в органы госбезопасности. То был трудный период исправления допущенных ранее нарушений революционной законности, а также укрепления руководства борьбой армейских чекистов с вражеской разведкой.

Михеев тогда много занимался вопросами пересмотра следственных дел на бывших военнослужащих округа, был горяч и напорист в реабилитации невинно пострадавших, и эта его благородная настойчивость была хорошо известна Тимошенко и вызывала у маршала одобрение и поддержку. Расположительное отношение Тимошенко к Михееву сохранилось и теперь, в Москве, прорываясь в дружеском, а то и в покровительственном обращении, зачастую переходившем с «вы» на «ты».

Сейчас, докладывая наркому о ликвидации резидентуры абвера в Киевском Особом военном округе, Михеев снова упомянул о допущенной ошибке, связанной с исчезновением охранника резидента.

Маршал заметил:

— Вы докладываете так, будто напрашиваетесь на выговор.

— Я заслужил его, — поднялся Михеев из-за стола. — И в свою очередь накажу тех, кто обязан был не допустить грубой проглядки.

— Разве в выговоре суть, товарищ Михеев? Выговорами не залатаешь ошибок и просчетов. Пусть этот случай станет для особистов настоящим уроком.

— Болезненный урок.

— Значит, вы уже наказаны. Да садитесь, чего поднялись. Меня, знаете ли, сильно тревожит внедрение шпиона в штаб округа. Кто способствовал этому? Случайность в выборе кандидатуры или содействие другой вражеской руки? Вы разобрались? — спросил нарком, и на его лбу шевельнулись

морщинки.

— Наши опасения не подтвердились, — снова присел к столу Михеев. — Было указание руководства КОВО взять из четырех армий по одному командиру для работы в штабе округа, остальное пошло по административным каналам.

— Будем считать выдвижение случайным, — откинулся на спинку кресла маршал, и на его лбу разгладились складки.

— Совершенно верно.

— Сами, значит, пособили врагу, — подытожил маршал и вдруг спросил: — Сколько же времени шпион проработал в штабе? Какой вред нанес?

Вопрос для Михеева был не из приятных, однако не прозвучал для него неожиданно. Анатолий Николаевич и сам бы доложил об этом наркому, но тот опередил его. И теперь, сообщив подробности, он заключил:

— Все показания вконец растерянного и убитого происшедшим Рублевского доказаны и соответствуют истине. На первой передаче мы и засекли их. Далее они стали пользоваться нашей фиктивной информацией.

— Вы вполне уверены в этом? — захотел подтверждения маршал.

— Совершенно уверен, — убежденно ответил Михеев и пояснил: — Вся перехваченная фактура, показания арестованных совпадают с нашими данными. Резидентура еще формировалась.

— Ну ладно, если так… — не совсем определенно выразился Тимошенко и сразу поправился, поодобрительнее добавил: — В том смысле, что вовремя пресекли. Результативность у вас солидную вижу, хочется поздравить, но как бы не перехвалить, успокоитесь. А враг опасную разведку повел.

— К проводной связи стал проявлять большой интерес абвер, — живо подхватил Михеев. — И особенно в звеньях армия — округ, армия — корпус — дивизия. Намечают диверсии… — И он рассказал об источнике этих данных, о принятых мерах по обезвреживанию лазутчиков в других армиях западных округов.

Маршал некоторое время сидел молча, сосредоточенно, прищурив глаза. Было видно, сообщение начальника управления контрразведки прозвучало для него неприятным подтверждением какого-то коварного замысла гитлеровского руководства. Он придвинул к себе докладную записку Михеева, бегло прочитал — суть он уже знал из состоявшегося разговора — и указал:

— С подобными сообщениями приходите сразу, не копите вопросов. Нацельте сотрудников на особую важность этих сообщений и подтверждений. Учтите, за фашистской разведкой

сейчас мало смотреть в оба и только фиксировать ее интерес. Надо наперед знать, куда она целит и ради чего. Ищите возможности проникнуть в их разведцентры, нам нужна более глубокая информация.

— Мы занимаемся этим, товарищ маршал, результаты скоро должны быть.

— Скоро — недостаточно, необходимо теперь знать. И поимейте в виду: в ближайшее время у нас в западных районах начнут формировать новые танковые части, а в мае, вероятно, перебросим несколько соединений из Приволжского и Уральского военных округов. Враг постарается сунуть нос в это дело. Так вы опередите его, подготовьте соответственно оперативный состав. Кроме того, сейчас активизированы работы на оборонительных сооружениях. И тут у врага есть бесспорный интерес. А ваши сотрудники, мне почему-то думается, упустили этот важный участок.

— Возможно, — согласился Михеев, не имея данных для конкретного возражения.

— И еще, товарищ Михеев. Не давайте сотрудникам до рассвета корпеть в кабинетах. Я понимаю, много работы. Надо уметь сосредоточиться на главном, не распылять силы на всякие там мелочи. И не пытайтесь оправдаться, я знаю эту привычку особистов, съедает она уйму времени в ущерб главным делам. Оперработник всегда должен быть со свежей головой. Чаще с людьми ему необходимо общаться. Они подскажут больше, чем надумаешь в кабинете. Мы, кажется, еще в Киеве говорили с вами об этом.

— Да, было. И я разделяю ваше мнение, добиваюсь того же. Но мы работаем с документами, — все же пояснил Михеев и воспользовался моментом, доложил о возникающих досадных конфликтах у строевого командования с особистами, по пустякам отвлекающего контрразведчиков от выполнения как раз этой-то главной задачи, о которой упомянул нарком.

— Даже так, — покачал бритой головой маршал. — Не годится это, товарищ Михеев, с командованием надо уметь ладить. Не мне же учить особистов, как это делать.

Михеев посуровел.

— Чего хмуришься? Не ладят, сам же говоришь. Поди, чуть чего, с гонором. Так пусть особисты и показывают пример выдержки, умения строить деловые, одним словом хорошие отношения. Тогда и неурядицы решать легче.

— На это постоянно нацеливаем. К сожалению, командование не знает либо попросту не хочет знать в отдельных случаях, — сдержал Михеев прорвавшийся недовольный тон, — истинного

назначения военной контрразведки, некомпетентно вмешивается административно…

Нарком досказал:

— …отвлекая от решения главной задачи. Мы поправим эту неувязку. Для того и передали военную контрразведку в Наркомат обороны, — поднял вверх крупный указательный палец Тимошенко, — чтобы сообща, в тесном контакте решать все, для чего мы сюда поставлены.

— Товарищ маршал! Меня все больше одолевает сомнение в целесообразности прошедшей реорганизации, — высказал наконец свое мнение Михеев. — Я не первый день думаю об этом, потребовалось время убедиться в своей правоте.

— В какой же? Вы напрямую, коли рубите не сплеча, — снял очки нарком, словно бы этим малозначащим движением приглашая на откровение.

— Появился ощутимый сбой в работе особистов из-за передачи их в подчинение Наркомата обороны.

Маршал Тимошенко пристально вгляделся в спокойное и в то же время решительное лицо начальника управления контрразведки.

— Надо понимать, в мое подчинение, — вставил он. — Понимаю, не о взаимных симпатиях речь. Но что конкретно вы имеете в виду?

— Военную контрразведку искусственно отторгли из своей среды — НКВД.

По тому, как слегка поднялись брови наркома, как он вдумался в услышанное, было заметно — ответ его озадачил.

— А что, разве Наркомат обороны не совсем подходящая среда для особистов? — спросил он уже с официальным нажимом. — Я полагал, наоборот.

— Признаться, мне больше по душе военное ведомство. Вполне естественной кажется такая структура.

— В чем же неестественна? — внимательно и заинтересованно ждал ответа нарком.

— Чекистская работа, армейская и территориальная, так сказать, гражданская, тесно связана и зачастую переплетается. У нас одна цель. Чаще в контактах нуждаются особисты. Нет у нас более менее серьезного дела, по которому бы не проходили гражданские. Нам нужен постоянный контакт. У территориальных органов большие возможности. При едином руководстве крепче и как должное осуществлялись деловые связи. И выглядело это просто, отработанно, понятно. В государственном плане все стекалось в один чекистский центр под единоначальное руководство.

— Можете не продолжать, — поднялся маршал и прошелся вдоль ряда стульев, придвинутых к приставному столу. Размышление длилось недолго. — Вашу озабоченность понимаю и, не скрою, в какой-то степени разделяю. Когда решался этот вопрос, верх взяло довольно веское соображение: особисты — составная часть армии, с ее заботами и задачами, они должны врасти в нее, в свою кровную среду, так же, как службы управления, ну, наконец, военная прокуратура. Ну а коли в составе Красной Армии, значит, и подчинение единоначальное. Однако подчинение подчинением, а ваша специфика особая… Вопрос вы подняли очень важный. Я посоветуюсь. Подготовьте четкое обоснование, может скоро потребоваться.

— Я уже подготовил, — раскрыл Михеев папку, — предполагая, что может потребоваться.

Маршал улыбнулся, взял из рук Михеева документ и сел за стол, говоря попросту:

— Нравится мне в тебе небоязнь, напористость, предусмотрительная оперативность, просто прямота. Видишь, сколько лестных определений выдал тебе, а ты бежать от меня хочешь.

— Чтобы лучше защищать армию от вражеских разведок, товарищ маршал.

— Ради пользы и соглашаюсь, — прихлопнул ладонью по столу нарком.

…В управлении Михеева ждало сообщение Ярунчикова:

> «…Агент Кострица разыскан и арестован львовским УНКГБ. Передача Кострицы органам армейской контрразведки задерживается по оперативным соображениям. Высылаю копии допроса арестованного агента с показаниями на Ризера (Кагарлицкого), Рублевского (Врублевского), Хопека, Осина и Савельеву для приобщения к материалам следствия».

Прочитав шифровку, Михеев раздосадованно крутнул рукой: к приятной вести примешалось огорчение от запоздалости сообщения. Поступи оно чуть-чуть пораньше, тогда бы не пришлось объясняться у Наркома обороны о досадном факте исчезновения этого злосчастного агента. Михееву захотелось сейчас же позвонить маршалу по телефону. Но он не стал этого делать, отложив до следующего доклада. Главное заключалось в том, что враг пойман. И на душе стало спокойно.

Глава 12

Под выходной Пригоде дали разрешение съездить в Москву за семьей. Пора было устраиваться на новом месте основательно, по-людски, а то уже стало неловко работать и ночевать в кабинете. Квартиру он получил, но порог ее переступил однажды, глянул на голые стены и ушел.

В столицу он приехал рано утром и, вместо того чтобы сразу и побыстрее направиться домой, не утерпел, пешком зашагал от Киевского вокзала в сторону Смоленской площади, где жил в девятиэтажке. Он шел не спеша, разглядывая все вокруг, будто никогда и не был тут. А он бывал, но ничего не мог припомнить, даже вот этот горбатый мост, на котором остановился, смотря на тихую мутноватую воду, не зная, канал под ним или Москва-река. И ему стало грустно оттого, что здесь, возле своего дома, ощутил себя приезжим человеком.

Едва Михаил Степанович успел раздеться и умыться с дороги, как к нему явился посыльный Михеева.

— Вызывает начальник управления, машина у подъезда, — сообщил он и откозырял.

Откуда Михеев узнал о приезде, Пригода понять не мог. Предположил: был разговор с Ярунчиковым.

— Ты прежде всего обязан представиться в управлении, — ответил на этот вопрос Анатолий Николаевич и сразу о деле: — Выкладывай, что там у вас в армии.

— Так сегодня выходной, завтра утром к вам собирался, — сразу спало настроение старшего батальонного комиссара.

Не такую встречу ожидал Пригода: порывистое рукопожатие, приветливый разговор, хотя бы спервоначала. И остыл, нахмурил брови, докладывая обстановку и дела особого отдела армии, стараясь полнее передать, как стремительно нарастает активность абвера.

— Своевременно, значит, приехал к тебе Грачев, — прервал на полуслове Михеев. — Но и ты должен был поглубже вникнуть в дело Карася, не оправдание, что новый человек там. А все оттого, мне думается, что ты многовато взвалил на себя, во все самолично полез.

— Старался побыстрее войти в работу отдела. Как же иначе? Отсюда и впечатление такое, — ненастойчиво оправдался Пригода и с подъемом доложил последние новости: — Сегодня ночью взяли двоих с той стороны. «Окно» работает. И того и другого опознал Карась, вместе учились в разведшколе. Уже побывали у нас, выполнили аналогичное задание, что и Карась, в

пятой и двенадцатой армиях, вернулись в разведцентр полторы недели назад. Едва, получается, мы их не захватили тогда.

— Какое выполняли задание теперь? — приготовился записать Михеев.

— Новые формирования и связь.

— Что-нибудь конкретное пронюхали? — погустел голос Михеева.

— Утверждают, что нет, не успели разведать. Судя по их показаниям, похоже, не врут.

— Связь… связь… — задумчиво повторил Михеев. — Слишком уязвима она. Повышенный интерес абвера понятен. Тут и источник информации, и возможность создать трудности в управлении войсками. Надо повысить наше внимание к этому участку.

— Учтем, товарищ Михеев.

— Ты когда вернешься к себе?

— Завтра же обратно.

— Вот и хорошо. Впредь по особо важным делам докладывайте сразу и мне, помимо аппарата округа. Сам видишь, день дорог. Ну а как твой любимец, Цыган?

— Здравствует. Они его в Польшу переправили на выучку к абверовцам. Виделся с ним перед тем, а где он сейчас, не знаю. Остается ждать возвращения. Грачев предлагал дать ему связь, я воспротивился. Не надо его ни перед кем расшифровывать. Подождем.

— Эти последние двое, что взяли у «окна», из националистов? — почему-то захотел уточнить Михеев.

— Из них, махровое кулачье, — подтвердил Пригода.

— Пора нам покруче заняться оуновцами, вплоть до боевой операции. Как ты думаешь? — спросил Михеев, впрочем заранее зная ответ.

— Давно пора, не знаю, чего миндальничаем. Жалко только, главное руководство у них там, под боком у абвера.

— О том чего говорить, надо взять разом в один день всех тех, кто нам известен. Бесспорных, активных врагов. И сделать не так, как прошлый раз с Горулько: обрадовались, схватили, других в глубокое подполье загнали.

— Горулько начал давать показания, через него можно многое узнать.

— Он уже здесь, я допрашивал его. Операцию будем готовить, используем подразделение внутренних войск. Нарком, надеюсь, даст санкцию.

— Нельзя иначе, невозможно! А сколько новых оперативных возможностей откроется!.. — стал распаляться Пригода.

Михеев поостудил вопросом:

— Ну а с политотделом как, в контакте?

— Совершенно. Вообще влияние Военного совета, политотделов заметно усилилось. Должен заявить, положительно сказывается на работе.

Михеева это не удовлетворило.

— «Положительно», «усилилось»… Ты конкретнее.

— Начальник политотдела с каждым сотрудником беседовал. Когда узнал, что я в недавнем прошлом политработник и училище имени Фридриха Энгельса закончил, аж подбородок как-то многозначительно поднял. Мне показалось, одобрительно: дескать, чего же я с тобой время трачу. А он говорит: «Как же это, товарищ старший батальонный комиссар, у вас некоторые из года в год одно и то же самостоятельно изучают по марксистско-ленинской подготовке?» И показывает мне прошлогодние и нынешние индивидуальные планы… Замечание сделал даже по чекистской учебе. Так, от случая к случаю ее проводили.

— Везде бы так! — воскликнул Михеев. — И спокойно мне было бы за особый отдел в армии.

— Нужда у нас появилась, — воспользовался моментом Пригода, уходя от разговора об учебе в отделе, до которой у него не дошли руки. — Формируется несколько соединений, которые войдут в состав шестой армии. Но укомплектовать их особистами мы не можем.

Михеев шутливо поинтересовался:

— Можно мне по секрету сказать, что это за формирования?

Пригоде понравился такой переход, смягчающий строгую официальность.

— В Золочеве формируется механизированный и подо Львовом танковый корпуса, — доложил он.

— Пиши заявку на руководящий состав, — предложил он Пригоде. — Оперуполномоченных и старших даст округ, я распоряжусь. На месте надо подбирать рядовые кадры, готовить и растить. Не ждите, когда вам приведут помощника оперуполномоченного за руку. Напоминаю, учитывая оперативное значение вашей армии, впредь по наиболее важным вопросам без промедления информируйте меня.

— Есть, информировать!

— В целом деятельность твою одобряю. Правильно ты сделал, что отпросился в армию. Все больше убеждаюсь в этом.

— Приятно слышать, — подобрело лицо Пригоды.

— Вот и потолковали обо всем… А ты говоришь, выходной сегодня. Впрочем, почему бы и нет? Давайте кончать. За город махну, в лес… Мои насели, сыну пообещал, — приложил он руку

к груди, — слово держать надо.

* * *

Давно был Михеев в Подмосковье, еще в бытность слушателем академии. Тогда они с женой сели в электричку на Рижском вокзале и уехали куда-то за Красногорск, до первого настоящего, как им показалось, леса. Но то была всего лишь широкая роща, лес синел вдалеке, и они пошли к нему через картофельное поле, наткнулись на речку, долго не могли перебраться на противоположный берег, пока не отыскался брод. Когда же подошли к лесу, солнце садилось, и пришлось повернуть обратно.

Сейчас было иначе…

Сидя с сыном на заднем сиденье «эмки», Михеев живо всматривался в нежно зеленеющий, омытый майским дождем лес, близко подступавший к Дмитровскому шоссе; лес вызвал у Анатолия Николаевича нежную грусть, как будто за толстоствольными деревьями ему виделось далекое детство, на побывку к которому наконец-то он выбрался из шумного города.

Связь с прошлым оборвала неоглядная березовая роща — такого на Севере не встретишь. Освещенные солнцем, редко стоявшие высокие березы, казалось, цедили сквозь себя яркие лучи, маня ослепительной, влекущей к себе белизной.

Александра Александровна попросила остановить машину и, позвав сына, направилась в березняк. Следом прошел за ними Анатолий Николаевич, чувствуя, как пьянит свежий лесной воздух, и радостно прислушиваясь к тонкому птичьему разноголосью. Михеев прислонился спиной к березе, с минуту смотрел на ясный голубой просвет неба меж листвы; было непривычно тихо и уютно, покойно, легко. Ему невольно вспомнилась бабушка Алена, ненавязчиво, далеким своим образом, как будто не хотела тревожить его память. Отвлек голос жены. Она стояла в белом платье на фоне берез, стройная, миловидная, с типично русским, простым лицом, обрамленным кудряшками русых волос, наподобие березовых сережек. Анатолию Николаевичу подумалось о том, как сродни человек своей природе.

— Ты чего?.. — подошла Александра Александровна, вопросительно подняв брови.

— Да ничего, остановился вот… Меня в лесу всегда тянет что-нибудь поделать.

— Пилу с топором надо было взять, — с серьезным видом

пошутила она и увлекла его к лужайке.

— Родниковой бы водички сейчас из берестяного желоба, — помечталось Анатолию Николаевичу, и он даже оглядел дугообразную рытвину, похожую на оплывший окоп.

— Ты вроде как с родными повидался! — догадливо заметила жена.

Он взглянул на нее, согласно улыбнулся. И рассказал о том, что сейчас вспомнил:

— Сидим как-то с бабушкой Аленой у родника, жуем. Я попить нагнулся и не заметил, как сдвинул желобок. Вода вкривь метнулась, под берестинку пошла. А бабушка начинает мне сказывать: «Шел человечек по лесу, увидел мокринку на бугорушке — водичка книзу сходит. А как ее попить, залежки нет, сыру землю лизать не станешь. Поднял человечек суху ветку и давай на самой мокрине лунку копать. Уладил ее ладошкой, сидит, ждет. Водица-то и набралась, мутнота осела. Попил он и пошел своей дорогой. А через сколько-то времени идет другой человечек, постарательней того, который лунку выкопал. Этот тоже за работу принялся — мала показалась ему ямка с водой. И сделал он ее поширше, лагунком. Отведал воды, почмокал в усладу, утер нос — и дальше отправился. А потом набрел на родник старичок радельный, бородку помял, подумал-прикинул и давай побочины ладить для желоба, а промеж них поддон берестяной настелил. И побежала по нему, веселясь, чиста-студена водица. Старичок снял с ремня баклажку, наполнил ее, испил чуток, усы расправил и спасибо сказал. Ушел он, а следом малец, вроде тебя, явился, ширь носом к воде и свернул родничку хоботочек. Несоблюдно вышло».

— Мудрая старушка, видно, была, — понравилось Александре Александровне.

Подбежал сынишка, одетый по-военному: в гимнастерку, бриджи и детские хромовые сапожки. Затянутый ремнями портупеи через оба плеча, Дима выглядел настоящим служивым парнишкой времен гражданской войны. Это мать постаралась, умело пошила сыну военную форму, перед которой тот благоговел.

— Поехали, — предложил Дима, уперев руки в ремни портупеи.

— Да, поедем, — направился Михеев к машине и добавил: — А лучше бы тут остаться.

— Неловко, Толя, обещали Турковым, ждут же, — напомнила Александра Александровна. Она понимала, почему он не хочет ехать: не любил праздных компаний.

Лично к Герасиму Федоровичу Туркову Михеева влекло. Он

уважал в генерале образованность, интеллигентность, его боевое прошлое — тот участвовал в гражданской войне, а за героизм в боях с белофиннами заслужил орден Красного Знамени. Познакомились они еще в Киеве, жили соседями по квартире. Анатолий Николаевич сам не однажды наведывался в гости к заместителю командира танкового корпуса. В прошлом году Турков приехал учиться в Академию Генерального штаба, снял для семьи дачу под Москвой, на станции Марк, и вот уже вторично приглашает Михеевых к себе в гости.

…Проехали Лианозово. Кругом было полно ребятни. Тут играли в футбол, там — в чехарду, здесь — в бабки, а на пустыре — в лапту.

Обилие детворы и рекламный щит возле магазина с крупными буквами: «Поступил в продажу новый детский противогаз Снабосоавиахима» вызвали у Михеева горькую усмешку. Он посмотрел на сына, одетого в ребячью военную форму, представил себе у него на боку противогазную сумку и мысленно воспротивился такой необходимости. Вместе с тем ему вовсе не хотелось разрушать в сыне бойцовскую жилку.

— Стоп! — остановил машину Михеев, заметив озеро и посреди него островок с тремя соснами. — Теперь направо, по проселочной…

Как и рассказывал Анатолию Николаевичу генерал, неподалеку виднелись дачи. Турковская выделялась светлой голубизной; она была построена с претензией на готическую архитектуру, с непонятными остроконечными башенками по углам крутой крыши, смахивающими на вышки пожарной каланчи…

— Я же говорил, дача на костел похожа, — увлекая гостей в дом, ответил на шутку Михеева Герасим Федорович, — католик ее строил…

Он говорил мягко, отчетливо, как декламируя. А черты лица были грубоватыми: резко выдавались скулы, торчал крупный, в фиолетовых прожилках нос.

У Турковых уже были гости. Полковник-танкист, отрекомендовавшийся Иваном Ивановичем, его жена Роза Григорьевна — пухлая молодящаяся женщина с локонами на висках; знакомая Михеевым Мария Семеновна — родственница Турковых, бойкая, средних лет вдова, на вид простенькая и независимая.

— А я тереблю Герасима, когда Шурочка с Анатолием Николаевичем приедут, — поцеловала гостью Мария Семеновна.

Вошла Клавдия Семеновна — жена Туркова, женщина солидная, неторопливая, с уверенным выражением полного лица.

— Наконец-то, — распростерла она руки, здороваясь. Сказала сестре своей: — По-моему, ты, Маша, наоборот говорила: «Когда же Анатолий Николаевич с Шурочкой приедут?»

— Это за глаза…

Герасим Федорович куда-то ненадолго исчезал с Димой, а когда они появились, Анатолий Николаевич заметил на груди сына поблескивающий значок «Отличник РККА».

— Это я ему вручил за осведомленность в истории бронетанковых сил, — пояснил генерал. — Представьте, спрашивает, не знал ли я капитана Лебеденко. Думаю, кажется, был у меня командир роты… Дима поясняет: «Ну, который первый в мире танк сконструировал…» Ах вот какой Лебеденко! Нет, того не знал. Танк же его, построенный в пятнадцатом году, мне известен. Службу начинал на тех машинах в первую мировую войну.

На глаза Михееву попалась лежащая на тумбочке книга «Бои в Финляндии».

— Авторские получил, — объяснил Турков. — Мою статью поместили. Вот: «Бой танкового батальона в окружении».

— Интересно, — взял Анатолий Николаевич раскрытый том.

Иван Иванович вставил между прочим:

— Смелый заголовок, в газете такой едва бы дали, — и взглянул на Михеева осторожно, с ожиданием.

— Почему же? — не согласился генерал. — Военное искусство, как, впрочем, и любое другое, требует точности, полной ясности.

Разговор задел Михеева.

— Иван Иванович, как я понял, хотел сказать, что незачем пропагандировать окружение и вынужденное отступление.

— Разумеется, — кивнул Иван Иванович. — Хотя война и не исключает самые невероятные случаи.

— Спору нет, — согласился Михеев, чувствуя какое-то несогласие полковника. — Кстати, о газете. В свое время я лично из статей и очерков имел довольно объемное представление о происходящем на финском фронте, так сказать, со всей трудной выкладкой.

— Согласен и разделяю, — приложил руку к груди полковник. — Минуту, я сейчас.

Он сходил на веранду, принес вчерашний номер «Красной звезды», развернул газету.

— Посмотрим наугад, что тут есть. «Полководческое искусство Кутузова», «Роль личности в истории», «Военные действия в Африке», «В Албании…» — торопливо читал он заголовки. — «Новый тип разрывной пули», «Взвод в

наступлении»…

Турков остановил:

— Ты, Иван Иваныч, скажи-ка прямо… — Герасим Федорович повернулся к Михееву: — Замечание серьезное заработал полковник на учении. Танковые батальоны и роты у него и в окружении побывали, и поотступать их заставил.

— Пораженческие настроения, говорят, вызываете, — дополнил с озабоченным видом Иван Иванович.

Развеселился Михеев от этих слов.

— Я серьезно, — подтвердил полковник. — На разборе таких пилюль наглотался…

— Теперь только наступать учит, — вставил генерал.

— Даже во сне, — усмехнулся полковник.

— А какова наша военная доктрина на этот счет? — спросил Турков и сам ответил: — «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих Вооруженных Сил. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью».

— Ну и что? Все как надо, — сказал Михеев. — Тут нелишне вспомнить прошлогодний приказ Наркома обороны по боевой подготовке. В нем какое требование? «…Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне».

Иван Иванович вскинул руку:

— Позвольте уточнить. Из этого требования чаще толковался вывод о необходимости обучать войска главным образом наступательному бою.

— А чему же главным образом, по-вашему, учить армию? — неспешно и резковато перебил Михеев. — Отступлению, обороне, выходит?

— Я не закончил свою мысль, Анатолий Николаевич, — в тон ему, неторопливо и угрюмо, продолжал полковник. — Я не досказал о том, не менее важном, что вопросам организации обороны в войсках, обучению ведения оборонительного боя уделяется, мягко говоря, недостаточное внимание.

— Погодите-ка, — несогласно тряхнул головой Михеев. — Как вы можете говорить об организации обороны во всех войсках?

— Я речь веду о нашем соединении, — пояснил Иван Иванович.

— Это другой разговор, — спала напористость в голосе Михеева. — Если же говорить о войсках в целом, то не дальше как осенью и зимой в директивах Наркома обороны руководящему

составу Красной Армии одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, указывались сложные условия и ситуации для ведения оборонительного боя.

Генерал Турков задумчиво и согласно кивнул головой.

— Обучение частей и подразделений проходит главным образом на основе боевого опыта войны с белофиннами, — пояснил он. — Наибольшее внимание уделяется наступлению с прорывом подготовленной обороны.

— Не только, Герасим Федорович, — счел нужным уточнить Михеев, вспомнив, одно из совещаний у Тимошенко. — Директивы Наркома обороны, о которых я упомянул, родились не только на основе опыта финской кампании, а, пожалуй, больше в результате анализа операций войны на Западе, прежде всего принципов проведения их германской армией.

— Да, конечно… — не подтвердил, а согласился Турков. — Мне кажется, теоретические положения, особенно касающиеся оперативной обороны, нуждаются в доработке. Тут возникает масса вопросов. И все они исходят из главной задачи: готовить войска к тяжелой войне! Исходя из опыта боев на Западе, оборона армии должна быть глубоко эшелонированной и прежде всего противотанковой. Войска должны уметь обороняться. Их надо учить этому.

Иван Иванович с живостью вставил:

— В умении обороняться я вскрыл на учении существенные недостатки. Батальоны и роты действовали неуверенно, слабой оказалась организация оборонительного боя.

— Очень даже хорошо, что вскрыли, исправляйте, это ваша обязанность, — попросту расценил Михеев и с некоторой официальностью добавил: — Однако вы ни разу почему-то не обмолвились о наступательной операции, она у вас… вроде как бы ушла на второй план.

— Мой полк на учении был противной стороной, решал оборонительные задачи, — объяснил Иван Иванович.

Михеев перевел взгляд на Туркова, будто приглашая его к разъяснению.

— Вы сами себе противоречите, Иван Иванович, — наконец сказал он. — А говорите, в армии недостаточно занимаются оборонительным боем, акцентируете внимание на том, что все никуда не годится. На деле же иначе выглядит.

— С разносом, вот в чем дело. А за что? — живо отозвался Иван Иванович.

— Ну это частный случай. К тому же, как я понял, командование скорее всего право. Нельзя терять чувства меры:

отступать так отступать.

— Вот и разобрались, — повеселел Турков.

— Тут и разбираться нечего. Работа ведется в нужном направлении. Недостаточно — тоже верно. Кое-где односторонне подходят к вопросу о подготовке войск к войне, — закруглил разговор Михеев.

Он не стал говорить о том, что за последнее время задачам обороны стали уделять большое внимание. Интенсивно велись оборонительные работы вдоль границ, усиливались противотанковые средства. Его мысли заняло другое, о чем он сразу и попросил Туркова:

— Герасим Федорович! Вы не могли бы изложить ваши соображения насчет необходимости доработки теоретических положений касательно оперативной обороны? Осветите эту, как вы сами выразились, массу возникающих вопросов, чтобы была польза в практическом плане. Посмелее выскажите свои суждения. Я постараюсь доложить наркому.

— Хорошо, я сделаю, — согласился Турков.

— Не откладывая, Герасим Федорович! Вопрос очень важный! Разноса за инициативу не будет, — на всякий случай заверил он.

Наконец-то женщины увлекли мужчин к столу.

— Можете вы хотя бы сегодня, в выходной, не говорить о делах? — упрекнула, обращаясь к Анатолию Николаевичу, Мария Семеновна.

— Какие же это дела, Иван Иванович рассказал пару мужских анекдотов, посмеялись.

— А я своей Кнопке через день яйцо, творог и молоко даю, — продолжала прерванный разговор Роза Григорьевна.

— Я и говорю, дармоедка ваша Кнопка.

— Безжалостная ты, Клавдия Семеновна.

Жена Туркова не обратила внимания на колкость, а когда все сели за стол, показала пример — подняла рюмку…

Скучать никому не давала Мария Семеновна. Она без умолку рассказывала о том, как ее сватал генерал — отказала, потому что не захотела «ставить себя в подчинение», предпочитая мужчину пониже рангом да помоложе; потом, к слову, вспомнила свою первую любовь…

Мужчины же снова заговорили о делах, более близких им, о сложностях международной обстановки, об агрессивности фашизма. Кругом идут бои: Япония оголтело силится покорить Китай, армия фашистского режима Италии почти оккупировала Грецию, гитлеровская Германия рвется расправиться с Англией, готовит вторжение на Британские острова…

— Если немцы победят англичан, в конечном итоге они

пойдут на нас, — сказал Иван Иванович.

— Неизбежно! — согласился Турков. — Будет война.

Михеев уклонился от разговора. Он почувствовал, что его собеседники предполагают близость войны несколько в большем отдалении, чем это может оказаться на самом деле. Но высказывать свои мысли ему не хотелось. Да и кстати вмешалась Мария Семеновна, предложив отправиться на озеро с островом посередине — память о широкой натуре помещика Марка, бывшего владельца здешних мест.

Анатолий Николаевич благодарно кивнул Марии Семеновне и сказал:

— Чудесные здесь места. Пойдемте, конечно, взглянем…

Глава 13

План операции по обезвреживанию оуновского подполья в зараженном, как высказался Ярунчиков, районе, согласованный с действиями территориальных органов госбезопасности, бригадный комиссар привез в Москву для доклада Михееву. План разработали четко и предусмотрительно. Оперативные работники особого отдела округа были разделены на группы, и действовать им предстояло вместе с приданными подразделениями войск НКВД. Наметили конкретные точки действия и арест лиц, чья подрывная работа не вызывала сомнений, не говоря уж о тех, кто занимал более менее приметную роль в ОУНе. Установлением этих лиц и наблюдением за ними с помощью населения напряженно продолжали заниматься особисты. Последняя корректировка плана должна была состояться в день перед операцией, которую наметили с вечера седьмого на восьмое июня.

— Откуда будешь руководить? — спросил Михеев Ярунчикова.

— Согласовать надо с вами… Самое подходящее — осуществлять руководство из Львова.

— Зачем же в таком случае я стану рекомендовать не самое подходящее место? — заметил Михеев.

— А конкретно — из особого отдела шестой армии. С вами будет обеспечена прямая надежная связь. С группами прежде всего по рации.

— Прямым текстом?.. Не годится, на той стороне засекут. Составьте условную форму докладов по основным неизбежным сообщениям. Например: «Докладывает пятый. Ясно». Значит, прибыли на место, все идет нормально, по плану. И так далее.

— Предусмотрим в мероприятиях по обеспечению связью, — сделал пометку в блокноте Ярунчиков.

Михеев продолжал:

— Условный текст связи, терминологию сделайте под стиль обычного учения. Не так привлечет внимание.

— Все равно абвер узнает, пожалуй, на другой же день.

— Потом пусть копаются, как говорят хохлы, «нам до спыны». На границе надо обеспечить усиленные наряды. Не на один день, не на неделю даже, до особого распоряжения.

— Учли, Анатолий Николаевич. Мы занимались этим вопросом с начальником штаба Западного пограничного округа полковником Рогатиным.

— Ну раз с Рогатиным, значит, вас обеспечат в лучшем виде.

Замечаний не имею по остальным пунктам плана, кроме последнего.

— Насчет захвата спрятанного оружия? — догадался Ярунчиков, не понимая, что может тут не удовлетворять.

— Да, об этом. Раз есть сведения о тайниках с оружием в Самборском лесу, достаточно ли только взять его?

— А что же еще? Отыскать все и вывезти немедленно.

— Это само собой, но не спешите вывозить. Они обнаружат нашу работу и все поймут. Только боезапас заберите, пустую тару оставьте, замаскируйте, как было. Мне думается, когда начнется операция, оуновцы потекут в лес. Незапятнанный человек туда не побежит. Пойдут с целью укрыться от преследования, вооружиться. Известно, при серьезной опасности предусматривают сбор там, где лежит оружие.

Ярунчиков понял замысел и стал что-то быстро подсчитывать на бумаге.

— Тогда у нас мало сил из внутренних войск на оцепление, надо запросить больше на Самборский лес.

— Наметьте, сколько нужно, чего выкраиваете. Этот лес может открыть непредвиденные тайны. Вместе с тем в лесу, как нигде, возможно вооруженное сопротивление. Эту опасность пусть учитывает каждый.

— Понимаю, — кивнул Ярунчиков.

— Все надо сделать без шума и демонстрации, — продолжал наставлять Михеев. — Задержанных без достаточных улик освободите сразу после окончания операции. С объяснением и прочее. Всех задержанных обоснованно концентрируйте во Львове. Особо опасных направьте в Киев. Потом решим, кого этапировать в Москву.

Доложив Михееву об оперативных делах в отделе, которые в общем-то ему были известны, Ярунчиков сразу вылетел в Киев. Михеев еще некоторое время продолжал раздумывать над планом операции — не упущено ли что? Прикинул в уме все снова и лишь тогда позвонил Наркому обороны с просьбой принять его тотчас по важному делу.

Из-за кордона вернулся Цыган. Он дал о себе знать Пригоде несколько рискованным способом, а не предусмотренным заранее — по телефону или письмом с условной пометкой о месте и времени встречи за подписью Цыганков.

Пригода увидел Антона издали на улице, когда утром шел к себе в отдел. Сухарь быстро шел навстречу, прошагал мимо, только мельком бросив на него напряженный взгляд. Было ясно — нужна встреча. Что-то неотложное заставило Цыгана так

рисковать.

«Но каким образом он снова оказался во Львове? Почему так быстро вернулся из-за кордона? Может быть, его еще и не переправляли туда? Почему он не давал знать о себе?..» — с беспокойством размышлял Пригода и вдруг повернул назад, пошел быстрее, соображая, где бы им сойтись неприметно для посторонних.

Тем временем Антон, переходя на противоположную сторону улицы, разглядел среди прохожих идущего следом старшего батальонного комиссара, задержался у киоска, купил папирос, закурил, непрерывно следя, нет ли за ним хвоста оуновцев. По всем расчетам, быть его не должно. Хотя бы потому, что Сухарь выполнил серьезное задание оуновского руководства, которое исходило от абвера, тем самым еще более укрепив доверие к себе.

И все-таки поберечься от худого глаза не мешало, хотя времени у Антона и было в обрез. Поэтому, когда он увидел подходящий к остановке автобус — здесь же, рядом с киоском, — поспешил к нему. Пригода понял замысел Антона, живо направился следом.

Через остановку они шагали рядом.

— Что случилось? — первым делом спросил Пригода, не поворачивая головы. — За кордоном был?

— Оттуда пришел, Михаил Степанович. Здравствуйте!.. С приказом «самостийной братии» послали.

— Здравствуй! Что за приказ, известно тебе? — увлек разведчика за угол старший батальонный комиссар.

— Со мной он, в голове. Устно заучить велели, чтобы не попал в чужие руки. И цифровой пароль дали вместо подписи и печати. Куда проще сохранить. А если бы запрятали в пакет с сургучной печатью, тогда бы и не знаю как… Меня же на границе чуть ли не из рук в руки передали, сразу бы и приказ взяли.

— Чего и глаголить… — прервал словоохотливость Антона Пригода, сворачивая на аллею за детским садом. Спросил: — Что в приказе?

— Содержание такое: «Нулевой гриф. Сбор согласно мобпредписанию. Срок пять дней. Доклад о выполнении короткими средствами. Ждите готовность номер один. Утверждено первым. Тринадцать сорок один».

— Все? — достал записную книжку Пригода. — Давай-ка повтори.

— Я написал, — протянул Антон скрученную трубочкой бумагу. — Смысл тут такой, как я понял, слышал краешком: силы велят собирать, готовиться к выступлению. Гриф строжайше секретный. Сбор по группам. Что-то насчет переправки сюда

оружия готовят. О докладе короткими средствами ничего толком не знаю.

— По рации, кодовой фразой, — пояснил Пригода, думая о том, как вовремя подготовленной оказалась операция против оуновского подполья и как неожиданно кстати подоспел с важной новостью Антон Сухарь.

А тот продолжал еще озабоченнее:

— Там заваруха несусветная. Выселяют всех из приграничных районов, ночью, на машинах. И войска идут. Когда туда переправлялся, немцы-пограничники стояли, а обратно шел, их не видел — полевые части на границе. Больницы заняли армейские врачи. Слух пошел: война вот-вот начнется.

О подозрительной концентрации германских войск на границе уже было известно, и за ней следили. Но Сухарь не только подтвердил сведения о продолжающемся наплыве гитлеровских частей и эвакуации поляков, но и сообщил свежую новость — гражданские больницы занимают под госпитали.

— Молодец! — потряс за плечо Антона Пригода. — Как никогда, ты вовремя пришел. А где переходил границу?

— Возле озерца с ручьем, в плане я обрисовал с пояснениями ориентиров — просека, овраг, где встречают, разговорный пароль и отзыв. Проводник теперь каждый день приходит к просеке до полуночи и сторожит два часа. Если не встретишься с ним, надо по тропе в овраг топать на восток до села… И это я описал, может, пригодится.

— Конечно, сгодится, — с ноткой похвалы поддержал Пригода. — Но почему так спешил повидаться со мной? Тебя ждут?

— Да, надо сейчас же в Терновцы, село в полста километрах. Один тип что-то передать должен мне. Его фамилия Жмач, с бельмом на левом глазу. Там в бумаге я написал… Еще должен спросить: «Как служится старшине? Врачи присматривают?» Если ответит: «Служит, здоров, мастерские работают» — больше ни о чем не говорить! Ну а если скажет: «Служит, хворает», я должен попросить позвать старшину. Кривой приведет его. Ему обязан сообщить: «Пришел с той стороны, сегодня ночью иду обратно». И передать вот это. — Антон достал из заднего кармана брюк паспорт и военный билет. — Фальшивые, наверное, гляньте на его рожу.

Пригода взял паспорт, вгляделся в фотографию, чтобы получше запомнить, рассмотрел печать, подписи, но подделки не заметил.

— Данные о нем я тоже написал, — опередил возможный вопрос Антон. — Мне сказано, старшина знает, что делать.

Перечить ему не велено.

— Интересное поручение, — задумчиво произнес Пригода, внутренне загораясь желанием побыстрее узнать, что это за звено вражеской разведки.

— И все, — подытожил Антон. — Сегодня ночью вернуться должен.

— Вернуться, говоришь? Это неплохо… А что будешь делать с паспортом, если не увидишь старшину?

— Разве не сказал? Отдам кривому.

— Понятно. Из Терновцов после встречи, как освободишься, иди на шоссейку и по ней шагай в сторону Львова, я на машине прихвачу. Любопытно, что тебе там вручит кривой… Ну а в школу-то тебя определили?

— Устроили как надо, заниматься начали. И вдруг последние дни дергалка пошла, то одно отменят, то другое, стали учить прыгать с парашютом, подрывному делу все больше. То к мосту повезут, то к железной дороге… Половину курсантов перевели в спецбатальон «Нахтигаль», по-нашему «Соловей». Нынешней зимой его создали в составе полка «Бранденбург» для диверсионных и террористических действий. Слышал, в батальоне таких «соловьев» понабрали, хуже некуда, ярые антисоветчики — бандюги. Натворят они горя людям, случись заваруха… Ой, что-то затевают фашисты, торопятся шибко…

— Гадать нам с тобой некогда. Обстановка сложная… Там есть возможность встретиться с тобой? В ближайшие дни придет наш человек.

— Если только после занятий, в шесть вечера пускают пошататься до ужина. Пусть караулит. Буду один, подойдет.

…Возвратясь в отдел, Пригода сразу направился к Моклецову. Бригадный комиссар беседовал с приехавшим из Москвы старшим лейтенантом госбезопасности Петровым, назначенным начальником особого отдела сформированного танкового корпуса. Пригоде знакомиться с Петровым не нужно было, вместе работали в наркомате. Они дружески поздоровались.

— Я уже разыскивать тебя стал, — сказал Моклецов, вопросительно глядя на Михаила Степановича. — Грачев звонил. К двенадцати ждут доклада о готовности опергрупп к операции.

— Цыган вернулся, дал знать на улице, встретился с ним, — достал Пригода свернутые в трубочку листы.

Моклецов читал их внимательно, чуть шевеля губами, хмурясь.

— Что все это может значить? — оторвался он от бумаг. — Больницы под госпитали… Кровью пахнет, товарищи.

— Боевые действия назревают, — безоговорочно высказался Пригода. — До сегодняшнего дня я еще в чем-то сомневался.

Моклецов решил отпустить Петрова, сказал ему:

— Задача по операции, значит, ясна. Седьмого ждем с сотрудниками здесь в полдень.

— Все понятно, — поднялся Петров.

— Помните, обстановка усложняется с каждым днем. Желаю успешной работы, — подал Моклецов руку и сразу к Пригоде: — В Терновцах, надо полагать, серьезное гнездо. Там оружейные мастерские, полигон рядом.

— Вот оно что, — прояснилось у старшего батальонного комиссара. — Теперь понятно… Туда сейчас добирается Цыган. Он что-то должен взять у Жмача… Мне сейчас же надо выехать к Терновцам, встретить его, когда пойдет обратно. Захвачу с собой Лойко. Пусть в райотделе установит, что за птица этот кривой, не значится ли на заметке.

— Прежде у нас проверь, что есть по Терновцам и мастерским, — посоветовал Моклецов, кладя перед собой чистые листы бумаги. — Выходит, одному составлять донесение.

— И вот еще что, — вернулся Пригода, — ОУН мобилизует силы, срок дан пять дней. А до нашей операции осталось три дня. Может быть, стоит на пару суток перенести наше выступление. Как раз на полном сборе групп и замкнем сеть.

— Они же не по ранжиру выстроят группы, подходи и веди! — как-то нетерпеливо вырвалось у Моклецова, но тут же он смягчил тон: — Предложу. Мысль правильная. Да поезжай ты… Счастливо!

Он любил заканчивать разговор этим благожелательным напутствием. И, надо сказать, часто оно оправдывалось.

* * *

С востока наплывала густо подсиненная туча с белесыми рваными закраинами, сквозь которые гигантскими косыми нитями спадали на землю солнечные лучи. На шоссе моросил дождь, а чуть дальше, к низине, ярко светились поля. Было тихо, пахло освеженной зеленью. Дышалось легко.

Антон утомился в пыльной дорожной духоте, пока на попутных грузовиках добирался до райцентра, откуда прямой путь на Терновцы, километров пять, без надежды на попутный транспорт. Да и не рассчитывал на него Антон, избегая нежелательных расспросов: «Кто? К кому? Кем доводишься?» Он широко шагал, умиротворенный и тишиной, и моросящим позади

дождем, и раскинувшимся перед ним простором. Впереди виднелись Терновцы. Село уютно раскинулось за озером, спадая к нему огородами. Оно очень походило на то, в котором прошло детство Антона, и разведчик невольно забылся, перестав некоторое время думать о том, куда идет и зачем.

Лишь возле села благодушное настроение Антона сменилось напускной строгостью, он замедлил шаг, высматривая дом у края двух рядов тополей, с огородом в сторону озера. Увидел этот дом, а на огороде — пугало с чугунком на колу, что означало — можно являться.

Антон задами вышел к приземистой беленой хате, заметил любопытствующих соседей, успел отругать себя за то, что не пошел по селу открыто, а так наверняка вызвал ненужные предположения у посторонних.

На крыльце хаты появился высокий жилистый детина в майке, с деревянным ковшом в руке. Он пристально вгляделся в подходящего пришельца, зачерпнул из ведра воды, начал пить.

«Он!» — решил Антон, заметив бельмо на левом глазу хозяина, невольно улыбнулся, не столько приветливо, сколько довольный тем, что избавлен от поисков Жмача.

— Дайте напиться, товарищ, — направился к крыльцу Антон, посматривая на сени, нет ли там посторонних.

Беря протянутый ковш, Антон спросил:

— Как здравствует Жмач?

Прищуренный глаз с бельмом раскрылся.

— Здравствуют. А вам которого Жмача? — ответил кривой условленным вопросом.

— Да что тополя хочет продать.

— Передумал, сам строиться буду. Проходь в хату.

Они поздоровались.

— У меня время вот так, — провел пальцем по горлу Антон.

— Поешь с дороги и на дорогу, я живо, — засуетился Жмач, принес крынку молока, краюху хлеба, шмат окорока и исчез за дверью.

Антон и в самом деле здорово проголодался, жадно начал есть, осматривая горницу. Все тут было обычно: и скобленый стол, и деревянная кровать, и сундук, и фотографии над облупившимся комодом. И тут он разглядел за зеркальцем на комоде блестящий цилиндрик радиолампы. Оглядел потолок. Нет, электричества не было. Не видел и радиоприемника. Да и не водились они в хатах ни у кого.

«Есть рация, не иначе», — заключил Антон, вгрызаясь в кусок окорока.

Вернулся Жмач, прошел во вторую комнату, говоря:

— Туточки, туточки…

Антон решил сэкономить время, заговорил о втором поручении, спросив о старшине.

Жмач сразу вышел к нему, тревожно ответив:

— Служит. Хворает, — и сунул ему в руку черный, ребристый, как из-под губной помады, цилиндрик.

— Позови его, да поскорей, — попросил Антон.

Жмач живо натянул рубаху, сожалея:

— Что же сразу-то не сказал, сын под рукой был… Когда отдашь «шкурку»[6], на словах передай, опасно пошло, гепеушники шнырять стали, то и гляди за ребра подцепят. И ты зря приперся вот так.

Антон встал, с виду забеспокоился.

— Как велели, — оправдывался он.

— Передай, пусть в дом не посылают. Под пугалом на огороде буду оставлять что надо, ночью возьмут. А днем ни-ни.

И он ушел за старшиной.

Наблюдая через окно, куда направился Жмач, Антон достал цилиндрик, отвернул головку, извлек донесение, развернул его и увидел перечень боевых средств — от танков и самоходок до полевых гаубиц с обозначенным количеством. Не упуская из виду дорогу, он до последнего знака переписал все в блокнот, вырвал лист, сложил в размер почтовой марки и спрятал в прорез на поясе брюк. Донесение Жмача легло на прежнее место, цилиндрик разведчик положил в карман пиджака.

Антон походил по горнице, допил молоко. Снова достал блокнот, записал устное распоряжение Жмача, свое короткое впечатление от встречи, подчеркнул серьезную тревогу оуновца перед чекистами. Он все еще жевал, когда появился кривой.

— Идет следом, — сообщил он — и сразу к сундуку, откинул крышку, начал рыться в нем. Достав брюки с рубашкой, положил их на стул. Потом сходил в сени, принес полуботинки. И все это он делал молча, сосредоточенно.

Антон был доволен занятостью Жмача, избавившей от разговора и возможных расспросов. Но чем вызваны эти сборы? Догадка пришла, когда появился армейский старшина, по-видимому сверхсрочник, крепкий, мужиковатый, лет за тридцать, на лице которого броско выделялись густые, сросшиеся у переносья брови.

— Здравствуй! Слушаю, — подошел он вплотную, смотря в упор.

— Пришел с той стороны, сегодня ночью иду обратно, — тихо, но четко произнес Антон и достал паспорт с военным билетом, подал старшине.

Тот с живостью раскрыл паспорт и просиял весь.

— Добро! Ценят кадры… Пойдем вместе, — повернулся он к Жмачу. — Готов чемоданчик?

Чемоданчик лежал на лавке. Ни брюк, ни рубахи, ни полуботинок Антон уже не видел. Понял, старшина решил переодеться в гражданское, документы есть. «Уж не за кордон ли он метит со мной? Вот дела… Как же с Пригодой встречусь? Что делать?.. А встретиться необходимо».

— Носки не положил? — проверял содержимое чемоданчика старшина. — Я же в портянках.

Жмач достал из комода серые носки, подал старшине.

— Ну, до лучших времен. Сохрани тебя… — подал старшина руку Жмачу и кивком головы указал Антону на дверь.

«Как же быть?» — мучил Антона единственный вопрос.

* * *

Возле райотдела НКВД Лойко вышел из машины, а Пригода сразу укатил на Львовское шоссе и стал курсировать на участке пяти-шести километров. По самой меньшей прикидке Михаила Степановича, Антон мог только-только появиться из Терновцов, но он мало надеялся на это. Такие встречи по минимальному расчету не происходят.

Проверкой у себя в отделе Пригода обнаружил данные на старшину Иванько из артиллерийских мастерских, недавно заподозренного в пособничестве врагу, и опознал его по фотографии. Фальшивый паспорт с военным билетом предназначались ему. И это обстоятельство тревожило Михаила Степановича. Иванько явно собирался дезертировать, скрыться. Но почему? Заметил опасность или по другим обстоятельствам?.. Что-то там еще раскопает Лойко?

Алексей Кузьмич в это время уже знакомился с материалами на содержателя явочной квартиры Жмача, арест которого был санкционирован прокурором и намечался на седьмое июня. По делу проходил и старшина Иванько.

Лойко быстро сделал нужные записи и направился уходить, когда его вдруг пригласил начальник отдела.

— Прочтите, — положил он перед Алексеем Кузьмичом бумагу с бегло записанным текстом. — Только что сообщили по телефону из Терновцов.

Лойко читал:

«В полдень кривой встретил гостя — незнакомый,

кучерявый, молодой. Пробыл сорок минут. Хозяин привел старшину, гость ушел с ним к шоссе. Взяли чемодан».

Алексей Кузьмич заторопился, попросил подвезти его за райцентр на Львовское шоссе. Прикинул: если Антон с попутчиком идут по дороге из Терновцов, то они как раз выйдут к окраине. Там и с Пригодой условлена встреча. Оставалось двадцать минут.

Когда машина миновала последние дома и вышла на простор, Лойко попросил шофера остановиться и дальше пошел пешком. Он уже увидел в полукилометре впереди подходящих к шоссе двоих в гражданском. Один был в костюме — Алексей Кузьмич в нем признал Антона, а другой шел в рубашке, с небольшим чемоданом. Машины Пригоды на шоссе не было видно.

Лойко прибавил шагу, желая сократить расстояние. Так он прошел с километр. Вдруг показалась навстречу «эмка» Пригоды. Алексей Кузьмич впился глазами в машину, ожидая, как поступит старший батальонный комиссар. Ведь он не знает, с кем идет Антон.

Пригоду озадачил тот же вопрос: «Как быть?» Поначалу он подумал о том, что с Антоном увязался Жмач. Но когда Михаил Степанович подъехал к идущим настолько, что смог разглядеть лицо попутчика Антона с броскими густыми бровями, признал в нем того самого старшину, фотографию которого видел в отделе и на фальшивом паспорте.

Узнав знакомую машину и Пригоду за рулем, Антон чуть посторонился, делая вид, что уступает дорогу, малость приотстал и незаметно вскинул руку, давая понять, что надо остановиться…

Пригода проскочил мимо. Очень-то спешить было нечего, требовалось хотя бы немного подумать. Антон сообразительный, догадается, что просто так его не оставят. Лучше подъехать немного погодя, попутно. Да и Лойко, кстати, идет навстречу.

Алексей Кузьмич живо рассказал старшему батальонному комиссару все, что узнал, и Михаил Степанович круто развернул «эмку», бросив одно слово:

— Брать!

Он разогнал машину и, когда поравнялся с двоими, так сильно притормозил, что даже Антон отскочил за край шоссе, выругался.

— Испугал? — откинул дверцу Пригода. — Подбросить, что ли? Полезайте.

Антон со старшиной переглянулись, возражений не высказали, подсели к Лойко. «Эмка» рванулась на Львов.

— Вам до города? — спросил Пригода, решив отъехать подальше от места, где сели «попутчики», а потом уже действовать. Антона предстояло доставить в райцентр, который оставался все дальше позади. Оттуда он отправится своей дорогой. Его ждут возле границы.

Машина остановилась. Старший батальонный комиссар повернулся к заднему сиденью, спокойно сказал Лойко:

— Обыскать старшину!

Тот дернулся, схватил Лойко за грудь, но сразу отпустил. Тяжелая рука Антона легла на подбородок старшины, прижала голову к сиденью.

— Тихо, братец, ни звука, — проговорил Антон на ухо старшине. — Сиди, должен понимать — точка!

И он вышел из машины, подозвал Пригоду к себе.

— Возьмите, переписал донесение Жмача, наперечет дают танки, пушки. Думаю, тут работа старшины… бывшего. Переоделся он, форму вон в тех дубках спрятал, под корягой. — Антон протянул второй сложенный листок. — А здесь — мое впечатление от встречи со Жмачом, сильно он Чека боится. Донесения будет оставлять под пугалом на огороде.

— Скоро сам пугалом станет, — сказал Пригода. — Ты в его донесении искази цифры на бóльшие.

— Сделаю. Рацию ищите у них, я радиолампу видел у Жмача на комоде. О старшине там объясню так: ушел, сказал, один пойдет. Мне ж не велели ему перечить.

— Молодец! Давай я тебя обниму. — И Пригода сграбастал Антона.

— Ну я пошел. Будьте здоровы.

— Куда ты? Я подвезу, — удержал его за руку Михаил Степанович.

— Не надо. Завтра я этой нашенской красоты не увижу. Управился раньше срока, время есть. Пройти хочу. Наедине.

Они пожали друг другу руки. И расстались до счастливой встречи. Но никто не знал, что встрече этой не суждено было состояться…

Глава 14

Перенести операцию на два дня Михеев не разрешил. Дорог был каждый день. Фраза в перехваченном приказе — «Сбор согласно мобпредписанию» — скорее всего означала дать команду руководителям групп иметь своих людей под рукой, на что и давалось пять дней. Значит, время определяло чисто организационную подготовку. Потому и следует за этим: «Ждите готовность номер один». Понимать надо: боевую готовность для выполнения подрывных, намеченных врагом задач после получения сигнала. Он, безусловно, зависит по времени от каких-то более важных намерений фашистов, может быть, даже и не исключая провокации на границе.

Чего же тогда ждать? Боевой готовности оуновцев? Чтобы налететь на их организованное вооруженное сопротивление, дать бандитам рассеяться? Их надо брать в подштанниках, порознь, чтобы не успели схватиться за оружие.

Размышляя так, Михеев снова возвращался к последней строке приказа: «Утверждено первым. Тринадцать сорок один», подчеркнул ее красным карандашом. Скрытая возможность привлекла его в этом шифре-пароле. Он даже ощутил недовольство тем, что особисты в округе не попытались проявить какое-то внимание к такому редкому приобретению, как шифр-подпись, и не подумали воспользоваться им.

Придвинув чистый лист бумаги, Михеев набросал:

> «Нулевой гриф. Обеспечить сбор руководителей групп в Самборском лесу седьмого июня в двадцать три часа, восточный квадрат за селом Рубцы. Прибыть лично. Ставлю боевую задачу на готовность номер один. Подписал первый. Тринадцать сорок один».

Прочитав написанное, он вставил «Срочно обеспечить» и удовлетворился текстом, показавшимся ему убедительно похожим на достоверный. И, представляя себе прохождение липового приказа, его выполнение, задумался о том, что при малейшем сомнении может состояться запрос «короткими средствами» на подтверждение или уточнение. Тогда провал. Но чем он опасен? Руководители групп не получат распоряжения. Пока будут ломать голову, выяснять, начнется операция, и проверка не будет иметь смысла. Операции все это не повредит.

А если все пойдет гладко, должно пойти, успеют ли меньше чем за двое суток известить руководителей групп, а те вовремя

прибыть в Самборский лес? Полностью едва ли. Во всяком случае, если даже половина из них угодит в западню, игра стоит свеч.

Кто же вручит фиктивный приказ? Где и как это сделать, придумывать не приходилось. Свой человек пройдет на границе тем же маршрутом, через то же «окно», что и разведчик Цыган. Опасность в момент связи с проводником, а затем передачи устного приказа с паролем самая минимальная, надо только правдоподобно сыграть свою роль. И тотчас вернуться обратно под видом на «ту сторону».

Михеев вспомнил Василия Макаровича Стышко, мысленно увидел его сутуловатую фигуру в простенькой крестьянской одежде и обрадовался своей находке. Макарыч сыграет роль в лучшем виде. Сейчас же, немедленно надо переговорить с Ярунчиковым и Стышко. Липовый приказ должен быть вручен сегодня до полуночи!

* * *

Сотрудники особого отдела КОВО в эти дни жили напряженно и если являлись домой, то разве что на рассвете, чтобы поспать и утром вовремя быть на службе. После получения мобилизационного приказа оуновские связные зашевелились. Обученные методам скрытного общения, запутывания следов, они небезуспешно справлялись со своей задачей, следили только малоопытные и самонадеянные. Появилось множество новых неясностей, которые требовали немедленной проверки.

Вся эта работа была сконцентрирована у начальника оперативного отделения Дмитрия Дмитриевича Плетнева. Он просеивал всю поступающую с мест информацию, выбирал заслуживающих внимания лиц, давал указания на проверку, снова отметал пустое. Наконец справки на попавших в поле зрения явных оуновцев с кратким описанием характера враждебной деятельности были готовы. С ними и пришел Плетнев на доклад. У начальника отдела находился Грачев.

— О, дюже постарался, — как-то непроизвольно получилось у Ярунчикова, взявшего в руки принесенные материалы.

Плетнев искоса взглянул на начальника острым взглядом, промолчал. Ярунчиков же углубился в чтение.

Раздался телефонный звонок. Ярунчиков узнал по голосу Михеева, внимательно слушал его, делая пометки. Сказал Плетневу:

— Позови Стышко.

Дослушав Михеева, Ярунчиков с опасением спросил:

— Что, если это не шифр-подпись, а всего-навсего порядковый номер? Или первые две цифры — порядковый номер приказа, а последние — что-то еще? И влип Василий Макарович.

В кабинет вошли Стышко и Плетнев.

— Пришел он, передаю трубку, — рукой позвал Василия Макаровича Ярунчиков. И тут у него появилась неожиданная мысль. — Анатолий Николаевич! А что, если этот фиктивный приказ начать так: «В дополнение предыдущего указания…» И далее — как есть: «обеспечить сбор…» Тогда в любом случае будет оправдан прежний шифр, в определенной мере гарантия. Я уже записал… До молодца мне еще далеко. Вот только что Плетнев прицепистей оказался.

Стышко слушал Михеева, твердя: «Понимаю», уже сейчас, у аппарата, познавая новую для себя роль, в которой он должен выступить сегодня ночью. Из присутствующих один Ярунчиков понимал это и смотрел на Василия Макаровича с вопросительной мягкостью в глазах.

* * *

…Репетицию встречи с проводником-оуновцем на границе, а если она не состоится, то с постоянным связным у оврага или на хуторе Грачев отработал со Стышко быстро. Лишних слов не допускалось, любопытных расспросов — тоже. Принесли подходящую одежду — простенький костюм, рубашку, сапоги, достали миниатюрный немецкий пистолет «вальтер». Пока Василий Макарович переодевался, Грачев продолжал наставлять:

— Держи себя с достоинством, создай о себе впечатление энергичного, жестокого бандита. Не рядового, но и не чина какого-нибудь, что-то вроде порученца. Возникнет вопрос, кто лично прибудет в Самборский лес ставить задачу, где встретить и прочее, ответишь немножко с нажимом: «Будет кто надо», «Встреча обеспечена», «Проход свой, надежный» и все в таком духе. К разговору не располагай. Скажешь, этой же ночью должен вернуться, чтобы поставить в известность, что приказ вручен. По-моему, звучит убедительно.

Стышко позвонил домой, сказал жене, что уезжает до завтра. И выехал с Грачевым и Плетневым на военный аэродром, откуда на самолете их должны были доставить к границе.

* * *

Руководителем операции в Самборском лесу назначили Пригоду. Он съездил на место; не выходя из машины, наметил расположение командного пункта в дубках, отдаленных от ближайшего села. Отсюда, рассчитал он, примерно равное расстояние до западного и восточного края леса, километра по полтора, не больше, самый удобный участок для встречи посыльных из групп облавы.

Вернувшись в отдел, Пригода первым делом зашел к следователю, который занимался арестованным старшиной Иванько. В первый день изменник совсем не давал показаний. Он понять не мог какую-то накрученность в своем аресте. К чему она, какой в ней смысл? Подсунули паспорт, дали переодеться, поводили, машину подбросили. Что-то мешало взять дома? Нужна была скрытность? Чтобы Жмач ничего не увидел и не узнал? Арестовали кривого или нет? Кого еще взяли? И что это за тип подвалился? Жмач сказал, что проверил его, свой человек. А не пришел ли он вместо того, кто нес паспорт? Выходит, тот схвачен, раскололся. Скорее всего так. Вместо него подставили чекиста. Но опять-таки, зачем было устраивать длинный спектакль, так сказать, вести за сто верст на расстрел?

Мало-помалу Иванько приходил в себя. Помогло то, что он предчувствовал провал, сообщил об этом в предыдущем донесении, ждал распоряжения и помощи, чтобы надежно укрыться, бежать. Какое же могло быть сомнение, когда он с благодарностью увидел, что ему пошли навстречу. И, вспоминая об этом, он до боли сжимал челюсти, так и не сообразив определенно, на чем и как он попался.

Решил, пока не припрут, будет молчать — ничего не знает. И твердил на допросе: «Мало ли у меня знакомых. Жмач в том числе… Переоделся, к женщине шел. Паспорт мне подсунул этот волосатик, спросите его, зачем ему надо было. К чему мне дезертировать, я сверхсрочник, подал рапорт — и вольный казак».

Старшина выжидал. Пришлось ускорить арест Жмача, ждать до седьмого июня уже не было смысла. Понимая провал, кривой счел лучшим для себя ничего не скрывать о старшине.

Оперуполномоченный Лойко сделал выписки из показаний Жмача:

> «Старшину Иванько знаю с осени прошлого года. С ним познакомил Петро — других данных о нем не знаю, — который уговорил меня помочь в маленьком деле, чтобы об этом никто не знал. Суть дела заключалась в пустяковой, как заверил Петро, услуге: принять записку и передать, когда за ней придут. Только

и всего. Познакомил с Иванько, и больше Петра я не видел».

«Иванько приходил три-четыре раза. Да, оставлял записки, содержанием я не интересовался. Последнюю прочитал, понял, что дело шпионским пахнет, испугался. Не велел больше ко мне приходить. Тут же узнал, что Иванько уходит совсем, значит, и я освобождаюсь. Прекратить твердо решил».

«Приходили взять записки Иванько разные люди, спрашивали, не куплю ли я шифер, а теперь — не продам ли тополя, я отдавал бумажку. Кто приходил, этого я не знаю и не спрашивал».

«Иванько всегда являлся один. Нет, денег не давал. Давали приходящие по сто рублей».

«Встреч на хате не проводилось. Последний раз только связной велел привести старшину…»

«Прошлогодний случай из головы вылетел, пришел Петро вдвоем, я за старшиной сходил. Было такое. А больше ни разу».

Пригода прочитал выписки, ознакомился с последним протоколом допроса Иванько. Из него было видно, старшина запутался в отрицании показаний Жмача, на очной ставке обвинял его в подвохе, ругал себя за доверчивость. И тут Жмач, стремясь доказать свою мелкую передаточную роль, указал, где находится очередное донесение-просьба старшины, за которым не успел еще, наверное, никто прийти и взять на огороде. Записку нашли. В ней Иванько сообщал: «За мной, чую, смотрят, треба тикать, второй раз прошу насчет документов и куда явиться. Паршиво будет, скроюсь». Иванько и без того понимал свой полный провал. Увидя же собственноручное признание, он сник и стал сознаваться в сотрудничестве с гитлеровской разведкой.

Укромное, не очень-то примечательное на первый взгляд место — артмастерские — избрал прихвостень, сумев использовать его для выведывания сведений по оснащению частей тяжелым вооружением.

И снова добрым словом вспомнил Пригода Антона. Решил, пора готовить к нему связного…

* * *

Ориентироваться в лесу ночью, тем более на самой границе, где ненароком можно угодить и за кордон, Василию Макаровичу

было сложно. Правда, он изучил свой маршрут по карте с заместителем начальника пограничной заставы и на месте, прибыв к отправной точке у озерца, слово в слово повторил каждый отрезок своего пути: идет по ручью, который течет в озерцо, метров через триста на крутом повороте переходит его и продолжает движение в том же направлении чуть больше километра до просеки, пересекает ее и дальше по краю вырубки на север выходит к оврагу — тут у обрыва ждать до полуночи; если никто не придет, спуститься в овраг и по тропе шагать на восток до села. Там возле бани у речки его обязательно встретят.

И все же когда Стышко начал путь — Грачев с заместителем начальника заставы остались ждать его возвращения у озерца, — лесная темь сковала продвижение и если бы не ручей, то, наверное, скоро бы поколебалась у чекиста уверенность в ориентировке. Но ручей, поблескивая и сонно шелестя, покойно вел его по своему руслу, приучая к ровному, осторожному шагу и ощущению отдаленности конечной точки.

Мешал густой кустарник, кое-где непролазный, будто бы никем не пройденный, и тогда Василий Макарович попадал в воду, осторожно шел по ней: тут было посвободнее, продвигался согнувшись. Неожиданно ручей уперся в возвышенность, круто повернул. Перейдя его, Стышко на четвереньках забрался на крутой холмик, присел на минуту лицом в ту сторону, куда надо было продолжать путь, вылил из сапог воду, отжал носки. И сразу поднялся, направился дальше. Кустарник, который так мешал вначале, больше не попадался, раскинулся просторный лес, идти стало легче.

Просека открылась неожиданно — распахнулось простором звездное небо. Стышко постоял мгновение, достал из кармана пистолет, проверил надежность предохранителя и, не задерживаясь, пригнувшись, как настоящий лазутчик, пересек открытое место. Постоял, прислушался. Как ему говорил Грачев, встреча не исключена и здесь, на этом месте, надо подождать немного. Но проводник может и не подойти, будет сопровождать на расстоянии. Разумеется, если он явится сегодня.

И тут Стышко показалось, будто неподалеку, справа, кто-то есть. Прошуршала листва, и ширкнула ветка. Чуткая, жадная к звукам, стояла тишина. А подозрительное желание расслышать что-либо возрастало. Он осторожно двинулся возле края просеки на север, то и дело оборачиваясь и прощупывая на слух молчаливую темь.

Вдруг — как удар в лицо.

— Стой! Тихо! — хрипло раздалось сбоку.

Василий Макарович от неожиданности отпрянул в сторону,

застыл, успев машинально сбросить предохранитель с боевого взвода пистолета. Но сразу успокоился, удовлетворился таким оборотом: его встретили. Ответил:

— Кто? Подойди, — и сам сделал шаг вперед, укрылся за стволом дерева.

— Некогда, ступай своей дорогой.

Стышко пошел на голос, ответил как надо:

— Заблудился, проводи к дороге.

Они сошлись. По Стышко скользнул узкий луч фонарика. Василий Макарович не успел как следует разглядеть проводника, заметил только усы на круглом лице и неказистую фигуру.

— К какой тебе дороге?

— К львовской.

Выяснения были закончены, они пожали руки выше локтя.

— Срочное дело, — тихо сообщил Стышко. — Даже, я бы сказал, сверхсрочное.

— Тут не спеши, — посоветовал проводник. — Держись за мной.

Они углубились в лес, молча шли еще с полчаса, пока не уперлись в край оврага.

— Посиди тут, — предложил проводник и бесшумно исчез.

Отсюда в просвете листвы была видна луна. Стышко сориентировался по ней, как ему возвращаться обратно, прикинул на память расстояние, которое прошел с проводником, — не сбиться бы потом, где пересечь просеку и выйти к ручью.

Вернулся проводник и с ним еще двое. Один подсел к пришельцу, пожал его руку выше локтя. Василий Макарович ответил тем же.

— Василий, — представился он.

— Крутько, считай, — назвался тот, дыхнув противным перегаром самогона. — От кого? Что у тебя?

— С приказом… срочным.

— Давай, — протянул тот руку.

— Устный, запомнить надо.

— Пошли в сторонку, — поднялся Крутько.

Они отошли неподалеку, снова присели. Стышко прочитал на память приказ, опасаясь при этом, выучит ли эта сволочь все слово в слово хотя бы с трех раз.

— Это дело! — приподнято выдохнул Крутько. — Это, брат, на «в ружье» похоже. У тебя еще какое дело или все? А то проводить нужно одного.

— Только приказ — и обратно.

— Тогда диктуй, запишу. Вместе вас и проводим, — включил он фонарик под корягой, направив луч к земле, приготовился

писать.

«Как вместе! Вот те попутчик… — встревожился Василий Макарович. — Этого еще недоставало».

— Давай диктуй, — поторопил Крутько.

Они полулежали на траве, один диктовал, другой старательно, будто неумело, записывал. Стышко при этом испытывал удовлетворение и радость оттого, что фиктивный приказ поступал в руки врага и начинал неведомый путь.

Когда Крутько закончил писать, Василий Макарович проверил текст — все было верно. Возвращая листок, посоветовал, как приказал:

— Немедленно доложи, каждый час дорог, — и направился к тому месту, где остались двое.

— Да, да, сейчас же… Микола один проводит.

— Меня ждут до рассвета, надо успеть доложить, что все в порядке, — пояснил Стышко с умыслом, чтобы услышал неведомый ему попутчик.

А Крутько сразу к Миколе:

— Проводишь до «брода», и все, сразу вертайся в мазанку. Дело есть, я пошел. — Он на ходу дружески хлопнул Стышко по плечу, сказал: — Познакомься с Иваном-то, да иди наперед, трусоват он.

Путь обратно до выхода на просеку показался Василию Макаровичу короче. Не надо было прислушиваться, настороженно держать путь. Размышления сокращали время. Он думал о попутчике, идущем за кордон, о «броде», к которому вел проводник и где тот должен расстаться с ним. Тогда будет видно, что делать с напарником. Но что это за брод, где он? Как от него выйти к ручью и озерцу?

— Тут, по «броду», я тебя и засек, — сказал проводник не ради похвальбы, а напоминая Стышко, где он перешел просеку и как ему ориентироваться на обратный путь.

— Так это ты был? И обогнать успел. Ловок, — польстил Стышко. — Ну, будь здоров. Пошли, Иван, короткой перебежкой.

Лишь на открытом месте при свете луны Василий Макарович разглядел напарника. Был он крепок, скуласт, совсем без шеи — голова, как арбуз, вдавливалась между плеч. С виду медлительный, он на просеке проявил такую прыть, что только промелькнул, обогнав Стышко.

«Буйвол! С заячьей прытью», — поспешил за ним, как бы не упустить, Стышко. И сам пробежался, догнал шустрого напарника, предупредил:

— Не мечись, осторожней, завалишь обоих.

— Там светло… — бросил Иван.

«Как бы он не рванул у границы! Пальну тогда», — решил Василий Макарович на самый крайний случай. Вот-вот должен быть обрывистый спуск и ручей. Стышко срезал путь левее: так надежнее, не пройдешь мимо поворота ручья, все равно упрешься в него.

— Куда ты? — остановил за плечо Иван. — Прямо давай, короче, в озеро упрешься.

И, не ожидая ответа, отправился своей дорогой. Стышко — за ним, переложил в руке пистолет рукояткой под кулак, не отставал. Начался колючий, цепкий кустарник.

«Тут его и свалю», — решил чекист, настигая врага ближе и ближе.

— Куда полез, у ручья свободней, тише, — пытался остановить его Василий Макарович. — Я не знаю этой дороги.

— Мне знакома, — обернулся Иван. — Тут надежней…

И едва он снова сделал шаг, как Стышко с такой яростью стукнул его по затылку, что в первый момент, когда попутчик Иван без звука рухнул на землю и не шевельнулся, встревожился сильно — не убил ли? Пощупал пульс — живой. Коснулся рукой затылка, ощутил кровь. Он сбросил пиджак, снял рубаху, разорвал ее напополам, перевязал раненому голову. И присел рядом, соображая, что делать дальше. На себе нести — не взвалить этого буйвола на горб. А кроме как? Не тут же сидеть. К тому же лазутчик простонал, шевельнулся. Стышко снял брючный ремень, связал руки пленника за спиной. Пошарил по земле, нашел пистолет. Прикинул в уме: ручей рядом, его изгиб должен быть позади, значит, до озерца меньше трехсот метров. Надо идти!

Он подхватил недвижимую тушу под мышки и, пятясь, протащил с десяток метров. Передохнул, решив: дело пойдет. И снова поволок пленника.

На крутом склоне к ручью они сползли вместе, и, когда ноги Стышко уперлись в ровный грунт у ручья, он плечом сдержал сползающего Ивана, ухватил его поудобнее и рывком уложил на плечи, сгорбился под тяжелой ношей и, пошатываясь, пошел по краю ручья, решив, что переходить его вброд нет смысла, лишь бы поближе подойти к своим.

Так он проковылял с сотню метров и присел под тяжестью, вылез из-под непосильной ноши, глубоко вздохнул. А на душе было легко и спокойно. Теперь он может за час передвигаться по десять метров и никуда не опоздает. А душой рвался к своим: переживают же за него. Он попробовал свистнуть, но получилось слабо — не умел. Пленник опять простонал, шевельнул плечами.

— Э-э, лесной браток, давай-ка топать, — проговорил Стышко

и снова подхватил его под мышки, потащил дальше. В этот раз он преодолел метров тридцать, пока вконец ие иссякла в руках сила. Он пятился и не видел, как совсем рядом блестела под луной гладь озера. Когда же он повернулся, лицо расплылось в улыбке. Он с удовольствием громко прокашлялся. На воде звуки далеко слышны. И ему сразу ответили коротким, но лихим свистом.

Глава 15

Утром в управлении Михеева ждало сообщение Ярунчикова о том, что задание Стышко выполнил. Не присаживаясь к столу, Анатолий Николаевич зашагал по кабинету. Не сиделось. Ему очень захотелось сейчас увидеть Василия Макаровича, услышать от него подробности ночной миссии, на пару поразмышлять о дальнейшем прохождении липового приказа. Хотелось верить, что враг клюнул, не усомнился в его подлинности. Тогда пора было ожидать и первые признаки исполнения срочных указаний.

Михеев заказал по ВЧ Киев. Разговор с Ярунчиковым ничем не обнадежил.

— Рано еще. Нужные связи начеку, малейшую зацепку доложу сразу, — ответил Ярунчиков и вкратце рассказал — со слов Стышко, — с каким доверием бандиты приняли чекиста и какую реакцию вызвал приказ. Упомянул и о случайном попутчике Иване, которого захватил Василий Макарович, нерасчетливо стукнув по затылку, в результате чего тот оказался в госпитале, и о его допросе пока не могло идти речи.

— Не рассчитал, значит, сапер. Наверное, обстоятельства так сложились, — сделал вывод Михеев, преувеличенно представляя себе опасность, которой подвергся его давний товарищ. И был рад, что Василий Макарович жив, здоров, преспокойно отсыпается дома. — Я вот еще что хотел уточнить, — вспомнил Михеев. — До двадцати двух часов лес не оцеплять, и чтобы признаков никаких на это не было. В любом случае, пойдет туда ОУН или нет. Они наверняка засветло разведку проведут, будьте осторожны. Ты получил приказ на открытие огня при таких-то обстоятельствах — они перечислены.

— Да, каждый знает.

— Когда будешь во Львове?

— В четырнадцать часов.

— Позвони мне. Держи в курсе. Желаю удач!

Очень хотелось Михееву во Львов. Он мысленно перекочевал в особый отдел 6-й армии, представил себе Самборский лес и проникающих в него оуновцев, красноармейскую цепь облавы и Пригоду на командном пункте. Потом мысли его перекинулись к границе, перескочили в неведомый ему Грубеж на польской территории, где завтра, под боком у гитлеровского разведцентра, всполошатся главари «лесных братьев», и он удовлетворился этим размышлением.

Вскоре Ярунчиков позвонил Михееву сам и приподнято доложил:

— Только что Грачеву сообщили: оуновец получил приказ в Дорвицах — село в восьмидесяти километрах от того места, где Стышко встретился с Крутько. Дано указание проследить, кто и когда отправится в лес.

— Спасибо, Никита Алексеевич, порадовал. Полгоры снял с плеч. Верю, сбросим и вторую половину. Звони.

…В два часа дня Ярунчиков прибыл в особый отдел 6-й армии, занял кабинет Моклецова. Первым делом он собрал руководителей опергрупп для последнего напутствия. Они первыми выедут на места для санкционированного ареста бандитов. Разговор был коротким, каждый знал свою задачу.

Хорошо знал ее и Лойко. Это было заметно по его спокойному краснощекому лицу, к которому как-то не шел строгий, решительный взгляд. Оперуполномоченному поручили ответственное задание — арестовать одного из руководителей разведки, ближайшего помощника схваченного Горулько, коварного и отчаянного Лычака. Не исключено было, что он лично возьмет под контроль сбор командиров групп и сам прибудет в Самборский лес. В одиночку Лычак не ходит, а сегодня, возможно, с ним будет не только охранник. Если придется брать его дома — обстановка понятная. Если же он на ночь глядя или того раньше направится куда-то, как тогда поступит оперуполномоченный?

Об этом и спросил Ярунчиков Лойко, задержав его, когда все разошлись.

— Лычака брать дома раньше десяти вечера нельзя, считаю, — ответил Алексей Кузьмич. — По-моему, это может повлиять на сбор бандитов в лесу, если они не раскусили подлог. Но и в лес его, по-моему, допустить нельзя. Организует отчаянное сопротивление.

— И так нехорошо, и эдак не годится. Верно, — согласился Ярунчиков. — Остается два варианта: брать ночью дома либо на подходе к Самборскому лесу, как сложится.

— Возможен третий вариант, — предположил Лойко. — Едва ли Лычак в эту ночь станет дрыхнуть дома. Если он не пойдет в лес, может избрать себе место где-нибудь рядом. Осторожный он, когда надо, хотя и слывет лихим. Тут его и накрыть.

— Правильно ориентируетесь, товарищ Лойко. Верю, нужное решение примете на месте. Своевременно докладывайте, — закончил с ним Ярунчиков.

Оперативную группу Петрова из танкового корпуса бригадный комиссар целиком отдал в распоряжение Пригоды. Самое сложное предстояло в Самборском лесу, поэтому, решив

все другие вопросы, Ярунчиков оставил разговор об облаве напоследок, тем более что ее начинать должны были поздно, в безусловно определенное время и независимо от всего остального.

В задачу чекистов группы Петрова входило наблюдение и контроль западной и северной частей леса, учет проникающих туда людей и задержание всех выходящих из него. Та же задача была у группы Пригоды в восточной и южной частях леса, с той лишь разницей, что старший батальонный комиссар со своими людьми займет позицию в непосредственной близости от восточного квадрата, за селом Рубцы, где должно состояться сборище руководителей вражеских боевых звеньев. Связь Петрова с Пригодой по рации должна была обеспечить учет пришедших на сбор. Прочесывать лес, сжимать кольцо облавы решили с рассветом. Кто попытается уйти, вырваться раньше — задерживать, а при попытке бежать, не говоря уж о вооруженном прорыве, стрелять.

Ярунчикову доложили, что подразделение внутренних войск готово к выполнению операции.

— Хорошо. Действуйте согласно плану, — распорядился Ярунчиков и только теперь счел возможным отрапортовать Михееву.

…Вечер приближался вяло и нудно. Ни спешки, ни беспокойства Лычак не проявлял. Он сидел в хате, лишь однажды вышел во двор, сухопарый, подвижный, и вскоре вернулся обратно. Заглянул к нему сосед и безмятежно вышел, направился в поле. Около семи вечера на вороном коне прискакал парнишка, спешился возле хаты Лычака, быстро вбежал на крыльцо и скрылся в сенях.

«Что-то начинается», — решил Лойко, не отрываясь от бинокля. Алексей Кузьмич лежал со связным в кустарнике у предполья, наблюдал из выгодного места за селом. Отсюда было недалеко до рощи, где укрылась с грузовиком вся группа: чекист и шесть красноармейцев.

Но что это? Лычак шустро появился один, подошел к лошади, отвязал уздечку, вскочил в седло и рысцой поскакал в поле на северо-запад, в противоположную от Самборского леса сторону.

Лойко со связным скрытно бросились к роще, к машине.

— Останешься здесь, — живо приказал он помощнику-чекисту, — возьми одного красноармейца и переберись на мое место в кустарник. Верхового, который прискакал, видел?.. Проследи; если выйдет — за селом возьмешь. Останется — до моего возвращения не трогать. А там по обстановке.

Лычак уже был далеко, скакал по дороге в хлебном поле. Машина неслась в объезд, другого пути не было. Лойко сидел с шофером, торопил, понемногу успокаиваясь. Лычак уже ехал потише, оставался на открытом просторе. Подумать и решить, что делать с ним, время было. Но куда он нацелился? Почему метит в сторону границы? С чем явился к нему хлопец?

И тут Лойко заметил другого всадника, и тоже на вороном коне, который, было заметно, нагонял Лычака. Вскоре они уже ехали стремя в стремя шагом. Впереди, километрах в двух, виднелся лес; его кроны светились изумрудной зеленью — за деревья садилось солнце.

Лойко отыскал на карте этот лесок — он был невелик, но за ним разбросалась уйма больших и малых рощ, только скройся за деревьями — не отыщешь и не нагонишь. Очень не хотелось Алексею Кузьмичу брать Лычака сейчас, не узнав, куда и навстречу с кем он направился. Но упустить его?.. Лойко и подумать об этом не мог.

Машина стала пересекать балку, и всадники скрылись из виду. Лойко велел шоферу остановиться. Забравшись в кузов, он послал красноармейца вперед, наверх из балки, чтобы наблюдать за всадниками, не свернут ли куда, те поскачут ли галопом, а сам к радисту:

— Передай. «Первое — ясно, второе — объект снялся, движется на северо-запад, присоединился второй, впереди лес, опасность отрыва, третье — квадрат тридцать четвертый. Решение — брать. Подтвердите срочно согласие. Прием».

Наблюдатель кричал:

— Поскакали к лесу, скачут!..

— Поехали! — приказал шоферу Лойко, нетерпеливо глядя на радиста.

Но тот пожал плечами.

Подхватили на ходу наблюдателя, машина рванулась, взметнув клубы пыли. И тут радист почти выкрикнул:

— Брать!.. Немедленно брать приказывают!

Лойко свесился к шоферу:

— Гони! Не дай войти в лес! Стукну по кабине — остановишь.

Всадники легкой рысцой скакали к лесу, опасности не замечали: мало ли ездит машин. Лойко наставлял красноармейцев:

— Лежать, пока не поравняемся с ними. Когда обгоним их и остановлю машину, сядьте как ни в чем не бывало. А выпрыгну за борт, сигайте за мной, хватайте их, цепляйтесь за что попало.

Всадники оглянулись раз, другой, пришпорили коней, но незаметно было, чтобы они бросились удирать: скакали ровно.

Расстояние до них заметно сокращалось. Вот уже сотня метров, пятьдесят… Всадники приняли вправо, лошади пошли шагом.

«Хорошо, что в кабине один шофер в гражданском, нас они не заметили, а то бы, возможно, и заподозрили неладное, рванули», — успел подумать Лойко, уже не таясь и возвышаясь над кабиной, а у самого все напряглось, малиново вспыхнули щеки. Ему досадно и беспокойно было сейчас только за то, что Лычак едет на коне у обочины дороги, загороженный попутчиком, скорее всего своим человеком.

Едва машина вровень подошла к всадникам, Лойко стукнул ладонью по кабине.

— Товарищи, этой дорогой мы попадем… — учтиво начал он, спрыгивая на землю и рассчитывая броситься к Лычаку, как вдруг перед ним вздыбился конь молодого седока, а сзади сильно толкнул его сиганувший красноармеец, да так, что Алексей Кузьмич нырнул за обочину, едва не угодив под копыта захрапевшей лошади; она завертелась на месте, вскидывая мордой, пытаясь освободиться от грубо вцепившегося в уздцы красноармейца, в то время как двое других разом стащили с нее седока. Все это произошло в мгновение, и вскочивший на ноги Лойко прежде всего увидел лишь затрясшегося в седле Лычака. Оуновец дергался весь, торопясь разогнать коня через поле к лесу.

— Не стрелять! — вырвалось у возбужденного Лойко, увидевшего наизготове у красноармейцев автоматы и винтовки, направленные в сторону удирающего бандита. Выбирать было некогда и нечего. Выхватив у красноармейца винтовку, Лойко припал на колено, повел стволом, затих, и в ту же секунду раздался выстрел. Конь под Лычаком дернулся и пошел, пошел боком, припал на задние ноги…

— Двое и шофер с этим!.. — метнул рукой на задержанного Лойко. — Остальные — за мной! Цепью!

Не оглядываясь, Лычак бежал к лесу. Страх и злоба гнали его во всю силу, и в этом было преимущество беглеца. Но и Лойко не отставал в проворстве. Сказывалась закалка спортсмена, возбужденная яростью начавшейся погони. Он рванулся еще быстрее, при этом как-то неуклюже подпрыгивая, задирая высоко руку с винтовкой, которую так и не отдал бойцу. Все мысли его были заняты одним: нагнать, не упустить бандита в лес! И Алексей Кузьмич бежал, не оглядываясь, слыша и чувствуя позади нагоняющих его красноармейцев. Он только два раза махнул им рукой, давая понять, чтобы обходили Лычака, отрезали ему путь.

Лойко даже не заметил, когда бандит выстрелил, только очень уж ясно услышал тонко взвизгнувший возле уха звук и с

запоздалым испугом пригнулся, продолжая бежать, не отводя глаз от худощавой расторопной фигуры в сером пиджаке. Стало заметно, Лычак начал сдавать, он спотыкался и чуть было не растянулся во ржи, но удержался на ногах и даже успел из-под руки выстрелить.

Лойко ожидал очередного выстрела, упал в чуть прикрывшую его рожь и тоже выстрелил из винтовки не целясь по ногам. Но не попал, да пока и не стремился подстрелить врага, сделал это больше для предупреждения: до леса оставалось совсем немного.

Лычак не остановился. Загнанно дыша, он пытался бежать, но осиливал лишь короткий рывок и снова переходил на мелкую рысцу. Он все чаще оборачивался — заметил обходивших его красноармейцев по левую сторону, пальнул по ним два раза и, не обращая внимания на вырвавшегося вперед от остальных Лойко, бросился вправо, вдоль кромки леса, к ряду терновника.

— Стой! — с ходу крикнул Лойко, вскинув винтовку. — Бросай оружие, Лычак!

Один за одним прогремело три выстрела. Лычак успел только раз нажать на спусковой крючок пистолета и ухватился за ногу, повалился. Он не мог не заметить, как ползком его обхватили со всех сторон, лежал тихо, должно быть соображая, как быть, или всего лишь поджидая случая выстрелить наверняка. И, понимая это, Лойко лежал в нерешительности. Не мог он подставить под пулю бойца. Но и самому бросаться на врага пока не видел смысла. И тогда он снова крикнул:

— Лычак! Сдавайся!.. Не уйдешь! — и пополз к кустарнику, обошел бандита со стороны леса, снова предупредил: — Лычак! Минуту даю!.. Уничтожу гранатой! Считай!.. Минуту!

Угрозу применить гранату Лойко преувеличивал, хотя и такой вариант на крайний случай был возможен, если бандит решился подороже отдать свою жизнь. Главное же сейчас состояло в том, чтобы суметь захватить Лычака живым. Он, бесспорно, понимал, что уйти ему невозможно, к тому же ранение в ногу требовало перевязки, а приспособиться сделать ее — нечего было и думать.

Лычак не захотел умирать. После угрожающего предупреждения он размышлял с полминуты, ничем не выдавая себя, и вдруг приподнялся, сел и швырнул пистолет далеко в сторону…

— Руки вверх! — на всякий случай скомандовал Лойко, вставая и направляясь к Лычаку. И, видя, что его требование выполнено, прибавил шагу.

Лычак смотрел на него, болезненно морщась, острые скулы его напряглись, нижняя губа налезла на верхнюю, дышал он

отрывисто, не выдавая стона, и лишь глаза сверкали лютой ненавистью к человеку в командирской форме, который ранил его и сейчас подходил, чтобы арестовать. Поняв страдания раненого, Лойко махнул рукой, чтобы тот опустил руки, а когда подошел ближе и увидел на серой брючине кровавое пятно по бедру, достал индивидуальный пакет, разорвал его и отдал подошедшему красноармейцу.

— Перевяжи, — предложил он и, присев на корточки возле Лычака, спросил: — Куда ехал?

— Куда ехал, туда приехал, — держась за ногу и давая перевязать ее, ответил оуновец.

Лойко поднялся, послал красноармейца за машиной, чтобы она подошла поближе к краю леса взять раненого, а из головы не выходил заданный Лычаку вопрос. Ведь ожидалось — тот поедет в Самборский лес или постарается находиться поближе к нему, а вышло наоборот: отправился в противоположную сторону. Зачем явился к Лычаку верховой? Он явно предупредил его о чем-то. Но о чем? Неспроста же Лычак сразу сел на коня и отправился… конечно, не к рядовому оуновцу.

— Что же с конем?.. Мучается… — подсказал подошедший красноармеец. Лойко виновато взглянул на бойца без оружия, протянул ему винтовку и… резко махнул рукой.

— Куда направлялся, Лычак? — попробовал еще раз спросить Алексей Кузьмич.

Лычак вроде бы и не слышал вопроса.

Его намерение узнали несколько позже от задержанного хлопца, того самого, который прискакал к Лычаку с поручением от Панасюка. Фамилия эта армейским чекистам ничего не говорила.

«Послал дядька Панасюк к Лычаку, — объяснил свой приезд хлопец, — велел пошукать его, колы дома не буде, а как сыщу, пусть зараз к нему скачет на хутор Три Вербы, гости приихалы…»

Ярунчиков принял решение послать резервную группу из пятнадцати красноармейцев во главе с Ништой на хутор к Панасюку, чтобы задержать вместе с гостями и привезти в особый отдел армии.

* * *

Связь с опергруппами налаживалась. Ярунчикову поступал доклад за докладом. Сообщения были короткими, чекисты извещали о прибытии на место, о наличии и поведении интересующих лиц и готовности к выполнению задания.

Непредвиденная ситуация сложилась не только у Лойко. Вскоре тревожная весть поступила от Плетнева. Его группу обстреляли на подходе к хутору. Двое ранены. Чекисты открыли ответный огонь, окружили бандитов, шестерых вынудили сдаться. Хутор взят под контроль. Дмитрий Дмитриевич просил разрешения на тщательный обыск и проверку людей — сил недостаточно. Раненые отправлены в больницу.

Ярунчиков ответил: «Жди подкрепления, согласие на остальное через десять минут». И связался с Михеевым, доложил обстановку.

— Подтверди согласие, без меня мог решить, — недовольно ответил Михеев и с возмущением добавил: — По нас огонь открыли, а мы совещаемся.

— Да, но ведь мы…

— Отдай распоряжение, потом продолжим, — прервал Анатолий Николаевич.

И когда Ярунчиков снова взял трубку, услышал:

— Там, где медлить нельзя, принимай решение сразу, сам ориентируйся, лучше поправку потом дать. Тем более Плетнев опытный чекист, коварство басмачей познал, зря ничего не попросит.

— Но и переборщить может, кавалерийский рубака. Я еще разберусь, не первым ли он в драку полез, — с угрозой оправдался Ярунчиков.

— Вот-вот, разберемся, и обоим всыплю, если бандиты действительно первыми напали, — закончил Михеев. Спросил: — Как в Самборском лесу?

— Их разведчики, как проникли в чащу, больше не выходили. Сигналов не подавали. Видимо, условились оповестить только об опасности — ракетой, стрельбой — черт знает чем, только все тихо, полчаса назад начался сбор, зарегистрировано тридцать два человека, последних данных еще нет.

Радист подал Ярунчикову только что принятый доклад Пригоды, и бригадный комиссар стал читать его в трубку Михееву:

— «Перебрался в дубки. Цепь заняла позицию. Объект зарегистрирован тридцать семь. Приг.».

Михеев пробасил:

— Это удача! Не выпустите ни одного. Докладывайте регулярно.

…Малорослые и редкие дубки стояли островками возле юго-восточного края леса, в километре от намеченного сборища. Рядом из леса выходил неширокий, заросший кустарником овраг,

он с юга огибал дубки, извилисто уходил дальше. Именно здесь, предполагал Пригода, бандиты могли попытаться просочиться из леса: когда обнаружат опасность и побегут — овраг попадется навстречу. Как они поведут себя, не дождавшись того, ради чего собрались, можно было предполагать двояко: либо их терпения хватит до зорьки, либо, убедившись в несостоятельности встречи, начнут спокойно расходиться затемно, пока не обнаружат облаву. Вероятнее всего было второе.

В полночь Петров доложил Пригоде по рации всего одно слово: «Тихо».

И здесь, у Пригоды, было тихо, посыльные с вестями не являлись. Проход у них свободный, за цепью маршрут каждый знает. Нудно идет время. На земле свежо. Налетает ветерок, шуршит листвой, возбуждает слух. Все настороженнее ощущение того, что вот-вот сорвется, выкажет скрытое коварство притаившаяся темнота.

…В это время опергруппы Плетнева и Ништы, усиленные прибывшими красноармейцами, выполняли боевую задачу на двух отдаленных хуторах.

Когда к Плетневу прибыло подкрепление, он отправил на машине шестерых захваченных в бою бандитов во Львов. Собрав в одной хате подозрительных из всех пяти дворов, приказал начать обыск. Первой находки ждать долго не пришлось. На чердаке дома без маскировки у слухового окна стоял «максим» с готовой к бою пулеметной лентой. Рядом — три винтовки, ящик с патронами.

— Держать всех под арестом в домах! — возбужденно приказал Плетнев молоденькому лейтенанту.

…А на хуторе Три Вербы Ништа не застал дома ни Панасюка, ни его гостей. Как выяснилось наутро, Панасюк, не дождавшись на подходе к хутору Лычака, отправился в Самборский лес.

* * *

Около двух часов ночи, когда Пригоде было уже совершенно ясно то, что собравшиеся в лесу не подозревают о ловушке и проявляют дисциплинированное терпение — ждут, успев накалиться сомнениями и тревогой, на правом фланге от командного пункта раздался вскрик, топанье бегущих и натуженный, как из трубы, голос:

— Ратуйте… браты!

Пригода сразу к радисту:

— Передай Петрову: «Пошли. Ждите». И Ярунчикову:

«Началось. Приг.».

Петров в ответ сообщил, что у него тихо. Пригода хотел было распорядиться о том, чтобы по цепи передали о боевой готовности — враг пошел, но не успел этого сделать, стало излишним: справа раздалась автоматная очередь. Михаил Степанович на слух понял — огонь открыли в сторону цепи. И сразу два автомата ударили в ответ. Гулкое, со звенящим отливом, эхо прорвалось над лесом.

В дубки привели со связанными руками первого схваченного, сдали охране. Пригода — сразу к пришедшим красноармейцам:

— Что там у вас, сколько их было?

— Двое шли, вдоль цепи попали. Красноармеец Кашкин окликнул: «Стой! Кто идет?» Тот из автомата.

— Задел кого?!

— Убит Кашкин. Того мы уложили.

— Приказано же не окликать! — взорвался Пригода. — Передайте по цепи, напомните: «Не окликать! Брать вплотную!» Радист! Сообщи Петрову.

Подойдя к схваченному бандиту, Михаил Степанович спросил:

— Куда направились остальные?

Тот замычал, и старший батальонный комиссар понял, что у верзилы-парня кляп во рту. Выдернув тряпку, готовый зажать рот арестованному, если тот вздумает кричать, Пригода повторил вопрос.

— Не знаю.

— Сколько в лесу собралось братов?

— Я там не был.

Кляп зажал последнее слово бандита.

— Отправить в машину! — приказал Пригода охране. — Запомните, запишите его первым… Особо отвечать будет.

Вдалеке, слева, похоже, у Петрова, ухнул одиночный выстрел. И снова стало тихо. В дубки привели еще троих задержанных в овраге и одного с правого фланга. Этот открыто шел из леса по дороге на село Рубцы, прикинулся пьяным — он таки и в самом деле был хмельной, — но уловка не удалась.

«Эх, Кашкин, Кашкин…» — с болью вспомнил Пригода погибшего красноармейца, готовый сам кинуться в лес. И желал поскорее рассвета.

Петров радировал: «Взяли двенадцать. Тихо».

Просочиться через овраг бандиты больше не пытались, значит, они бросились искать спасения в западном секторе леса, напоролись на плотную цепь облавы и отступили. Теперь надо было ожидать организованного вооруженного прорыва. Но где?

Скорее всего на северо-западе, на левом фланге Петрова.

Близился рассвет. Предрассветный час темнее ночи.

Пригода бросился к рации, попросил вызвать Петрова, сказал ему:

— Жди боевой прорыв. Предполагаю, пройдет у тебя слева.

— Учтено, — ответил Петров.

Издалека, через лес, донеслась отдаленная нарастающая стрельба.

— Началось! — успел подтвердить Петров.

— Слышу. — Пригода сунул наушники радисту. — Живо соединись с резервным отрядом. Передавай: «К бою! Квадрат шестнадцать. Координирует Петр. Наладьте связь. Выезд немедленно. Приг.».

Над горизонтом на востоке засерела полоса, еще немного — и начнет светать. Пригода приказал:

— Дать красную ракету! — и достал из кобуры пистолет, глянул, как взметнулась и на высоте клюнула на спад огненным шаром ракета, рванулся, словно в атаку, увлекая бойцов. — Вперед! Прочесывать лес!

Старший батальонный комиссар видел, как справа и слева поднялись из укрытий красноармейцы, сначала перебежками, потом одним рывком достигли края леса и цепью, сохраняя в видимости соседей, медленно — здесь царила мрачная серость — стали продвигаться вглубь, на запад.

Над лесом взмывали белые ракеты. Но они слабо подсвечивали. Быстро вставший рассвет губил их работу.

Прошли поляну возле овражка, замусоренную пустыми бутылками, остатками еды, множеством окурков. На суку висела оставленная телогрейка, торчал в земле забытый нож.

— Подбери имущество, — сказал Пригода красноармейцу и сам не мог понять, почему взглянул вверх, на ветви осины. Отпрянул за дерево, вскинул пистолет. Чуть ли не на самой макушке осины, укрывшись в листве — целиком оставались на виду лишь ноги в сапогах, притаился бандит.

— Слезай живо! — крикнул Пригода и, видя медлительность зашевелившейся «кукушки», дал предупредительный выстрел вверх.

Треща ветками, на землю упал автомат, а следом за ним, перебирая дрожащими руками ствол, сполз молодой парень с поцарапанным в кровь лицом.

Пригода басил, казалось, на весь лес:

— Бойцы! Смотреть на деревья!

По цепи ушло: «Бойцы-ы! Смотре-еть…»

— Ложись! — рявкнул он что было сил.

Граната взорвалась на траве, в руке бандита.

Кольцо облавы сжималось. Вернее было сказать, оно сплющивалось. Участок Петрова сковал бой, и прочесывание леса с запада началось позже. Цепи сходились, не зная, что бандитов в лесу больше не осталось. А когда это выяснилось, все облегченно вздохнули. Мало кому приходилось бывать под огнем.

На выходе из леса проверили наличные силы. Выяснилось: один убит, шестеро ранены, причем двое — тяжело. Выловлено тридцать шесть бандитов, восемь убито. А считали, их было всего тридцать семь. Вероятно, не учли разведчиков, которые проникли в лес предвечерьем. Можно было считать, улизнуть ни одному не удалось.

Пригода доложил Ярунчикову:

«Операция закончена. Выезжаю». И, отдав последнее распоряжение начать вывозку оружия из тайников, вернуть подразделения в части, старший батальонный комиссар отбыл в особый отдел армии.

* * *

Мягкое солнечное утро вставало над Львовом. В неспешном ритме города бросалась в глаза энергичная подвижность озабоченных военных и гражданских людей. Приметен был и наплыв крытых военных машин, что в общем-то не выглядело ново, проходили и целые колонны. Однако эти в одиночку и парами с ночи носились за город и возвращались к управлению НКВД, к особому отделу армии.

В особом отделе 6-й армии никогда не было так людно и напряженно. Еще продолжали возвращаться опергруппы. Схваченные бандиты сразу же подвергались допросам. Часть оперсостава Ярунчиков выделил на выяснение личностей задержанных по подозрению в пособничестве врагу, оказавшихся вместе в момент ареста бандитов, а также по косвенным уликам. Эту работу надо было провести энергично, в считанные часы, чтобы побыстрее отпустить случайно задержанных, не причастных к вражеской деятельности.

Первая машина с освобожденными уже выехала развезти их по домам. Ярунчиков сам объяснил людям причину принятых мер, попросил извинения за беспокойство и тревогу, выразив надежду, что всякий честный советский человек отнесется к случившемуся с пониманием.

Плетнев уже был здесь. Он закончил операцию на хуторе в течение ночи. Его группе попал самый сложный участок, о чем

особисты заранее не были осведомлены. Они действительно попали в осиное вражеское гнездо. И, окажись на месте руководитель группы — его опознали среди арестованных в лесу, — организованное сопротивление всех наличных сил на хуторе, а не только всполошившихся бандитов, открывших беспорядочный огонь, было бы более яростным. И тогда неизвестно, чем бы все кончалось, как бы Плетнев вышел из сложного положения при всем своем опыте и отчаянной храбрости.

У Плетнева оказалась самая большая группа схваченных бандитов, исключая взятых в Самборском лесу. Разобравшись, Ярунчиков санкционировал освобождение неосновательно задержанных.

— Плешивого тоже на волю?! — изумился Плетнев. — У него пулемет на чердаке в изготовке стоял, сын из засады огнем встретил нас, а второй, старший, черт-те где, явный бандит, говорят… А мы их папашу отпускаем с комфортом до хаты, погодим, пока он пушку себе не приволокет.

— Отставить, Плетнев! — не выдержал Ярунчиков. — С сыновей мы и спросим. За них поклоны не отвешиваем.

Ярунчиков встретил Лойко улыбкой.

— За Лычака — молодец. Самую важную из всех птицу накрыл, — с признательностью похвалил начальник отдела.

А в коридоре уже басил Пригода. Нашел время кому-то выговаривать за брошенный на пол окурок.

Возвращение Пригоды напомнило Ярунчикову о гибели красноармейца Кашкина и второго — сержанта, умершего от ран. Бригадный комиссар нахмурился, засопел и незаслуженно сухо встретил Михаила Степановича.

— Как в целом дела? — захотел узнать главную новость Пригода.

— С задачей справились, можно сказать, успешно. Жду последние новости с границы, и можно будет докладывать Михееву.

— Закрыли все «окна»?

— Нет, пару оставили. Пусть считают, мы о них не знаем.

— Так они и поверили. Новые проходы будут искать.

— Искать — не по готовому шагать, — как-то без умысла резко вырвалось у Ярунчикова.

Глава 16

За сравнительно непродолжительное время деловых контактов с Наркомом обороны Михеев уже привык к тому, что маршал довольно подробно вникает в тонкости чекистской работы. Поначалу это удивляло Анатолия Николаевича, потому что у полководца, считал он, в достатке масштабных забот. Вот и сегодня, выслушав доклад начальника управления контрразведки о проведенной операции, маршал Тимошенко прежде всего заинтересовался липовым приказом: как чекисты додумались до него, как подсунули его бандитам и почему те поверили в фальшивый документ.

Михеев рассказал наркому подробности.

— Это не тот Стышко, который участвовал в разоблачении «Выдвиженцев»? — удивил вопросом Тимошенко. Он, оказывается, все помнил.

— Тот самый, в прошлом — сапер.

— Надо поощрить. Всех отличившихся. Именными часами, денежными премиями. Стышко аттестуйте на внеочередное воинское звание. Молодчина!

Далее разговор пошел о своевременности принятых мер. Накаляющаяся, взрывная обстановка убеждала в этом.

— Вы, конечно, детально еще не знаете, какой ощутимости удар по ОУНу нанесен проведенной операцией. Но можно надеяться, говоря военным языком, разгромили их опорные пункты, нанесли потери в живой силе и оружии, внесли деморализацию и, вероятно, панику. Правильный вывод?

— Совершенно верно, — подтвердил Михеев. — Конечно, полного разгрома нет, на это мы не рассчитывали. Но потери они понесли ощутимые.

— Как я понял, у вас надежные возможности иметь сведения из-за кордона. Нацельте своих людей на выявление обстановки, перемещений германских частей, боевой готовности. Я понимаю, у вас другая задача, и не пытаюсь заставить дублировать работу разведуправления. Но у ваших людей своя, особая информация. От них, к примеру, прежде пришло сообщение о том, что немцы заняли больницы под госпитали с военным персоналом врачей, заменили пограничников воинскими частями.

— Понятна задача, товарищ маршал.

— Ну а коли понятна — действуй, — откинулся на спинку кресла Тимошенко и чему-то улыбнулся, добавил: — Надеюсь, будешь информировать меня и тогда, когда твое управление передадут обратно в НКВД. По давнему знакомству. Доволен, что

ли?.. Да, да, твой вопрос решается положительно.

* * *

Что ни день — новость: германский самолет нарушил границу и проник на советскую территорию до шестидесяти километров; в районе Перемышля рискованно перешел границу польский крестьянин Вицек, а спустя два дня в районе Рава-Русской проник из-за кордона другой крестьянин — Паламарчук. Они назвались подданными Польши, а переход границы объяснили желанием предупредить советское командование о том, что Германия готовится напасть на СССР, и привели факты.

— Разговор вчера пошел о скором нападении Германии на Советский Союз, — уточнил свое сообщение Паламарчук. — Чуть ли не на следующей неделе.

Показания Паламарчука начальник особого отдела 6-й армии сразу же доложил командованию, Ярунчикову и Михееву. Из особого отдела округа запросили по телефону: «Что побудило Паламарчука на благородный поступок?» Пригода задавал этот вопрос поляку и теперь повторил ответ: «Ненависть к фашистам и желание помочь Советам».

Ярунчиков приказал Пригоде привезти Паламарчука в Киев.

…Около часа Ярунчиков беседовал в присутствии Михаила Степановича с Паламарчуком. Никита Алексеевич слушал поляка с вежливым хладнокровием, порой даже равнодушно, а сам понемногу расспрашивал, уточнял. Ярунчиков не совсем верил в благие намерения Паламарчука, подозревая в его поступке провокацию английской разведки, и продолжал выяснять подробности.

Пригоде это не понравилось, и он сказал об этом Ярунчикову, когда Паламарчук ушел.

— Обстановка не та, чтобы всякому верить, — переменился в лице Никита Алексеевич и приказал дежурному соединить его с Михеевым.

— Но ведь поляк подтвердил правду несомненную, — остался не удовлетворен возражением Пригода.

Ярунчиков сверкнул глазами, распрямился за столом.

— Нет, сомненную. Вы уверены в том, что немцев не подогревают таким же манером англичане, например? Им желательно полегче вздохнуть. И возня началась, обратите внимание, после просочившихся слухов о подготовке Германии к вторжению на Британские острова.

На проводе была Москва. Сняв трубку и ожидая, Ярунчиков

вздохнул:

— Сверху виднее. Наше дело — доложить.

Михеев не дослушал Ярунчикова, сказал, что о поляках ему все известно, проинформирован особым отделом 6-й армии, поинтересовался, нет ли еще чего нового, доложил ли Никита Алексеевич о перебежчиках командующему и Военному совету округа, упрекнул:

— Ты это прежде всего обязан сделать. А меня известить мог и твой зам, дежурный по отделу, наконец. Сейчас же отправляйся к Кирпоносу. Пригоду возьми с собой. Вопросы могут возникнуть.

…Несколько минут назад у генерал-полковника Кирпоноса состоялся разговор с Москвой. Фактически это уже был второй неприятный разговор. Первый упрек он услышал позавчера. Обеспокоенный и возмущенный беспрепятственными полетами фашистских самолетов-разведчиков над нашей территорией, которые, бесспорно, фотографировали с воздуха полевые сооружения вдоль границы, Кирпонос обратился за разрешением позволить хотя бы заградительным огнем воспрепятствовать фашистским самолетам. Ему ответили: «Вы что, хотите спровоцировать войну?!»

Вчера по его приказу войска начали занимать предполье не законченных строительством приграничных укрепленных районов. А нынче Кирпонос услышал выговор: «Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал самочинное указание».

О сложившейся ситуации командующий решил поговорить с секретарем ЦК КП(б) Украины Бурмистенко, собрался поехать к нему, но Михаил Алексеевич ответил но телефону, что сейчас же сам приедет в штаб округа.

Они еще ни разу не встречались здесь, и то обстоятельство, что секретарь ЦК партии республики нашел необходимым поговорить в оперативном центре округа, подсказывало Михаилу Петровичу Кирпоносу еще большую остроту небывало сложной и во многом неясной обстановки не только на границе, но и в складывающихся отношениях с Германией.

Встречи с Бурмистенко вызывали у Михаила Петровича душевную потребность поделиться с ним. Не всегда так бывает у людей с высоким положением, недолго знающих друг друга. Впервые они увиделись в январе, когда генерал-полковника из Ленинградского военного округа перевели командующим КОВО. Но ближе они сошлись после XVIII партконференции, на которой Кирпонос был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Бурмистенко — член ЦК — первым пожал руку Михаила Петровича, поздравляя с оказанным высоким доверием.

Михаилу Алексеевичу Бурмистенко шел тридцать девятый год. Он был моложе Кирпоноса, но уже имел солидный опыт руководящей партийной работы. В начале 1932 года Бурмистенко избрали вторым секретарем Калмыцкого обкома партии, а через несколько лет он уже заместитель заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). Последние три года он на Украине.

Легко оказалось найти общий язык и сразу сдружиться этим людям.

Бурмистенко вошел в кабинет командующего с озабоченным видом. Здесь уже был начальник штаба округа генерал-лейтенант Пуркаев — плотный, с крупными чертами волевого лица, к которому как-то не шло миниатюрное, в тонкой оправе, пенсне.

Кирпонос, подойдя к карте, сообщил обстановку, досадливо пересказал разговор с центром.

В этот не совсем удачный момент и попросил разрешения войти Ярунчиков в сопровождении Пригоды.

— Очень кстати, — жестом пригласил Ярунчикова к столу Кирпонос и вопросительно оглядел напарника бригадного комиссара.

Никита Алексеевич представил:

— Заместитель начальника особого отдела шестой армии Пригода. Мы пришли проинформировать командование округа.

— Немного позже, — вернулся к карте и по привычке слегка склонил голову Кирпонос. — Обстановка, — заканчивал он, — по моему глубокому убеждению, сложилась опасная, она похожа на спланированную войну с нами, и я не могу понять, почему мы так осторожничаем. С одной стороны, еще в конце мая Генштаб дал указание о срочном строительстве полевых фронтовых командных пунктов, началось усиление округа войсками; с другой — нынешняя нерешительность какая-то… В чем дело? Я, как командующий, не могу понять!

Кирпонос сел за стол, сцепил пальцы рук и оперся на них подбородком.

— Разрешите, товарищ генерал, доложить, — обратился Ярунчиков. — Мы к вам по тому же поводу.

Генерал-полковник кивнул. Он слушал начальника особого отдела с тем вниманием, которое выражало и возникший интерес, и полное, разделяемое понимание. Когда Ярунчиков закончил, Кирпонос молча оглядел присутствующих, как бы спрашивая глазами: «Слышали, больницы под госпитали заняли? Поляки, рискуя жизнью, стучатся к нам в дверь, торопятся предупредить…»

— Положение действительно половинчатое, — развел руками

начальник штаба. — Прежде всего надо немедленно повысить боевую готовность войск.

— Святая обязанность, — вставил Бурмистенко, внимательно слушая.

Генерал Пуркаев с порывистым жестом предложил:

— Стрелковые корпуса из глубины округа выдвинуть к границе.

— И получить новый выговор, — съязвил генерал-полковник.

— Собственно говоря, для чего тогда все мы, Военный совет округа? — недовольно спросил начальник штаба.

— Вот именно, — поддержал Бурмистенко. — Сомнениями, эмоциями, убеждением друг друга не решается главное. Нарушать приказы и распоряжения сверху вы, разумеется, не намерены. Предлагаю послать наркому шифровку с оперативной обстановкой. Надо незамедлительно информировать правительство об угрозе германского нападения.

Кирпонос согласился.

— И я в свою очередь немедленно приму меры, — заверил Бурмистенко.

…Задержись шифровка до утра, ее бы не отправили, уничтожили. Как будто ответом на нее прозвучало опубликованное в газетах специальное сообщение ТАСС, в котором подчеркивалось неуклонное соблюдение правительством Германии условий пакта о ненападении и что поэтому всякие разговоры о подготовке немцами вооруженного нападения — это вражеские происки, направленные на провоцирование войны.

Ярунчиков читал и перечитывал сообщение с некоторой тревогой.

«Дернуло еще меня позвонить Михееву», — начал сокрушаться Ярунчиков по поводу ночного разговора с Анатолием Николаевичем, которому рассказал об отправленной Наркому обороны шифровке — сам секретарь ЦК Бурмистенко предложил ее послать — и, согретый одобрительным словом Михеева, решился по старой дружбе посоветовать и ему со своей стороны что-то предпринять на этот счет. Анатолий Николаевич пообещал.

И вдруг такой оборот…

К сообщению ТАСС Михеев отнесся со спокойным пониманием сложившейся ситуации, которая не исключала ни спровоцированной, ни запланированной войны. С решимостью он продолжал писать докладную записку, на этот раз не диктуя стенографистке — слишком ответственный составлялся документ. И подытожил его четким выводом:

«Немецко-фашистское руководство перед своими

разведывательными и контрразведывательными органами не случайно поставило весьма обширные и далеко идущие задачи. Немцы стремились и стремятся собрать исчерпывающую информацию о боеспособности наших западных военных округов для войны в целом, а также подготовить в разведывательном отношении проведение начальных операций по быстрому разгрому передовых частей Красной Армии».

…Маршал Тимошенко читал докладную начальника управления контрразведки сосредоточенно-строго. Подчеркнув красным карандашом несколько абзацев, он сказал:

— Все это, конечно, вполне обоснованно, и я сошлюсь на ваши выводы в своем докладе правительству. Хочу проинформировать вас, что мы продолжаем принимать все меры для отражения возможной агрессии. Нынче я приказал Киевскому округу выдвинуть к границе пять стрелковых корпусов плюс шестой, прибывший из Харьковского военного округа. Кроме того, с Северного Кавказа на Украину заканчивается переброска третьей по счету армии. В распоряжение Кирпоноса поступает часть армии генерала Лукина из Забайкалья… Только бы успеть осуществить намеченное. При этом мы стремимся избежать спровоцированного конфликта, который может ускорить начало войны. — Тимошенко немного помолчал и с задумчивой озабоченностью добавил: — Время дорого. Каждый день нынче важен… Что вам еще сказать? — продолжал Тимошенко. — Заканчивается строительство полевых фронтовых командных пунктов. Отдаю вот приказ маскировать аэродромы, воинские части, склады и базы. Но, повторяю, многое, многое еще надо успеть сделать. Успеть!

У Михеева отлегло от сердца. Но ненадолго. «Значит, скоро война!» — понял он окончательно, а суровый, усталый взгляд наркома будто бы подтвердил: «Война!»

Глава 17

Ярунчиков вернулся с Военного совета и сразу же пригласил всех сотрудников в лекционный зал. Сказав о сложившейся обстановке, Никита Алексеевич перешел к главному:

— Сегодня Нарком обороны отдал распоряжение передислоцировать управление округа в Тернополь и двадцать второго июня занять там полевой командный пункт. Мы выезжаем завтра утром. С собой взять необходимое для походной жизни. Готовьтесь к выезду, — как можно бодрее говорил Ярунчиков. А из ума у него не выходило совсем другое, о чем он должен был до поры скрывать: командование округа официально предупредили о намерении Гитлера без объявления войны напасть на нашу страну.

Неразъяснимым для Ярунчикова оставалось одно: почему «до поры» необходимо не оглашать того, к чему предстоит быть безоговорочно готовым? Ему показалось, что особисты расходились, не ощутив полной мерой определившуюся угрозу, воспринимая передислокацию понятной предосторожностью.

Ярунчикову впору было задержать сотрудников или даже крикнуть им вслед: «К бою готовьтесь! С семьями… как положено в таких случаях. На войну идем!» И шел со всеми к выходу, самый суровый и строгий, потом уединился в кабинете, заходил из угла в угол, раздумывая, с чего начать сборы.

Впереди оставалась одна ночь.

…Рано утром в субботу из Киева вышла неоглядная колонна легковых и грузовых машин, броневиков и танкеток. Штаб, Военный совет, особый отдел округа и подразделения охраны выступили в Тернополь. Командование округа не знало, что завтра с ходу начнет управлять боевыми действиями войск Юго-Западного фронта.

* * *

Обстановка на границе была под пристальным вниманием партии и правительства. Сведения о подготовке к войне поступали из различных источников, в том числе и от военного атташе в Берлине генерал-майора Василия Ивановича Тупикова. Назывались даже даты начала вторжения.

Надвигались грозные события. Поэтому «…21 июня, когда поступили неопровержимые данные о том, что 22—23 июня

гитлеровская армия нападет на нашу страну, Советское правительство приняло решение предупредить командование приграничных военных округов и военно-морских флотов о грозящей опасности и привести Вооруженные Силы в боевую готовность. Директива о приведении в боевую готовность сухопутных и военно-воздушных сил западных приграничных военных округов Красной Армии передана военным советам этих округов в половине первого часа 22 июня».

…Немецкий солдат-перебежчик дал сведения о том, что «в четыре часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы». Это же подтвердили вечером 21 июня два других перебежчика, сообщивших, что войска рейха уже заняли исходные позиции для наступления.

И час его настал.

Всю ночь Михеев пытался связаться с Ярунчиковым. Но особый отдел округа еще был только на подходе к Тернополю.

Около восьми утра Никита Алексеевич позвонил сам.

— Бомбят! — кричал он в трубку. — И нам, колонне, на подходе к Тернополю досталось.

— Что на передовой? — спросил Михеев.

— Бои по всей границе. Точнее доложу позже, не разобрался еще. Танки прорвались. О немецких говорю… Трое оперработников погибли.. Пригода контужен.

— Чем занимается отдел?

— Разгрузились, помещение заняли…

— Нечего сидеть в Тернополе! Пошли руководящий и оперативный состав во все армии и на критические участки. Пусть в частях, на передовой работают. Там сейчас от них больше пользы будет. Соображения — тоже. И тебе станет все яснее. Надо — отзовешь.

Зазвенел телефон-вертушка. Михеев снял трубку, продолжая разговор с Ярунчиковым:

— Разберись в обстановке и срочно доложи.

Из второй трубки расслышал:

— Товарищ Михеев? Вас просит к себе Нарком обороны.

Снова звонок по ВЧ. Вызывал Львов.

— Докладывает Пригода, — задребезжало от его густого голоса в трубке. — Вернулся из Рава-Русского района. Ярунчикову доложил, он велел с вами связаться.

— Рассказывай, не тяни, — поторопил Михеев.

— В четыре утра немецкая артиллерия открыла ураганный

огонь, а через пятнадцать минут противник начал наступление. На львовском направлении враг не прошел. Отряд пограничников майора Малого четыре часа отбивал атаки, а тем временем части сорок первой стрелковой дивизии генерала Мишукова заняли полевые рубежи и отбросили фашистов там, где они вклинились в нашу оборону. Успеху дивизии помогли умелые действия двух пулеметных батальонов, ими командует полковник Сысоев. Они из дотов прикрывали основные направления на Львов.

— Как особисты себя ведут?

— Достойно, Анатолий Николаевич, мужественно, все сотрудники особого отдела шестой армии находятся в боевых порядках. Двое погибли.

— И ты ранен, говорят?

— Информация же у вас, Анатолий Николаевич…

— Ранен, спрашиваю?!

— Да нет, легонько контужен, пустяк совсем, уже отзвенело в ушах, чувствую себя хорошо.

— Смотри у меня!.. На тебе посерьезнее задачи, чем лезть под огонь. Как складывается оперативная обстановка?

— Нынче везде под огнем… Появились диверсионные группы в нашей военной форме и в гражданской одежде, похоже, сброшены десантом. Нарушают линии связи, особенно в звеньях армия — корпус — дивизия. Им активно помогают оуновцы. По этому поводу мы только что послали вам шифровку, просим поставить вопрос в верхах об охране тыла действующей Красной Армии.

— Одобряю, сейчас же доложу наркому. Ежедневно информируйте об оперативной обстановке, — закончил Михеев.

Между тем надо было спешить к Наркому обороны. Анатолий Николаевич сложил лист бумаги с записью фронтовых новостей и, кладя его в карман, нащупал письмо от матери, которое получил вчера утром. Еще не было случая, чтобы он не прочитал ее весточки сразу. Уже сидя в машине, бегло просмотрел письмо, но мало вникал в его смысл, посматривая на улицу. Все вокруг, казалось, выглядело прежним, неизменным. В центре столицы и всегда было людно, подвижно. Но стоило немного присмотреться, как бросалась в глаза обеспокоенность и тревога на лицах прохожих; люди стихийно объединялись небольшими группами, где каждый рассчитывал на чью-либо осведомленность, большее понимание свершившегося.

Война! Сколько времени она близилась, надвигалась! И все-таки грянула неожиданно…

«На фронт надо… — подумал Михеев и решил попросить Наркома обороны отпустить его. — На фронт! На Юго-Западный».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 18

Мандат Военного совета Юго-Западного фронта давал капитану госбезопасности Плетневу чрезвычайные полномочия в прифронтовом Львове для борьбы с террористами, мародерами, вражескими лазутчиками, наводящими панику в городе. Необходимо было решительное чекистское вмешательство с особыми правами. Выбор Михеева остановился на Дмитрии Дмитриевиче. Ярунчиков предостерег по телефону:

— Горячий он слишком, будоражный, не наломал бы дров.

— Какие дрова, когда лес горит! — оборвал Михеев. — Размазне там делать нечего. Мандат Плетневу я согласовал с членом Военного совета Бурмистенко.

…Чем ближе к Львову, тем затористей становилась дорога. Грузовая машина с опергруппой Плетнева, которой были приданы красноармейцы-пограничники, еле продвигалась по шоссе, забитому встречными автомобилями, повозками, тележками, велосипедами. Двигался нескончаемый поток людей. Дорога гудела, шевелилась, как пестрая гусеница.

Плетнев начал нервничать. Дернуло его послушаться Ярунчикова ехать через Тернополь, а не дорогой на Ровно, перекрытой по стратегическим соображениям: перебрасывался к фронту мехкорпус генерала Фекленко. Вполне возможно было проскочить с танками и теперь уже находиться во Львове. А сейчас попробуй-ка пробейся.

Досада сразу же прошла, едва он подумал о том, куда и зачем стремительно шли танки еще двух мехкорпусов генералов Рокоссовского и Рябышева. На ровенском направлении в стыке наших 5-й и 6-й армий образовался широкий разрыв, в который устремились моторизованные войска 1-й танковой группы противника. Их надо было во что бы то ни стало остановить, сорвать реальную угрозу глубокого прорыва. Небывало крупное танковое сражение шло в районе Луцк, Броды, Ровно.

Дорога почему-то стала свободнее, а километрах в десяти от Львова уже не попадалось ни встречных машин, ни повозок, редко лишь проскочит мотоциклист.

Плетнев слышал доносившееся спереди уханье бомб, видел в той стороне два немецких самолета, обстрелявших шоссе, предположил: остановка вышла, люди разбежались и вот-вот толпами повалят снова. Но он ошибся. И понял это лишь у развилки дорог на Ровно и Луцк. Неумолимые регулировщики с повязками на рукавах гимнастерок перекрыли дорогу на Тернополь.

— В чем дело, почему не пропускаете? — подошел Плетнев к лейтенанту с красным флажком в руке.

— Приказ! Стратегическая дорога, войскам проход нужен.

— А на Луцк, Ровно разве не стратегическая? Там тем более на передний край ведут пути. Чей приказ? Документы!

Лейтенант вскинул флажком, указывая путь.

— Проезжайте! Иначе приму меры, — бросил он тревожный взгляд на кузов, в котором плотно сидели чекисты и красноармейцы.

Подошли еще трое регулировщиков с автоматами.

— Ваши документы? — осмелев, резко потребовал лейтенант у Плетнева.

Что-то ненастоящее, некрасноармейское во внешнем виде и напряженных, колючих взглядах регулировщиков заметил Дмитрий Дмитриевич. Он даже не успел дать команду подчиненным, как те, поняв его взгляд, выскочили из кузова, окружили людей с флажками.

— Дайте-ка ваши документы! — повысил теперь голос Плетнев.

Лейтенант нервозно достал удостоверение, протянул Дмитрию Дмитриевичу. Тот взял и, рассматривая, спросил:

— Из девяносто девятой дивизии?

— Да.

— Должность?

— В удостоверении написано.

— Я грамотный. Командир минометного взвода — с флажком на дороге! Документ на регулировку!

— Мне дан устный приказ, не до бумаг тут.

— Кто дал приказ? В дивизии?

— Да.

— Где сейчас дивизия?

— На передовой.

— Где конкретно?

— Отступала на Львов.

— На Львов? — туго напряглась шея Плетнева. — Обезоружить всех!

Раздалась короткая автоматная очередь — она пошла вверх: оружие из рук «регулировщика» вышиб чекист.

— Я тебе отрегулирую сейчас! — подскочил к стрелявшему Плетнев. — Как пришел сюда?..

Тот молчал. На скулах шевелились желваки.

— Обыскать! — приказал Плетнев. — Отобрать документы, пояса. Расстегните у них ворот гимнастерок.

И, когда последнее было выполнено, Дмитрий Дмитриевич

ни у одного не увидел под гимнастеркой армейской нательной рубахи. У двоих оказались цивильные вышитые рубашки без воротника, у одного — золотой крестик на цепочке.

Плетнев слышал о заброске гитлеровцами диверсантов в красноармейской форме, с ними уже были вооруженные стычки и в 6-й армии. Но вот чтобы они решились так нагло выйти на перекресток дорог, встать регулировщиками — этого и предположить не мог.

Поток беженцев стал заполнять дорогу на Тернополь. Плетнев глянул в кузов, где уже понуро сидели задержанные, и дал команду шоферу ехать дальше.

«Вот те встреча… Каких же подлогов можно ожидать? Они и во Львове, безусловно, орудуют. На патрулей надо обратить внимание. Установить строжайшую проверку документов, — размышлял Плетнев, когда вдруг с дороги разбежался народ — налетели «мессеры», начались бомбежка и пулеметный обстрел.

Окраина города была совсем рядом, и Плетнев приказал шоферу не останавливаться, гнать машину, тем более самолеты пошли на разворот и можно было успеть проскочить опасный участок.

Но и в городе было не безопаснее. Враг без конца бомбил привокзальный район, разрушил павильон выставки товаров легкой промышленности, открытой перед самой войной. На площади Адама Мицкевича лежали убитые и раненые. Седовласый, почтенного вида старик стоял возле памятника великому польскому поэту, держа на руках убитую девочку.

Скорбь и отчаяние увидел Дмитрий Дмитриевич в лице пожилого интеллигента. Тот не знал, что ему делать, куда идти. Вражеские самолеты ушли, и на площади снова стали собираться разбежавшиеся от опасности люди. Искали близких, бегали, кричали, протискивались к пострадавшим, чтобы разглядеть — свой или чужой лежит на асфальте. Тут и там плач, стон, крики.

Плетнев узнал, что на площади собрались семьи для эвакуации, ждали машин, но в назначенный час они не пришли. А тут внезапный налет… Дмитрий Дмитриевич очень хотел помочь людям. Надо было хоронить убитых, куда-то определять раненых… Расспросив, где находится горком партии, Плетнев заскочил в кабину грузовика. Но машина не успела отъехать, как из угловой башенки старинного здания по площади стеганула пулеметная очередь. Дмитрий Дмитриевич по слуху определил бой ручного пулемета.

— За машину! — приказал Плетнев оперативной группе, которая и без того уже выскакивала из кузова вместе с задержанными «регулировщиками», а сам шарил глазами по

башенке, увидел дрожащий пучок огня, крикнул: — Держать арестованных! Пятеро — за мной!

Люди вокруг бежали, тут и там сталкивались, падали, ползли, снова бросались куда глаза глядят.

— Вперед! — вовсю гремел голос Плетнева. — Шире расходись!

Тяжело дыша, Плетнев обежал дом и остановился у крайнего подъезда.

— Двое но пожарной лестнице на крышу! Проникайте на чердак, не дайте уйти. Соображайте, наверняка он не один.

И сам бросился в подъезд. Двое красноармейцев и чекист — за ним. На одном дыхании проскочили три этажа, остановились на миг, услышав стук бегущих ног, торопливых, — наверх. Бросились следом.

Бухнул выстрел, следом второй. Плетнев махнул рукой своим, давая понять, чтобы держались у стены, заметил тяжело опускающегося на ступени красноармейца — приотстал тот, не успел проскочить площадку. Со вскинутым маузером, не отрывая глаз от верхнего проема, Дмитрий Дмитриевич боком подымался наверх; уловив момент, выстрелил в высунувшегося врага. И по тому, как звонко стукнул о ступени упавший пистолет, Плетнев понял, что попал надежно, рывком метнулся вперед, чтобы преодолеть последний лестничный поворот.

Убитый — пуля попала в лицо — был в гражданском. Второго не оказалось. Но он был… Куда он делся? Чердачная, обитая жестью двустворчатая дверца была прикрыта, но не заперта. Ушел туда? Но почему второй остался?

«На чердаке никуда не денется, от наших не уйдет, — быстро соображал Плетнев. — Надо проверить квартиры».

— Встань сюда за дверь, — указал красноармейцу Дмитрий Дмитриевич, — следи за той квартирой, чтобы не выскочил кто-нибудь. Мы — сюда…

На звонок никто не ответил. Плетнев забарабанил по двери ногой. Снизу донеслись голоса, загромыхали по лестнице сапоги. Плетнев настороженно глянул вниз, и лицо его просветлело: к ним на помощь спешили чекисты.

И еще сильнее Дмитрий Дмитриевич забарабанил по двери. На этот раз щелкнул замок, она открылась.

— Вам кого? — спросил взъерошенный, как спросонья, дядька в очках.

— Кто еще в квартире? — отстранил его Плетнев, входя в прихожую.

— Бачишь, никого нема.

В квартире действительно никого не было.

Дмитрий Дмитриевич решил проникнуть на чердак, предполагая, что двое чекистов, которые полезли по пожарной лестнице, уже находятся там. И едва он откинул двустворчатую дверцу на чердак и наполовину поднялся в лаз, как загремели выстрелы. Дмитрий Дмитриевич шарахнулся в сторону, залег возле брусчатой балки перекрытия, успел сообразить, что стреляли не в него.

Следом за ним поднялись и юркнули за балку еще трое особистов. Вглядываясь в полумрак, Плетнев перебежал к дымоходу и, пригибаясь, пошел дальше, дальше вдоль него.

Снова грохнул выстрел, теперь уже в Плетнева, это он хорошо понял по свисту пули над головой. В мгновение перепрыгнул через дымоход и укрылся за трубой.

И опять выстрел, теперь уже в сторону от Плетнева. И в ту же секунду прыжком Дмитрий Дмитриевич достал раненого врага, крепкие жилистые руки чекиста чуть не свернули его влажную шею и выбили вскинутый пистолет.

— Обыскать чердак! — приказал Плетнев, вставая на ноги. — Не толпиться! К выходу!

Он и сам обошел все углы, проник в башенку, увидел усыпанный стреляными гильзами пол, диски, а ручного пулемета не оказалось.

— Он его сбросил вниз, — подсказал кто-то.

Плетнев с болью оглядел площадь. На ней осталось лежать много людей. Подходить к ним боялись. Лишь в стороне отрешенно блуждали одиночки, словно не находя места, где присесть.

Когда раненого пулеметчика — молодого, лет под тридцать, с большим скуластым лицом, вывели на улицу и стали сопровождать к машине на площади, люди со всех сторон бросились к нему. Как ни пытался Плетнев остановить их — стрелял в воздух, — ничего не помогло. Разъяренная толпа смяла убийцу.

Схваченные «регулировщики» находились под надежной охраной красноармейцев, прибежавших к площади на пулеметную стрельбу. Арестованных посадили в машину, и она, медленно раздвигая толпу, двинулась своей дорогой.

Вырвавшись с площади, машина быстро пошла к западной окраине. Здесь было тише и спокойнее. Настолько тихо и умиротворенно, что у Плетнева даже сжались кулаки. Это когда он увидел на одном из балконов нарядно одетую парочку за столом с самоваром. Они пили чай! И ладно бы только занимались этим. Они злорадно кривлялись, демонстративно выражая удовлетворение происходящим.

В отделе застали Пригоду, который только что вернулся из 41-й стрелковой дивизии под Рава-Русской и через час собирался обратно на передовую.

— Митя?! — воскликнул Михаил Степанович. — Ты как здесь?

— К тебе сюда на подмогу. Ужасное творится. Привез вон регулировщиков-диверсантов. Давай разбираться, кто они.

Плетнев рассказал все, что случилось у развилки дорог и на площади, даже о парочке на балконе.

— Арестованными сейчас же займутся, — заверил Природа. — В горком не заезжал?.. Поставь в известность о прибытии, согласуй, чем прежде всего будешь заниматься. Тебя сориентируют. Знай, в город проникли группы из спецбатальона «Соловей». Фашисты сформировали его из всякого рода подонков и злобных антисоветчиков. Участились случаи терроризма и диверсий. Ты смотри, чтобы тебя, случаем, не подстрелили, — предостерег Пригода. — Военные машины выводят из строя, бьют по мотору, по скатам, стреляют в шоферов.

— Все ясно, — остановил его Плетнев. — Здесь у нас будет свой центр. Ты бы комнатенку нам выделил.

— Занимай сколько надо, сотрудники в большинстве на передовой. А завтра совсем уедем вот сюда, — указал Пригода на карте, — база севернее Львова, в двенадцати километрах, в лесу.

— Найдем, надо будет. Тебя правда, что ли, контузило?

Михаил Степанович отмахнулся:

— Живой, видишь. Под минометный огонь попал…

— На передовой как?

— Утром они ударили на Рава-Русскую в полосе обороны сорок первой дивизии. Давят частями семнадцатой армии. Удалось вклиниться в наши боевые порядки. Но их вышибли контратакой. Полдня держались. Противник ввел в бой армейский корпус, прорвался на стыке Рава-Русского и Перемышлянского укрепрайонов. Разрыв растет. Я собрался туда, в девяносто девятую стрелковую дивизию — прикрывает львовское направление. Крепкая дивизия.

— Мне и сказали, что ты в девяносто девятой…

— Вчера там был. Побольше бы таких дивизий. Самоотверженно дерутся, я бы сказал, сплошной героизм проявляют. Не приходилось мне встречать подобного упорства и стойкости. Один раненый остался у орудия — все равно стреляет; танк подбили — командир выскакивает с экипажем и прет на врага, бьют из пистолетов.

Плетнев, вспомнив, спросил:

— Это не девяносто девятая дивизия осенью прошлого года

завоевала переходящее Знамя Красной Армии?

— Точно, она самая… В бою это Знамя.

— Ну давайте прикрывайте хорошенько, — пожелал Плетнев и потребовал: — Пусть немедля допрашивают регулировщиков, почему еще не распорядился? К моему возвращению чтоб все из них вытряхнули. Прежде всего, — где и какие группы действуют. Связи, явки. Ну, я поехал.

* * *

Напрасно Михеев рассерчал на Ярунчикова и сделал ему по телефону выговор за то, что тот не знает детально складывающейся оперативной обстановки фронта.

— Мы же не оперативный отдел штаба! — вгорячах вырвалось у Ярунчикова. — Штабу самому еще не ясны направления главных и маневренных ударов противника. На Военном совете обсуждается этот вопрос.

Михеев поутих.

— Чего же тогда говоришь: «не знаю, надо уточнить»? Так бы и докладывал. Требуй от особистов армий постоянных данных о том, против каких соединений противника ведутся бои, направления ударов. Указывай об этом в сводках мне. Так надо.

— Понимаю, все ясно… Пока могу доложить о том, что вполне определились главные удары врага на Львов, Луцк и Ровно. Это и понятно — стремятся на основную магистраль, к прямой дороге на Киев. Разрыв образовался под Рава-Русским укрепрайоном. Туда с опергруппой выехал Пригода. Противник много забрасывает диверсантов, ракетчиков. Здесь, в Тернополе, как только налет, сразу взмывают ракеты, цели указывают. Расстреляли несколько человек. С ними и народ на месте расправляется.

— Скоро вам полегче будет на этот счет. Вопрос об охране тыла фронтов решен. Силами частей погранвойск и НКВД. У вас начальником назначен полковник Рогатин.

— Бывший начальник штаба Западного пограничного округа? — спросил Ярунчиков.

— Он самый. Дельный, решительный и, главное, с боевым опытом.

— Знаю его. Еще бы нам оперативного состава прислали, все труднее становится. Чекисты выбывают, замены неоткуда ждать.

— Я говорил с наркомом внутренних дел Украины, он откомандирует в твое распоряжение руководящих и рядовых сотрудников, умело используй их. Белозерский прибудет, капитан

госбезопасности, направь его начальником особого отдела пятой армии. Толковый опер, что надо.

— Очень рад, люди нужны позарез, у себя в отделе зашиваемся.

— Учти, в действующие соединения посылаем подмогу для работы, а не тебе под руку.

— Видел я пленных, — сказал Ярунчиков. — И здорово переломилось у меня отношение к происходящему. Чего греха таить, ошеломили нас спервоначала. Еще бы! Прорыв почти по всей границе. Потеря связи, управления… Враг наступает без разведки и приглядки, всей мощью, а мы под огнем занимаем частями полевые рубежи. Против одной нашей дивизии идут две и три с превосходством танков и авиации. А наши сдерживают, контратакуют, под Рава-Русской даже выбили противника с захваченных рубежей. Вот тут и вся суть.

Михеев с удовольствием слушал доклад Ярунчикова, не удержался, вставил:

— Мне нравится твой бодрый дух.

— Понятливее становимся, — по-своему объяснил Ярунчиков. — С бесспорной очевидностью ясно, к примеру, что в тактике и в стратегии гитлеровцев важную роль играет расчет на испуг, на ошарашивание. Ведь даже заброска небольших групп противником в тыл наших передовых частей, беспорядочный шум и грохот с пальбой, создающие видимость окружения, в расчете на панику — все из того же психопугательного арсенала. Политработники и особисты ведут на этот счет работу в частях.

— Нам тут легко с вас требовать, — признался Михеев. — Скажешь, меня бы на твое место. Добиваюсь. Обещают отпустить.

— Проситесь сюда, на Юго-Западный.

— Очень хотелось бы.

— Тогда до встречи в Житомире. Туда намечен отход штаба фронта.

— Спасибо. Постараюсь, — закончил Михеев.

* * *

Во Львове почувствовалась твердая чекистская рука. В распоряжение Плетнева областное управление НКВД выделило около пятидесяти оперативных работников и роту пограничников, три грузовые машины и мотоциклистов-связных. Была организована усиленная охрана важных объектов, прежде всего железнодорожной станции, узла связи, банка; патрулирование по городу и проверка документов; выявление фашистских

лазутчиков, пособников — всех, кто действовал в угоду врагу.

Без передышки Плетнев руководил созданными оперативными группами, выезжал на места диверсий, принимал участие в допросах.

Сегодня рано утром раздался телефонный звонок. Плетнев снял трубку и услышал:

— Мне нужен старший батальонный комиссар Пригода.

— Его нет, — ответил Дмитрий Дмитриевич. — В чем дело, слушаю.

— Запишите. Доложил Цыган. Заброшен для диверсий на железной дороге. Две группы по четыре человека. Одеты в красноармейскую форму. Вышли на пятый километр дороги Львов — Ровно. Я со своими иду к железнодорожному мосту по дороге на Луцк. В пути сам уничтожу группу. Спешите на пятый километр. Сообщите обо мне Михаилу Степановичу. Будет возможность, завтра утром позвоню. Учтите, вчера в город проникла террористическая группа из спецбатальона «Нахтигаль»…

— «Соловей»? — вырвалось у Плетнева.

— Да, с автоматной трелью. Впрочем, они в гражданском, с пистолетами. Небольшая группа, человек шесть. Отличить их трудно, в драку они не полезут, ничем враждебным пока себя не проявят. На руке у них часы с ярким малиновым ремешком. Будут составлять во Львове списки на видных людей из интеллигенции, руководителей, активистов, членов их семей. Сами понимаете для чего. Резню готовят. Пусть эти наши люди покинут город. Все.

Прочитав написанное, Плетнев поверил сообщению. Проверить, есть ли разведчик Цыган, было некогда, да и телефонной связи с особым отделом 6-й армии, выехавшим из Львова, еще не установили. И Плетнев срочно направил двоих особистов с красноармейцами на пятый километр железной дороги Львов — Ровно.

— Поимейте в виду, не исключена провокация. Будьте осторожны. Дайте им покопаться на полотне и открывайте огонь.

— Живыми не брать?

— Если руки подымут. Преследовать, ловить запрещаю. Уничтожайте. Их показаний не потребуется.

Проводив машину, Плетнев отдал распоряжение о поиске в городе и поимке заброшенных террористов, о которых сообщил Цыган, и сам тут же выехал в банк, где были сосредоточены подготовленные к эвакуации ценности.

— Сколько же можно упаковывать? — насел он на управляющего банком, не давая ему слова выговорить. — Ждете, пока враг придет? Саботируете, что ли?!

— Вторую партию готовим, — наконец произнес управляющий. — Ящики сколачиваем, ничего под рукой нет, ни досок, ни гвоздей. Комсомольцы пришли на помощь, дело пошло. С машинами плохо, вчера весь день прождали, к вечеру пришли.

— С транспортом плохо, я своих два грузовика отдал. Но вам последний предоставлю, только скорей вывозите… Когда прислать?

— Часа через два.

— Не годится резиновое «часа через два». Не кассир за деньгами приедет. В тринадцать сорок машина будет у подъезда. Извольте успеть. Иначе уйдет. С вас спрошу.

Из банка Плетнев заехал в Львовский горком партии и исполком. Почти все партийные и советские работники были заняты вопросами эвакуации, неизвестно, по какой причине не успевшие еще отправить свои семьи. То ли сочли спасение близких в первую очередь неподобающим, противозаконным, то ли не захотели бросать родных на произвол судьбы, решили подождать, чтобы в крайнем случае выехать вместе. Скорее всего и то и другое. Как бы то ни было, множество людей собралось возле главной городской управы. Они ожидали терпеливо, уверенные, что о них не забыли.

Плетнев оглядел соседние дома, будто прикидывая, откуда может раздаться выстрел. Не понравилось ему такое скопление людей, и он выставил автоматчиков для охраны.

Поднявшись на второй этаж, Дмитрий Дмитриевич никого не нашел из руководящих работников, все были заняты делами в городе.

— У каждого свой район и объект, на местах организуют… — сообщил дежурный по горкому. — Машины сейчас подойдут, семьи увезут на вокзал. Эшелон наготове.

Вопросы эвакуации не входили в обязанности Плетнева. Однако ответ дежурного по горкому партии удовлетворил его.

По местному радио сообщили, что город объявлен на осадном положении. И хотя эта неприятная весть, по сути, мало что меняла в работе Плетнева, он все же ощутил еще большую ответственность, впервые подумав о том, как организовать наличные силы для отпора врагу, если он прорвется в город.

Глава 19

Арестованных пришлось отправлять в Киев пешим ходом. Путь из-под Львова предстоял далекий, но иного выхода не было: враг снова прорвал оборону на стыке 5-й и 6-й армий, расширяя клин танковыми ударами.

На целую неделю войска фронта задержали здесь противника, нанесли ему чувствительный урон и сорвали замысел по окружению частей фронта на львовском выступе. Гитлеровское командование отметило:

> «…Оперативный прорыв 1-й танковой группы до 28 июня достигнут не был. Тяжелым препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника из района южнее Припятских болот по войскам, продвигавшимся вдоль шоссе Луцк — Ровно — Житомир. Эти контратаки заставили крупные силы 1-й танковой группы изменить направление своего удара и вместо наступления на Киев повернуть на север и ввязаться в бои местного значения».

Войскам Юго-Западного фронта это сражение тоже обошлось дорого: они были крайне истощены непрерывными ожесточенными боями и понесли тяжелые потери. Лишь после того как противник ввел на главное направление своего удара дополнительно 7 дивизий, войска 5-й и 6-й армий и участвующие в сражении мехкорпуса не смогли больше сдерживать натиск и начали отход.

С тяжелыми боями отходила 6-я армия на новые позиции, прикрывая львовское направление. Почти все оперативные работники особого отдела не выходили из боевых порядков частей, и лишь начальник отдела бригадный комиссар Моклецов с несколькими сотрудниками и бойцами охраны отходил со штабом и Военным советом, нынче снова сменившими командный пункт.

Сожгли секретные чекистские документы, оставив лишь предельно необходимые для работы и следственные дела на арестованных, которых собралось больше десятка. Среди них — выловленные агенты-сигнальщики, которых завербовал враг уже на оккупированной территории.

Поручая арестованных оперуполномоченному Лойко, Моклецов предупредил:

— Троих автоматчиков даю, смотрите в оба. Ночевки только

на станциях. Там и харч добудете. С рассвета дотемна идите. И поживей старайтесь. На поезд постарайтесь сесть. Хотя бы в Тернополе.

С этапниками отправлялся и Дмитрий Дмитриевич Плетнев. Он получил срочную телефонограмму:

> «Плетневу. Подтверждаю задачу выполненной. Заместителем коменданта осадного города назначен Пригода. Указания даны. Возвращайтесь по получении в Житомир. Ярунчиков».

Дмитрий Дмитриевич решил выйти на Житомирское шоссе, а дальше добираться попутным транспортом. Моклецов, прощаясь, развел руками.

— И проводить не на чем, один грузовик остался… разбитый, — сказал он, вопрошающе смотря на Плетнева и как будто ожидая подсказки, где раздобыть ему транспорт. — А мне приказано четыре машины дать Пригоде и отправить его немедленно во Львов.

— Где же Михаил Степанович? — озабоченно спросил Плетнев.

— Живой, сейчас будет, скачет сюда, — успокоил Моклецов. И снова обратился к Лойко: — На шоссе выходите. Лес по краю обогнете — и напрямки.

Арестованные шли парами. А последний — тринадцатый — тащился один, прихрамывая. Невысокий, рано обрюзгший вражеский сигнальщик озирался на идущего сбоку Плетнева, поглядывая на незакрытую деревянную колодку маузера с угрожающе торчащей рукояткой, желая, должно быть, понять, что сие значит.

Дмитрий Дмитриевич заметил откинутую крышку колодки, щелкнул ею, думая про себя: «Расшлепал бы я тебя на месте, когда ракеты пускал. Шагать рядом — зубы от злобы сотрешь».

Из арестованных хромой был известен Плетневу больше других — присутствовал при его допросе. Агента схватили на железнодорожной станции, когда он собирался выпустить очередную ракету: шла бомбежка. У лазутчика отобрали десятка два ракет, распиханных по карманам, компас, фальшивые документы.

«Из Ковеля житель я, продавец, — лепетал он на допросе, — Фашист взял город, и меня, будьте любезны, забрали из дома. За торгаша приняли, работать на них велели. Не хотел я, отказывался, — тряс он руками и слезно щурил лицо. — Жену с детьми посадили, не вру, соседи засвидетельствовать могут. Под угрозой, расстрелять сулили… Выбирай, говорят, пулю или с

комфортом на самолете за линию фронта. Выпустишь две коробки ракет, соберешь попутно кое-какие сведения и, будь любезен, являйся за вознаграждением, веди жену с ребятишками домой. Куда деваться? Человек пятнадцать набралось, сутки учили… Двоих нас тут выбросили с парашютами, думал, в небе помру. Ногу повредил…»

Напарник хромого — долговязый длинноволосый детина — шагал в середине строя. Рядом с ним валко раскачивался широкоплечий, с бычьей шеей оуновец, стрелявший по отходящим красноармейцам из пулемета, когда те бросились переплывать речку.

«Тоже на месте прикончить требовалось, — ненавистно колол глазами плоский затылок националиста Плетнев. — Трибунал, приговор… Для тех вон еще, — попали ему на глаза двое — дезертир и самострел с перевязанной рукой, — куда ни шло, судить надо, перед строем наказать… Поучиться можно у врага оперативности: захватил, завербовал, даже прыгать с парашютом не научил, выбросил на задание. И выполняют его, мразеныши. Все средства гитлерюгам хороши… — Тут будто бы запнулся Дмитрий Дмитриевич, поправил себя: — Разузнать вражьи методы и прочее, конечно, необходимо. Только зачем этих гадов до Киева вести? Ясно все, нет вот… Хромой ракеты пустил, от станции ничего не осталось. Или этот бык, столько бойцов угробил! Абвер пачками в сутки забрасывает, а ты излови их да к прокурору сходи… Не-ет, тут чего-то не так для такой войны…»

Он бы размышлял еще, легко шагая по пыльной дороге, успев убедить себя, что и без прокурора обойтись нельзя, потому как такого могут наломать — не разберешься, как вдруг разглядел во всаднике Пригоду. Небритый, с запавшими глазами, весь запыленный, Михаил Степанович осадил фыркающего пеной коня.

— Где штаб? Куда это ты? — спросил старший батальонный комиссар, подавая руку.

Плетнев ответил. И поторопил:

— Моклецов очень ждет. Михеев приказал тебе срочно отбыть во Львов заместителем коменданта прифронтового города. Выделили стрелковую роту, два броневика, средства связи. Грузовики ищут… Да, знаешь, сегодня Минск сдали.

Пригода вскочил в седло.

— Знаю! В отдел доскачу, жеребца тебе пришлю. Быстрей добирайся!

— Не надо, что ты!.. — вслед прокричал Плетнев. — Доберусь!

* * *

Замер, будто притаился в темноте Львов, ощущая дрожащие всполохи и глухие артиллерийские раскаты. С нарастающей тревогой выжидал город сходящую ночь, и поэтому въехавшие на улицы два бронеавтомобиля и три грузовика с красноармейцами поначалу вспугнули жителей — не фашисты ли? Машины остановились в центре, неподалеку от памятника Адаму Мицкевичу, и немного погодя к ним с разных сторон потекли молчаливые группки людей.

— Как проехать к гостинице «Жорж»? — вышел навстречу жителям Пригода.

— Та вот по Академичной улице направо, — указала рукой женщина и еще тише спросила: — Покидаете город?

— Чего вы шепотом-то? И кто вам наплел, что уходим? Стоим! — басил Михаил Степанович, возвращаясь к бронемашине.

Коменданта города Пригода нашел в большой полуподвальной комнате гостиницы, насквозь прокуренной и мрачно освещенной крохотной лампой. Тут было полно военных и вооруженных гражданских людей, шумливых, осаждавших огромный, наподобие биллиардного, стол, за которым сидел тучный подполковник-пограничник, спокойно и устало выслушивающий требования и просьбы, удовлетворить которые не мог.

— Ни взвода не могу дать, дам только совет: берите оружие и охраняйте своими силами.

— Вы понимаете, взорван путь, рельсы рогами торчат. На арбах, бестарках везите, легкораненых отправляйте пешими.

— Пустили две пекарни. Мало, конечно, а что поделаю? — напористо отвечал комендант.

Михаил Степанович знал другого коменданта — полковника Милевского. Но того тяжело ранило при бомбежке, и хозяином фронтового города в самую трудную пору стал новый человек.

— Подполковник Николаев! — представился комендант, возвращая Пригоде мандат и поручение Военного совета 6-й армии. — Пошли в комнатенку, а то здесь хуже чем от пушек глохнешь.

Он зажег свечу, убрал со столика газету с едой, говоря:

— Частей в городе нет, вечером последний батальон ушел на оборонительный рубеж. Машины стараются обойти город, фашист бомбит с рассвета дотемна. Диверсанты орудуют, вчера железную дорогу за станцией подорвали, ракеты пуляют. Одного чуть не поймали, вот рацию бросил, — показал он на зачехленную

коробку под окном.

— А комендатура что? — спросил Пригода. Подполковник отмахнулся:

— Что я могу с полуротой? В центре порядок, а дальше, к окраинам, — даже не совсем в курсе.

— Эвакуация приостановилась?

— Почти что. Семей военнослужащих много осталось, осаждают вот… Ценностей порядочно не вывезено. Вагоны, паровозы есть, а поездные бригады не сыщешь. Полотно дороги срочно восстанавливать необходимо.

— Необходимо, — повторил Пригода. — И надо всем сразу заниматься, нельзя медлить. Беру на себя отправку ценностей. Много их осталось? Где они находятся?

— В банке… Осталось… Главное вывезли.

— Съезжу посмотрю. Давайте только условимся, товарищ подполковник, будем без щепетильности, если мне придется подсказать или напомнить, что делать. Обстановка требует.

— Разумеется, голова кру́гом ходила.

— Сейчас же надо собрать ремонтную бригаду. Пошлите расторопного человека, хорошо знающего город, пусть отыщет адреса и собирает рабочих по домам. И машинистов — тоже. У меня три грузовика, один могу выделить. И командира с бойцами. Составляйте эшелон. Я из банка заеду на станцию… Нет ли у вас данных, сколько вагонов на путях?

— С полсотни годных наберется. Побитых много.

— Нужна точная информация. И хотя бы примерно знать, сколько народу совершенно необходимо эвакуировать. Все, еду в банк, — направился к выходу Михаил Степанович, но задержался, добавил: — А насчет диверсантов, мародеров и прочей контры — моя забота. Со мной опергруппа.

Выйдя на улицу, Пригода подозвал свою небольшую опергруппу и командира роты, объяснил им обстановку.

— В распоряжение коменданта пойдете вы, — обратился Прихода к оперуполномоченному Ремешко. — Берите грузовик, двоих красноармейцев. Комендант даст знающего человека, и отправляйтесь искать ремонтников. Без промедления! Встретимся на станции. И мне надо человек пять, — повернулся он к ротному. — В банк поедем. Остальных направляйте патрулировать город, во все стороны до окраины. Население должно чувствовать Советскую власть и знать: оно не брошено на произвол. Потолкуйте с людьми, пособите чем можете… А вы, — подошел он поближе к двум оперработникам, — займитесь выявлением подозрительных. Соберемся здесь через два часа.

Серел рассвет, обнажая исковерканные дома, захламленные

улицы, создающие впечатление покинутого города.

Здание банка находилось неподалеку. Оно не пострадало, лишь кое-где в окнах повылетели стекла. Массивные двери были распахнуты. В вестибюле, на этажах не оказалось ни души. Кругом вороха бумаг, в беспорядке мебель.

Пригода с красноармейцами проник в подвал и, встревоженный, остановился вдоль ряда крупных сейфов. Они были раскрыты и пусты.

— Опоздали! — вырвалось у Михаила Степановича. Но тут он услышал отдаленные голоса, прошел дальше, увидел еще одну комнату, а в ней — троих гражданских парней.

— Стой! — испуганно выкрикнул один из них, и на вошедших нацелились три нагана.

Пригода спросил первым:

— Кто такие?

— А вы кто?

— Заместитель коменданта города, — присел он на ящик, освобождая красноармейцам проход.

Револьверы легли в кобуры.

— Боязно, налетали тут, — объяснил паренек, видимо старший группы. — Всю ночь как в засаде сидели.

Пригода сказал о цели прихода.

— Вывезли все в надежное место, шесть ящиков осталось, — указал рукой на высокие ящики паренек и, заметив вопросительный взгляд командира с тремя шпалами в петлицах, пояснил: — В «Европейскую» гостиницу отправили, там крепкая охрана, никто не сунется.

Оставшиеся ценности погрузили на полуторку, и вскоре они присоединились к остальным, действительно оказавшимся в надежном месте: гостиницу заняли не успевшие эвакуироваться партийные, советские работники, милицейская охрана, большая группа раненых.

Ценности надо было вывозить, не дожидаясь, пока восстановят железнодорожный путь. Пригода связался по телефону с комендантом.

— Но у меня ни одного грузовика.

— Тогда на своем отправлю в особый отдел фронта, — решил старший батальонный комиссар и спросил: — Какие новости?

— Доложили, что на два эшелона вагонов наберется. И еще насчет семей военнослужащих. Человек двести, говорят. Да, машиниста нашли… О ремонтниках пока не слышно.

— Ясно. Отправляю машину и еду на станцию.

Ощущение того, что дело движется и еще можно успеть многое предпринять, взбадривало уставшего до крайности

Пригоду. Особенно после того, когда он, приехав на станцию, узнал от Ремешко, что ремонтная бригада уже выехала в сторону Золочева — к месту работы.

— Пора формировать два состава. Один можно днем загрузить имуществом, второй — людьми, как начнет смеркаться, и ходу… — вслух размышлял Михаил Степанович.

Ремешко напомнил:

— Агенты абвера наверняка засекут подготовку.

— Об этом я и не забываю. Усилим охрану путей. И еще постараемся дезинформировать врага о времени отправки эшелонов. Проскочат, думаю.

Они направились к привокзальной площади, где стоял броневик, но не успели до него дойти: началась бомбежка. Безнаказанно низко пролетел над площадью «мессершмитт», строча из пулемета по разбегающимся прохожим.

Пригода рванулся к машине, видел, как перед ним пули строчкой пробили асфальт, и в то же мгновение почувствовал кольнувшую боль в руке. «Задело!» — понял он, ощупав рану, и, заметив присевшего Ремешко, крикнул:

— За мной! В машину!

Они сразу отъехали, свернули за угол, слыша позади частые разрывы бомб.

— Только бы не повредил путей, — с непонятной для Ремешко болью в голосе произнес Пригода, снимая гимнастерку.

— Вы ранены? — вырвалось у Ремешко. Он живо достал индивидуальный пакет, перевязал старшему батальонному комиссару сквозную рану выше локтя, говоря: — Кость цела. И хорошо, хоть не разрывной.

— Куда лучше… — морщился Михаил Степанович, осторожно натягивая гимнастерку.

В комендантском полуподвале Пригода не застал подполковника Николаева, тот выехал с красноармейцами на уничтожение десанта.

— Какого десанта, где? — встревожился Пригода, услышав новость от пожилого дежурного по комендатуре.

— Рядом, в Подзамче, парашютисты, кто-то по телефону донес.

Крепко задумавшись, Пригода сел за стол. Вернулся один из двоих оперработников, доложил о подозрительных субъектах, по всей видимости националистах, которые восхваляют гитлеровцев, распространяют ложные слухи.

— Задержите и допросите. Стремитесь выйти на вражескую агентуру.

— Уже задержаны… И еще двое, явно разведчики-

информаторы, с рацией их видели, — закончил оперработник.

— Это уж не те ли, которые бросили рацию?.. Поимейте в виду при допросе.

Стремительно вернулся Николаев.

— Вы понимаете, звонок давеча, десант, кричат, парашютисты! — возбужденно говорил комендант. — Еду в Подзамче, но ни там, ни возле никакого десанта. Провокаторы!

Допросы выявили вражеских агентов и пособников — организованную группу абвера. Арестованные разведчики-информаторы не сумели заранее вызвать авиацию для бомбардировки подготовленных к отправке эшелонов.

— Гнались вчера за нами, бросили рацию, а потом ее не нашли, — объяснил разведчик абвера.

Обстановку во Львове гитлеровцы все же знали слабо. Спокойно ушли эшелоны с эвакуированными и ценным имуществом, вывезли и арестованных. Пригода с ротой оставил город, когда по нему начала бить вражеская артиллерия.

Лишь спустя полсуток после их отхода в притихший, израненный Львов ворвались гитлеровцы. Это произошло 30 июня, когда Ставка Главного командования разрешила отвести войска из львовского выступа на рубеж старых укрепленных районов, расположенных по линии Коростень, Новоград-Волынский, Проскуров.

Глава 20

Каждый день войны ставил перед Михеевым все новые и неожиданные задачи помимо огромной работы по оперативному руководству особыми отделами фронтов. Вся полнота власти в прифронтовых районах переходила к военным советам боевых соединений, а на чекистов возлагались свои, особые обязанности: по эвакуации, угону подвижного железнодорожного состава, уничтожению всего того, что может достаться врагу.

Выполняя задание Наркома обороны, Михеев требовал от особых отделов фронтов не только полной чекистской информации, но и данных о наступающих частях противника — о всем том, что раскрывало силу и направления ударов врага. Разумеется, оперативная сводка армейской контрразведки, полученная непосредственно из особых отделов армий фронтов, не претендовала на полное отражение дислокации и продвижения войск противника, но служила Генштабу необходимым уточнением истинного соотношения сил и обстановки на фронте в первые недели войны.

Но четкость в штабной работе скоро наладилась. И однажды, докладывая в Ставке Главного командования Вооруженных Сил данные из вражеского документа о том, что в Прибалтике советские войска не дали себя окружить и отходят, хотя и с большими потерями, но довольно организованно; что большую тревогу у гитлеровского руководства вызвало упорное сопротивление войск Юго-Западного фронта; что группа армий «Юг» понесла большие потери и явно не справилась с возложенной на нее задачей, — Михеев почувствовал, что его слушают с заинтересованным вниманием. Не часто еще удавалось знать мнение противника о боях. А Михеев продолжал:

— Четвертая танковая армия врага развернула наступление на витебском, оршанском и могилевском направлениях с подавляющим превосходством…

Генерал армии Жуков сердито кашлянул и заметил:

— Мощные удары наносят. Особенно в районе Борисова, расположенного на шоссе Минск — Москва. — И он будто бы закончил сообщение за Михеева, давая понять, что начальник контрразведки явно увлекся и вторгся не в свою область.

Но не это задело Михеева. Ему неприятно было услышать ироническое, как показалось, уточнение, где находится город Борисов.

Маршал Тимошенко нарушил паузу:

— Повторение — мать учения. Я требовал от товарища

Михеева представлять стратегические данные о противнике, которые становятся известны по каналам ведомства контрразведки. Так мы за сутки раньше узнали о направлении ударов мехчастей первой танковой группы, о стойкости наших пятой и шестой армий. Так что… — взглянул он на Жукова, но продолжать разговор не стал.

Однако после совещания Тимошенко задержал Михеева.

— Обиделся? — спросил он. — Ты лишка хватил. Такие направления ударов перечислил: витебское, оршанское… Не первые дни войны. Мы даже знаем, что они ударят и на Бобруйск. Вот если бы эту подробность сообщил первым, Жуков бы взялся за карандаш.

— Понял вас, товарищ маршал. Разумеется, не обиделся. У меня и моих сотрудников слишком много времени забирала эта работа. Поставлю новую задачу.

— Да, теперь ждем от чекистов данных о замыслах врага. Возможности у вас есть… Должен сказать, тут еще назревают вам заботы.

Михеев с ожиданием смотрел в глаза наркома.

— В ближайшее время должны принять указ об объединении НКВД и НКГБ в Наркомат внутренних дел. Сегодня же начни заниматься вопросами подготовки к реорганизации. Военная контрразведка переходит в подчинение НКВД. Чего не радуешься? Ты же добивался этого.

— Заждался… — только и ответил Михеев, вспомнив о своем рапорте наркому с просьбой послать его на фронт. И, заговорив сейчас о нем, услышал ответ:

— Закончим реорганизацию, в последнюю минуту, пока будешь в моем подчинении, удовлетворю твою просьбу.

— На Юго-Западный фронт, — подсказал Михеев.

…Как-то так получалось, подходил ли Михеев к карте с нанесенной обстановкой, просто ли размышлял о событиях на полях сражений, мысли его непрестанно увлекали ожесточенные бои на Юго-Западном фронте с главными силами врага — группой армий «Юг». Здесь он отчетливо представлял себе во всем территориальном размахе расположение армий и мехкорпусов, укрепленных районов, видел лица командиров соединений, знал, на что они способны и как поведут себя в бою.

Душой Михеев теперь уже и вовсе находился там, на Юго-Западном. Не потому ли он сразу подписал рапорты сотрудников аппарата управления об откомандировании в действующую армию, для работы в партизанских отрядах? Все чаще интересовался у своих заместителей о ходе подготовки к предстоящей реорганизации — им он поручил эту работу,

поторапливал их.

За последние дни Михеев сблизился с Плесцовым. Иван Михайлович перешел работать во вновь созданное информационное отделение, быстро освоился в новой роли. За день Анатолий Николаевич много раз встречался с ним по всякого рода сообщениям из особых отделов фронтов, вместе составлял докладные записки для вышестоящего руководства, в которых после редакторской руки батальонного комиссара править начальнику управления вроде было нечего. Но Михеев оказался придирчив, и Плесцов не сразу к этому привык.

А еще он понял Михеева в другом: не надо начинать с огорчительных сводок. И подбирал их так, чтобы сразу не портить настроения начальнику управления.

Вот и сейчас они вместе бурно обсуждали итоговое сообщение о потерях за июньские дни боев. Враг потерял две с половиной тысячи танков, полторы тысячи самолетов; более тридцати тысяч пленных — это что-то значило. Перемолотить такую мощную громаду надо было суметь. Бесспорным становилось то, что фашистская стратегия «молниеносной войны» дала трещину.

Плесцов не удержался, с чувством прочитал запомнившееся ему четверостишие из стихотворения Семена Кирсанова:

…Бой идет одну неделю,
час настанет — все сочтем
и фашистов так разделим,
что и корень извлечем!

— Ну-ка, постой, повтори. — Стихи понравились Михееву.

Сейчас Плесцов стал подробно докладывать об упорных боях на Березине, об отличившейся 100-й дивизии, которая сожгла полтораста вражеских танков, и не чем-нибудь, а в основном бутылками с бензином, Михеев прервал:

— Знаю. Впредь подбирай материал по узловым моментам, о главном, чтобы находиться в курсе.

— Есть, докладывать о главном! Я и перехожу… Сегодня танковые дивизии противника ворвались в Житомир.

Михеев, помрачнев, задумался, и Плесцову показалось, что он не слышит его сообщения о том, что к исходу девятого июля наступление 4-й танковой армии врага было приостановлено на всем фронте обороны от Десны до Жлобина.

— В Житомире штаб фронта, — тихо и раздельно произнес Михеев. — Неужели от Ярунчикова нет сообщения?

— Они на пути в Киев, потом в Бровары.

— Так что же мне голову морочил сотой дивизией? Ты мне эту тактику брось! Докладных о маневрах противника больше не представлять. Сообщите об этом на места. Укажите, нас должны интересовать упреждающие данные, замыслы, концентрация, предполагаемые удары. Что раздобудете, докладывайте немедленно, устно. Там видно будет, чему дать ход. А то сочиняем целые тома. Своим делом надо больше заниматься, — разгорячился Михеев.

Плесцов знал, что́ сейчас успокоит начальника.

— Приятные новости с Юго-Западного… — сделал он паузу и увидел, как Михеев живо провел пятерней по пушистой русоволосой шевелюре — признак доброго нетерпения. — Сегодня войска пятой армии во взаимодействии с первым стрелковым и третьим мехкорпусом нанесли сильный контрудар со стороны Коростенского укрепрайона во фланг главным силам первой танковой группы врага. Наши войска не только остановили противника, но и заставили его отступить.

Михеев даже поднялся; сцепив ладони, подошел к карте на стене и некоторое время стоял молча, уставившись на крохотный кружочек со словом над ним — «Коростень».

— Не-ет, выкорчевывать надо из тебя эту манеру, — не поворачиваясь, вдруг сказал Михеев. — Или в следующий раз начинай докладывать с конца.

* * *

Передача особых отделов в НКВД СССР до 24 июля задержала Михеева в Москве. Ему присвоили звание «комиссар государственной безопасности III ранга», и у него в петлицах стало три ромба. Теперь ничто не задерживало отъезда Михеева на фронт.

…Возвратившись из Наркомата обороны к себе в кабинет, Михеев — сразу к телефону.

— Плесцов?! Ночью едем! — сказал Анатолий Николаевич и спросил: — Ты готов?.. И я так думаю, чего до утра тянуть. Еще задержат. В полночь тронемся. Предупреди Капитоныча, пусть готовит машину. До Киева!

И отправился прощаться с сотрудниками управления. Он обошел все кабинеты, пожимал чекистам руки, желал успехов, чуть ли не каждому напоминая неотложное по оперативным мероприятиям, как будто уезжал на несколько дней и хотел, чтобы к его возвращению все успели закончить. Он шутил, напутствовал с деловитой заинтересованностью, при этом словно

бы забывая, что уезжает насовсем.

Нет, об этом Михеев не забывал. Ровно в полночь он заспешил к себе в кабинет, где его уже поджидали Плесцов и несколько руководящих работников управления.

— Все готово, товарищ комиссар, — встретил Михеева Плесцов. — Звонила несколько раз жена Ярунчикова. Поговорить хочет.

— Соедини меня с ней, — велел Анатолий Николаевич Плесцову. — Домой-то заедешь?

— Я уже съездил, забежал на минуту.

— Ну а я по пути загляну. — Михеев взял протянутую телефонную трубку. — Здравствуй!.. Да, сейчас еду… Передам. Кто у тебя в Энгельсе?.. Подожди, запишу, — потянулся он за карандашом. — Да не реви ты, дуреха! Говори адрес… Транспортная, тридцать три… квартира четыре. Когда выезжаешь?.. Ты у нас поживи. Ну как знаешь, поклонись там Волге. От меня Волге, говорю, поклонись!

Он положил трубку, чему-то усмехнулся и пошел к сейфу, достал из него маузер в колодке, повесил его на ремень, потом так же неспешно взял из шкафа коричневую кожаную куртку, бросил ее на руку.

— Все, нет больше меня тут. Присядем на дорожку, — опустился Михеев на стул и вдруг удивил просьбой: — Дайте-ка, мужики, папиросу!

И впервые в жизни неумело закурил.

…Дождь пошел еще затемно. Капитоныч сбавил скорость и почти лег на баранку, вглядываясь в дорогу. Михеев не торопил, молчал, а Плесцов счел неудобным заговорить, считая, что Анатолий Николаевич находится под впечатлением расставания с семьей.

Михеев же мысленно был на участке фронта возле города Фастова, который после недельных боев захватил противник. И хотя 26-я армия сдала город, ее стойкость и отвага вызывали восхищение. Ценой огромных потерь гитлеровцы с 16 по 19 июля продвинулись на считанные километры и заняли несколько сел в Фастовском районе Киевской области. Но взять Фастов, крупный железнодорожный узел, противник смог лишь после четырехдневного штурма.

«Все чаще начинают выдыхаться, подбрасывать новые силы», — думалось Михееву. Для этого он имел все основания. Командующий фашистской группой армий «Юг» отдал приказ приостановить наступление на рубеже Киев, Коростень и временно перейти к обороне.

Но обстановка ежедневно менялась. Михееву скорее хотелось оказаться там, в гуще событий.

Проехали Орел. Капитоныч — крупный, рыжеволосый и конопатый во все лицо и даже шею, — вцепившись обеими руками в баранку, трудно вел непослушный «форд» по раскисшей дороге; машина вихлялась, норовя залететь в кювет, но шофер как-то успевал выровнять ее и проскочить вязкое место. Но машина по-прежнему не слушалась. Дождь усилился, перешел в ливень.

— Сядем! — заключил Михеев. — Так мы и до завтра не доберемся.

Посоветовались. Плесцов предложил вернуться в Орел, достать дрезину и на ней махнуть до Киева.

Так и сделали.

Вокзал был забит красноармейцами. Они лежали на полу, на подоконниках, даже на широком буфетном прилавке — ни пройти, ни продохнуть. Осторожно пробираясь, Михеев заметил на лавке майора, подошел к нему.

— Из какой части? Куда направляетесь? — спросил он, наклонясь.

Майор вытянулся перед ним, доложил:

— Заместитель командира полка… Оставлен с двумя батальонами. Ждем подачу вагонов.

— Давно ждете?

— С вечера.

— Когда обещают?

— Неизвестно… пока, — подергивалось опущенное левое веко майора.

— А ну айда со мной, — пригласил Михеев и направился к военному коменданту станции.

Плесцов уже был там.

— Есть дрезина, бак прохудился, чинить надо, — сообщил он Анатолию Николаевичу. — Пойду организую ремонт.

— Поживей только, — поторопил Михеев и представился капитану-коменданту, спросил его о причине задержки отправки двух батальонов.

Нетерпеливо дослушав объяснение железнодорожного военного начальника о том, что красноармейцев отправлять не на чем, Михеев подсказал:

— На погрузном дворе вагонами забиты пути. Я только что мимо проезжал.

— Эшелон с имуществом, товарищ комиссар. Дальше пойдет.

— Куда это дальше? — нажал на последнее слово Михеев. — Немедленно разгружайте, готовьте состав к отправке на Киев!

Имущество! За землю кровь льется!.. Соедините меня с начальником дороги. — И обратился к майору: — Оружие — в козлы, охрану поставьте, остальных — на разгрузку. И в путь, чтоб через час тут ни души не осталось.

Разговор с начальником дороги был коротким. Сообщив ему о том, что на станции Орел не обеспечена отправка на фронт воинской части, в результате чего она оказалась разобщенной, половина полка томится в ожидании вагонов, в то время как на запасных путях погрузного двора скопились четырехосные пульманы с каким-то имуществом, Михеев попросил распорядиться разгрузить их и пустить на запад. И, услышав в ответ согласие, все же с недовольством добавил:

— Я доложу в Москву о странной нерасторопности на станции Орел. Прошу немедленно принять срочные меры.

Вокзальные залы опустели, но тут же в них стали набиваться проезжие беженцы с детьми. Они толпой хлынули с перрона, должно быть укрывались там под дощатым навесом, и опять говорливое оживление заполнило все вокруг.

Вернулся из депо Плесцов с чайником в руке.

— Можно ехать, — доложил он Михееву. — Я только воды налью… Вас на перроне начальник станции поджидает. Говорит, зеленую улицу даст.

…В пять утра следующего дня они были в Дарнице. Их встретил Ярунчиков. Он не скрывал удовлетворения приездом Михеева, потому что охотно уступал ему руководство особым отделом фронта, был оживлен и суетлив.

— Ты чего это сияешь, будто всю контру переловил? — спросил Анатолий Николаевич, когда машина тронулась на Бровары, куда только что из Проскурова перебрались штаб, Военный совет и особый отдел фронта.

— Помощи на войне всегда рады, — объяснил Никита Алексеевич.

«Как глыбу свалил», — понял Михеев и стал расспрашивать об обстановке на фронте.

— Южнее Киева по-прежнему тяжелое положение, — докладывал Ярунчиков. — Всю неделю от Бердичева до Днестра идут упорнейшие бои. Два танковых корпуса врага прорвались в районе Белой Церкви, стремятся в тыл шестой и двенадцатой армий, представляете ситуацию?! И тут наша двадцать шестая армия нанесла фланговый контрудар. Вовремя и сверхудачно выбрали направление удара. Превосходно действовала армия. Особенно отличилась сто девяносто девятая стрелковая дивизия. Несколько дней она у станции Мироновка держит и лупит врага, довела его до психических атак. Там порой трудно было понять,

кто наступает, а кто обороняется. Противник всполошился. Контрудар армии сильно сковал его активность. Мы выиграли время для отвода шестой и двенадцатой армий; они уже не имели непосредственно связи с соседями; сказать прямо, трудно бьются с обходящими частями врага. Теперь уже в отрыве оказались от нашего фронта.

— Из особых отделов этих армий когда было последнее донесение? — спросил Михеев, решив узнать, сколько с тех пор прошло времени и какая за этот срок могла появиться угроза окружения частей на южном крыле фронта.

— Позавчера Пригода прислал короткое донесение шифровкой, чувствуется, излагал второпях, наверное, неожиданно представилась возможность передать… Содержание такое: «Чекисты заняты выполнением боевой задачи, возможность соединения с правым соседом утрачена, есть соображения передачи нас Южному фронту. Отходим с боями. Положение трудное».

— Ну если Пригода утверждает «трудное», значит, неважные дела, — расшифровал Михеев и спросил: — Как на правом фланге у Горбаня?

— Пятая армия тоже в сложную обстановку попала. Наметился выход группировок противника в ее тыл. Кирпонос приказал отвести армию на позиции Коростенского укрепрайона.

— Когда, сегодня?

— Нет, сегодня как раз завершат отход на рубеж Белокоровичи, Турчинка, Малин. Отходили с боями, организованно. И не только оборонялись, но и контратаковали, отбрасывали врага. Вчера фашистам удалось ворваться в Малин. На улицах шли бои, доходило до рукопашных. Старший оперуполномоченный Ништа угодил там в переделку, нынче утром вернулся вот с такой шишкой, — приложил кулак ко лбу Ярунчиков.

— Он же маленький, тощенький, куда ему в рукопашную, — не смог Михеев представить себе Ништу дерущимся.

— А пистолет для чего? — напомнил Ярунчиков, как будто Михеев мог забыть о том, что Ништа был вооружен. — Слабый хитростью, увертливостью возьмет. Но все равно попало ему… Белозерский рядом был, начальник особого отдела армии, вместе они выезжали в Малин. Доложил мне ночью, он наградной лист написал на Ништу, просил поддержать. Говорит, смело действовал, с десяток фрицев ухлопал… А Малин переходил из рук в руки. Линия фронта без конца перемещалась. И все-таки к вечеру гитлеровцев выбили окончательно. К Коростеню враг рвется. Если бы… — задумчиво остановился Ярунчиков.

— Что «если бы»? — повернулся к нему Михеев.

— Мало сил. В иных полках по триста человек. Но я хотел о другом доложить. Связь кое-где халатно поставлена, по рации кроют открытым текстом. Противник наперед узнал о подготовке удара двадцать шестой армией, естественно, принял меры.

— Установили, по чьей вине враг узнал о наступлении?

— Работник оперативного отдела смещен и разжалован. Между прочим, сегодня перехватили распоряжение генерала Гальдера. Он четко выражает ситуацию: «До тех пор, пока двадцать шестая русская армия, действующая южнее Киева, не будет разбита, нельзя ставить первой танковой группе каких-либо новых задач для наступления на юг».

— Солидная похвала, — хмыкнул Михеев.

— Да, хотя гитлеровцы и подготовились отразить контрудар, но едва устояли, а кое-где и отступили, вынуждены были повернуть от Киева на юг несколько мотомеханизированных дивизий. Кстати сказать, полностью укомплектованных средними и тяжелыми танками. А у нас, — Ярунчиков потер затылок, — в шестой армии полсотни танков не наберется, в двенадцатой — ни одного, а противник давит, смыкает фланги.

Михеев вспомнил:

— В двадцать шестой армии три мехкорпуса. Они должны бы пробиться.

— Что от них осталось? Если объединить, один полностью укомплектованный, может, сформируется. И нехватка в армии в боеприпасах, в противотанковом оружии, даже в бутылках с горючей жидкостью. Саперные лопатки другой раз одна на десятерых.

— Нехватка или тылы плохо работают, не поставляют? — спросил Михеев.

— И то и другое, — без уверенности ответил Ярунчиков.

— Знать и перечислять нужду легко. А причина? Ты вник, разобрался? По-моему, нет. Значит, и мер никаких не принимал. А меня прежде всего это интересует. Кто обслуживает тылы?

— Деревянко.

— Разберись с ним по вопросу работы тыла фронта и сегодня же доложи мне.

Машина резко свернула влево, мелькнул дорожный указатель с надписью: «Бровары».

— Вот мы и приехали, — сказал Никита Алексеевич, указывая рукой. — В школе расположились.

Михеев остался безучастным к разъяснениям Ярунчикова.

— А люди стоят, — сказал он задумчиво. — Даже контратакуют… Нет, не победить им таких!

Машины встали возле широкого здания школы. Справа, за штакетной оградой, скрылся в тополях деревянный домик. Ярунчиков объяснил:

— Там секретариат, а вон за дорогой наискосок моя, стало быть, теперь наша хата.

Михеев направился к крыльцу школы, на которое вышли чекисты. Он увидел несколько знакомых лиц.

— Здравствуйте! — приветствовал всех Михеев, успевая задержать взгляд на каждом из открыто улыбающихся сотрудников. — Опять, значит, вместе. Не знаю, как вы, а я рад. От души говорю.

Ответить ему так же порывисто и откровенно в присутствии Ярунчикова, видимо, постеснялись. Но Михеев и без того видел, с каким уважением встретили его оперативные работники, и потому шутливо добавил:

— Будем считать, новое знакомство состоялось… А вы, Плетнев, что сверлите меня глазами, будто не припоминаете?

— Да нет, товарищ комиссар, — подтянулся Дмитрий Дмитриевич. — Вас повысили в звании. Поздравляю!

— Да, представьте себе, понизили в должности и повысили в звании. Выходит, тут у вас ответственнее участок… Но если бы я не знал вас, Дмитрий Дмитриевич, то счел бы ваше поздравление…

— Подхалимством, знаю, — опередил Плетнев. — Но ведь и я вас не впервые вижу.

— Признаться, я думал, вы, Дмитрий Дмитриевич, где-нибудь на передовой. Что это вас многовато собралось в отделе? — разом согнал он с лиц улыбки. — Обстановка вроде неподходящая тесниться тут. Я бы желал видеть оперативный состав почаще на переднем крае.

— Пару дней как вернулся… — ответил Плетнев без обиды.

— Постоянно люди выезжают, Анатолий Николаевич, — внес ясность Ярунчиков.

— Тогда другое дело, — шагнул на крыльцо Михеев и, увидев среди расступившихся сотрудников Ништу с перевязанной головой, подал ему руку, говоря: — Знаю уже, Петр Лукич, потому и хочу почествовать вас. Страшно было в рукопашной-то сойтись? Вам, наверное, не обязательно было в драку лезть?

— Не-ет!.. А как же?! Когда ближний бой пошел, какие могут быть другие дела? Боязно, конечно, поначалу, а потом такое заварилось, что не до страха…

— Рожи-то фашистские запомнили?

— Где там… Только одну… Отсекал подбегавших, — невольно вскинулась у Ништы рука, будто держал в ней

пистолет, — сбоку вывернулся длинноносый, с разбитым глазом фриц. Уложил бы я его, да патроны в обойме кончились. Жесткий, тяжелющий, со звоном, приклад, это я запомнил.

Плетнев живо вставил:

— Это в голове у тебя зазвенело.

Михеев представил чекистам Плесцова и назвал его должность: «старший оперуполномоченный информационной группы особого отдела фронта».

— Чего переглядываетесь, теперь будет такая группа для обобщения материалов о борьбе с подрывной деятельностью врага, — ответил на незаданный вопрос Михеев и отправился смотреть, как расположился отдел.

…На двери кабинета начальника особого отдела висела табличка — «Директор школы». Да и в самом кабинете многое напоминало прежнего хозяина: глобус и свернутые карты на шкафу, через застекленную дверцу которого виднелись аккуратно сложенные классные журналы; за шкафом, из уголка выглядывало зачехленное пионерское знамя с блестящим острым наконечником; на стене грамоты в рамках, красные вымпелы, а над ними — портрет писателя-педагога Антона Макаренко. На столе под стеклом Михеев увидел расписание экзаменов, обратил внимание на четкие подписи директора и завуча школы и немного помедлил садиться, словно сочтя неловким занимать чужое место.

— Ну что же, Никита Алексеевич, докладывай чекистскую обстановку, каковы последние результаты, — предложил Михеев Ярунчикову, садясь за стол и поправляя на нем стекло.

— Я справку подготовил, — достал из сейфа лист с машинописным текстом Ярунчиков и положил его перед начальником отдела. — Обстановка, в общем, такая… Абвер активно забрасывает агентуру с разноцелевыми заданиями. Интерес, понятно, ко всему: дислокации частей, штабов, вплоть до фамилий командиров, пополнению, вооружению, настроению как военных, так и населения. За последнее время они усилили пораженческую агитацию. По-прежнему у них под особым вниманием наша связь.

— Конкретно?

— Нарушают проводную связь. Зафиксировано множество случаев во всех армиях. Видно, десятки агентов нацелены специально на это.

— Почему же специально? — усомнился Михеев, просматривая оперативную справку. — Любой их человек будет резать связь, попади она ему на глаза… Продолжай, я слушаю.

— Забрасывают воздушные десанты малыми и солидными группами в красноармейской и командирской форме: диверсанты, сигнальщики, особо подготовленные агенты для пропаганды пытаются обрабатывать красноармейцев, распространяют панические слухи, склоняют к измене, к переходу на сторону врага.

— А вербовкой разве не занимаются? Или это особый разговор? — проявил нетерпение Михеев.

— Нет, не особый, — без промедления ответил Ярунчиков. — Случаи вербовки есть во всех армиях, обработчики арестованы.

— Все до единого?.. Или, вернее, только там, где люди не поддались, доложили, а где и схватили врагов сами?

— В основном — да.

— В чем же наша работа? Мы не можем быть уверенными в том, что никто не поддался на вербовку. — Михеев встал и прошелся по комнате. — Нам не позволено работать пожарниками: где дымит, туда бегом.

— Не без этого. Как же иначе? — беспокойно зашевелились густые брови Ярунчикова. — По такой войне, когда кругом пластает, не только к дымку, а к тлеющим головешкам иной раз едва поспеешь. И об уверенности полной трудно толковать, ее быть не должно. Я ответил «в основном — да». Значит, есть разоблачения. Да вот же я в справке указал… Данные по фронту явно занижены. Докладные из особых отделов армий и корпусов приходят не регулярно. Вопросами информации и учета я поручил ведать Кононенко. Очень хорошо, что теперь на этом деле будет специальная группа.

— А кто тебе мешал выделить одного человека? Информационной группы, возможно, и не будет. Плесцов один справится, а при нужде Кононенко поможет.

— Легко сказать — выделить. Людей нехватка. Ведь всем занимаемся: и вопросами отправки боеприпасов, и охраной складов — были случаи кражи оружия и патронов, и переправам внимание уделяем — заторы тут и там. Узнаем — и скорей туда, где дымит, иной раз как пожарники — верно…

— Вижу, Никита Алексеевич, задело тебя это сравнение, — смягчаясь, заговорил Михеев. — Я ведь не на пожарников хулу возвожу и не отрицаю «горящих» ситуаций, но не можем же мы в первую очередь только поспевать за событиями и лишь кое-что подчищать. Наша активность нужна. Продуманная! Похвально, конечно, что оперативные работники отправляются на передовую, участвуют в боях, когда это вызывается необходимостью. Но с какой целью они выезжают в передовые части? Ништа, например?

— От Белозерского трое суток не было сообщений, я был в

неведении, армия отходила на новый рубеж.

— И что же Ништа, привез докладную, и только? — не удовлетворился ответом Михеев.

— Он доставил еще донесение от командарма Кирпоносу.

— Да… — помолчал Анатолий Николаевич и хотел было сказать о том, что сотрудник из аппарата особого отдела фронта должен был получить более ответственное задание — доложить в особом отделе армии обобщенную ориентировку о деятельности вражеской разведки, расспросить или даже просмотреть заслуживающие внимания оперативные дела, оказать конкретную помощь сотрудникам, — но не стал ничего говорить — теперь это его забота, лучше будет сказать на совещании — и, заглянув в представленную справку, поинтересовался: — Что за группа в милицейской форме арестована?

— О-о, этих троих из Проскурова доставили, схватили за день до переезда сюда. В расположении штаба фронта оказались. Расчет прост: у военных патрули проверяют документы, а у милиции нет. В гражданской одежде тоже легче попасться… Забросили их по воздуху. Основное задание получили: установить, куда из Проскурова переедет штаб фронта. Интересовала их система охраны штаба, новые назначения, где живет командование, где питается… Грачев по своим каналам получил ориентировку. Количество заброшенных не было указано, только сообщалось, что в Проскуров и Коростень направлены агенты в милицейской форме. Предупредили начальника горотдела милиции, тот принял меры… И, что интересно, сам начальник наткнулся на одного из троих. Видит, чужой милиционер по всей форме и при оружии, внешне похож на самого настоящего — заезжий мог быть, но решил проверить, догадался двоих красноармейцев на помощь позвать. Ему бы проследить за подозрительным человеком, тем более заранее был предупрежден не об одиночке, а о возможной группе в милицейской форме… Словом, опрометчиво усложнил розыск остальных.

— Но вы же троих задержали. — Михеев карандашом округлил в справке цифру «3». — Важно было начало. Выходит, молодец начальник горотдела. Как ты говоришь, сверхудачно получилось. А то бы и на след не напали.

— Да, но другие двое чуть было не скрылись. Они видели арест дружка своего. Хорошо, что мы немедленно все подняли на ноги. Тех на окраине уже задержали, нацелились бежать из города. При допросе показали, что трое их было.

— Ты Коростень еще упоминал, там задержали кого-нибудь в милицейском? Туда ведь штаб пятой армии переместился, —

напомнил Михеев, выжидающе глядя на Ярунчикова.

— Нет, сообщения не поступало. Белозерский нами ориентирован.

— Напоминать, нажимать надо было. И когда Ништа поехал к Белозерскому, поручить следовало ему разобраться на месте, что у них делается по розыску фальшивых милиционеров. Надо ведь… — расстроенно пристукнул ладонью по столу Михеев. — Наверняка ведь и там орудуют… Сейчас же от моего имени заготовьте престрожайшую шифровку Белозерскому, пусть они тоже все подымут на ноги… Пока еще не поздно.

— Да нет… коли агенты проникли в Коростень, куда только-только перебрался штаб армии, они осядут в городе, — смягчая упрек, заверил Ярунчиков.

— Нашел чем успокоить… Поручи-ка Грачеву составить шифровку, а разговор надо заканчивать, через пятнадцать минут пусть весь оперативный состав соберется в каком-нибудь классе, посоветоваться надо. Через час мне надо быть у командующего.

Ярунчиков вышел, а Михеев снова просмотрел раздел в справке, где говорилось об арестованных за последнюю неделю агентах, содержащихся в особом отделе.

Когда вернулся Ярунчиков, Михеев с иронией спросил:

— Что-то мне глаз режет численное соотношение немецких агентов и паникеров. Паникеров отчетливее видно, что ли? Или специально их копите, не знаете, что с ними делать?

— Под следствием находятся. Надо же разобраться… Передадим в трибунал.

— Доложи мне дела этих шестерых паникеров. Сегодня же… Где содержатся арестованные?

— Здесь, в подвале, — указал на пол Ярунчиков.

— Все гуртом?

— Нет, зачем же…

— Как у вас оказался перебежчик? Он же, надо понимать, на передовой пытался перейти на сторону врага. Там и судить следовало. И вообще, поразворотливее надо завершать дела, время торопит.

Ярунчиков помолчал немного, то ли соглашаясь, то ли обидясь на замечание — лицо его было непроницаемым.

— А что бы вы делали, если бы узнали, — напористым тоном начал он, — что арестованный назвался родственником командующего — фамилия даже совпадает — и что ему якобы дано специальное задание, о котором он может сказать только в штабе фронта… Оперработник, видать, почесал в затылке да и отправил несостоявшегося перебежчика к нам.

— Родственник?! — поразился поначалу Михеев, но сразу же

усомнился в правдоподобности услышанного, отмахнулся. — Однофамилец, конечно. Специальное задание… Чушь какая-то.

— Точно так. Знал, расстреляют перед строем, вот и начал вертеться, врать. После, мол, видно будет, может, забудут в суматохе, или подвернется случай бежать.

— Все это могли на месте выяснить, — не согласился с Ярунчиковым Михеев. Ему уже не хотелось терять времени на разговор об остальных арестованных, потому он закруглился: — Разберитесь сегодня же с этими сигнальщиками, дезертирами, и чтоб завтра же их у нас ни одного не осталось.

Замечание было справедливым, и Ярунчиков промолчал, видя, что Михеев отвлекся, пробуя пальцами землю в цветочных горшочках на подоконнике.

— Отдали бы лучше кому-нибудь цветы. Или поливайте, — вымолвил он между прочим. Потом спросил: — Один часовой возле отдела?

— Двое, с одной и с другой стороны школы, плюс вооруженный вахтер у входа, — для наглядности изобразил руками на столе систему охраны Ярунчиков.

— Штакетный забор метров на пять от здания надо поставить, нельзя так. Здесь голоса слышу из соседней комнаты, — подошел Михеев к Ярунчикову, взял его за плечо. — Не хмурься… Хотя нам с тобой теперь не до деликатности. Пойдем поговорим с людьми.

…Совещание собрали в большом классе, в котором заново расставили нагроможденные у задней стены парты, и теперь сотрудники расселись за ними, как школьники. Быстрым, заинтересованным взглядом окинул Михеев оперативных работников, отметив про себя, что большинство из них ему знакомы, и это удовлетворило его — знал, с кем предстоит трудиться.

— Ну что же, товарищи, начнем первый урок, — басовито и располагающе произнес Михеев, как бы смягчая таким вступлением предстоящий суровый разговор. — Представляться мне, видимо, излишне. Я назначен начальником особого отдела фронта. Товарищ Ярунчиков — заместителем, как и было совсем недавно. Но тогда мы жили в другой, мирной обстановке. Теперь война, тяжелая, жестокая схватка! Поэтому я буду несравнимо много требовать. Прежде всего — престрожайшей дисциплины, четкого исполнения долга, полной отдачи от каждого работника контрразведки фронта, деятельность которых, по моему убеждению, требует лучшей организации и целенаправленности. Воспринимайте мои слова без задетого самолюбия. Обстановка

требует решительных перемен.

Высказав мысли, которые возникли у него при разговоре с Ярунчиковым, Михеев сослался на директиву партии и правительства, потребовал беспощадной борьбы со шпионами, диверсантами, изменниками, дезертирами, паникерами, распространителями провокационных слухов.

— Должен предупредить, — продолжал Михеев, — каждый сотрудник особого отдела фронта, оказавшись в районе сложной, критической боевой обстановки, обязан разобраться в ситуации и принять самое активное участие в оборонительной борьбе. Уклонение от участия в боях будет считаться дезертирством. Очень верно на этот счет ответил мне давеча оперуполномоченный Ништа.

— Старший… — подсказал Ярунчиков.

— Извиняюсь, старший оперуполномоченный Ништа, — поправился Михеев. — Я поинтересовался, была ли необходимость лезть ему в рукопашную на улице города Малина. И Петр Лукич достойно ответил: «А как же?! Такая рукопашная рядом разгорелась, какие еще могут быть другие дела?» Вот именно — никаких! Положение на фронте с каждым днем осложняется. На передовой мы должны чаще находиться, там, где особо опасно. Все это уяснили?

Чекисты понимали, но не совсем так, как это замыслил Михеев. Он решил создать оперативные группы из чекистов и направить их на самые горячие участки фронта.

— Завтра с одной из групп я еду в двадцать шестую армию. Других с мандатами Военного совета фронта направим на коммуникации, пусть энергично продвигают эшелоны с людьми, транспорт с боеприпасами на передовые позиции, поддерживают порядок на переправах через Днепр. Имейте в виду, сотрудник особого отдела фронта обязан дать свежую исчерпывающую ориентировку своим коллегам на местах о деятельности вражеской разведки, быть инспектирующим представителем, способным разобраться в оперативных делах, оказать помощь, а также добыть информацию для своего руководства о состоянии дел в том или другом особом отделе. Снова напоминаю, теснее взаимодействуйте с политработниками. Они все время с людьми, информируйте их о методах вражеской разведки, пусть нацеливают бойцов на бдительность. И особо хочу предостеречь о недопустимости малейшего превышения прав, законности, не говоря уж о проявлении гонора, бестактности. Я престрожайше буду за это взыскивать, иначе не умею, вы знаете. И постарайтесь все это потолковее разъяснить сотрудникам на местах. Вопросы есть?

Поднялся Деревянко.

— Все ясно, товарищ комиссар. Но возник практический вопрос.

— У нас теоретических теперь не бывает, — живо поправил внимательно наблюдавший за сотрудниками Ярунчиков.

— Подчеркнуть не мешает… — смущенно кашлянул Деревянко и продолжал: — На дорогах, особенно на переправах, где присматривает комендатура, встречаются военные-одиночки, можно сказать, бродячие: отбились от части. Одни — по своей вине, другие, как объясняют, по уважительной причине.

— Что же это за причины? — спросил Михеев. — Документы должны быть.

— Один утверждает, сопровождал раненого командира, другой — посылали с донесением, третий — выходил на линию исправлять связь, а батальон перебросили. В том-то и дело, что оправдательных документов нет, да и порой логично: откуда им взяться?

Михеев слушал нетерпеливо.

— Этим вопросом комендатура должна заниматься. Выявят дезертиров, тогда пусть нам или сразу в прокуратуру передают. Остальных, кто самостоятельно догоняет свою часть, пусть направляют в маршевые роты… Подобные вопросы надо решать в рабочем порядке. Мне пора идти представляться командующему… Добавлю только, работа наша должна вестись круглосуточно. Особому отделу будет придана рота пограничного полка. Оперативные группы при выездах усилим красноармейцами…

Ярунчиков заметил душевное расположение, доверие сотрудников к Михееву; обоюдной уважительностью была проникнута вся атмосфера совещания.

— Задачи, думаю, ясны, — заканчивал Михеев. — Прошу без обид отнестись к перестановкам, которые будут сделаны в отделениях. Меня, как видите, тоже направили с понижением, — хитровато улыбнулся он. Хотел что-то еще сказать, но тут пришел дежурный по отделу и доложил, что из Винницы по спецсвязи звонит старший батальонный комиссар Пригода.

— Как ты туда попал? — обрадованно и удивленно спросил Михеев в трубку.

— Отбираю людей для выполнения спецзадания на оккупированной территории. Сегодня же обратно вернусь, в армию. Вот воспользовался возможностью поговорить с вами из кабинета начальника управления.

Михеев ощутил облегчение от спокойно сказанных Пригодой слов «вернусь в армию», вселивших в него надежду, что

положение 6-й армии улучшается, да и сам факт выезда Михаила Степановича в Винницу давал пищу для размышлений.

— Какая обстановка у вас на фронте, что в особом отделе? — спросил Михеев все же с тревогой.

— Неделю под Бердичевом стояли крепко, противник потери нес тяжелые, всю его танковую группу втянули в бои.

— Даже контратаковали и отбрасывали кое-где врага? — спросил Анатолий Николаевич, хотя и знал, что заметные боевые удачи 6-й армии позади.

— Теснили, теперь нечем… Препятствуем обходу врагом нашего фланга. Занимаемся разведкой сил и средств противника. Но и абвер много знает о частях и соединениях нашего фронта.

— Чем они прежде всего интересуются?

— Новыми формированиями, вооружением, эвакуации ей промышленных объектов, настроением войск и мирного населения.

— Большой у вас отрыв от нашего фронта?

— До шестидесяти километров. Как будто уже решен вопрос передачи нас Южному фронту. Так ли это?

— Не знаю, я только сегодня приехал… Найдешь возможность, пришли обстоятельное донесение. Постарайся доставить. Я надеюсь на тебя.

— Ясно, товарищ комиссар, — сделал паузу Михаил Степанович и доложил то главное, ради чего звонил: — Особый отдел раздобыл надежные данные о том, что вражеское командование силами одиннадцатой немецкой и третьей румынской армий готовится прорвать оборону Южного фронта, а это реальная угроза левому флангу Юго-Западного фронта.

— Понял. Сейчас же доложу командующему, к нему иду… Ну а сам как себя чувствуешь, опыт финской пригодился?

— Нормально, Анатолий Николаевич. Что финская, тут за неделю опыт получили. Не растеряемся и не оплошаем.

— В этом я уверен, — закончил разговор Михеев.

Глава 21

Штаб фронта находился неподалеку от особого отдела в двухэтажном доме, возле торца которого лежали штабеля досок, груды кирпича, бумажных кулей — должно быть, затевали ремонт — и бросили. Анатолий Николаевич не стал обходить дом, пошел, чертыхаясь, через свалку, и когда они с Ярунчиковым вошли в приемную командующего, вид у них был такой, будто притопали они издалека по пыльной и ухабистой дороге.

…Кирпонос сидел за столом, повернувшись к генералу Астахову, командующему авиацией фронта, который хмуро докладывал:

— Эскадрилью истребителей я еще направлю подо Львов. Больше для прикрытия шестой армии у меня ничего нет.

Присутствующий здесь же начальник штаба генерал-лейтенант Пуркаев спросил:

— Авиационный полк из Днепропетровска прибыл?

— К рассвету должен быть, — ответил Астахов.

В кабинет вошли Михеев с Ярунчиковым. Анатолий Николаевич представился командующему.

— Пожалуйста, проходите, садитесь. Как добрались? — поинтересовался Кирпонос, скользнув взглядом по серым от цементной пыли сапогам Михеева.

— С малой задержкой.

— Обстановку знаете? — подал он новому начальнику особого отдела фронта руку.

— В общем — да.

— Конкретно Максим Алексеевич Пуркаев познакомит. — Кирпонос снова повернулся к Астахову, продолжая прерванный разговор: — Сразу доложите о прибытии полка из Днепропетровска, сколько в нем машин, боеспособность. Возьмите под контроль запасные аэродромы. Фронт скоро будет отходить.

Астахов ушел.

Михеев доложил свои соображения насчет тех дел, которые собирался осуществить немедленно, прежде всего о создании оперативных групп из чекистов для направления на самые трудные участки фронта. И сообщил свежую новость:

— Мне только что доложил заместитель начальника особого отдела шестой армии о том, что они располагают достоверными данными: противник силами одиннадцатой немецкой и третьей румынской армий готовится прорвать оборону Южного фронта, а это опасная угроза нашему левому флангу.

Кирпонос вопросительно посмотрел на Пуркаева.

— Этого мы ожидали, — сказал начальник штаба. — Положение шестой армии без того критическое. Возникает угроза окружения.

— Дайте срочное задание выяснить обстановку, В любом случае мехкорпус Фекленко перебросьте на левый фланг, к шестой армии. Медлить нельзя, — сказал Кирпонос.

Одобрительно отозвавшись об энергичном вступлении в должность нового руководителя контрразведки фронта, Кирпонос деликатно заметил:

— Сожалею, что до сегодняшнего дня недостаточно использовал возможности особого отдела. Признаюсь, подсказки не было.

Ярунчиков воспринял это как упрек в свой адрес, но не подал виду.

— А коли так, — продолжал командующий, — вы должны решить одну очень важную задачу. У нас плохо обстоит дело с глубокой разведкой. Ею, понятно, занимается разведотдел фронта. Но ни один из посланных не вернулся. А знать, что творится в тылу, в прифронтовой полосе противника, нам жизненно необходимо. Хорошо бы создать во вражеском тылу и на его коммуникациях постоянно действующую сеть разведчиков для регулярной информации.

— Понятно. — Михеев повернулся к Ярунчикову: — Надо поручить этот вопрос отделению Грачева. — Он снова обратился к Кирпоносу: — Отделение занимается вражескими разведывательными и контрразведывательными органами.

В этот момент появился член Военного совета фронта дивизионный комиссар Бурмистенко.

Он пожал руку Михееву запросто, как старому знакомому.

— Значит, опять вместе. Ты у себя в отделе, конечно, вошел в курс дела, — взглядом извинился Бурмистенко перед Кирпоносом за прерванный разговор, задав неожиданный вопрос: — Особисты принимают участие в создании партизанских баз?

Михееву нечего было ответить члену Военного совета, ибо Ярунчиков пока еще не успел ему ничего доложить.

— Что у нас?.. — попросил он ответить вместо себя Никиту Алексеевича.

— Пока ничего… — развел руками Ярунчиков. — Этим, видимо, территориальные органы НКВД занимаются.

— Партийные органы! — поправил Михеев. — Разумеется, не без территориальных чекистских органов и особых отделов.

— Займитесь этим в меру своих возможностей, — счел вопрос исчерпанным Бурмистенко. — Посоветуйтесь в ЦК и НКВД

Украины. Странно, почему они обошли вас.

— Вполне понятно, мы только что перешли в подчинение НКВД, потому и оказались в стороне от этого дела, — пояснил Михеев.

— Свяжитесь, напомните о себе, — подсказал Бурмистенко. — И в передовых частях надо обязательно побывать.

— Завтра на рассвете с одной из опергрупп еду в двадцать шестую армию, на левый фланг.

— Конкретная цель? — спросил Бурмистенко.

— Надо ознакомиться с работой особых отделов соединений, поговорить с сотрудниками, нацелить их и самому ума набраться. Ну и что еще обстановка подскажет.

— По обстановке и действуйте, — одобрил Бурмистенко. — Необходимо вмешиваться там, где увидите неорганизованность в обороне.

— Особенно на стыках частей, — вставил Кирпонос, разминая папиросу.

— Замечайте нерасторопность в переброске частей и подразделений, не упустите вопросы связи, снабжения, переправ, — наставительно продолжал Бурмистенко, потом обратился к Кирпоносу: — Я думаю, товарищу Михееву надо выдать мандат Военного совета фронта, чтобы он имел соответствующие права.

— Не возражаю, — согласился Кирпонос и кивнул Михееву: мол, действуйте, надеюсь на вас.

— Только под пули зазря не лезьте, — серьезно предупредил Бурмистенко. — Помните, что Чапаев говорил: «Она-то, дура, не разбирает, а ты соображать должен».

Кирпонос раскурил папиросу и, как бы уточняя задание, сказал:

— Ехать надо сегодня, сейчас же, и не южнее Киева, а севернее, в пятую армию генерала Горбаня, под Коростень.

— Ясно! — принял строевую стойку Михеев.

— У них разрыв на стыке с шестой армией растет. Противник усиливает удары на Коростень, а Горбань только отошел со своими частями на новые рубежи. На левом фланге у него мало сил, могут не устоять — второго эшелона нет… Тогда возникнет угроза Киевскому укрепрайону. Туда срочно перебрасываем стрелковую дивизию, она уже на марше. Но подойдет не раньше чем через сутки. Необходимо принять все меры для обеспечения заслона, перебросить силы с неатакованных участков, использовать ополченцев, тыловые подразделения… В районе станции Белка на рассвете прорвался враг. Горбань выехал туда. Встретитесь с ним, примите необходимое участие в делах армии.

Повторяю, помощь подойдет, но сутки надо продержаться!

— А в двадцать шестую армию пошли другую опергруппу, там получше ситуация, — порекомендовал Бурмистенко и подал руку. — Удачи, земляк!

Кирпонос удивился:

— Он же северянин, какой вам земляк?

— Жил в Саратове, на моей родине, — с улыбкой пояснил Бурмистенко.

Легкая улыбка скользнула и по лицу командующего.

— Выходит, теперь и я ваш земляк, — заинтересовал он собеседников. — Семья-то моя эвакуировалась в Саратов.

— И я оттуда, — вырвалось у Ярунчикова. — Служил и летал над заволжской степью.

Что-то вспомнив, Михеев потянулся рукой к нагрудному карману, пощупал его, а когда вышел с Ярунчиковым от командующего, достал листок календаря с адресом и подал Никите Алексеевичу.

— Перед отъездом говорил с Верой Георгиевной. Привет и поцелуи тебе… Сказала, в Энгельс едет. Там родственники какие-то у тебя?

— Знакомые хорошие. Мы же в этом доме на Транспортной улице года четыре жили, когда я инструктором в школе пилотов работал. Это перед академией…

— Я сейчас уеду, — перешел на деловой тон Михеев. — Давай с Грачевым обмозгуй насчет подбора кандидатур для глубокой разведки в тылу врага. Пусть он сегодня же отправится в Киев, отберет в горкоме комсомола надежных ребят, подготовим их для заброски под руководством опытного чекиста… Я бы Стышко на это дело поставил. И еще бы двоих оперработников ему в помощь. Рацию дадим, будет ежедневная информация. И пополнение можно будет послать, когда осядут.

Ярунчиков согласился и спросил:

— Грачеву для этой работы выделить сотрудника?

— Подключи Ништу… В Киеве пойду в ЦК партии, согласую насчет нашего участия в закладке партизанских баз. Это беру на себя. Опергруппой в двадцать шестой армии займись сам, старшим пошли Стышко. Со мной поедут Плесцов, Кононенко, и, пожалуй, еще Плетнева захвачу, с ним не пропадешь.

— С ним-то как раз в заварушку легче угодить, — заботливо предостерег Ярунчиков.

— Ну и что?.. — покосился на своего заместителя Анатолий Николаевич. — Я же говорю, с ним не пропадешь.

* * *

Легковая машина и крытый грузовик стремительно проскочили мост через Днепр и устремились к северо-западной окраине Киева. На улицах строились баррикады. Высокими ярусами громоздились мешки с песком. Оглядывая сооружения профессиональным взглядом инженера, Михеев остался доволен ими.

«Бороться за каждый дом…» — мелькнули неровные крупные буквы на заборе.

Сразу за городом увидели оборонительные сооружения. Неоглядной дугой строился противотанковый ров, различимый по пестрой людской веренице — мелькали белые рубашки, цветные косынки.

— И не бомбят… — удивился Михеев. — Других забот, наверное, хватает.

— Из пулеметов каждый день косит, — воспользовался возможностью показать свою осведомленность Кононенко. — Нам просто повезло.

Все вокруг было спокойно, жгло солнце, пылила из-под колес машин дорога. И вдруг людская вереница вдоль рва моментально растеклась по невидимым издали укрытиям. Встали и мигом опустели встречные машины, повозки.

— Воздух! — запоздало вырвалось у Кононенко; шофер уже свернул в жиденькую кукурузу, она трещала и ширкала под кузовом, и машина дергалась рывками, словно старалась посильнее примять толстые стебли.

Укрылись под деревьями. Сюда прибежали от грузовика — он остался возле дороги — Плесцов и Плетнев.

— Облюбовали, со стороны солнца заходят! — сказал Иван Михайлович, следя за двумя «мессершмиттами».

Вражеские самолеты пронеслись вдоль рва, сыпали и сыпали бомбы, которые рвались одна за другой, самую малость не успевая накрыть быстро скользящие по земле тени самолетов, и летчики как будто злились на это, яростно строчили из пулеметов.

Михеев с Плесцовым впервые видели бомбежку и глядели на происходящее с обостренным вниманием, успевая сразу схватывать и самолеты, и дрожащие пучки пулеметного огня, и падающие бомбы, и разрывы на высокой насыпи противотанкового рва.

Подали голос наши крупнокалиберные пулеметы. Михеев узнал их по гулкому стуку. Пулеметы находились в стороне, на востоке, и самолеты, разворачиваясь, набирали высоту, уходя на северо-запад.

— Маловато зенитного огня, — только и сказал Михеев,

направляясь не к машине, а на дорогу.

Навстречу им поднялись из кювета женщины с лопатами. Усталые, запыленные, они внимательно и как будто с недоумением разглядывали молодого начальника с ромбами в петлицах. Крепко затянутый портупеей, Михеев выглядел молодцеватым строевым командиром. И тут к женщинам энергично подошел Плетнев.

— Римма?! Здравствуйте! — подал он руку смуглой, черноглазой красавице. — Каким ветром вы здесь? Не ожидал. Очень рад встрече. Очень, понимаете?

Молодую женщину растрогали эти слова, она не сразу нашлась с ответом, оглядела остальных, будто ища кого-то, наверное Василия Макаровича Стышко.

— После того… а как же, на окопы пошла. Тут на душе легче, — вскинула она лопату на плечо.

— И правильно сделали. А как муж, где он? — поинтересовался Дмитрий Дмитриевич, сразу почувствовав никчемность вопроса.

— Не знаю. Подо Львовом был…

Уже в машине Михеев поинтересовался:

— Что за приятная особа? Что-то ты шибко обрадовался.

— А вы все знаете о ней, Анатолий Николаевич. Это же Римма Савельева, с «Выдвиженцами» была связана…

— Да ну?.. — изумился Михеев, обернувшись к заднему стеклу кабины.

…До Коростеня было недалеко. Машина мчалась быстро, а Михеев все подгонял шофера. За Коростенем, на хуторе — временном командном пункте 5-й армии, оперативная группа снова угодила под бомбежку. Отсиделись в траншее. Начальник оперативного отдела штаба полковник Сгибнев познакомил Михеева с обстановкой. Для Анатолия Николаевича не было новостью, что враг потеснил наши части между Белкой и Турчинкой, а вот то, что стойко удерживают рубеж поредевшие пограничные полки, порадовало.

— Контратакуют фашисты, заметьте, усилили бомбежку, артподготовку, сейчас танки попрут. А слева и дальше позади — ни одного штыка…

— Генерал Горбань где? — спросил Михеев.

— Туда выехал, — кивнул в сторону передовой полковник. — Генерал Кирпонос приказал ему лично восстановить положение. А начальник штаба выехал в район Турчинки…

— Тогда принимайте меры вы, надо же немедленно что-то делать, — строго глянул Михеев на полковника, ожидая, что тот

выскажет свои соображения.

— Чем же прикрыть-то?.. Нечем, — усталым доверительным голосом произнес полковник, стараясь, чтобы его не услышали находившиеся неподалеку красноармейцы.

Михеев не ожидал такого безнадежного ответа, порывисто произнес:

— Да ведь танки врага могут вырваться на оперативный простор… Допустить этого нельзя!

— Попробую связаться с командармом. Разыскать его еще надо, — направился к штабному домику полковник, поясняя: — Он ведь на одном месте не задержится…

— Тогда нечего терять времени, вы здесь старший, давайте принимать решение. Генералу Горбаню доложим… Командующий фронтом приказал вам принять все возможные меры для прикрытия оголенных участков, вплоть до боевого использования тыловых подразделений. Для того он и послал меня сюда. Сутки надо продержаться, завтра подойдет помощь.

Полковник остановился, устало и решительно взглянул на Михеева.

— Тогда давайте решать, коли вам такие права даны… Ополченцы в десяти километрах севернее стоят, саперный батальон, рота связи, тыловые подразделения, — вслух перечислял Сгибнев, посматривая вокруг, будто бы так ему было легче обнаружить резервы.

— Сделаем вот что, — принял решение Михеев, чтобы не терять времени. — Оставляю в ваше распоряжение до завтрашнего дня расторопного, толкового чекиста, вы в свою очередь выделите необходимое число командиров и поставьте перед ними конкретные задачи, кому куда отправиться, грузовики, думаю, найдутся, укажите участки для занятия обороны. Позаботьтесь о боеприпасах. Противотанкового оружия сюда бы подбросить немного… Да вы лучше меня знаете, что надо. Помните, Кирпонос твердо обещал, подмога завтра будет.

— Понятно… — заторопился Сгибнев. — Боезапас доставим. Но противотанковые средства перебросить без разрешения командарма не могу. Постараюсь связаться с ним.

— Поторопитесь. Я в свою очередь все доложу командарму, к нему еду, разыщу. — Михеев повернулся к Плетневу, приказал: — Ситуация понятна вам, все слышали? Берите пятерых красноармейцев, садитесь на грузовик и постарайтесь объехать все тылы. Полковник Сгибнев поставит вам конкретную задачу. Обеспечьте прикрытие, по обстановке ориентируйтесь. Как только завтра подойдет подкрепление, возвращайтесь в отдел.

— Есть, товарищ комиссар, — козырнул Дмитрий

Дмитриевич, сверкнув глазами и как бы подтверждая: задание мне по душе и выполню его со всей строгой ответственностью.

Михеев снова обратился к полковнику:

— Если с командармом не удастся связаться, начальника штаба разыщите. Любого из них… Они побыстрее выкроят заслон. А пока — действуйте, — пожал полковнику руку Михеев и заспешил в сторону переднего края, где, по его расчетам, мог находиться Горбань. И тут Анатолия Николаевича нагнал запыхавшийся начальник особого отдела армии капитан госбезопасности Белозерский, в недавнем прошлом руководящий работник НКВД Украины. Анатолий Николаевич видел его впервые, но слышал о нем похвальные отзывы как о толковом чекисте и смелом человеке.

Выглядел Белозерский по-боевому: в каске, с автоматом на груди, с пистолетом на правом боку и потертой гранатной сумкой — на левом, скособочившей ремень на животе. Продолговатое небритое лицо капитана выглядело усталым, но он силился смотреть бодрее.

«Эмка» и полуторка рванулись к передовой. Машины то взлетали на косогор, то петляли по хлебному полю, то подпрыгивали на корневищах лесной просеки.

Докладывая обстановку, Белозерский как о самом значительном сообщил:

— Всю неделю армия контратаковала противника. Непрерывно, заметьте. Фашисты бояться стали, это я объективно докладываю, так сказать, из первоисточников. Мешок фрицевских писем захватили.

Михеев перебил вопросом:

— Какие оперативные результаты?

— Задержано несколько вражеских агентов в красноармейской и милицейской форме, вели разведку и пораженческую агитацию. Дезертиры есть…

— Агентуру в милицейской форме арестовали… Где?

— В Коростене вчера двоих взяли.

— Ну хорошо, — удовлетворился Михеев. — Случаи перехода к врагу зарегистрированы?

— Есть единичные.

— Куда смотрел оперработник? Какие выводы сделали? — почерствел голос комиссара.

— Погиб оперуполномоченный.

— По-гиб… — тихо, будто не поверив, повторил Михеев, приумолкнув. И немного погодя, меняя тему разговора, спросил: — Вам что-нибудь известно о закладке партизанских баз?

— Да. На прошлой неделе из Киева приезжал мой бывший подчиненный. Выбрали места для закладки оружия, боеприпасов. Ящиками патронов их снабдили.

— И все?

— Людьми они сами занимаются. Больше не обращались.

— Вы повнимательней отнеситесь к этой работе. Она преогромной важности. Мы не можем оставаться в стороне.

— Возможности-то у нас не ахти какие.

— Какие есть. Особисты каждой армии нашего фронта должны оставить тайники с оружием в надежных местах, координаты закладок направить лично мне, передадим кому следует.

— Это другое дело.

— Займитесь лично, но чтобы об этом знал узкий круг людей, даже среди чекистов. Распоряжение я дам, как только вернусь к себе.

Белозерский заверил:

— У себя я все сделаю завтра же. А то, может, потом и не удастся.

Искоса бросив взгляд на Белозерского, Михеев спросил:

— Большие потери оперативных работников?

— Трое погибли, есть раненые… А сколько, точно даже и не скажу, легкораненые в строю остаются.

— Заместителя, слышал, тяжело контузило?

— Да, эвакуировали.

— Чего же не просите замену?

— Разучились просить.

— И напрасно. От вас нерегулярно стала поступать оперативная информация.

— Запарился я с этим прорывом.

— Тем более, значит, обстановка требует четких, немедленных докладов. Рядом с вами в машине сидит товарищ, который занимается вопросами информации. Я бы не хотел, чтобы старший лейтенант госбезопасности Плесков жаловался мне, что от вас своевременно не поступает сводок.

Белозерский взглянул на Ивана Михайловича и кивнул ему, то ли обещая не подводить, то ли радуясь знакомству с ним.

…Дома на станции Белка сильно пострадали от бомбежек и артиллерийского обстрела, некоторые из них еще дымились. Пожар не тушили, может быть, даже с умыслом: клубы дыма маскировали скрытые за разбитыми хатами орудия, танки, а возле них — бойцов.

Оставив на краю села машину, Михеев быстро направился к танкистам. Он шел со свитой, за ним поспешали чекисты —

Плесцов, Белозерский, Кононенко, все со знаками различия старшего командного состава, и около десятка красноармейцев.

Вопросительно глядя, навстречу Михееву вышел смуглолицый горбоносый полковник-танкист, приложил руку с забинтованной ладонью к шлему и вдруг заулыбался широко, радостно.

— Анатолий Николаевич! — выдохнул он. — Извините, товарищ корпусной комиссар! Да откуда же вы? Мы вот только с Герасимом Федоровичем вспоминали вас. Генерал говорит, вы в Москве…

— Здравствуйте, Иван Иваныч! — подал руку Михеев. — Как видите, я тоже на Юго-Западном. И не корпусной, а комиссар госбезопасности третьего ранга.

Он узнал полковника лишь после того, как тот упомянул имя генерала Туркова, и живо припомнил, где они встречались — на даче Герасима Федоровича.

— Генерал Турков здесь? — заинтересовался Михеев.

Иван Иванович в ответ на ходу махнул рукой, указывая на юго-запад, и мигом исчез в люке танка, за башней которого, как оленьи рога, торчал корявый дубовый сук — остаток ненужной теперь маскировки.

Михеев разделил чекистов и красноармейцев на три группы.

— Кононенко! Пойдете на рубеж Турчинки. Вы, Белозерский, на правый фланг. А я с Плесцовым буду где-то между вами в пограничном полку. Надо срочно разыскать командарма Горбаня. Как узнаете, где он, немедленно любыми путями доложите мне, я сообщу, где буду находиться. Действуйте по обстановке. С командирами посоветуйтесь, так и скажите: чем смогу — помогу… Ну, давайте!..

И пошел с Плесцовым к широкой, заросшей кустарником балке, чтобы скрытно направиться к передовой, по которой нещадно била вражеская артиллерия. Чем дальше, тем больше прибавлял шагу Михеев, словно чувствуя по артобстрелу, что может не поспеть к чему-то очень важному. И вдруг замедлил шаг, увидя пустующие окопы со следами недавнего боя, глянул на убитых красноармейцев — они лежали за поваленными рядами колючей проволоки возле не подобранного еще оружия, нацеленного в сторону противника, и Анатолий Николаевич понял, что бойцы шли в атаку, должно быть, совсем недавно: свежо темнела бурая кровь.

Командный пункт пограничного полка, в расположении которого они оказались, находился на крутом, с выгрызенными боками холме — до войны тут добывали светло-желтый, как пшенная каша, песок. Уцелел лишь пологий склон, по которому

легче всего можно было попасть наверх; он зарос терновником, таким цепким и колючим, что Михеев даже выругался, пробираясь через заросли.

Отсюда хорошо была видна окрестность. Редкий кустарник позволял наблюдать за противником полулежа, не таясь, и Михеев, познакомясь с командиром полка майором Штыхно, стал внимательно рассматривать вражеские позиции.

Гитлеровцы окопались метрах в трехстах. На ничейной полосе недвижимо, с беспомощно повернутыми в разные стороны пушками, стояли два наших танка. Из-под башни дальнего танка попыхивал легкий дымок.

Вдалеке, у сереющей полосы реки, Анатолий Николаевич увидел вражеские танки. Они шли, расходясь, и по клубам пыли отчетливо угадывался их маневр для атаки. Михеев придвинулся к командиру полка, не выпускающему из рук трубки полевого телефона, и, немного помедля с разговором, оглядел майора — худого, с тонкой перевязанной шеей. Тот повернулся, и Михеев спросил:

— Командующий армией не был у вас? Где-то здесь должен находиться.

— Был тут пятьдесят минут назад, — посмотрел на часы майор и указал рукой в сторону правого фланга: — Туда отправился, сказал, в соседний полк и к танкистам генерала Туркова.

— Очень хорошо, найду… — удовлетворился Михеев тем, что Белозерский, наверное, уже возле командарма и можно быть спокойным за обеспечение его безопасности. — Скажите только, что у вас против танков?

— Полк по штату, батальон в наличии, — указал тот телефонной трубкой на позиции. — Гранаты, понятно, бутылки… на пушки есть надёжа.

Еще яростнее ударили с той стороны пушки. Враг пристреливался к передовой, снаряды ложились впереди траншей, с перелетом свистели над холмами.

Успев про себя оценить неуязвимость командного пункта, Михеев бегло оглядел свои окопы, кинул взгляд на вражеские танки, снова на окопы, будто бы спешно выбирал себе место среди тех бойцов, для которых особенно трудно мог сложиться бой.

— Давайте туда, — указал он Плесцову на окопы по правую сторону холма и расторопно двинулся к склону, стремясь успеть проскочить участок, куда нацелились вражеские танки.

А командир полка, подняв с земли каску, бросился за Михеевым.

— Возьмите, товарищ комиссар, сгодится… — настойчиво, привычным командирским тоном предложил майор.

Михеев машинально протянул руку, но, увидя майора без каски, отмахнулся, бросив:

— Вам она нужнее…

— Да у меня их под боком… — втиснул каску в руку Михеева майор и вдруг спросил: — Стоит ли вам туда-то?

— Вы что? — изумленно вспыхнули глаза Михеева. — За кого вы меня принимаете? А за каску спасибо, майор Штыхно! Только и вы ею не пренебрегайте.

В неглубоких, наспех вырытых траншеях лишь кое-где можно было пройти во весь рост. Без привычки и забываясь, Михеев неосторожно распрямлялся на быстром ходу, и тогда Плесцов, сам маявшийся в траншее из-за высокого роста, бесцеремонно осаживал начальника за плечо, произнося: «Срежет!»

Не противясь, Анатолий Николаевич где перебежкой, где боком обходил цепочку редко стоящих, готовых к бою красноармейцев и все стремился к отдаленным высоткам, на одной из которых, по его предположению, должен был находиться командарм Горбань.

Но пришлось остановиться — траншея кончилась, а соседняя начиналась за дорогой, перебегать к которой стало уже крайне рискованно: к окопам, гулко ухая пушками и звонко стуча пулеметами, неслись вражеские танки.

Воротившись немного назад, Михеев облюбовал себе свободную ячейку возле сержанта с медалью «За отвагу» на груди, руками пощупал бруствер, как будто по-инженерному в точности хотел определить его надежность.

Плесцову место не понравилось: голый, открытый пустырь с бугорушками позади, подсказывающими, что оборону тут занимали без расчета на отход.

Молчаливую решимость перед боем и вместе с тем любопытство к себе заметил Михеев во взглядах бойцов, среди которых он оказался. Они, должно быть, никогда не видели военного с тремя ромбами в петлицах. Анатолий Николаевич, далеко не равнодушно следя за мчащимися в атаку машинами, захотел быть таким же уверенным, как они — фронтовики.

— Горит! — закричал справа сержант с медалью.

Дымящий танк повернул назад, чуть было не наскочил на встречный — и встал… А за остальными уже появилась пехота. Она кучно жалась позади машин, еле поспевая за ними.

— По танкам!.. — раскатисто крикнул лейтенант. — Гранатами!..

Прямо на Михеева шла мощнолобая махина с торчащим

стволом пушки, который от тряски ходил вверх и вниз, словно бы выбирал момент послать снаряд именно в него, а из-под орудия визгливо тараторил пулемет.

«Головы не высунуть… — подумал Анатолий Николаевич, пригнувшись в окопе. — Хорошо, что догадался надеть каску». Он на мгновение снова выглянул из окопа, достал маузер, переложил его в левую руку, а в правой зажал связку гранат — ими поделился сосед — сержант.

Слева, справа грохнули разрывы гранат, рвануло впереди — это сосед Михеева швырнул связку и моментально схватил вторую…

Танк надвигался. Анатолий Николаевич уже почти распрямился в рывке, но в последнее мгновение отшатнулся, присел. В тот же момент его оглушил металлический тяжелый взрыв, на голову рухнули комья земли. Он успел заметить, что лейтенант опередил его и бросил под танк свою связку.

— Откинул хобот, — пошутил сержант, прилаживая на бруствере винтовку.

По танку метались языки пламени — угостили вдобавок бутылкой с горючей жидкостью, он стоял боком, с виду мертвый и все еще устрашающий.

— Сейчас фрицы, коли живы, начнут выскакивать. Поосторожней, смотрите, — предупредил Михеева красноармеец.

Близко стоящий подбитый танк загородил обзор довольно широкого участка, и Михеев продвинулся по окопу вправо, остановился, положил связку гранат в нишу, продолжая наблюдать за тремя вражескими машинами, которые прорвались через передовую и теперь неслись в обход холма.

— С тыла заходят, — понял Анатолий Николаевич и всерьез встревожился за левый фланг. Но размышлять было некогда: надвигался второй эшелон танков. Снова поднялась вражеская пехота, теперь до нее оставалось не больше полусотни метров. Пальба, разрывы, грохот — все звуки смешались, сбивая с толку.

Михеев видел, как рядом, выронив автомат, повалился красноармеец, неловко подвернув руку за спину. Бросившись к бойцу, Анатолий Николаевич хотел подозвать Плесцова, чтобы тот сделал перевязку, но, приглядевшись, понял, что помощь уже не нужна.

И тогда Михеев схватил автомат, хотел взвести затвор, но тот уже был на боевом взводе, прицелился в орущих гитлеровцев, сильно давя на спусковой крючок, и не сразу догадался, почему нет выстрела — диск был пуст. Бросив автомат, комиссар в злом азарте с левой руки безостановочно разрядил маузер, хорошо видя, что попал… Он мельком оглядел окоп, ища что-нибудь

такое, из чего можно было бы стрелять, но не нашел.

Непонятное произошло на передовой. Вражеская артиллерия примолкла. Это здесь не стало слышно ее работы, она перенесла огонь вглубь. И танки повернули, оставив в смятении брошенную пехоту. Вражеские солдаты залегли, начали отползать.

— Огонь! — кричал лейтенант, стреляя короткими очередями из автомата. — Бей! Не давай уйти!

Справа, на ничейной полосе, начался танковый бой. Он быстро сместился на сторону противника, все руша на своем пути и опаляя огнем… Танки уничтожали друг друга на виду у притихшей пехоты.

Михеев узнал среди дерущихся боевую машину полковника Ивана Ивановича. Корявый сук все еще торчал за его башней. «Молодец!» — хотел крикнуть комиссар знакомому полковнику, сумевшему рассеять вражеские машины. Его мощный КВ ворочая хоботом пушки направо и налево, паля и чуть вздрагивая от выстрела, упорно уходил дальше, мимо горящих танков врага. И тут снова из рощицы подала голос вражеская артиллерия, ударила прямой наводкой. «Рогатый» танк, чуть развернувшись, рванулся напрямую к рощице, с ходу торопливо посылая снаряд за снарядом… И вдруг крутнулся на большой скорости, взметнул пыльную завесу, которая еще не успела осесть, как ее пробило огненное, с языкастой чернотой пламя.

Потрясенно смотрел Михеев на горящую машину. В ней находился человек, которого он знал, совсем недавно говорил с ним, и от сознания этого было тяжелее на душе.

Вражеские танки откатились к реке.

Михеев только теперь заметил, что солнце уже село, над высотками с западной стороны светился алый закат. Смотря на него, Анатолий Николаевич спокойно размышлял о том, что командарм Горбань скорее всего дождался решающего момента танкового боя — врага отбросили, и теперь, наверное, командарм отправился на какой-нибудь другой участок обороны либо в штаб армии. Неожиданно Михеев вспомнил КП полка на косогоре, майора Штыхно с телефонной трубкой в руке… И решил вернуться к нему, связаться по телефону с соседом на правом фланге, чтобы разузнать о Горбане — где он? А то ведь за ним не угонишься.

— Ну и как? — спросил Михеев Плесцова, снимая каску. — У озера Хасан жарче было?

— Как вам сказать… Там за атакой контратака шла, ситуация другая. Да и без танков… Ну а весь день вот так биться, как наши тут сражаются, тут уж не жара, а настоящее пекло получается. И все-таки враг не прошел!

Тут они услышали мнение подошедшего сержанта.

— Кабы не наши танки… — шмыгнул, тот носом, — туго бы пришлось.

— Это само собой, — согласился Анатолий Николаевич и спросил: — Ну а если завтра подкрепления не будет, сомнут?

Сержант ответил не задумываясь:

— Пройдут, коли нас не будет. Гранат, жаль, мало, это еще сегодня лафа, два раза подбрасывали боезапас. Лопатки саперные позарез нужны.

— С едой как?.

— Всяко… И еще бы хоть одно ружьецо противотанковое на взвод. Да хотя бы бутылок с горючкой побольше, неужто и на это добро лимит? И вмоготу пойдет. Пехота ихняя што, особенно если под этим делом, как говорится, во хмелю, ее молоти, сам только башку не подставляй… — Сержант, легонько махнув рукой, продолжил: — Сегодня еще не так, чтобы как в аду… Вчера был настоящий ад, и утречком — наподобие. Но когда вы появились, думаем, зачем-то большое начальство нагрянуло, знать, неспроста… Подкрепление ждали, думали — наступать задумка есть. А вы, значит, на ихние рожи захотели поглядеть, самолично из шпалера вдарить решили.

Михеев выслушал терпеливо, а последнее утверждение даже развеселило его.

— Да нет же, нечаянно у вас застряли, — пооткровенничал он. — Ну а уж если строго говорить, то какой же я начальник особого отдела фронта, если передовой не нюхал.

И все наконец узнали, кто перед ними.

…Вот уж никак не ожидал Михеев, направляясь с Плесцовым в штаб пограничного полка, что встретит Белозерского. Балансируя на крутизне руками, тот быстро спускался с однобокого холма.

— Вы как сюда попали?! Я же велел вам отправляться на правый фланг, к генералу Горбаню, — недовольно вырвалось у Михеева.

— Были там, товарищ комиссар, теперь перебрались сюда. Горбань у майора Штыхно. Послал за вами, — скороговоркой объяснил Белозерский, пропуская вперед Михеева.

— Да ну?.. — удивленно произнес Михеев.

— Я звонил Штыхно, просил вам доложить, где нахожусь, что все в порядке, нашел, кого искал. Да где уж им было сообщать, — идя чуть позади Михеева, рассказывал Белозерский. — Мы видели, как у вас на поле громыхало-горело.

Полуобернувшись, Михеев спросил:

— Не знаете, полковник Сгибнев связался по телефону с Горбанем?

— Успел еще до моего прихода. Я начал было докладывать о слабом участке, командарм остановил, сказал, что в курсе, возможные меры принял. Ругает меня, что возле верчусь. Говорю, обязан безопасность обеспечить, прикрыть в случае чего, вы же на переднем крае. А он мне: «Вы армию от шпионов-диверсантов прикрывайте, а у командарма войско для этого есть. Видите, как бьются…»

— Назойливо вертеться не надо. Обеспечили охрану, своим делом занимайтесь, — без особой охоты поддержал разговор Михеев, заметив группу военных на том месте, где не так давно сам сидел и разговаривал с майором Штыхно. Командира полка Анатолий Николаевич узнал по белой повязке на шее, а рядом с ним разглядел сухопарую, прямую фигуру генерал-майора Горбаня, указывающего рукой в сторону позиций противника.

Закат угасал, но даль еще просматривалась, и было видно, как от реки по краю темнеющего лесочка несся немецкий танк, удаляясь от передовой. Она притихла, как будто ее и не существовало, и только в ближайших к холму траншеях различалось движение бойцов, а дальше, окинь глазом, вроде бы безлюдно.

Михеев узнал генерала Горбаня, хотя виделся с ним всего однажды, зимой у Кирпоноса. У командарма было сухощавое, прокаленное солнцем лицо, глаза смотрели устало, озабоченно, и одновременно была в них та уверенная твердость, когда человек хорошо знает, что делает.

— Во сколько завтра пополнение подойдет и кто конкретно? — пожимая руку Михееву, первым делом спросил Горбань.

Анатолия Николаевича немного смутил неожиданный четкий вопрос, на который, ему показалось, он не может ответить с удовлетворяющей определенностью, хотя в этом и не было его вины.

— Стрелковая дивизия на марше, — ответил как можно тверже и добавил: — Командующий фронтом сказал, что она прибудет к вам не раньше чем через сутки.

— Сутки… и не раньше… — вопросительно посмотрел на Михеева командарм и, понимая, что уточнения не будет, поинтересовался: — О бронепоезде что-нибудь известно; когда ополченцы подадут его нам под парами?

О бронепоезде Михеев ничего не знал.

— Да, ведь вы сегодня только прибыли из Москвы, — вспомнил Горбань разговор с Белозерским и объяснил суть

вопроса: — Второй бронепоезд делают для нас. Первый отличился уже на подступах к Малину. А второй бы пустить завтра утречком к Турчинке. И танками с правого фланга ударить, не сунулись бы выродки до подхода стрелковой дивизии… Счастье наше, что они сегодня не ударили по нашему левофланговому соседу — стрелковому корпусу. От него осталась лишь дивизия Артамонова, можно сказать, к нам прибилась. Сегодня я полк из нее перебросил на угрожаемый участок. Полковник Сгибнев передал мне требование командующего. А разве есть у меня нынче не угрожаемые участки? Верчусь… Танковый корпус Туркова по частям разбросал с тройной боевой задачей: дерись на своем участке обороны и успевай помочь соседям справа и слева.

— А если удар придется на дивизию Артамонова, и так не устоять ей… а вы полк из нее перебросили? Я, видимо, что-то не понял, — решил уточнить Михеев.

— Я же говорю, дивизия в отрыве от своего стрелкового корпуса, обойти ее справа и слева ничего не стоило. Поэтому я и перебросил полк впритык к своей армии, чтобы сделать надежным хотя бы правый фланг дивизии, да и свой левый — тоже. Что у Артамонова там сейчас, не знаю. Надо бы вам подъехать к нему, разобраться и доложить Кирпоносу. Считаю, дивизию следует передать нашей армии. Какая-то ненормальная автономия сложилась у Артамонова. Я фактически только просить его могу… Подробнее в штабе поговорим, чтобы потом доложили командующему фронтом все как есть.

Только теперь Михеев понял, почему командарм стремится поподробнее ввести его в курс сложившейся обстановки, и проникся уважением к Горбаню за понимание того, что он, Михеев, человек на Юго-Западном фронте новый, а задание получил ответственное и решить его как следует в их общих интересах.

— Да, мне тоже надо в штаб… С начальником политотдела еще не встретился. И с Белозерским не закончил разговора, — подтвердил необходимость отправиться с генералом Михеев.

Командарм кивнул и продолжил прерванный разговор с майором Штыхно.

— Противотанковых ружей твердо не могу обещать, но дать постараюсь, а боезапас и бутылки с горючим ночью доставят. У полевой дороги, где прорвались три немецких танка, ройте второй ряд траншей с проходами от первой линии. Завтра они здесь повторят удар. Бойцы устали, но ничего не поделаешь… сами все понимают. Завтра нужно во что бы то ни стало продержаться. Подойдет дивизия, помощь первые получите.

— Будем стоять, как стояли, — заверил командир полка.

— Примерно держатся люди, так стоят, что слов не сыщется благодарность выразить, — с чувством пожал руку Штыхно командарм и, вздохнув, добавил: — Больно терять таких героев…

Между тем Михеев послал Плесцова к телефону, чтобы тот созвонился с соседним пограничным полком, разыскал Кононенко и передал ему приказание отправиться в штаб армии. Анатолий Николаевич хотел вернуть майору Штыхно каску, подцепленную к ремню на животе и мешавшую ему с непривычки, но так и не решился этого сделать, сочтя неудобным. Он тоже на прощание пожал майору руку.

— Спасибо. Так случились, что, видимо, на всю жизнь вас запомню… Боевое крещение не забывается.

Майор с живостью кивал, хотя и не понял, за что же поблагодарил его комиссар госбезопасности.

В полукилометре от холма, в низине, укрылись средь кустарника легковая и грузовая машины. К ним пошли напрямую полем: Горбань с Михеевым — впереди, за ними — Плесцов с Белозерским, а следом гуськом — бойцы охраны. Горбань легко ориентировался в сумерках — часа не прошло, как он оставил здесь машины, отправившись на КП полка, и теперь возвращался уверенно, говоря Михееву:

— Отошли мы к Коростенскому укрепрайону как нельзя лучше, противник даже не заподозрил. Оставил заслоны… Теперь вгрызться бы тут в землю, сдержать натиск день, другой, пока сработает весь организм армии на новом рубеже, и с языка фрицев не будет сходить Коростень. А сейчас есть опасность прорыва врага к Киевскому укрепрайону. Эх, если бы завтра утром подошла стрелковая дивизия!..

— На правом фланге армии устойчивое положение? — спросил Михеев, догадываясь, что командарм не случайно помалкивает о нем.

— Получше. Но вы представьте себе, против нашего правофлангового, сильно потрепанного стрелкового корпуса наступают четыре пехотные дивизии противника с танковой поддержкой. А у нас нехватка даже бутылок с горючей смесью. Вы это возьмите себе на заметку, в Киевском горкоме партии поставьте срочно вопрос, не так уж сложно его решить. Пусть завод безалкогольных напитков целиком переключается на горячую продукцию. А то, я слышал, пока кустарным способом все делается.

— Я уже зарубку в мозгу сделал, — сказал Михеев и поинтересовался, как работает связь, не возникает ли каких затруднений.

— На фронте не бывает связи без затруднений, стреляют

всюду. Случалось, нарушался контакт со штабами, но быстро восстанавливали. Подробнее начальник связи армии скажет. Да и Белозерский, по-моему, в курсе, докладывал, видно, вам о поимке диверсантов.

И уже в машине, повернувшись к заднему сиденью, Горбань шутливо прервал серьезный разговор:

— Первый раз в жизни еду в сопровождении столь высоких представителей особого отдела. Значит, можно спокойно вздремнуть на ходу.

Командарм, пожалуй, ради того и пошутил, чтобы к слову сказать о необходимости немного уснуть, а потому, значит, желательно не беспокоить его вопросами. Он опустил голову на грудь и мгновенно затих.

Михееву тоже захотелось подремать, с непривычки он чувствовал себя разбитым, но ему неловко: было выказывать свою усталость перед бывалыми, потерявшими покой фронтовиками, в сравнении с которыми он выглядел полным сил, наспех окрещенным в бою новобранцем. Да и едва ли бы он уснул. Только измотанный организм бывалого воина вырабатывает способность моментально засыпать и пробуждаться через считанные минуты.

— Вы бы тоже соснули, — посоветовал на ухо Белозерскому Михеев, — а то ведь потом некогда будет. На день оставлю у вас Кононенко, а Плесцова сейчас, как приедем, познакомьте с делами, пока я буду занят в штабе…

Мысли Михеева вернулись к прошедшему бою, но сразу перескочили на командарма Горбаня, вспомнились его первые вопросы о стрелковой дивизии, которая находилась на марше, о неведомом ему бронепоезде, а он подумал о том, каким тщательно подготовленным должен отправляться в передовые части, где требуются предельная точность и полная определенность.

Глава 22

Решение создать чекистскую группу для ведения дальней разведки в тылу противника и подобрать в нее молодежь Грачев расценил как удачную возможность оживить контрразведывательные мероприятия. Понять его было легко. Начавшая налаживаться перед войной сложная работа вдруг словно бы отсеклась из-за вражеского вторжения, и оборвались многие связи. Пока что дали о себе знать лишь Цыган и еще трое разведчиков, но контакт с ними вскоре опять прервался.

Грачев вовсе не рассчитывал восстановить нарушившиеся связи с помощью чекистов, которых собирались забросить в тыл врага, но в будущем эти люди могли послужить надежным связующим звеном и важным источником информации из вражеских тылов.

Не медля, Грачев выехал в Киевский горком комсомола. В нем оказалось людно. Всюду толпилась молодежь. Тут выкликали по списку фамилии, там гурьбой наседали на старшего политрука и загородили коридор — не пройдешь. Все куда-то стремились, галдели.

Грачев решил для начала отыскать заведующего оргмассовым отделом Савву Доценко, с которым зимой бывал на встречах с молодежью, выступал с докладом о бдительности. Тот оказался на месте. Догадавшись, что особист зашел к нему неспроста, отозвал в сторонку, спросил:

— Что у вас, чем могу быть полезен?

— Дай пятерых очень надежных ребят. Смелых, само собой.

— Хоть двадцать подберу. Видите, наседают, на фронт рвутся. Семнадцатилетние — еще куда ни шло, а вы посмотрите на эту настырную мелюзгу, многим по шестнадцать не натянешь. И все — на фронт.

— Одного такого паренька мне и порекомендуйте. Остальных — постарше. Если кто окажется с оккупированной территории, тоже давайте, чтобы выбор был побольше.

Доценко понимающе кивнул.

— Есть такой, я его только что направил на рытье окопов. Говорит, рацию в школьном кружке Осоавиахима изучал, фашистов ненавидит, родители у него под Житомиром погибли.

— Пригласите его сюда, — попросил Грачев, заинтересованный тем, что паренек знаком с рацией.

Но, когда Доценко привел тощенького, будто заморенного, мальчонку с плаксивым личиком, Грачев чуть было сразу не отказался от него.

Поговорить было негде, и, пока Доценко подыскивал других подходящих ребят постарше, Грачев с пареньком вышли на улицу, сели на лавочку под каштаном.

— Как звать тебя? — спросил Грачев, оценив первое достоинство мальчишки — неторопливость и терпеливое ожидание того, когда заговорит старший, тем более командир.

— Миша Глухов.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать и два месяца. В мае родился.

— Это хорошо, что ты любишь точность. Возраст у тебя подходящий. А чего кислый такой?

Миша пристально посмотрел в глаза командира с двумя шпалами в петлицах, будто бы решая, стоит ли высказывать все, что у него на душе, и ответил рассудительно:

— Веселиться-то не с чего… Землю рыть посылают, копайся там… Я на фронт хочу, пошлите связистом… И рацию знаю.

— Как знаешь? Принимать и передавать можешь, ключом работать?

— Умею. И на слух принимаю, — постучал Миша пальцем по коленке. — Не так быстро пока, но я натренируюсь.

— Ну ладно. Расскажи о себе, откуда ты, кто родители? Как в Киев попал?

— Из-под Бердичева я, папа шофером работал, мама на ферме. В девятый класс перешел. Эвакуировались мы, все уезжали, папа на свою машину нас с мамой посадил. На Житомир ехали. Немцы разбомбили колонну, стреляли с самолетов. Я не знаю, как целый остался..

— Ты видел родителей убитыми?

Миша вздохнул, опустил глаза.

— Видел, — тихо произнес он. — Мамка рядом лежала…

— Из родных кто-нибудь есть?

— Бабушка с дедушкой в Вологде, папины родители. А у мамы одна тетка в Хмельницком живет.

— Что же ты собираешься делать? В Вологду надо ехать.

— Не поеду, — мотнул головой Миша. — На окопы же посылают. Там видно будет. А в Вологде чего?

— Мал ты еще.

— Что же тогда сказали, возраст подходящий? Думал, возьмете, оружие дадите… — не договорил мальчишка о главном своем желании — мстить врагу.

Грачев и без того все понял и про себя прикидывал возможность использовать паренька связным, а при необходимости и радистом в тылу врага. Все складывалось в пользу юного кандидата.

— А ты зацепистый, — похвалил он Мишу. — Надо что-нибудь придумать. Посмотрим, может быть, ты и в разведку сгодишься. Пошел бы?

Глухов с недоверием посмотрел на командира, — правду, что ли, он говорит? — спросил неуверенно:

— В разведку?

— Что-то вроде того. Очень опасно.

— Возьмите, — подался грудью Миша, как будто ему отказывали. — Я не знал, где проситься… В горком пришел, я комсомолец… Возьмите меня, не ошибетесь!

Грачев положил ему на худенькое плечо руку, сказал доверительно:

— Для того и позвал тебя. О нашем разговоре никому ни слова. Даже самому близкому человеку. Понял? В другом месте еще поговорим с тобой. Часа через два поедем. Там и поешь. Жди меня здесь.

Доценко успел управиться, группа ребят уже поджидала Грачева в коридоре возле кабинета.

— Отобрал, думаю — что надо, — сообщил Доценко. — Все только-только закончили школу, активные комсомольцы, а Леша Буланов два последних года был комсоргом школы. И еще четверо неразлучных однокашников, все с одной, Гоголевской, улицы, — подметил Доценко немаловажную подробность, намекая, должно быть, на то, что с ними можно говорить со всеми сразу. — Я их прекрасно знаю, рекомендацию дадим тут же. У Строкача отец партийный работник, сам он хорошо учился, да и остальные не дурни. Разве что Платон Пилипчук маленько флегматичен. Скарлатиной болел, долбили ему тут, — потрогал себя за ухом Доценко, — но слух не нарушен, в прошлом году медкомиссию прошел в аэроклубе, с парашютом прыгал.

— Вы что, о каждом парне в городе так осведомлены? — не выдержав, восхитился Грачев.

— Я преподавал в этой школе, — внес полную ясность Доценко и досказал свое мнение о двух остальных: — Володя Рафаенко девчоночьего склада парень, нежный, спокойный, но за правду постоять умеет. И полная противоположность ему — Сева Бугаенко. Ершистый, отчаянный. В футбол на мостовой играют — его в ворота ставят. Бросается за мячом на булыжники, не охнет, не морщится.

— Бесшабашный?.. — спросил Грачев.

— Да нет, лихость в нем этакая… Бугаенко не подведет, сам пропадет, товарища прикроет. Но сдерживать его надо… Отца у него нет, умер. А у Рафаенко отец машинистом на железной дороге работает.

— Ну что же, приглашайте, — попросил Грачев и благодарно добавил: — Я, пожалуй, теперь каждого узнаю!

* * *

На рассвете Михеев выехал из штаба 5-й армии, удовлетворенный встречей с уверенным, дотошно вникающим во все генералом Горбанем, Решая сложные тактические вопросы, реагируя на постоянные изменения обстановки, командарм не упускал возможности посвятить комиссара госбезопасности — человека нового на фронте — в сложные проблемы Коростенского участка обороны. И Михеев был благодарен Горбаню за доброжелательное отношение к нему, за старание посвятить его в такие тонкости, о которых он сам вряд ли догадался бы спросить. Михеев еще долго оставался под впечатлением душевного контакта с Горбанем, теперь уже не только зная общую обстановку, надежные и ослабленные участки переднего края армии, но и достаточно ясно представляя тревожное положение ее левого фланга. Стало ясно, что необходимо принимать немедленные меры по обеспечению плотной обороны на широком пространстве между Киевским и Коростенским укрепрайонами, пока противник, обманутый скрытым и четко организованным отходом 5-й армии, встретив ее стойкое сопротивление на новом рубеже, не успел нащупать слабый участок обороны. Участок этот не могла целиком прикрыть и подходящая стрелковая дивизия. К тому же ее прибытие ждали лишь к вечеру, с темнотой.

Связаться с Кирпоносом по телефону Михеев не смог — на временном КП 5-й армии спецсвязи не было, потому он послал через Белозерского шифровку Ярунчикову для последующего доклада командующему фронтом. Под утро пришел ответ:

> «Горбань получил указания. Выезжайте дивизию Артамонова, уточните истинное положение левом фланге армии вплоть до КУРа, результаты доложите 7 утра. Кирпонос».

Легковая машина неслась по прямой полевой дороге в сторону Ольховчан, следом в завесе пыли шел грузовик с красноармейцами-пограничниками. Михеев ехал молча. На заднем сиденье, откинувшись, сонно поглядывал по сторонам Плесцов. Но он вовсе не дремал.

— К фрицам не выскочим? Что-то ни души не видать стало, — предостерег он.

— Вперед посмотрите… — спокойно ответил Михеев, думая о

том, как бы ему изловчиться, суметь проехать насквозь через КУР, инженерным глазом посмотреть на все три полосы обороны от топей восточного берега реки Ирпень до окраины Киева. Когда же в стороне справа остались позиции последнего батальона пятой армии и впереди на открытом, с жиденькими рощами, пространстве стали встречаться редкие, словно брошенные на произвол судьбы, малочисленные заслоны, Михеев и сам стал настороженно оглядываться по сторонам.

Неподалеку от дороги в березняке красноармейцы возились возле пушки. Михеев подъехал к ним, вышел из машины, спросил:

— Зачем здесь? На прикрытие оставлены?

Навстречу вышел сержант, подозрительно оглядел подъехавших, ответил:

— Заслоном поставили, а впереди, говорят, — никого.

— Где ваш командир?

— Батальонный вон за теми кустами, в лощинке.

Отыскав командира батальона, Михеев представился и спросил, что за подразделение здесь стоит и какую боевую задачу оно выполняет.

— Смешанный пехотно-артиллерийский батальон, — ответил хмурый капитан. — Вчера вечером нас выдвинули сюда на заслон.

— Значит, впереди есть линия обороны… — облегченно вымолвил Михеев.

Комбат отрицательно качнул головой:

— Вряд ли. Очень рискованно вы вот так едете. Впереди никого наших нет. Да и слева по нескольку штыков на километр.

— Как так?! Здесь же должен находиться полк… — изумился Михеев и посмотрел на запад. Ему стало не по себе от удручающей новости. Положение тут оказывалось гораздо хуже предполагаемого.

— Полк перебросили к Турчинке, противник давит там на прорыв. А здесь пока спокойно. И слева полк ушел туда же, оставили всего две роты, вроде нас, — видимость обороны.

— Какой же разрыв между пятой армией и Киевским укрепрайоном? — спросил Михеев.

— Километров двадцать, если не больше. Пытаются восстановить положение.

— Кто пытается?

— Так говорит командир полка. Ждем свежих подкреплений.

— Кто ваш командир дивизии? Артамонов?

— Да, генерал-майор Артамонов.

— Где его штаб?

— В Ольховчанах, шесть километров.

— Плесцов! — позвал Михеев стоявшего возле грузовой

машины Ивана Михайловича. — Садись на легковушку и лети обратно к Горбаню, сообщи ему, что левый фланг безнадежно оголен, что Артамонов снял не один, а два полка. Поставь в известность Белозерского, пусть выяснит, как такое могло получиться, и проследит, какие меры будут приняты. И сегодня же доложит мне. Я к Артамонову.

— После мне возвращаться в Бровары?.. — спросил Плесцов.

— Да. Командарму передай, я в свою очередь доложу о положении Кирпоносу; не исключено, что в штабе фронта еще не знают здешней обстановки.

Михеев пересел в кабину грузовика, и шофер погнал машину в Ольховчаны. Откуда-то издалека доносился артиллерийский гул. Михеев прислушался, определил — канонада справа, на северо-западе. А поперек полевой дороги увидел свежие следы гусениц. Должно быть, перед рассветом прошли танки, прямо по хлебному полю, полосами вдавив в землю пшеницу.

Дальше стали попадаться добротно вырытые траншеи, артиллерийские позиции, а возле самих Ольховчан оказалось и вовсе людно, встретились замаскированные танки, пушки на конной тяге. Тут размещалась грозная, готовая встретить врага сила.

Артамонова — командира стрелковой дивизии — Михеев нашел в штабном блиндаже на окраине села. Генерал завтракал, устроившись на краешке стола, накрытого картой, в которую был воткнут измерительный циркуль, почему-то показавшийся Михееву всаженным в землю штыком винтовки.

Михеев показал генералу свое удостоверение личности и мандат Военного совета фронта. Артамонов не взял в руки пухлую с золоченым тиснением книжечку, только мельком глянул, а мандат прочитал внимательно и вернул с почтением на усталом, одутловатом лице.

— Слушаю вас, — застыл он в ожидании.

Михеев умышленно деликатно спросил:

— Какова обстановка? Трудно приходится?

Артамонов выдернул циркуль, поправил карту, говоря:

— Дивизия разбросана по фронту на полста километров. Вчера на правом фланге образовалась брешь, двумя полками восстановили положение. Серьезные потери понесли.

— Кто, противник или вы?

— С обеих сторон потери.

— Полки с позиций сняли?

— Да. Резерва нет. Приходится манипулировать своими силами.

— Чем же будете защищать оголенные участки? Враг

беспрепятственно может прорваться между укрепрайонов в тыл пятой армии.

Артамонов замялся.

— Будем снова перебрасывать с места на место…

— Что перебрасывать? — указал Михеев рукой на карту. — Там действительно два штыка на километр.

— Что-нибудь наскребем, — неуверенно сказал комдив, но тут же напористей добавил: — Не обхватишь руками, что видишь глазами.

— Как это понимать? Слишком велик участок обороны дивизии или комдив не успевает оценить быстро меняющуюся обстановку?

Артамонов бросил циркуль на карту, желчно выпалил:

— Об этом вы командира нашего корпуса спросите, генерала Жохова.

— Но вы же оторвались от своего корпуса.

— Да. Сама обстановка придала нас пятой армии, и отрыв у нас получился не от укрепрайона, а от своего соединения. Точнее было бы сказать, не дивизия, а корпус от нас оторвался… Не мы отступили, а они…

Михеев с трудом понимал комдива.

— Сейчас не важно, кто от кого оторвался. Важно, кому вы подчиняетесь, чьи приказы выполняете? Или действуете сами по себе?..

— Приказы генерала Горбаня, командарма пятой, — ответил Артамонов и уточнил: — Официально дивизия еще не придана ему, но сама обстановка заставляет ему подчиняться.

— Теперь понятно. В семь утра я должен доложить генералу Кирпоносу сложившуюся здесь ситуацию. Скажите, кто же отвечает за оголенные участки дивизии? Двадцать верст воротами распахнуто врагу.

— Я прежде всего отвечаю. И выполняю приказ командарма Горбаня перебросить полк…

— Но вы перебросили два полка. По своей инициативе?

— Потребовала обстановка. Второй полк ночью отошел к Ольховчанам.

— Чем это вызвано?

— Ожидали удара здесь, — уже спокойнее объяснил комдив.

— Предполагали или есть данные разведки?

— И то и другое, — уклончиво ответил Артамонов.

— Выходит, позаботились… — сделал паузу Михеев и не удержался, добавил напрямую: — Решили надежно прикрыть штаб дивизии. Вы хоть понимаете, что делаете?

— Действую согласно обстановке и приказу, — насупился

комдив. — Дивизия не отступила со своего рубежа. Это и есть лучшая оценка моих действий. Что касается полка, который переброшен сюда, в Ольховчаны, повторяю, утром ждали удара в этом направлении. Я вынужден маневрировать частями. У меня самого целый полк забрали, да и потери вчера понесли ощутимые. А пополнения нет.

Последние аргументы в устах Артамонова прозвучали убедительнее, и Михеев, поняв главное, решил не терять больше времени, сухо заключил:

— Ваше счастье, что противник еще не нанес здесь удара. И складывается впечатление, что вы не осознаете нависшей опасности. Или просто опустили руки. Не вижу энергичного вмешательства, тревоги. Где ваш штаб?

— Здесь рядом, в блиндаже.

— Заставьте его работать, думать, — сказал Михеев. — Моя задача выяснить истинное положение, посоветоваться с вами, принять возможные меры на месте и представить исчерпывающий доклад по обстановке командованию для принятия мер. Мне картина ясна. Еду в Киев и оттуда доложу командующему фронтом.

Артамонов заметно оживился.

— Теперь верю, после вашего доклада помощь подойдет. Ну а что зависит от нас — ждать тумаков не будем. Полк сейчас отправлю на прежние позиции.

«Еще до рассвета надо было сделать это…» — хотел укорить его Михеев, но промолчал.

* * *

Добравшись до Киева, Михеев заехал в ЦК КП(б) Украины. Переговорив оттуда по ВЧ с Кирпоносом, он предупредил командующего, что немного задержится — решит вопрос об участии особистов в закладке партизанских баз, и отправился на третий этаж в кабинет секретаря ЦК, в котором до войны работал Бурмистенко и где самому Михееву приходилось бывать по служебным делам и ту пору, когда руководил особым отделом округа.

В голове Михеева занозой сидел разговор с Плетневым полчаса назад возле Киевского укрепрайона. Анатолий Николаевич сильно удивился, увидев сотрудника не там, где ему приказано было вчера быть, но не успел заговорить, как Дмитрий Дмитриевич козырнул и стал докладывать:

— Приказ выполнили, товарищ комиссар. Всех, вплоть до

поваров, временно выставили на заслон. Узнали, что и тут дырища образовалась, примчались, разбираемся… Что же это делается в дивизии Артамонова? Мы крохами дыры прикрываем, а они полки с позиций снимают. В штаб дивизии едем. Я в качестве помощника у капитана — порученца командарма Горбаня.

— Я только что оттуда, не надо ехать, — сдержал Плетнева Михеев и рассказал о встрече с генералом Артамоновым. — Так что здесь принимайте все возможные меры и проследите, что будет делаться. Докладывай мне чаще. Действуй! Только поваров верните назад, ишь додумались, кто бойцов кормить будет?

Вспоминая сейчас об этом, Михеев пожалел, что не предупредил Плетнева о том, чтобы тот не горячился, а действовал умно и с тактом.

Подымаясь по лестнице, Михеев вдруг услышал:

— Анатолий Николаевич! Вот кстати-то.

На лестничной площадке стоял Бурмистенко с Шамрыло — секретарем Киевского горкома партии. Все трое отошли в сторонку.

— А мы только что о твоих контрразведчиках толковали, — сообщил Бурмистенко. — Ты по вопросу об участии особистов в партизанском движении? Я все выяснил. Вас никто не забывал. И я согласен с мнением товарищей, что армейские чекисты перегружены боевыми заботами.

Михеев легонько кивнул, но посмел возразить:

— Мы тоже можем делать закладку тайников с оружием. Белозерскому в пятой армии я отдал распоряжение об этом. И сегодня поручу сделать то же самое в других армиях.

— Очень даже хорошо, — одобрил Бурмистенко. — Как раз такое поручение я и собирался тебе дать. Тайников надо наделать как можно больше.

— Согласен с вами, — кивнул Михеев. — Точные координаты закладок представят мне лично. Как можно меньше людей должно знать об этом.

— Ну, знаешь ли, ты все сам предусмотрел! А мне передашь координаты.

— Очень хорошо, — ответил Михеев и коротко рассказал о том, что его встревожило во время поездки на передовую.

— Кирпоносу доложи сразу до мелочей, как вернешься, — посоветовал Бурмистенко, огорченный услышанным, особенно о делах в дивизии Артамонова. — Да, ты еще не знаешь, новый начальник штаба фронта прибыл, генерал-майор Тупиков, военным атташе в Германии был до начала войны. Мы сейчас в горкоме должны встретиться.

Молчавший до сих пор Шамрыло предложил Михееву:

— Поедемте с нами, если в ЦК нет других дел. Как член штаба обороны города приглашаю вас на очень важное совещание. Будем тщательно согласовывать план защиты города с общим планом обороны киевского плацдарма войсками Юго-Западного фронта.

На такое совещание Михееву хотелось поехать. Но неотложные дела звали в Бровары, и он помедлил с ответом. Выручил Бурмистенко.

— Я потом все расскажу комиссару госбезопасности, — сказал Михаил Алексеевич. — Пусть своими кровными обязанностями занимается. Он же вчера только к нам прибыл.

— К тому же мне надо с командующим срочно встретиться. Кстати, у меня к вам вопрос, товарищ Шамрыло, — обратился Михеев к секретарю горкома. — Кто в городе занимается производством бутылок с горючей жидкостью? Сколько ежедневно их отправляют на фронт?

— На многих предприятиях готовят. А сколько отправляют, так сказать, ежедневный выпуск, точно не знаю. Дело в том, что вопросами вооружения занимается Москалец, второй секретарь горкома.

Михеев с ожиданием посмотрел на Бурмистенко, но тому нечего было добавить.

— Поинтересуйтесь, пожалуйста, этим вопросом у товарища Москальца, — попросил Михеев члена Военного совета. — На передовой жалуются, мало бутылок с бензином. Тут большая и немедленная работа необходима. Требуется наладить заводское производство и срочно организовать сбор бутылок. Я хотел попросить вас решить эту проблему в штабе обороны города.

— Обязательно решим, — заверил Бурмистенко и добавил одобрительно: — Сразу видно, с передовой человек. Завидки берут!

«Завидки» Михеев не воспринял всерьез. Уж кто-кто, а член Военного совета сам почти не вылезал с передовой. Но Бурмистенко сейчас говорил искренне. Так уж повелось, что любой фронтовик, пришедший из окопов в пороховом дыму, вызывал у обстрелянных вояк уважительное чувство. В огне человек побывал! Не вчера, а сегодня. В стремительных событиях войны даже очень значительное, бывает, мгновенно отходит в прошлое. Но вернувшийся с передовой весь день будет для многих сиюминутным окопником, и его всюду станут расспрашивать о том, как там, в окопах, лицом к лицу с врагом-то? Сегодня, поди, тяжелее, чем раньше, думается каждому. И каждому надо ответить.

…Вернувшись в Бровары, Михеев сразу пошел в оперативный отдел штаба фронта узнать, что там известно об обстановке за правым крылом Киевского укрепрайона. Но, услышав расплывчатое объяснение «пытаемся восстановить положение», до обидного задевшее комиссара этакой неуверенностью, он не стал продолжать расспросы и отправился к командующему.

Кирпонос слушал Михеева, нервно затягиваясь папиросой и поглядывая на присутствующих — начальника разведотдела полковника Бондарева и начальника артиллерии фронта генерала Парсегова. Сказал, обращаясь к ним:

— Стойкость за счет оголенных флангов — неумелый расчет. Командарм Горбань тут ни при чем, я согласен с товарищем Михеевым. Дивизия Артамонова оказалась в отрыве от своего корпуса, в критический момент прижалась к пятой армии, докладывала о благополучии… Надо разобраться. Кстати, дивизия уже придана Горбаню… Перебросим туда часть мехкорпуса Туркова. Найдите возможность, — обратился он к генералу Парсегову, — послать артполк к югу от Ольховчан.

Михеев воспользовался паузой.

— Опыт подсказывает, товарищ командующий, борьбу с танками успешно ведут бутылками с зажигательной смесью. Там, на передовой, я вспомнил сотую стрелковую дивизию, которая в боях на Березине за несколько дней уничтожила до ста пятидесяти вражеских танков.

— Нам хорошо известно об этом, — вставил Парсегов.

— Я говорю об этом потому, что у бойцов не хватает этого простого и крайне нужного на сегодняшний день оружия — бутылок с горючей смесью, все они наперечет. А с гранатами и вовсе дело обстоит неважно. Мне думается, необходимо экстренно выделить группу интендантов для того, чтобы они организовали бесперебойный ежедневный выпуск партий бутылок с горючей смесью и отправку их в передовые части. Нужно солидно организованное производство, а не кустарная работа.

Кирпонос тут же вызвал к себе начальника тыла фронта.

Михеев продолжал:

— В Киеве я встретил Бурмистенко и секретаря горкома партии Шамрыло, говорил с ними по вопросу бутылок. Обещали сегодня обсудить это дело и добиться решения в штабе обороны города. Сегодня бы подключить и наших интендантов. Им в подмогу дам расторопного особиста. На пару дней хотя бы, для крутой завязки.

— Пусть особист и возглавит группу, — решил Кирпонос.

Вернувшись к себе в домик, Михеев прилег. Но, возбужденный, долго не мог уснуть. Ему казалось, что прошла не

одна ночь после того, как он приехал на фронт, а много дней, заполненных непрерывным движением, встречами с людьми, боевыми событиями — всем тем, что обострило его ответственность за положение дел на фронте. И эта ответственность, понятая нынче совершенно отчетливо и резко, заставляла действовать, не давала удовлетвориться расплывчатым «пытаемся»…

* * *

В разведотдел фронта доставили пленного гитлеровского подполковника — старшего офицера штаба группы-армии «Юг». Самолет, на котором он летел, был сбит, подполковник выбросился с парашютом.

Пленный отказывался давать показания. И тогда его препроводили в особый отдел фронта.

Михеев только успел заснуть, когда Ярунчиков пришел доложить ему о необычном пленном.

— Ну и допросил бы сам… — разбито поднялся Анатолий Николаевич, надевая портупею с маузером.

— Он головы не подымает, скулами только шевелит, — объяснил, оправдываясь, Никита Алексеевич.

— От Кононенко, Плетнева нет вестей?

— Нет. Плесцов выехал сюда, в Бровары. Просил вам доложить, что командарм Горбань принял надежные меры.

— Даже надежные, — удовлетворительно повторил Михеев. — Значит, командующий фронтом уже выдвинул туда часть мехкорпуса.

— Грачев из Киева вернулся, — продолжал Ярунчиков. — Пятерых комсомольцев отобрал в горкоме. Толковые ребята, я говорил с ними. Один рацию знает. Пойти в тыл врага с охотой согласились. Лойко занимается с ними…

— Значит, не дает показаний фашист, — как-то иронически произнес Михеев, надевая фуражку и выходя из дома. — А у нас что, есть особые возможности заставить говорить? — И немного погодя спросил: — Как узнали, что он подполковник из группы армий «Юг»?

— Документы взяли, да и погоны у него..

Возле домика, в котором находился секретариат, Михеев увидел Стышко и Лойко с группой молодых, разношерстно одетых парней. У ребят на плече были винтовки, Лойко держал в руке свернутые трубочкой листы бумаги. Было видно, они собрались стрелять по мишеням.

— Грачева питомцы — комсомольцы? — догадался Анатолий Николаевич и, вопросительно глянув на Ярунчикова, спросил: — А Стышко почему не выехал с опергруппой на передовую?

— Пришлось заменить. Грачев предлагает Василия Макаровича руководителем чекистско-разведывательной группы за линией фронта.

Михеев невольно перевел взгляд на Стышко и молча согласился. Лишь поинтересовался:

— И Лойко включили в группу?

— Да. Вторым помощником Стышко просит дать ему Ништу. У меня нет возражений.

Михеев снова согласился, а Ярунчиков продолжал:

— С молодежью запланировали занятия: как вести себя на оккупированной территории, что делать при встрече с врагом, пользование правилами конспирации. Грачев достал наглядные пособия по немецкому вооружению — танки, самолеты, пушки. Утром уже урок проводил. Я сам с интересом узнал о некоторых тонкостях, как, например, по проводной связи — кабель красный, зеленый, желтый — определить род войск противника. Маловато лишь времени на подготовку… Легенды разрабатываем каждому: кто такой, откуда. Самое подходящее — сделать их всех бывшими заключенными, из лагеря, мол, погнали на восток, во время бомбежки разбежались.

— И мальца представить заключенным?

— Миша его звать, Глухов. Ему не нужна легенда, своя, настоящая биография в самый раз. Из-под Бердичева отец увез его с матерью на машине, во время бомбежки родители погибли. Теперь домой возвращается.

— Хорошо, готовьте, — еще раз окинул взглядом группу ребят Михеев и зашагал к крыльцу школы.

Он сразу приказал привести пленного подполковника, распахнул окно в кабинете, сел на подоконник.

— Переводчика позовите! — подсказал он дежурному по отделу.

За окном, возле телеги, копошилась клушка с цыплятами; двое мальчишек, натуженно кособочась, пронесли неполные ведра с водой; где-то часто и зовуще подавал голос молодой воробей, а издалека доносился стук молотка — красноармейцы ладили штакетный забор.

Когда ввели пленного, Михеев словно и не обратил внимания на него — солидного, с двойным подбородком гитлеровца, а подозвал переводчика и спросил?

— Как думаешь, Акопян, этому типу известно, где он находится?

— Если он по-русски в самом деле не понимает, то откуда ему знать?

Пленный стрельнул в сторону говоривших взглядом острых, маленьких глаз, убрал руки назад.

— Так вот переведи ему: комиссар государственной безопасности говорить с ним будет, пусть подойдет поближе.

Акопян перевел, и гитлеровец подтянуто, с напряжением подошел к окну. Настороженное внимание вызвал у пленного комиссар, у которого очень понятное служебное назначение — государственная безопасность.

— Переведи, Акопян, — встал с подоконника Михеев. — Комиссару доложили, что пленный подполковник упрямствует, не дает интересующие нас сведения.

Акопян следом переводил.

— Комиссар ставит в известность, что подполковник находится в особом отделе и при здравой оценке своего положения должен понимать, что его дальнейшая судьба зависит от него самого.

Выслушав переводчика, пленный невольно кивнул, и его второй подбородок еще больше напрягся.

— У меня нет ни времени, ни желания на дальнейшие разъяснения, — продолжал Михеев.

— Это переводить? — спросил Акопян.

— Я скажу, чего не переводить, — направился к столу Анатолий Николаевич, придвинул стул, но не сел, добавив: — Но если сам хочет о чем спросить, пусть спрашивает.

Пленный, было заметно, мучительно раздумывал. Он сделал к столу шаг, другой, словно бы заполняя этим возникшую паузу.

Акопян нетерпеливо ждал, что переводить.

— Я понял… — наконец отрывисто по-немецки сказал подполковник и остался с приоткрытым ртом, должно быть, не захотел произнести слово «комиссар». Но, не сумев заменить неприятное ему слово, спросил: — Комиссар может гарантировать мне жизнь?

Вопрос озадачил Михеева. В самом деле, чем? Не честным же словом коммуниста он заставит гитлеровца поверить себе. А его надо было заверить. Пленный спрашивал заинтересованно.

— Слово солдата! — ответил Анатолий Николаевич.

Пленный приблизился к столу вплотную, жестом попросил дать ему закурить.

— Акопян! Вы курящий?.. Дайте ему, — разрешил Михеев.

Прежде чем взять папиросу, пленный внимательно уставился на пачку с крупной красной звездой на лицевой стороне, криво усмехнулся.

— Отравляюсь красным дурманом, — сказал он без улыбки, прикурив. — Русские папиросы — это вещь. Крепко!..

— Крепкие люди курят их, — подметил Михеев, когда Акопян перевел сказанное пленным.

— Крепкие… у вас морозы, — решил объяснить подполковник. — Французы померзли… Французы — бабы. А тевтоны — это тевтоны…

— Что же вы, договаривайте!

— Это длинный разговор — вас он утомит.

— Ваши бредовые идеи нам известны, — хлопнул ладонью по столу Михеев. — Не будем тратить времени, ответьте, кто вы, куда летели, с какой целью.

Пленный смотрел на комиссара оценивающим взглядом, в котором было и сомнение, и надежда, и колебание перед последним выбором.

— Я принимаю ваши условия, — сказал с натугой пленный и попросил разрешить ему сесть.

«Давно бы так…» — приготовился записывать Михеев.

— Подполковник Хезер, старший офицер штаба группы армий «Юг». Я летел на север с поручением.

— Куда на север и с каким поручением?

— В штаб группы армий «Центр» для координации наступательных действий. На северном участке фронта оказалось сковано значительно больше сил, чем это было бы желательно… Ставка приказала до конца июля выйти к Днепру.

— И взять Киев? — уточнил Михеев, записывая показания слово в слово.

— Безусловно. Для удара сосредоточено свыше двадцати дивизий, — с чувством превосходства в силе своих войск сообщил Хезер.

— Только на киевском направлении? Значит, дивизии переброшены с других участков?

Подполковник с неохотой подтвердил:

— Взяты из второго оперативного эшелона, а четыре дивизии — из группы войск генерала Шведлера.

— Из-под Белой Церкви?

— Да, из резерва группы. Не обольщайтесь, Шведлер усилен механизированными дивизиями. Послезавтра его группа войск всей мощью нанесет двойной удар восточнее и юго-восточнее Белой Церкви и разгромит вашу двадцать шестую армию. Она у Шведлера как бельмо на глазу, ей он не даст уйти за Днепр.

«Карту!» — мелькнуло у Анатолия Николаевича, обрадованного возможностью получить и представить командованию, возможно, неизвестную еще перетасовку

вражеских войск и замыслы противника.

Посылая Акопяна к Ярунчикову за оперативной картой, Михеев предупредил:

— Без пометок достаньте, новую.

С минуту комиссар и пленный сидели молча. Подполковник вспотел и начал вытирать лицо носовым платком, изредка посматривая на чекиста; во взгляде его не было ни боязни, ни презрения. Михееву хотелось спросить пленного, с чего это так возомнили о себе фашисты и чем объяснит он, почему у него самого, представителя «высшей расы», ненадолго хватило гонора и крепости духа? И пленный, будто понимая это, вдруг отвел глаза.

Акопян принес карту, развернул ее на столе. Фашист понял, что от него требуется, живо взял протянутые Михеевым цветные карандаши и опытной рукой сосредоточенно начертил изломанную кривую фронта, пометив множество скобок со стрелками — направления подготовленных ударов гитлеровских войск, затем пометил расположение дивизий группы войск генерала Шведлера, говоря между делом:

— Молодой, смелый, решительный генерал, не умеющий стоять на одном месте. Вчера он успешно провел удар на Кагарлык и Триполье.

— Невеликий стратег, коли его удовлетворяет продвижение на километр-два, — не удержался от насмешки Михеев.

— Шведлер продвинулся, а не отступил, — кольнул подполковник, не отрываясь от карты. — Вы же пока восторгаетесь, когда удается отбить атаки наших войск. Умелая пропаганда, и не без некоторой доли истины.

— Какой же?

— Упорство ваших солдат достойно того, чтобы им открыто хвалиться. Нам не нравится, — он пальцем бегло провел по завитушкам линии фронта на карте, — эта вот нестабильность. Нарушен график продвижения.

— Вот как! И не то еще дальше будет, — вырвалось у Михеева.

— Каждый верит в свою удачу.

— Мы верим в свой народ… — хотел что-то еще сказать Михеев, но, почувствовав, что уклонился от главного, спросил: — Что вы скажете о командующем вашей шестой армией, идущей на Киев с юго-запада?

— Генерал Рейхенау один из лучших полководцев. К его мнению прислушивается даже генерал Гальдер, когда ставит задачи южной группе войск. Рейхенау перегруппировал свои силы, ввел из резерва двадцать девятый армейский корпус, очень

боеспособный.

Карта с нанесенным оперативным расположением гитлеровских войск вскоре была готова.

«Немедленно к командующему! — мелькнуло у Михеева. — У генерала Кирпоноса возникнут свои вопросы к пленному».

— Пойдемте, покажу вам Бровары, — сложил карту Анатолий Николаевич — и к переводчику: — Вы тоже с нами…

Нерешительно, с настороженностью в глазах пошел за переводчиком подполковник. «Не поверил, боится, не на расстрел ли», — понял Михеев и, подбирая слова, сказал в затылок пленному по-немецки:

— Сохраним вам жизнь. Слово солдата.

* * *

Лейтенант-пехотинец предъявил дежурному по особому отделу документы — удостоверение и предписание штаба дивизии, согласно которому Антону Михайловичу Сухареву поручалось сопроводить раненых до железнодорожной станции Козелец.

— И что вы хотите? — спросил дежурный, оглядывая крепкого, простодушного вида командира.

— Мне нужен начальник особого отдела. Очень важно.

Дежурный привел лейтенанта к Ярунчикову.

— Я пришел сообщить вам, — сказал Сухарев, когда они остались вдвоем, — что в лесу между Козельцом и Нежином фашистами высажена разведывательно-диверсионная группа. В ней двенадцать человек, имеют рацию, много взрывчатки. Эшелоны на Киев должны пойти под откос.

Ярунчиков слушал оторопело.

— Но откуда вам все это известно? — спросил он недоверчиво.

Лейтенант усмехнулся, положил на стол свои документы.

— Как же мне не знать, если я руководитель этой группы.

— Как?! — поднялся Ярунчиков и бросил взгляд на закрытую дверь.

— Не беспокойтесь, я ваш… Разыскивать вынужден, связь с Михаилом Степановичем Пригодой у меня безнадежно прервалась. Я — Цыган.

И он стал рассказывать о том, как перед этим был заброшен с группой подо Львов взорвать мост, пытался созвониться с Пригодой, но не смог и принял решение лично уничтожить диверсантов, что и сделал. Мост оказался разрушенным при

бомбежке, и Антон вернулся в разведцентр, доложил о выполненном задании, о бое, который якобы пришлось принять немногочисленной группе, в котором все, кроме него, погибли. Ему поверили, наверное, только потому, что другая такая же группа — их забросили вместе — на другом участке железной дороги вовсе не смогла выполнить задание, была обстреляна, в основном уничтожена, лишь двоим легкораненым удалось добраться до передовых немецких частей.

— Это не вы ли сообщили по телефону о двух группах диверсантов нашему сотруднику во Львове? — вспомнил Ярунчиков доклад Плетнева.

— Точно так, моя работа.

Ярунчиков приказал дежурному вызвать к нему Грачева. Мирон Петрович знал о разведчике Цыгане, с которым работал Пригода, и сейчас, разглядывая его, спросил:

— Беспрепятственно добрались к нам с липовыми документами?

— Проверяли, но сходило.

Заметное недоумение появилось на лицах особистов.

— У вас, конечно, мало времени, — торопливо заговорил Мирон Петрович, обращаясь к Антону. — По-моему, сегодня же надо захватить всю группу.

— Немедленно, — согласился Ярунчиков и спросил разведчика: — Где и как это надежнее сделать?

— Очень просто, до темноты все в разведке, сбор в девять вечера. — Антон развернул карту, указал на лесок севернее станции Кобыжча. — Здесь озеро, а западнее от него — брошенная ферма. Так вот сбор в сарае, крыша которого уцелела.

— Покажете на месте, — остановил Ярунчиков и приказал Грачеву: — Возьмите оперативных работников и взвод красноармейцев. Не мало будет?

— Да нет, — отмахнулся Антон. — Мы их поодиночке заловим.

— И чтоб ни один не улизнул! — построже предупредил Ярунчиков.

— Не уйдут, — в тон ему твердо заверил Грачев и помечтал вслух: — Такую игру можно затеять с абвером, ой, ой! Подкрепления будут слать…

Глава 23

Всего три дня ушло на подготовку чекистско-разведывательной группы Стышко перед заброской в тыл врага. В нее включили Лойко, Ништу и шестерых отобранных комсомольцев. Перейти линию фронта решено было тремя группами на участке 5-й армии. С Василием Макаровичем отправлялись бывший комсорг школы Леша Буланов, Платон Пилипчук и Сева Бугаенко. За дни учебы Ништа подружился с Романом Строкачем и Володей Рафаенко, поэтому его группа определилась вроде бы сама собой. Миша Глухов отправлялся на пару с Лойко почти что в свои родимые края с главной задачей — держать надежный контакт со Стышко и Ништой, связываться с центром по рации.

Будущие разведчики расположились на пустующей свиноферме у речки, в стороне от Броваров. Всем, кроме Миши Глухова, укоротили волосы, вроде они успели малость отрасти после заключения. Чекисты тоже облачились кто во что. Всем подыскали кирзовые развалюхи-ботинки, а на большущую ногу Стышко пошили новые. Неизвестно, где Грачев раздобыл каждому заношенную кепчонку. И когда Михеев пришел на ферму и увидел всех сразу переодетыми в обноски, он, сдвинув от удивления фуражку на затылок, с восхищением произнес одно слово:

— Натурально!

Выслушав доклад Стышко, комиссар пожал ему руку.

— Не прощаюсь, сапер, — сказал он с уверенностью в голосе и затем обратился ко всем: — Успехов вам, товарищи. На очень ответственное и опасное задание отправляетесь. Знать перемещение войск противника к фронту, иметь другие разведывательные данные о враге для нас жизненно необходимо. Это слова командующего фронтом.

В отделе Деревянко докладывал Михееву:

— В хозяйственных тылах не задерживается ни одного вагона с боеприпасами. Разгрузка идет моментально. А вот техника совершенно не поступает. Мой разговор с начальником тыла о нехватке саперных лопаток на передовой оказался бесполезным.

Молча и хмуро слушавший Михеев спросил:

— Вы были на передовой, в окопах?

— Нет, не довелось.

— Нынче же с заданием отправитесь в Киевский укрепрайон. Завтра, надеюсь, разговор о саперной лопатке вы повторите более настойчиво.

Анатолий Николаевич заметил на крыльце Плесцова, по его виду угадал какую-то добрую весть. Спросил:

— От Плетнева что-нибудь?

— Кононенко от него вернулся. Приехал Капитоныч.

— Где он?! — огляделся Михеев, не замечая на стоянке своего размалеванного желто-зеленого автомобиля.

— На заправку поехал.

— Скажи Капитонычу, пусть зайдет ко мне.

— Под бомбежку попал в Пирятине, капот осколками побило.

— Сам-то он цел?.. Значит, все нормально, — поднялся на крыльцо Михеев.

…Кононенко вручил Михееву донесение Плетнева. Разворачивая его, Анатолий Николаевич заметил:

— По-командирски: «Боевое донесение».

— Он там целое ополчение собрал, вооружил. С оборонительных работ увлек народ, — восхитился организаторской хваткой Плетнева Кононенко.

Михеев читал донесение, написанное мелким витиеватым почерком:

> «Обстановка на участке прорыва мотомеханизированной дивизии противника остается прежней и напряженной. Разрыв между войсками КУРа и 5-й армией на отдельных участках увеличился до 40 км. В результате принятых мер на рубеже действия чекистской группы противник успеха не добился. Создан полк ополчения, батальон из тыловых подразделений. На правом фланге подошел полк 171-й стрелковой дивизии, только что прибыл на участок батальон мехкорпуса Туркова.
>
> Плохо с боеприпасами. Потерь оперсостава не имею. Связь неудовлетворительная. Обстановку к концу дня доложу особо.
>
> *Старший оперативной группы*
>
> *Д. Плетнев».*

— Он там верхом на коне носится, шумит, — добавил Кононенко, видя, что Михеев прочитал донесение. — Пушки откуда-то пригнал…

Вошел Ярунчиков.

— Что за арестованных привезли давеча? — сразу с вопросом к нему Анатолий Николаевич.

— Коменданта переправы, майора, и командира взвода

подрывников взял под арест. Мост не успели подорвать через Ирпень, тот, что возле Белгородки, и немцы проскочили, а потом машинка сработала, мост вдребезги разнесло, — доложил Ярунчиков.

Анатолий Николаевич постоял, задумчиво склонив голову, затем спросил:

— И как собираетесь квалифицировать их действия? Как пособничество врагу?

— Пособничество или нет, еще не знаем, только преступный факт налицо.

Михеев приблизился к Ярунчикову вплотную.

— Тут и знать-то нечего, прошляпили с машинкой… Преступной халатностью пусть занимается прокуратура.

Ярунчиков согласился.

— Вообще-то у меня самого возникала мысль вынести такое заключение…

— Что им тогда грозит?

— Разжалуют, наверно.

— Подготовьте заключение и доложите вместе с делом, — распорядился Михеев. — Им врага надо бить на передовой с винтовкой, а не у нас околачиваться!

И комиссар быстро ушел.

…Плесцов заканчивал докладную в Москву, начало которой — о положении на Юго-Западном фронте — Михеев написал сам, не сглаживая жестких выводов о том, какими неимоверными усилиями сдерживается враг.

— Давай, что тут получилось, — попросил Михеев, прерывая Ивана Михайловича, быстро вписывающего сбоку листа вставку. Заметил фамилию Пригода, спросил: — Что-нибудь получили от Михаила Степановича?

— Коротенькую радиограмму, вроде с трудом передал. Бьются в окружении. Части шестой армии перемешались с двенадцатой. Нет точных данных о силах противника.

— Я читал сегодня сводку штаба шестой армии. Она так и заканчивается: «Данные не проверены, требуют уточнения», — говорил Михеев.

Читая разборчивый рукописный текст докладной, он кивал головой, а когда закончил, сказал удовлетворение:

— Все, по-моему, верно, о чем, вы говорите, не успели записать?

— О заброске чекистских групп в тыл врага и о потерях особого отдела.

— О потерях добавьте, а о заброске успеется, к тому же первая группа пока не перешла линию фронта.

— Ясно, товарищ комиссар, пойду отдам печатать, — аккуратно сложил исписанные листы Плесцов и вдруг услышал неожиданный вопрос:

— Тебя, Иван Михайлович, удовлетворяет информационная работа в отделе? В части не хочется? Не-ет, я вовсе не говорю, что дело не клеится. Наоборот даже. Только вспомнил, когда были на передовой, ты сразу к комиссару, к бойцам.

— К ним меня всегда влечет. Ну а информационная работа… Бывало не по себе. Чекистские сводки, докладные… Всюду бои, а ты будто в стороне от войны.

— Как же? На передовой бывал, в танк бутылки бросал, едва в окопе не похоронили.

— Разве что… Иначе бы перед самим собой стыдно было.

— Стыдно, говоришь, — сощурил глаза Михеев. — Не будет нам стыдно ни перед собой, ни перед людьми. Никогда не будет!

* * *

Ночь пришла темная, пасмурная и ветреная. Перекаленная дневной жарой земля блаженствовала, не могла надышаться влажной луговой свежестью. Темнота утихомирила передовую. Люди в окопах, расслабившись после изнурительного дня, наслаждались передышкой, для полноты счастья им не хватало одного: упасть и мгновенно заснуть.

В эту ночь северо-западнее Киева двое людей собрались переправиться через линию фронта, в тыл врага. Лойко и Миша Глухов, переодетые в истрепанные пиджаки, залатанные штаны и кирзовые ботинки, были в самом деле похожи на вышедших из заключения бродяг. Стышко и Ништа со своими группами ушли за линию фронта прошлой ночью. Сойтись все они должны завтра в лесочке восточнее Радомышля.

До ничейной полосы Лойко и Мишу сопровождали трое полковых разведчиков. Передав Лойко рацию в брезентовой сумке с лямками, разведчики отошли. Полежав немного и оглядевшись, Алексей Кузьмич тронул Мишу рукой и пополз к темневшей невдалеке дубраве. Остановился он в рытвине, которая опоясывала лесок, прислушался.

— Сопишь ты, Мишута, за версту слышно, — шепнул он парнишке и пополз дальше.

Как им и рассказывали, за дубравой слева тянулись два проточных озера. Отсюда предстояло свернуть правее, к оврагу, за которым можно было чувствовать себя посвободнее.

…Ночной путь им освещали вражеские ракеты. Они то и дело

вспыхивали позади на передовой.

Шли без остановок. Миновав овраг, разведчики наконец присели.

— Умаялся, Мишута? — тихо спросил Алексей Кузьмич. — Теперь напрямки можно. Тут линия фронта заковыристая, не заметишь, как опять среди своих очутишься. Южнее надо брать. — И подхватил брезентовую сумку с рацией.

Они пересекли поле, обогнули село… Но добраться до леса так и не успели: начало светать. Укрылись в жиденьком подлеске. Лойко первым делом присмотрел тайник, очистил под корнем березы углубление, аккуратно протиснул туда зачехленную рацию, присыпал ее землей и укрыл охапкой сушняка.

— Передневать надо бы, да место не нравится, — вслух размышлял он. — И ждут нас вон в том лесу, время терять жалко. Может, тронемся попозже?

— А чего не сейчас? — расхрабрился Миша, хотя подыматься самому не очень хотелось.

— В такую рань нынче люди не ходят, а нам тем более шастать опасно.

Они перешли на другой конец подлеска, укрылись в кустарнике. Тут было скрытнее и дорога близко. Алексей Кузьмич постелил на влажную траву пиджак и велел Мише ложиться спать.

Парнишка быстро утих и сонно засопел. Смотря на него, Алексей Кузьмич дремотно подумал: «Ни страха у него, ни тревоги…»

Он и сам, обхватив руками колени и положив на них голову, скоро забылся. В живот ему давила рукоятка пистолета, спрятанного за поясом под рубахой. Алексей Кузьмич не стал перекладывать его, надеясь, что так он будет спать сторожко.

Очнулся Лойко от шума мотора, пополз через кусты, увидел пылящий по дороге грузовик, а в кабине — гражданского парня. «Куда, зачем он гонит русскую машину?» — думал Алексей Кузьмич, стряхивая остатки сонной вялости. Он грустно смотрел на колосившееся поле, на выгоревшее с краю село, которое, на фоне туманной полосы леса, продолжало дымиться.

Когда Лойко вернулся на прежнее место, Миша уже не спал. Мальчишка посмотрел на него осоловелыми главами, улыбнулся и спросил деловито:

— Пошли?

— Сначала пожуем, — раскрыл противогазную сумку Лойко, достал из нее по лепешке, вареные яйца, картошку и соленый огурец, приговаривая: — Народ мы бедный, колбасу дома будем есть.

А Миша ему о своем:

— Мать с отцом во сне видел. И как будто не убили их. Обрадовался, что живые…

Алексей Кузьмич, причмокивая и хрустя огурцом, вдруг спросил, отвлекая парнишку от тяжелых дум:

— Представь, выходим сейчас на дорогу, а фрицы тут как тут. Или полицай какой. Спрашивает тебя: «Чего близко к фронту занесло?»

Миша преобразился.

— Не шуткуйте, дядю, — погрозил он согнутым пальцем. — Фронт за Днепром.

— Вполне… — удовлетворился Алексей Кузьмич. — В духе фашистской пропаганды.

Выйдя из своего укрытия на дорогу, они направились к селу. Его дальнюю окраину скрывал пологий курган; на нем — опаленные взрывом воронки.

На улице разведчикам встретилась женщина с ведром воды; старик, приложив ладонь ко лбу, проводил неузнающими глазами; хрипло облаяла собака. И вдруг строгий окрик:

— Эй, подь-ка сюда!

Из приоткрытых ворот боком выплыл долговязый рябой парень с насмешливыми, хитрыми глазами. Алексею Кузьмичу он показался похожим на шофера, которого давеча видел на грузовике.

— Чего тебе? — тараща большие глаза и не останавливаясь, огрызнулся Лойко. Ему не понравился окрик.

Рябой нагнал, зашел спереди.

— Кто таков? — требовательно и с подозрением оглядел он прохожих. — Покажь документы.

Лойко помедлил, смотря, как Миша уселся на обочине, снял ботинок, потряс им, делая вид, что туда попал камешек.

— На каждом шагу «кто?» да «покажь», — полез в карман Алексей Кузьмич. — Где я тебя, парень, видел, смекаю? Ты не сидел в пересыльной камере? В Житомире?

Тот молча выдернул из руки Лойко истрепанную справку об освобождении из тюрьмы, внимательно, как будто вглядываясь в каждую букву, прочитал и положил себе в карман.

— Шагай за мной, — предложил он уже без строгости, перепрыгнул через кювет и направился к воротам.

Коротким взглядом обменялись Алексей Кузьмич с Мишей, напоминая друг другу о спокойствии и осторожности.

И все же, войдя в приоткрытые ворота, Алексей Кузьмич оторопело приостановился: в глубине двора были немцы. Занятые чисткой оружия возле двух сдвинутых столов, они почти не

обратили внимания на людей, которых привел хозяин дома.

— Пройдите в хату, — указал парень рукой на сенцы, а сам подался в сторону гитлеровцев.

«Напоролись… Что же делать?» — заметались в мозгу у Лойко мысли. Он был готов к такой встрече, в общем-то неизбежной, но только не сегодня и не в такой близости от фронта.

Живо оглядев чисто прибранную горницу, чекист выглянул из-за гардины: парень на ходу что-то сказал гитлеровцам, пошел под навес, бросил лошади охапку сена.

Тараторя и с привычной живостью работая руками, вражеские солдаты закончили чистку оружия и гуськом потянулись к дому.

— Сядь к столу, — предложил Алексей Кузьмич Мите, достал из-под пояса брюк пистолет, сунул его под перину на кровати. Заправляя рубаху, он тоже присел к столу. — Может быть, и тут найдется дело, — со спокойным видом «продолжал» беседу Алексей Кузьмич. — Подработаем на харчи и дальше потопаем.

Миша только делал вид, что слушает, Он немножко оробел, встревоженно ждал, что будет дальше. Да и Алексей Кузьмич был настороже. Едва мимо окна прошагали первые гитлеровцы, Лойко снова метнулся к окну и проследил за солдатами, пока те не ушли со двора.

— Интересно, — только и сказал Алексей Кузьмич, заталкивая пистолет снова под рубаху.

Пришел хозяин.

— Значит, из заключения, — пропел он, выкладывая на стол взятую справку. — Липовый документ, А позвал, чтобы предупредить — расстреляли они тут одного на днях с такой справкой.

— А я при чем? — потер обросший подбородок Лойко.

— Расстреляли, говорю, разведчик оказался. И теперь не разбираются: из заключения — к стенке.

— Но я действительно вышел…

— И мальчишка?.. Ах, нет? Кто вас разберет? Похоже вроде. — А по глазам парня было видно, что не поверил. — Чего же мне с вами делать? — наморщил лоб хозяин. — Желаешь, дам другой документ?

Он живо сходил в соседнюю комнату и положил перед Лойко удостоверение на немецком бланке.

— Вот, сосед до меня старостой на селе был. На днях прихлопнули.

— За что же они его? — покачал головой Алексей Кузьмич.

— Думаешь, немцы? — как-то само собой понизил голос староста. — Из лесочка стрельнули… Ты возьми удостоверение.

Надежное. До сентября сроку.

Лойко читал:

«Староста Ярощук Федор Захарович…»

— Паршивый человек был, царство ему червивое. Неделю покуражился, — добавил новый староста и выглянул в окно, которое выходило на улицу.

«Хитрит с прицелом дальним, за свою шкуру боится, обезопасить себя желает, чтобы не «стрельнули из лесочка»? — размышлял Алексей Кузьмич, слушая парня и бережно складывая ценный документ, Решил: — О завтрашнем дне заботится».

А тот делился с чувством:

— У меня, конечно, недовольство было на Советскую власть. Но что теперь недовольство! — Он крутнул скрюченной пятерней. — Увидел, что фашисты творят… Свои же страдают-то!

Говорил он с горячностью, совсем теряя меру осторожности.

— Теперь проваливайте на все четыре стороны, — небрежно махнул рукой староста. — Охота есть, смени в сенцах ботинки… Аккуратно у тебя пошиты, как в ателье на заказ.

Он был прав, и Лойко понял, что он догадывается кое о чем. Ему показалось, что староста старается убедить его в том, что время на них он тратит неспроста…

Ничего не ответив на намек насчет обуви и тем самым молча согласясь с догадкой старосты, Алексей Кузьмич тут же переобулся в разношенные рабочие ботинки, сказавшиеся ему впору.

А староста тем временем к Мише, воротник рубахи поправил, спросил:

— Что притих, шустроглазый? Напугался? — пятился он к порогу, пропуская Алексея Кузьмича на крыльцо. Посоветовал: — Нашего брата — старост и полицаев — пуще всего остерегайся. Фашисту штиблеты ничего не скажут.

Лойко с мягкой ухмылкой качнул головой, протянул руку, сказал твердо:

— Спасибо. Может, встретимся, должник я твой, парень.

— Если что, — неспешно подал руку староста, — рассчитывай, свояк. По целине влево от села держись. На шоссейку ихние патрули пошли.

* * *

Стышко поджидал в условленном месте. В косоворотке, перетянутой плетеным поясом с кистями, в парусиновых брюках и

полуботинках, весь опрятный, аккуратно причесанный, Василий Макарович выглядел по-старинному празднично. Так и сказал ему Лойко, встретясь.

— Обыватель с бухгалтерской профессией, ищу работу, — сделал умильную физиономию Василий Макарович и вдруг спросил: — А рация где?

Алексей Кузьмич доложил, почему пришлось схоронить рацию, подробно рассказал о встрече со старостой.

— В Яблоневке живет? Фамилию не узнал?.. Ну да, понятно. Стоит взять его на учет, покажи-ка удостоверение.

— Вот. Настоящее. Этот Ярощук прежде старостой был, застрелили его как будто партизаны из леса.

— Что же, становитесь Федором Захаровичем Ярощуком, — вернул удостоверение Стышко. — Пожалуй, твой знакомец правду сказал: не проходят легенды об освобождении из заключения. Об этом в первой же шифровке донесите Михееву. И пока все.

— Где мы обоснуемся? — спросил Лойко.

— Когда стемнеет, заберите рацию. Кстати, оттуда и передайте первое донесение, могут запеленговать. И перебирайтесь по краю леса ближе к шоссе… Тут у гитлеровцев столбовая дорога к фронту. Учитывайте все, что движется.

— Просто наблюдателями? — вырвалось у Алексея Кузьмича.

Василий Макарович строго посмотрел на него.

— Хватит вам работы, — успокоил он. — Прежде всего вам необходимо обосноваться, наладить четкую связь. Мне из Радомышля к вам недалеко, и житомирцам до меня сравнительно близко. У Ништы все обошлось нормально… Две железные дороги будем контролировать: восточную — на Киев, и северную — на Турчинку и Коростень.

— Плюс шоссе, — вставил Алексей Кузьмич.

— А в целом — перемещения врага на огромном участке фронта. Вы понимаете?! — многозначительно повысил голос Стышко. — А теперь отдыхайте, силенку нужно беречь, еще сгодится. Явка на хуторе, он от вашей новой стоянки в семи километрах вдоль шоссе на запад. Место приметное, ветряк без крыльев в стороне. Ты, Глухов, тоже понял?

Миша кивнул.

— Будешь связным. Завтра к пяти вечера сходишь на хутор, постучишь в крайний дом с оградой, попросишь милостыню. Встречу я или старик. Он скажет: «Тебе приварок или сухарей?»

— Ясно, — отчеканил Глухов.

— Всегда рад слышать это слово, — потрепал Мишу за вихры Стышко. — Ты знаешь, Алексей Кузьмич, староста располагает меня к доверию: врагу вас не выдал, дело посоветовал,

убедительно намекнул, что хочет помочь, и, наконец, удостоверение ссудил.

— Безо всякого расчета на новую встречу, — хмыкнул Лойко.

— Расчет-то мог быть. Изучить старосту надо. И к делу приспособить, — закончил разговор Василий Макарович.

…Лойко пошел готовиться к передаче, а Миша лежал в укромном и с хорошим обзором месте у края леса, гордясь своей принадлежностью к разведчикам во вражеском тылу, которые все видят и не дадут врагу скрытно наращивать войска.

Приятно было Мише и от этих мыслей и от сознания того, что ему предоставили возможность по-настоящему мстить врагу.

Потом Миша затревожился: пора было вернуться Алексею Кузьмичу, а он все не появлялся. Притих парнишка, чутко вслушиваясь в неразборчивые ночные шорохи. Наверху под порывами ветра гомонила листва, заглушая далекий и слабо доносившийся сюда рокот моторов на дороге.

Лойко возник на пригорке, расплывчатый и крупный на фоне звездного неба, и Миша осторожно по-птичьи свистнул ему.

— Все в порядке, тебе привет, — пошутил Алексей Кузьмич и развалился на траве.

Он отдыхал недолго, и вскоре они уже шагали по ухабистой, едва различимой в ночном лесу дороге.

Вторые сутки во вражеском тылу начались удачно.

* * *

Перед рассветом гул моторов на шоссе затих. И лишь когда высоко поднялось солнце, столбовая дорога ожила. В ту и другую сторону неслись разномастные машины.

— Пустое, все не то, — досадовал на никчемную трату времени Лойко, хотя, в сущности, сетовать ему было грешно: до утра время прошло не бесполезно, наступит и другая ночь, а главное — оперативная группа в действии. Этим и успокаивал себя Алексей Кузьмич.

Разведчики лежали у края леса в кустах.

— Ты в школе хулиганистым был? — от нечего делать поинтересовался Лойко.

— Не очень, — отозвался Миша и немного погодя добавил: — Деревенские мальчишки смирные.

С нежностью Алексей Кузьмич посмотрел на одного из этих «смирных» мальчишек, не умея словами выразить какое-то новое понимание силы, скрытой в душе русских ребят.

— Мишута! Кем ты после войны хочешь стать? — спросил

Лойко, лишь бы не молчать.

— Водовозом, — шустро ответил паренек, и на его щеках проступили ямочки.

— Ке-ем?

— Шучу. Маленьким еще, рассказывала мама, я обещал: «Вырасту, буду кормить вас кипятком». Отец смеялся, говорил: «Водовозом будет».

Алексей Кузьмич улыбнулся.

— Почему же ты так обещал?

— Кто его знает! Отец, когда зимой приходил с работы, первым делом: «Кипяточку, мать». Шофером работал.

Они помолчали.

— А я медиком собирался стать.

— Чего? — не понял Миша.

— На врача, говорю, мечтал выучиться. Даже поступал в институт. Райком в контрразведку направил… А тебе, парень, уже на хутор топать пора.

Лойко порасспрашивал, все ли хорошо запомнил Миша. Наставлять его не стал, запустил пятерню в его белесую кучерявую шевелюру, предупредил с нежностью в голосе:

— Осторожно смотри…

Он последил за Мишей, пока тот шагал по жиденькому клину леса и исчез в лощине, потом снова различил юркую фигурку в стороне за далеким селом и тут же потерял из виду.

«Удачи тебе!» — мысленно пожелал Алексей Кузьмич, скучая в одиночестве. Жара спала, но было сухо и душно. Разморенную тишину редко нарушали птичьи голоса.

И вдруг на полевой дороге, пересекающей шоссе, на которую Алексей Кузьмич даже не глядел, появилась колонна пленных. Они понуро брели трехрядным строем, безразличные к охране и ко всему вокруг.

Странным, даже диковинным было видеть среди пленных полковника в форме и с орденом Красного Знамена на груди. Он шел правофланговым в колонне, с перевязанной и гордо вскинутой головой, всем своим видом говоря: дрался достойно и теперь не хочу утратить воинскую честь.

Лойко не отрывал от полковника глаз. Черноволосый, с горбатым носом, он показался чекисту знакомым. «Где я его видел? — припоминал Лойко. И вдруг: — Танкист! В штабе корпуса генерала Туркова… Тяжко…» — провожал глазами колонну Алексей Кузьмич, переживая за тех, кто попал в руки врага.

К вечеру на шоссе стало оживленнее: то тягачи с пушками пропылят, то машины с прожекторными установками, а перед

темнотой гулко загрохотала танковая колонна.

Лойко надеялся, что главные и самые ценные сведения добудут его товарищи. Но сведения, которые принес поздно вечером умаявшийся связной, изумили его: «С Южного фронта переброшены и идут из Житомира на Киев три стрелковые дивизии, танковый корпус врага. Разговоры: готовится прорыв за Днепр».

Мишутка гордился выполненным заданием. Сходил он на хутор без приключений, принес в противогазной сумке несколько ломтей хлеба, лепешки, шмат сала и бутылку молока.

— Ты действительно вылитый нищий с сумой на плече, — одобрил внешний вид своего помощника Алексей Кузьмич.

— Деда себе нашел, — важно сообщил Миша. — Жить к себе приглашает дедушка Артем. Седой весь, руки большие, волосатые.

— Ну а ты что же ему?

— У меня, говорю, брат старший есть, посоветоваться надо. Это с вами, значит.

— Верно. Молодец! — хвалил помощника Алексей Кузьмич.

Глава 24

Столовая находилась под боком у школы, в бывшем детском саду. За одним столом с Михеевым оказались Грачев с Деревянко. Илья Яковлевич ловко, не пролив ни капли, нацедил из крынки молока и придвинул кружку Михееву.

— Крепкая у вас рука, нервы в порядке. Спасибо, — поблагодарил Михеев и спросил: — А чего у обоих глаза как с дремучего похмелья? Не выспались?

— Поздно приехали из Киева, — пояснил Грачев.

— Как съездили на передовую? — обратился Михеев к Деревянко.

— Нормально и с пользой. Около тысячи саперных лопаток достал.

— Это где же?

— Противотанковый ров закончили рыть, сдали инструмент. И еще на брошенном складе сотни три обнаружили.

Михеев покачал головой.

— Брошены! Я же указывал на непорядок в обслуживаемых вами тылах.

— Вы правы… Надо, товарищ комиссар, карать за безответственность. Вопрос о работе тылов необходимо снова поставить на Военном совете. Не можем же мы превращаться в толкачей и ревизоров, все тылы фронта я за неделю не обегу.

— Вам и не надо бегать; будь у вас надежная информация, вы бы знали и о брошенном складе, и о готовящейся краже автоматов, и обо всем другом.

— Краже? Где?

— На станции.

— Еду разбираться, — поправил под ремнем гимнастерку Илья Яковлевич, собираясь уходить.

— Без вас уже разобрались, арестованы трое… А вы давайте-ка доложите мне, какие у вас соображения по борьбе с безответственностью, о которой говорили.

…Грачев с Антоном Сухарем поджидали Михеева возле кабинета. Они составили первое донесение в разведцентр абвера о «выполнении» задания диверсионной группой и пришли доложить о дезинформации, тактический смысл которой Михеев согласовал с командующим.

Читая заготовленную радиограмму, Анатолий Николаевич не думал об идущих к фронту мнимых подкреплениях войск, танков, пушек, а только лишний раз переживал действительную обидную бедность в резервах.

«Если враг поверит ложному сообщению, то ответит наращиванием сил. Это будет чем-то вроде вызова огня на себя», — размышлял Михеев. Он тем более утвердился в этом своем мнении, зная о том, что на днях командование группировки гитлеровских войск было вынуждено оправдываться перед своей ставкой, требующей захвата Киева любой ценой, даже за счет ослабления ударов группы армий «Центр» на Москву.

— Именно это и передать, — прихлопнул ладонью по столу Михеев и спросил: — Что за мост вам велено подорвать?

— В Остере, через Десну.

— Гляди-ка куда замахнулись!

Антон заулыбался. Он был по-прежнему в форме лейтенанта, только теперь у него в кармане лежали настоящие документы.

— Что ж, ладно, передавайте, пусть шлют взрывчатку, примем, — отдал донесение Михеев. — Поверят, запросим подкрепление, для начала человек десять… От Стышко свежих вестей нет?

— Вечером ожидаем, — ответил Грачев.

— Под Белую Церковь оперативная группа отправилась?

— Сегодня ночью перешла линию фронта.

— Хорошо, свободны. Слышал, Плетнев вернулся, пусть зайдет, — распорядился Михеев.

А Дмитрий Дмитриевич уже стоял в дверях, убеждая начальника секретариата:

— Я с фронта, понимать надо…

— Проходи, «командарм»! — приветливо встретил Плетнева Михеев.

— В самую горячую пору вызвали, опять фашист там вовсю шарахнул, — кулаком изобразил вражеский удар Дмитрий Дмитриевич.

— Потому и вызвал. А воевать в полку, лезть в бронепоезд я вас не посылал, — неожиданно для Плетнева упрекнул Михеев. — За оперативную работу беритесь, а то ваш заместитель из отдела не выходит.

— Беда какая, люди из окопов не вылезают, под пулями… — не закончил фразы Дмитрий Дмитриевич, поняв, что говорит лишнее. А попрекнуть своего заместителя счел нужным: — Где ему справиться, завел дел вот такую тору, — поднял он над столом руку, — всех паникеров сосчитал в стрелковых частях. Боец и недоумение и возмущение высказывает. Право на то имеет. Кому же, как не ему, чувствовать нехватку во всем, кому хочется дешево отдавать жизнь!

Плетнев говорил возбужденно, колюче сверкая глазами, и Анатолий Николаевич легко представил его там, на передовой.

— Разговоры, конечно, гадкие бывают. Об измене, вредительстве. Недоумевают люди, понять не могут происходящее…

— Положение тяжелое. Тем более пораженческие настроения надо без сожаления пресекать. От них вреда больше, чем от вражеских снарядов.

— Бесспорно, товарищ комиссар, — согласился Плетнев.

— Но это не значит, что надо грести лопатой всех, кто рот открыл. Разъяснять людям истинное положение требуется… — закончил свою мысль Анатолий Николаевич.

— Посулы-то и бесят, оборачиваются недоверием. Начнешь говорить, по-человечески объяснять, другой и не слушает, даже не поймешь, на кого он злобится. Вот ведь что ужасно, я понимаю, — совсем тихо произнес Плетнев. — Но еще ужаснее, когда подвергаются сомнению действия командования. Есть данные, что генерал Артамонов подчас проявляет малодушие.

Михеев оборвал резко:

— Откуда эти данные? Слухи или есть подтверждение?

— Есть, товарищ комиссар. Белозерский представит.

Болезненно остро воспринял Михеев сообщение Плетнева. Его и без того не покидала тревога за моральное состояние бойцов, узнавших об окружении основных сил шестой и двенадцатой армий, о прорыве врага к пригородным киевским поселкам Мышеловка и Совки.

Состоялось срочное заседание Военного совета фронта. После доклада об обстановке начальника штаба генерала Тупикова и обсуждения срочно принятых мер слова попросил Михеев. Он начал с сообщения о том, что, по данным дальней разведки, с Южного фронта переброшены и уже прошли из Житомира на Киев три стрелковые дивизии, танковый корпус противника. Среди немецких солдат ходит разговор о прорыве за Днепр.

Начальник разведотдела полковник Бондарев вопросительно взглянул на Кирпоноса, и тот рукой показал ему: дескать, слушай, мне известно, откуда эти данные получены.

— Прошу обратить внимание на участок обороны, который занимает дивизия генерала Артамонова, — продолжал Михеев. — Кроме того, что я уже докладывал, поступили сведения, что воины теряют веру в своего комдива, который проявляет факты малодушия. Май долг обязывает предупредить командование о возможных печальных последствиях.

Генерал Тупиков пояснил:

— Уже стоит вопрос о его замене. Подбираем кандидатуру.

— Немаловажным считаю усилить разъяснительную работу среди бойцов, — повернулся Михеев к Бурмистенко. — Надо

открыто, не умалчивая горьких трудностей и поражений, говорить воинам правду. Это предупредит кривотолки, панические слухи. Когда знаешь обстановку, пусть тяжелейшую, но не сомнительную, злости добавляется и стойкости. И еще. Мне представляется необходимым поставить на Военном совете вопрос о тылах фронта. Мы располагаем примерами нерасторопности, граничащей с преступной халатностью, в отдельных интендантских звеньях.

Бурмистенко заявил:

— Целиком поддерживаю товарища Михеева. Считаю, вопросы он поднял очень важные и неотложные.

В комнату вошел порученец командующего, подал Кирпоносу развернутый лист бумаги и вышел. Генерал-полковник быстро прочитал текст, передал лист Тупикову и поднялся.

— Товарищи! Противник прорвался в Голосеевский лес, захватил территорию сельскохозяйственного института.

Все поняли: перед врагом открылись ворота южной части города.

— Василий Иванович! — обратился Кирпонос к Тупикову. — В Киев только что прибыла воздушно-десантная бригада полковника Родимцева, очень боеспособная. Пусть немедленно выступает в Голосеевский лес, выбивает оттуда врага. Нельзя допустить, чтобы он закрепился там. Других сил у нас под рукой нет. Пошлите туда еще группу командиров штаба фронта, батальон пограничников из охраны.

— Товарищ командующий! — встал Михеев. — Я с оперативным составом тоже еду в Голосеевский лес.

— Правильное решение, — одобрил Кирпонос. — Во что бы то ни стало необходимо до вечера выбить противника из черты города. Отправляйтесь, товарищ Михеев. На месте решите, где воины-чекисты нужнее.

«Где нынче отыщешь не нужнее?» — мысленно усмехнулся Михеев, выходя из кабинета. С ним вместе вышел и член Военного совета Бурмистенко.

— Тоже в Голосеевский? — спросил его Михеев.

— Нет, в Киев, сначала в ЦК, — нахмурившись, ответил Бурмистенко. — Я вот что собирался тебе сказать. Нельзя с подозрением относиться ко всем вышедшим из окружения. Роптать люди начинают: вызовы, допросы.

— Опросить мы должны. А они обязаны дать объяснение, что делали в тылу врага. Это вовсе не значит, что их в чем-то подозревают.

— А ты знаешь, что люди боятся выходить из окружения поодиночке? Говорят, замотают особисты, если не будет

свидетелей.

— Занятно получается: еще не вышли из окружения, не знают, кто и как будет с ними говорить, а уже боятся… Болтовня! — недовольно воскликнул Михеев. — Я могу назвать десятками красноармейцев и командиров, которые поодиночке пришли из окружения, и в гражданской одежде, честно сказали все о себе и даже о том, где их задерживали немцы — чаще на переправах, о чем спрашивали, почему отпустили… Словом, люди в строю, и никто их ни в чем не обвиняет.

— Приятно слышать, больше не задерживаю, — удовлетворился ответом Бурмистенко и подал руку. — Осторожней там, в лесу драться сложно.

* * *

В Голосеевском лесу и на южной окраине Киева рвались артиллерийские снаряды и мины. Бой не затихал. Совки и Сталинка переходили из рук в руки. Устойчивого переднего края не было Он перемещался под беспрерывными контратаками с обеих сторон.

Группу в сорок чекистов Михеев повел к южному краю Голосеевского леса, бегом проскочили лощину, прячась в густых зарослях.

— Вперед! — рванулся Михеев в редколесье, держа наготове маузер.

— Ложись! — гаркнул кто-то над головой Михеева и придавил его к земле.

Тут же ударили вражеские автоматы, но пули просвистели стороной.

— Осторожнее, — предостерег Плетнев, это он лежал возле Михеева. — Тут ухо держи востро, мигом срежут.

— Могут и срезать, — согласился Михеев, смотря на присоединяющийся батальон пограничников из полка охраны тыла фронта. Батальоном командовал затянутый ремнями портупеи коренастый старший лейтенант. Он то и дело что-то бойко приказывал, и Михеев ощутил неловкость за малочисленность своего воинства.

Когда старший лейтенант повел батальон в атаку, Михеев тоже бросился вперед, во всю мощь голоса крикнув чекистам:

— За мной! Вперед!

Гитлеровцы били плотным огнем, хотя лес и укрывал атакующих. Возле поляны пришлось залечь. Михеев поспешно перезарядил маузер, подготовил гранату. И, не дожидаясь новой

волны атаки пограничников, скомандовал:

— Гранаты к бою!

Когда загрохотали разрывы, снова поднялся во весь рост. Он нетерпеливо рвался вперед, как будто хотел первым проскочить Голосеевский лес, но его обходили Плетнев, Плесцов и даже Капитоныч, убежавший от своей машины и тоже кинувшийся в атаку. Анатолий Николаевич понял, что его оберегают особисты, прикрывают собой.

И вдруг по цепи наступающих разнеслась команда, небывалая и никем не слышанная прежде:

— Залечь! Вперед ни шагу! Реактивная артиллерия готовит залп!

Ждали недолго. Залп ошеломил невиданным блеском огненных стрел и устрашающим воем и грохотом. Казалось, ничего живого не осталось там, в расположении врага, затянутом черной полосой дыма.

С правого фланга, нарастая, прокатилось «ура». В боевом кличе вырвалось наружу людское возбуждение, подымая и увлекая вперед. Голосеевский лес неумолчно звенел от стрельбы. Цепи атакующих шли плотно, преследуя уцелевшего противника. Лес был завален трупами гитлеровцев. Враг поспешно откатился.

…Не предполагал Михеев такой встречи с генералом Турковым. Комиссар был наслышан о смелых и удачных боях танкового корпуса, которым командовал Герасим Федорович, знал о награждении генерала вторым боевым орденом Красного Знамени. И вдруг командующий вновь созданной тридцать седьмой армии обвинил Туркова в невыполнении приказа и уклонении от боя. Обвинение тяжкое, и прокурор дал санкцию на арест генерала.

Тягостное чувство испытал Михеев, узнав неприятную новость. Не верилось, что Турков, волевой, заслуженный командир, беспрерывно находившийся со своим корпусом в боях, вдруг стал уклоняться от врага.

— Какие у вас материалы на него? — спросил Михеев у прокурора, когда они выехали в штаб танкового корпуса.

— Приказы командарма, их два, и представление в прокуратуру.

— Он же в пятой армии воевал. Как очутился в тридцать седьмой? — вслух недоумевал Михеев.

— Не знаю, — сверкнул золотыми зубами прокурор.

— А вам известно, дошел приказ командарма до Туркова?

Прокурор задумался.

— Обвиняют в невыполнении приказа, который, разумеется, был вручен. К тому же в уклонении от встречи с противником…

— Я бы не стал полагаться на «разумеется», решая вопрос об аресте.

Штаб танкового корпуса отыскали в рощице под Сталинкой. Генерал Турков, худой, сутулый, с потемневшим, осунувшимся лицом, что-то говорил командирам, держа в руке раскрытый планшет с картой. Он заметил Михеева, улыбнулся устало и немного удивленно, перевел взгляд на прокурора с тремя автоматчиками поодаль, нахмурился, продолжая говорить:

— …В случае удачи гнать на Жуляны, громить тылы, не давать спокойно сосредоточиться для новых атак.

К Михееву подошел начальник особого отдела корпуса старший лейтенант госбезопасности Петров, до войны работавший в Москве.

— Я вас и не узнал, — подал руку Михеев, не мешая генералу ставить боевую задачу, и почему-то вспомнил разговор с женой Петрова Юлией Викторовной, но сейчас было не до расспросов.

— Какое-то недоразумение! — тихо заговорил старший лейтенант госбезопасности. — Чудовищное, я бы сказал.

— В чем дело? Говорите же, — поторопил Михеев.

— Приказ командарма только что доставили. Генерал Турков освобожден от должности и отдается под суд. О каком невыполнении приказа идет речь? Я живой свидетель… Штаб фронта присылает одно распоряжение лично Туркову, командарм требует выполнения своего боевого приказа, а критическая обстановка навязывает другую крайнюю необходимость.

Михеев взглянул на прокурора, и тот понимающе кивнул. А Петров все возбужденнее продолжал:

— Корпус почти не выходит из боев, тает с каждым днем. Танкистов орденами высшими следует наградить, а не обвинять. Кощунство! Я этого так не оставлю, буду жаловаться в самые высшие инстанции!

Освободившись, Турков подошел к Михееву Анатолий Николаевич обратил внимание, что генерал помедлил первым подать руку. Он, конечно, понял, зачем приехали начальник особого отдела и прокурор с автоматчиками, но не подал виду, спокойно сказав:

— Слышал о вашем приезде, малость не застал тогда под Белкой… У вас тоже хватает хлопот… Не пойму только, что за необходимость вам лезть под фашистские танки?

— Получилось так, — ответил Михеев, понимая, что Герасим Федорович ожидает другого, неприятного разговора, и захотел поскорее снять с генерала тяжелый груз. — Голосеевский лес давеча освободили. Особисты, пограничники, командиры штаба фронта одной цепью шли. Фашистов понабили… И вдруг,

оказывается, вы неподалеку. Дай, думаю, проведаю.

Зная прямодушный характер Михеева, Герасим Федотович счел его оговорку на случайность приезда моральной поддержкой. Но снова не подал виду.

— Спасибо, что не забыли, — поблагодарил он.

— Ну что вы… Поеду, пора, — протянул руку Михеев и сказал самое главное: — О приказе командарма я доложу генералу Кирпоносу. Еду в Бровары. Уладится. — Михеев не видел, что за его спиной пошел к своей машине прокурор, заметил лишь, как дрогнули веки у генерала и благодарным стало его жесткое рукопожатие. — Да, — вспомнил Михеев, — вам что-нибудь известно о судьбе Ивана Ивановича? Я видел, как подожгли его танк.

— Погиб, считаем.

— В плену он. Это совершенно точно. Видели его в колонне пленных, раненного.

— Неужели?! Жалко. Очень сожалею! Лучший командир бригады был… Он убежит, поверьте, вернется в строй!

— Как говорится, дай бог. Счастливо вам, Герасим Федорович, воюйте на страх врагам! Все уладится, — еще раз успокоил генерала Михеев, уходя.

Турков распрямился, поправил на голове фуражку. И вдруг, поискав глазами ординарца, окликнул его.

— Побрей-ка меня, что ли, — попросил он, ощупывая щетину на подбородке. — Зарос, как арестант… А я нынче вроде именинника.

* * *

В особом отделе Михеева ждал пакет от Белозерского из 5-й армии. Он тут же вскрыл его а стал торопливо читать присланный материал на генерала Артамонова, задерживаясь и просматривая снова отдельные места:

> «…Оторвавшись левым флангом дивизии от своего стрелкового корпуса в момент, когда враг еще не вышел к реке Ирпень, комдив Артамонов не принял необходимых и возможных мер к ликвидации разрыва, отдал самовольный приказ сместить полки к плацдарму 5-й армии, предложив командарму Горбаню полк для закрытия образовавшейся бреши (фактически перебросил два полка, второй бездействовал, и, по сути, комдив держал его в резерве для обороны штаба

дивизии, а реально — для личной безопасности).

…Пользуясь временным затишьем на левом фланге дивизии, генерал Артамонов скрыл истинное положение, пока оно не было выявлено командованием и предприняты срочные меры для обороны оголенного участка фронта. Однако эти меры оказались запоздалыми и не могли обеспечить надежного заслона врагу, нанесшему удар по данному участку и создавшему угрозу прорыва к правому флангу Киевского укрепрайона.

…Генерал Артамонов на глазах у всех штабистов проявляет трусость и малодушие…»

Бросив бумаги на стол, Михеев вызвал Ярунчикова.

— Прочитай, полюбуйся, — показал он, будто швырнул, рукой на бумаги. — И я-то хорош, уговариваю командование, верю на слово — заменят… Сейчас же пиши постановление на арест Артамонова. Я составлю шифровку Белозерскому для немедленного исполнения ареста. Иначе натворит дел этот перетрусивший генерал.

— А санкция прокурора? — напомнил Ярунчиков.

— Оформляй документы для санкции, я сам этим займусь, — снял телефонную трубку Михеев и позвонил прокурору фронта, попросил его приехать в особый отдел. — В виде исключения, дело очень неотложное, — добавил, смягчая просьбу, Михеев и стал писать шифровку Белозерскому.

Писал он быстро, с нажимом, так что слышно было, как скрипело перо и ширкал по столу манжет гимнастерки. Не закончив шифровку, Михеев вдруг позвонил Кирпоносу:

— Михеев обращается… Извините, надо бы лично, однако обстоятельства… Позже доложу. Скажите, пожалуйста, замена комдиву, о котором говорили, уже есть, назначена?

— Кандидатура есть, но послать замену сможем не раньше завтрашнего дня.

— Соединение может остаться без командира, — счел необходимым поставить в известность Михеев.

— Я не совсем понимаю…

— Он утратил моральное право командовать, трус, от которого можно ожидать любой крайности, вплоть до сдачи врагу.

— Ну это вы слишком… — как всегда спокойно, возразил командующий. — Твердо обещаю, завтра пошлем замену. Приказ сегодня будет. Мы же договорились.

— Через час я могу прийти к вам? У меня еще доклад о

генерале Туркове… Хорошо, через сорок минут я буду у вас.

Видя взвинченность Михеева, Ярунчиков решил успокоить его, сказав:

— Я не думаю, чтобы Артамонов дошел до такой крайности. Он это мог давно сделать. Растерялся просто, не хватает силы воли. Одним словом, война показала — не на своем месте человек.

— Вот и надо успеть не дать ему обрести «свое» место. А то встретимся с ним… когда фотографию фашисты пришлют, — Михеев показал рукой вверх, — листовкой, с самолета. И не фальшивку, а с угодливой улыбкой, в соответствующем окружении… Ты чего отложил постановление? Давай оформляй.

— Оно готово. — Ярунчиков положил перед начальником отдела бумагу.

Михеев просмотрел его, молча отодвинул и стал продолжать писать шифровку. Откуда им было знать, что в это же самое время Белозерский передал для Михеева срочную радиошифровку о том, что генерал Артамонов, изменив Родине, перешел на сторону гитлеровцев.

Когда Михеев получил это известие, у него задрожали губы, лицо напряглось и только глаза растерянно блуждали, будто он стыдился взглянуть на стоящих рядом сотрудников, дышал прерывисто — так велико было возмущение случившимся и недовольство самим собой.

— Все свободны, — сказал наконец Михеев и, видя, что Ярунчиков не собирается уходить, повторил: — Ты тоже свободен.

Ярунчиков не подчинился, не мог оставить Михеева в рту минуту один на один с большой неприятностью, догадываясь, что начальник отдела решил взять всю вину на себя.

— Что у тебя? Я же сказал… — жестко бросил Михеев, начав писать: «Наркому внутренних дел СССР…»

— Не мучайся, Анатолий Николаевич. Давай вместе обмозгуем, — придвинул стул поближе и сел Ярунчиков. — На арест Артамонова у нас не было достаточных причин. Мы не располагали данными о возможной измене. Материалы, которые сегодня получили, давали лишь повод для догадок. А догадки не являются основанием для ареста…

— Какие догадки?! — перебил Михеев. — Нам с тобой сейчас надо думать не о том, как обелять себя, чистыми выйти из этого позорного, непростительного для нас факта… Туда, в дивизию, сейчас же пошли Плетнева, пусть на месте во всем разберется. И вернется с сотрудником, который обслуживал штаб дивизии, здесь его судьбу решим… Все. Надо немедленно доложить наркому о чрезвычайном происшествии.

Ярунчиков тихо, на цыпочках, вышел.

Глава 25

Враг прорвал оборону севернее и южнее Киева. Эта новость для Лойко была все же неожиданной, хотя он сам передавал радиограмму о подготовке противника к мощному наступлению и форсированию Днепра. Эту шифрованную радиограмму Лойко отправил сразу же, как только Миша вернулся с явки, не дожидаясь темноты и не покидая своей базы. Донесение было особой важности.

Ночью они спали по очереди. Стышко настрого запретил приближаться к шоссе и разъяснил: «Ваша задача — следить за передвижением войск и сообщать в донесениях, а наращивание или прекращение переброски — указывать особо».

Нынче, как никогда, шоссе гудело и содрогалось от потока машин, тягачей с пушками и танков.

«Кажется, началось…» — встревожился Лойко. Миши с ним не было, он вчера заночевал на хуторе и вернуться должен был утром. Алексей Кузьмич всматривался в жиденький клин леса, в пологую кривизну лощины, за которой виднелось село, — Миша всегда появлялся оттуда, но знакомой худенькой фигурки не видел.

Лойко попытался установить связь с радистом особого отдела в неурочное время. И это ему скоро удалось сделать: на Большой земле стерегли его позывной. Ответили коротко:

«Подтверждаю. Ясно. Восток».

— Подтверждают наступление и прорыв врага, — вслух расшифровал Алексей Кузьмич. «Восток» означало: перебирайтесь ближе к фронту.

Точно такую же новость нес Лойко и Миша Глухов. Чуть ли не до рассвета он прождал у деда Артема связного от Стышко и невыразимо обрадовался, увидев Севу Бугаенко. Тот попил воды и сразу увлек Мишу со двора, чтобы затемно уйти с хутора. Молча они прошагали до ближайшего леска, присели. Бугаенко отдал Мише донесение, пересказал распоряжение Василия Макаровича о том, что очередная встреча со связным назначается через три дня ближе к полуночи у млына, то есть возле ветряка с восточной стороны села, в котором их задержал рябой староста, прозванный ими «свояком». Если встреча не состоится, ждать следующей ночи.

Они распрощались, похлопав друг друга по плечам, и Миша, увидя, что Сева направляется на восток, удивленно спросил:

— А ты куда? Тебе разве не обратно?

Бугаенко помедлил с ответом, но все же решился сказать:

— Послали к своим, через фронт… Есть такое, что не передашь по рации. Да и переводчика нет. Кое-как разобрали, документы важные.

— Где достали? — полюбопытствовал Миша.

— Фрицевского генерала заловили, распотрошили, а в пузе у него ценные сведения, — с серьезнейшим видом ответил Бугаенко.

— Ну и топай, — обиделся Миша. — Сидим тут, ничего о вас не знаем. Хотел обрадовать Алексея Кузьмича.

— И знать не надо Нам тоже еще нечем похвастаться. Партизаны вот начинают действовать. Легковушку захватили с каким-то важным фрицем. А у него портфель… Бумаги нам передали. Буланов Леша принес. Ну а доставить через фронт мне поручили. Ночи больно короткие. Днем как-то изворачиваться надо, но идти.

— Не попадись, — простодушно предостерег Миша, уважительно смотря Севе в глаза.

— И тебе того же, — деловито пожелал Бугаенко и пошел своей дорогой.

Миша Глухов миновал уже большую часть пути, обогнул село — вчера тут на него набросились собаки, и теперь он запасся корявым, проржавевшим осколком снаряда, чтобы в случае чего было чем отбиваться. Он сильно устал от быстрой ходьбы и даже под горку в лощину спускался шагом, вошел в редкие дубки и вдруг присел, сквозь деревья разглядел стадо коров.

«Чье оно? Не колхозное же… Кто-то пасти должен», — насторожился Миша. Он уже потихоньку начал обходить стадо, чтобы незаметно проскользнуть в лес, как вдруг у самых ног увидел лежавшего гитлеровца; тот спал, прижав автомат к груди.

Что произошло после, Миша в точности не помнил; со всей силой ударил он сонного солдата корявым осколком в висок и растерялся, кажется, метнулся не в ту сторону, куда шел, увидел усатого мужика с винтовкой через плечо, бросился бежать… Слышал выстрел позади, потом еще два и упал, обессилев, отчетливо различая быстро приближающиеся шаги, не шевельнулся, даже не поднял головы… Его встряхнули, поставили на ноги сильные руки. Увидел Алексея Кузьмича.

— Ну, дружище!.. — покачал головой Лойко. — Уложил я их, а то бы капут был нам… Посиди-ка тут, я сейчас.

Но Миша быстро отдышался и направился следом. Алексей Кузьмич внимательно рассматривал документы убитых, то и дело посматривая в сторону села — не прибежит ли кто-нибудь на

выстрелы.

— Тикаем, — посоветовал Миша, не понимая, почему они медлят.

— Бери-ка кнут и гони коров к просеке, — не слушал, торопясь, Лойко. — А я тут приберу, чтобы следов не осталось… И за рацией слётаю.

Оставшись с двумя десятками идущих коров, Глухов только теперь почувствовал тревожное удовлетворение от своего поступка и сам себе показался взрослым, как будто перешагнул невидимую грань, за которой окончилась его мальчишеская жизнь.

…Теперь по документам Лойко стал Иваном Королевым, полицаем, которому поручено доставить восемнадцать коров в тылы немецкой пехотной дивизии.

Рацию положили в мешок, связали его за лямки с объемистым фрицевским ранцем и приспособили ношу быку на спину. В этом был расчет: если захотят фрицы молока, возьмутся за коров.

Как ни жалко было бросать шмайсер, с ним пришлось расстаться: полицаям автоматы не давали. И шел Иван Королев, доверенное фашистское лицо, в открытую неся за плечом тяжелый карабин, а за поясом под рубахой — свой безотказный ТТ.

Стадо гнали к фронту и вдоль него, с похвальным усердием «стремясь» к тылам пехотной дивизии. Постоянное перемещение разведчиков давало возможность в любое время передавать командованию добытую информацию о вражеских войсках. Чаще вечером, а то и днем, останавливаясь на выпасе, Лойко готовил рацию для связи, спокойно передавал сводку, зная, что его помощник зорко смотрит по сторонам.

Несколько раз их останавливали фашисты. Документы были в порядке. Они гнали стадо поближе к расположению войск, предлагали солдатам доить коров, ссылаясь на то, что справиться самим не под силу.

Вот тут-то Миша становился зазывалой. Он шнырял среди вражеской техники, приглядывался, запоминал. И как-то восхитил Алексея Кузьмича своей наблюдательностью.

— Танки стоят здоровенные, какие-то лобастые, и пушки во-от такие, — показал он толщину ствола руками с растопыренными пальцами.

Лойко погнал скот поближе к танкам и тоже удивился: таких он никогда не видел, Миша подсказал:

— У танкистов чуть ли не у всех ленточки разноцветные вот

тут, под пуговицей, — показал он на грудь. — Это награды? Отличились где-то.

Вскоре важная новость полетела в эфир. Закончив передачу, Алексей Кузьмич ободрил мальчишку:

— Гордись, твои вести известны в штабе фронта.

Приятной была Мише похвала. Он даже засмущался, как девушка.

Но благодушное настроение длилось недолго: подошли к передовой, которую наши оставили. Грустно оглядели поле боя. Задерживаться не стали. Вечерело, и они спешили. Неожиданно позади на шоссе остановились два крытых грузовика, и из них попрыгали на землю солдаты. Сразу — к стаду, а двое направились к Алексею Кузьмичу.

Лойко спокойно пошел навстречу. Он ожидал, что вот сейчас у него спросят документы и тогда он не спеша вынет из кармана… Удар прикладом в плечо сбил Алексея Кузьмича с ног.

В стороне загремели ведра, вскрикнул Миша и притих. Слышались возбужденные, непонятные голоса.

Когда Лойко поднялся, у него не было ни винтовки, ни пистолета. Он пробовал объясниться, пальцем показывая на свои документы, оказавшиеся в руке солдата. Гитлеровец замахнулся на него кулаком, но не ударил, остановленный окриком фельдфебеля. Тот стоял возле вываленной из мешка рации — советской, в зеленой покраске…

Мишу бросили в кузов первым. А когда втолкнули туда Алексея Кузьмича, мальчишка с наивным видом спросил:

— За что они нас?

— Разберутся, парень. Ты-то, кажись, из этих мест…

Их отсадили друг от друга. Но Миша уже догадался, что надо говорить ему, когда спросят: «Пристал к дяденьке со стадом, чтобы прокормиться… коров доил…»

Было уже темно, когда их привезли в село, и, если бы не знакомый двор старосты — «свояка», разведчики не сообразили бы, где находятся.

* * *

Остатки расчлененной 6-й армии продолжали драться в полном окружении, пытаясь выйти к своим. Прорыв к реке Сенюхе захлебнулся. Враг предложил окруженным сдаться. Ответом был последний, отчаянный бой, попытка прорваться в северном направлении, где, по расчетам, могли еще находиться части 26-й армии.

Прорыв успеха не имел. Пробиться сквозь густое скопище вражеских войск оказалось не под силу. Уцелевшие разрозненные группы 6-й армии стали выходить из окружения самостоятельно. Шли на Кировоград.

…Михаил Степанович Пригода с тремя командирами штаба армии и несколькими красноармейцами остановились на дневку в селе Вербки. Пожилая хозяйка хаты, готовя на тагане ведерный чугун еды, рассказывала:

— Недолго носились тут немцы, утром понаехали, к вечеру исчезли. Они вдоль больших дорог держатся… Собирали нас возле школы. Пузатый фриц с грузовика орал: «Господа! Мы вас освободили…» А сам все об уборке хлеба надрывался. «Новый порядок», говорит, требует свой порядок. Обещал землю и колхозное добро, которое они уже понахапали, между всеми распределить. Церковь обещал восстановить, а в религиозные праздники разрешить молиться, не работать.

— Объявления какие-то на столбах, о чем они? — спросил Михаил Степанович, собираясь бриться.

— Приказов понавешали, — выглянула в окно хозяйка и пошире растянула штору. — Четырнадцать пунктов расписали, и в каждом — расстрел: за неподчинение, за порчу проводов, телеграфных столбов, уничтожение хлеба, скота… Все-то я и забыла.

— Старосту избрали?

— В тот же день, — присела рядом с Пригодой хозяйка. — На работу каждый день гоняет. Осенью обещают по двенадцать пудов зерна на человека дать.

— И вы поверили? — Очень уж задело Михаила Степановича это обещание.

— Нешто народ глупый, сразу поняла хитрость: побольше хлеба собрать желают и вывезти. Как тут быть?

Мыльная кисточка в руке Пригоды еще некоторое время продолжала ходить по щеке, но все медленнее, останавливаясь.

— Как быть? — повторил Михаил Степанович задумчиво. — Желательно, чтобы ничего врагу не досталось.

— Легко сказать, — пошла к таганку хозяйка. — Они вон, пока день стояли, шесть раз заставляли корову доить. Всех курей переловили, один кобель остался, и того чуть не прибили.

Будь этот разговор с мужчиной, Пригода никак бы не удовлетворился таким несложным ответом. Но перед ним стояла пожилая женщина, и он счел достаточным то, что услышал.

А та не успокоилась:

— В Каменке вон мальчишка ухлопал спящего офицера, глупый, у себя на квартире расправился, повесили его. Да еще

семнадцать школьников собрали возле клуба и расстреляли. Запугивают народ.

…Спали на сеновале. Дежурили по очереди. Хозяйка пошла раздобыть гостям еды на дорогу. Вернулась с пожилым дядькой на телеге.

— Получайте харч, — сдвинула с задка сено женщина. — Хлеба на всех, сала… Деверю вот спасибочки, выручал.

Деверь сразу с вопросом:

— Правду балакают фрицы, будто и Ленинград и Москва окружены?

— Врут, конечно, языком-то они уже и Киев взяли, — ответил Пригода с усмешкой.

— Во-он оно что, — потер седой затылок дядька. — А японец, турка ничего?.. Ну на Кавказе, на Востоке нет войны?

— Кто это говорит? — насторожился Михаил Степанович.

— Захватили, толкуют…

— Ерунда, — отмахнулся Пригода. — Два дня назад там тихо было… Спасибо вам. От Советской власти спасибо. Прощевайте пока.

— Эх, хошь бы дня на три она вернулась, Советская власть, — сверкнули у дядьки глаза. — Перевешали бы сволочей, которые фашисту зад лижут, а потом и помереть не страшно.

— Вернется, и навсегда, это я вам твердо говорю, — заверил Михаил Степанович и низко поклонился хозяйке. — Вернемся, мать!

Глава 26

До заседания Военного совета фронта Плесцов не смог доложить Михееву оперативную информацию из особых отделов армий и корпусов.

— Погоди, такие бумаги наши захватили у врага, не до чего сейчас, — отмахнулся от него Анатолий Николаевич. — По пути в штаб доложишь, возьми материалы.

В кабинете у Михеева находились Ярунчиков и вернувшийся из вражеского тыла Сева Бугаенко, а сбоку стола склонился над бумагами переводчик Акопян. Разговаривали тихо, чтобы не мешать лейтенанту переводить на русский язык немецкие документы: два приказа генерала Штапфа и директиву с анализом боевых действий на киевском направлении за минувшую неделю.

Акопян торопился, но писал старательно, потому что Михеев следом за ним читал перевод и делал себе выписки — самое главное, о чем собирался доложить на Военном совете. Анатолий Николаевич успел сразу при появлении Бугаенко расспросить его о работе разведывательных групп в тылу врага, о связи с партизанским подпольем — сам давал Стышко явки, полученные от Бурмистенко, интересовался, как удалось достать принесенные немецкие документы, стал просматривать их и тут же вызвал Акопяна, отложив беседу с разведчиком на более позднее время.

Воспользовавшись моментом, Ярунчиков спросил Бугаенко:

— Где линию фронта переходили?

Сева перевел на него свои большие глаза.

— Я не переходил… А то бы так скоро не добрался.

— Да как же вы?! — изумленно вырвалось у Никиты Алексеевича, что Михеев даже обернулся. — Сплошной линии обороны, что ли, не оказалось?

— Не знаю, есть или нет, — пожал плечами Сева. — Я через Днепр переправился, сразу попал к нашим. Попросил связаться с особым отделом фронта. Меня в штаб, оттуда на машине сюда, к вам.

— Мне звонили… — пояснил прислушивавшийся Михеев.

— Ну а через Днепр-то на чем? И сухой… — не удовлетворился еще целиком Ярунчиков.

— На бронекатере… Он за разведчиками пришел, высаживал прошлой ночью, а я на них налетел, думал найти лодку… Повезло вот.

— Да, сверхудачно… — дал свою высшую оценку Ярунчиков.

Вошел запыхавшийся Грачев, увидел устало сидящего

Бугаенко и с обеспокоенным лицом подошел к Михееву.

— Потом поговорим, поздно явился, — оторвался от записи Михеев и, приметив тревогу Мирона Петровича, успокоил: — Все нормально, даже на залишке. Займись своим воспитанником, прежде накорми, много не мучай расспросами, пусть отдохнет, Переводчик в группу Стышко нужен. Поезжай в Киев, подбери хорошо владеющего немецким. Лучше бы мужчину в возрасте… Ну сам знаешь. Три дня даю тебе сроку.

Бугаенко мечтательно дополнил:

— Снова на бронекатере бы на тот берег. Никаких хлопот. Сверхудачно!

И все заулыбались, даже Ярунчиков.

— А что ж, это дельная мысль, — поддержал Михеев.

…На заседании Военного совета Плесцов присутствовал впервые. Он хорошо знал то, о чем докладывал Михеев, — вся информация проходила в основном через Ивана Михайловича, но не представлял, с каким глубоким проникновением в живой организм фронта ведется здесь острый разговор, дается оценка боевой силы войск, измотанных, истерзанных непосильными боями, в невообразимом напряжении сдерживающих новый, усиленный нажим врага, двинувшего свои дивизии севернее и южнее Киева.

Плесцову были известны выводы, которые делал Михеев из ежедневной чекистской информации, часто неожиданные по глубине и предусмотрительности, позволяющие комиссару своевременно посвящать командующего в причины и следствия неблагоприятного развития событий. Просчет, который был допущен с генералом Артамоновым, до сих пор тяжело переживаемый Михеевым, командующий фронтом открыто взял на себя, что, впрочем, не уменьшило чувства собственной вины у Анатолия Николаевича.

Докладывая на Военном совете о предательстве Артамонова, Кирпонос заявил о том, что он лично был своевременно предупрежден начальником особого отдела фронта сначала о необходимости замены комдива, а затем и о возможной его измене, не только подчеркивая этим чрезвычайную важность сообщений комиссара госбезопасности, но и настаивая на безотлагательности решений, которые подсказываются чекистскими выводами.

С каждым разом информация и заключения Михеева становились значимее, их ждали на Военном совете. Не повторяя, но дополняя данные штаба фронта, начальник особого отдела стремился совершенно определенно объяснить, а если

требовалось, то и документально подтвердить причины успеха и неудач на разных участках обороны.

Плесцов ждал выступления Михеева, при этом, правда, думая всего лишь о том, что у комиссара есть важное сообщение. Ивану Михайловичу было приятно от мысли, что армейские чекисты — деятельные помощники руководства фронта.

Слушая начальника штаба генерал-майора Тупикова, Плесцов острее понял, насколько ухудшилось положение фронта. Плотный, со строгим, уверенным лицом и умным, сосредоточенным взглядом, Василий Иванович Тупиков почему-то показался Плесцову самым воинственным из присутствующих. И даже его зачесанные набок волосы, открывавшие залысину возле пробора, почему-то усиливали это впечатление. Иван Михайлович знал, что Тупиков встретил войну в Германии, будучи военным атташе советского посольства. Это он неоднократно доносил из Берлина о грозящей опасности Родине и называл возможные сроки гитлеровского вторжения между 15 мая и 15 июня. Вернувшись на Родину после обмена с Германией дипломатическими работниками, Василий Иванович в конце июля прибыл на Юго-Западный фронт.

Тупиков докладывал кратко и четко.

— Пятая армия и двадцать седьмой корпус организованно отходят к Днепру, — указал он на карте севернее Киева. — Их отрыв от тридцать седьмой армии растет. Стрелковый корпус несет большие потери от ударов одиннадцатой немецкой танковой дивизии. От Гомеля на Чернигов враг бросил вторую армию, кроме того, повернул на юг новые войска группы армий «Центр», наступающие на московском стратегическом направлении и теперь угрожающие обойти правый фланг нашего фронта.

Кирпонос вставил:

— Перед главкомом направления маршалом Буденным надо поставить вопрос либо о подчинении пятой армии Центральному фронту, либо о передаче нам его левофланговой двадцать первой армии для надежного стыка с Брянским фронтом. Необходимо единое командование этими силами.

Военный совет поддержал предложение командующего.

— Мною получено указание Ставки сформировать из части сил тридцать седьмой и двадцать шестой армий новую, сороковую армию и развернуть ее на Десне, севернее Конотопа. Думаю, удар на Чернигов, безусловно, подтверждает неудачу южной группы войск противника и рассчитан для их поддержки, — добавил Кирпонос.

— Выход немцев к Окуниново и захват моста через Днепр

осложнили обстановку в этом районе, смею утверждать, непоправимо, — продолжал Тупиков. — Нынче мост удалось разрушить. Однако шестая армия успела переправить по нему на левый берег Днепра значительные силы и создала мощный плацдарм, откуда пытается ударить во фланг и с тыла Киевского укрепрайона.

Сказав о неотложных мерах, которые необходимо предпринять, генерал Тупиков предложил срочно передислоцировать штаб фронта в Прилуки.

Следом за начальником штаба поднялся Михеев.

— В дополнение к сказанному Василием Ивановичем Тупиковым должен отметить умелый маневр пятой армии, организованно и хитро отошедшей на левый берег Днепра. Примечательно мнение противника на этот счет, которое стало нам известно вот из этого только что доставленного подлинника, — показал его Михеев присутствующим. — В нем есть такие строки: «Как и прежде, эта армия сумела, усилив сопротивление с фронта, ввести в заблуждение командование действующих против нее немецких соединений и скрыть подготовку к отходу, чтобы затем внезапно отступить на всем фронте».

— Объективная похвала, — довольно произнес Тупиков.

— А вот иная подробность из приказа генерала Штапфа командиру одиннадцатой танковой дивизии, которая рассекла правый фланг отходящего двадцать седьмого корпуса и захватила мост у Окуниново: «…Воспользоваться хаотическим отходом войск названного стрелкового корпуса русских, упредить его выход к переправе, овладеть ею и обеспечить на левом берегу Днепра стратегически важный плацдарм до подхода шестой армии». Подчеркиваю, «стратегически важный плацдарм». Не стану отнимать время на единственный вывод в отношении командования корпуса. Добавлю одно: ответственность за невзорванный мост, хотя для уничтожения его в случае прорыва врага все было готово, ложится не только на коменданта переправы. Учли все, вплоть до прямой связи со штабом фронта…

— По телефону и аппарату Морзе, — уточнил Тупиков.

— Но забыли о том, — продолжал Михеев, — что встречаются командиры, которые легко произносят: «Есть!», «Слушаюсь!» — но не умеют проявить решительную инициативу, попадая в сложную обстановку.

Он еще говорил о том, как велики контрасты в моральном облике частей и соединений, дерущихся с врагом в одинаково трудных условиях, подметив для примера, что в 5-й армии намного меньше проявлений трусости, чем в том же 27-м

стрелковом корпусе.

— Это в порядке дополнения, — снова подчеркнул Михеев, продолжая. — Я не стану зачитывать добытые вражеские документы — с их содержанием в переводе вы можете ознакомиться, — но остановлюсь на некоторых главных моментах. Первое. Одиннадцатой танковой дивизии врага по подходе передовых частей шестой армии на захваченный стратегический плацдарм — имеется в виду Окуниново — приказывается, развивая успех, к 26 августа занять Остер и выйти в направлении Нежина, то есть прямо на восток. Восьмой танковой дивизии приказано сосредоточиться на захваченном рубеже юго-восточнее Остера и быть готовой для нанесения рейдового удара на Прилуки.

Михаил Петрович Кирпонос вопросительно взглянул на Тупикова, и тот понял: командующему вспомнилось высказанное начштаба предложение перевести штаб фронта как раз в Прилуки.

— Замысел противника, по-моему, ясен. Он переходит к осуществлению важной тактической цели — охватить правое крыло фронта. Необходимо это учесть сейчас же, здесь, — оглядел Михеев присутствующих, будто бы желая узнать, как воспринято его сообщение. Увидя понимание на лицах, продолжал: — Второе. Вражеским войскам южнее Киева, на левом крыле нашей тридцать седьмой армии, дано указание прекратить активные боевые действия, перейти к обороне, перебросив двенадцатую танковую и двадцать девятую стрелковую дивизии на Каневский участок для сосредоточения, наведения переправы через Днепр и последующего захвата плацдарма. Предлагается два варианта в выборе места переправ, они обозначены на схеме. Я позволю себе высказать мысль о том, что мы, возможно, недооцениваем важность этого участка. Мне известно, под Каневом сейчас скопилось около двадцати наших танков, много повозок с боеприпасами и снаряжением. Там образовалась пробка, толчея. Переправа налажена плохо, капитан речного флота отказывается грузить танки на паром… Я послал в Канев боевого чекиста. Он справится со своей задачей. Но я позволю повториться: возможно, мы недооцениваем стратегической важности каневского участка фронта. Нельзя повторить ошибку, допущенную под Окуниново.

Тупиков взял у Михеева немецкие документы вместе с переведенным текстом и передал их командующему фронтом, предложив:

— Это нужно сейчас же обсудить.

…Над Каневом кружили «юнкерсы». Отгоняемые зенитным огнем и тройкой периодически взлетающих краснозвездных истребителей, вражеские бомбардировщики никак не могли прицельно сбросить бомбы на паром и самоходные баржи, неторопливо пересекающие широкую реку.

Наши отходящие войска стремились к переправе. На холмистом правом берегу Днепра было людно, потому Плетнев не сразу разглядел приткнувшиеся под обрывом танки и направился к танкистам.

— Почему стоите, не переправляетесь? — спросил он первого попавшегося ему танкиста.

— Не сажает речной капитан, перевернем и потопим, кричит, плавсредства, посигают танки за борт. И еще шумит, что у нас по снаряду на пушку и по ведру горючего на мотор, дескать, какой шут переправлять…

Последних слов Плетнев уже не слышал. Он ринулся к широким мосткам, ведущим на дебаркадер, кое-как прижимая к бедру колодку с маузером, чтобы не оторвали, протиснулся к лестнице, ведущей в надстройку пристани, стремясь к взъерошенному и потному капитану-речнику, надрывно кричащему в мегафон.

Плетнев потряс капитана за костлявое плечо, спросил громко:

— Почему не грузите танки? Что у вас творится тут?

— Курортники на пляж рвутся! — зло огрызнулся взвинченный происходящим капитан.

— Я с поручением Военного совета и особого отдела фронта, — снова ухватил за плечо капитана Дмитрий Дмитриевич. — Давайте наводить порядок.

— В две глотки? — утерся рукавом парусинового кителя капитан.

— Почему же не переправляете танки?

— На чем? Там десяток одних тридцатьчетверок, считай, каждая по полсотни тонн. Как я их погружу? И не говорите, совсем без переправы хотите оставить. Наши лайбы узки, текут, вихляются с борта на борт.

— Я отвечаю за переправу танков! — выпалил ему в лицо Плетнев. — Готовьте паром!

— Не позволю! Покажите мандат! — потребовал капитан, а прочитав документ, сунул его обратно в руку чекиста, стих, но продолжал упорствовать: — Не можем, я же все-таки больше понимаю…

И тут они оба заметили непонятную заминку людей, штурмовавших дебаркадер. Из уст в уста передавалось: «Командующий фронтом приехал!»

С Кирпоносом на переправу приехали Михеев и Плесцов. Они пошли вдоль колонны танков, одобрительно примечая, как подтягиваются, стараясь выглядеть бодрее, командиры и красноармейцы.

Кирпонос шел ровно и даже как будто неспешно, своим обычным широким шагом, вскользь оглядывал лица бойцов и командиров, словно стараясь ободрить взглядом: «Отходим, да… так складывается… и вы верьте, верх наш будет».

Плетнев, догнав начальство, доложил Кирпоносу об упорстве капитана-речника и уже хотел сказать, что собирается предпринять, но командующий упредил его:

— Невозможно, говорит капитан? А вот неподалеку пару дней назад я был свидетелем переправы танков на неприспособленных паромах. Сделайте так: паром покрепче пришвартуйте к пристани. Танки пусть идут на средней скорости и так, чтобы каждый сразу влетал на центр парома и отходил в сторону. Понятно? Объясните маневр начальнику переправы… Возьмите ее под свой контроль.

Командир танковой бригады, моложавый белобровый майор Семенов, увлек Дмитрия Дмитриевича к крайнему легкому танку. Сидя на нем, они въехали по скрипучим мосткам на пристань. Паром оказался зачаленным крепко, и майор уже хотел дать команду водителю: «Вперед!» — но Плетнев остановил:

— Погодите! Надо же с ходу, на средней скорости… Предупредите водителей. И пусть лучше каждый из них подойдет сюда, посмотрит, как ему вылетать с мостков.

Первый танк уверенно плюхнулся на середину парома, застыл, будто огляделся, потом двинулся назад, освобождая место справа. И следом второй танк занял свое место, а третий — Т-34, вставший посредине, притопил паром, который плавно отвалил и тяжело пошел к левому берегу.

Видя, что переправа танков идет как надо, Плетнев сказал майору Семенову:

— Продолжайте в том же духе. А я к самоходкам слетаю, посмотрю, кто это там порядок наводит.

…Кирпонос ехал к переднему краю каневского плацдарма. Сопровождавший его Михеев усилил охрану командующего несколькими особистами 26-й армии. Навстречу непрерывно текли отходящие войска.

На дороге тесно, в воздухе удушливый дым, в поле на корню горит подожженный хлеб. Всюду разбитые повозки, машины и кое-где неисправные танки. Многого уже насмотрелся Кирпонос за недолгие недели этой не первой в его жизни войны и все же внимательно, с болью в глазах приглядывался ко всему вокруг,

как и в начальные дни боев.

От Стародубки отправились пешком на командный пункт стрелкового полка. Михеев шел рядом с командующим, ни на шаг не отставая, готовый в любой момент прикрыть его своим телом. Противник находился в полутора-двух километрах, и Анатолий Николаевич остро чувствовал опасность, которой подвергает себя Кирпонос, и в то же время не мог, не имел права на слишком настойчивый совет поберечься: командующий вряд ли бы прислушался.

Идущий поодаль Плесцов все это видел и понимал, стремясь тоже держаться поближе к Михееву. Но тут, когда они оказались в рощице, на КП стрелкового полка, Плесцов вдруг увидел среди командиров полкового комиссара Якубова, с которым вместе учился и закончил политучилище.

— Вот это встреча! — изумился тот, и его правый глаз сощурился в щелочку. — Воюю, Ванюша, начальник политотдела. Бьемся нещадно, только к боевому духу еще бы добавить техники…

Якубов как будто боялся, что не успеет всего сказать, говорил быстро, поглядывая по сторонам.

Иван Михайлович не дослушал, заторопился навстречу подходящим Кирпоносу и Михееву, второпях не успев даже на прощание пожать Якубову руку.

Но он поторопился напрасно. Полковой комиссар вытянулся перед командующим, лицо его светилось радостью, а сам он подался вперед.

— Якубов! — обрадовался и командующий, подавая руку давнему знакомому по финской кампании.

— Так точно, товарищ генерал-полковник! — откликнулся Якубов; встреча с Кирпоносом для него не была неожиданностью — на нее и рассчитывал полковой комиссар, разговаривая с Плесцовым. При этом промелькнули в его памяти эпизоды встреч с Кирпоносом во время боев с белофиннами, и особенно один незабываемый случай. Тогда беспримерным броском через Финский залив дивизия под командованием Кирпоноса вышибла врага с северного берега, и Михаил Петрович, не обращая внимания на артобстрел и начавшуюся бомбежку, руководил боем; вдруг возле него, совсем рядом, упала авиабомба. Взрыва не последовало, но он мог произойти в любую секунду. Якубов вместе с присутствующими здесь бойцами упал на землю. А стоявший рядом с Кирпоносом адъютант Георгий — фамилию его Якубов забыл — в растерянности присел. И все уставились на спокойно стоявшего генерал-майора Кирпоноса. Тягостная пауза длилась две-три секунды, может быть, и того

меньше. Потом Якубов увидел, как комдив сильным толчком ноги сбросил бомбу под откос. Тотчас же в овраге раздался оглушающий взрыв. От неожиданности все застыли, только теперь осознав происшедшее.

Сейчас Кирпонос произнес с горькой усмешкой:

— Что так пристально смотришь на меня, будто не узнаешь? Наступающим привык видеть? — Он пожал сильную руку Якубова. — Обидно, но не тебе же объяснять ситуацию.

— Невозможное иной раз делаем… — с пониманием, не требующим разъяснений, ответил Якубов.

— Далеко отступили, верно, — упрямо кивнул головой Кирпонос — Но ничего. И наш час придет. Грянет! — И, уходя, добавил: — Пусть даже если все ляжем костьми на последнем рубеже, с которого другие начнут разгром фашистов!

…Переправа не прекращалась и ночью. В помощь Плетневу начальник особого отдела 26-й армии прислал двоих оперработников. И когда на обратном пути Кирпонос со своими спутниками появились на дебаркадере, Михеев взял Дмитрия Дмитриевича с собой.

Переправились на левый берег. Машины направились к Прилукам — туда переместился штаб фронта. Было тихо, клонило ко сну.

Анатолий Николаевич то и дело потирал ладонями лицо, чтобы не задремать. Он видел, как Кирпонос опустил фуражку на лоб, склонил голову и вроде бы уснул. «Ему и вовсе только в пути передышка», — посочувствовал Михеев и стал размышлять о предстоящих делах: вспомнил разведчиков, находящихся в тылу врага, Антона Сухаря, который сейчас ждет или уже получил сброшенную с воздуха взрывчатку от «хозяина» гитлеровской агентуры.

Вдруг сильный тупой удар с ходу остановил и развернул машину. Анатолий Николаевич ничего не успел сообразить, ударившись грудью о переднее сиденье, потом услышал голос Кирпоноса.

— Фу ты!.. Опять эта нога… — процедил генерал сквозь зубы.

Ему помогли выйти из «эмки», ударившейся о затормозивший грузовик. Морщась, Кирпонос опустился на приступку, с досадой сказал:

— Этого еще не хватало, черт побери!.. Костыли-то мне теперь совсем некстати. Вот незадача! — ощупывал он и поглаживал ногу пониже колена.

Глава 27

В эту августовскую ночь далеко друг от друга в тылу врага произошло несколько событий, подробности которых так или иначе стали известны особому отделу фронта.

…Допрос Лойко был коротким.

— В документах сказано, кто я и куда гнал скот, — настойчиво отвечал Алексей Кузьмич. — Приказ выполнял… Был со мной ваш солдат, имущество его. Он пошел тылы дивизии искать…

Лойко избили жестоко, до потери сознания.

Мишиной версии о том, что он пристал к незнакомому человеку со стадом, то ли поверили, то ли пропустили ее мимо ушей. Но не освободили, а вместе с Алексеем Кузьмичом швырнули в прохладное, сырое, со стойким запахом гнилой картошки овощехранилище.

— Вот так, значит, Миша… — немножко освоившись и погладив парнишку рукой по голове, сказал Лойко. — А староста-«свояк» перепугался, не вошел в комнату.

Снаружи доносились шаги часового, становились гулкими возле двери.

— Стой на своем: не знаешь меня. Так будет лучше, — посоветовал Алексей Кузьмич. — Выкрутишься — иди через фронт.

Снова помолчал, думая о Мише. Смертельная опасность навсегда породнила его с пареньком. На душе и вовсе стало тревожно.

Ощупывая руками неприятные, заплесневелые стены, Лойко поглядывал на потолок, надеясь увидеть полоску неба — вытяжные трубы должны быть в овощехранилище. Заметив просвет, Алексей Кузьмич посадил Мишу на плечо, и тот дотянулся до квадратного отверстия.

— Уцепись как-нибудь, пролезь, — поторопил, обрадованный, Лойко. — Становись на плечи.

— Гвозди торчат здоровые, — больно уколол руку Миша.

— Дальше пошли… — Алексей Кузьмич сделал несколько шагов и почувствовал, как парнишка дернулся на его плече.

— Дыра… Небо! И гвоздей нет.

— Лезь, Мишута, — еще нетерпеливее заторопил Лойко. — Только тихо, по-кошачьи. Уйдешь, лети к ветряку за селом, сегодня-завтра ночью кто-то из наших должен прийти. А если никого не будет, вернись к деду Артему, — наставлял напоследок Лойко, начиная тревожиться, как бы часовой не заметил беглеца.

— Ладно, — отозвался Миша, не успев спросить: «А как же вы-то?»

Отверстие было узким, но парнишка без труда просунул в него плечи, оперся на земляную кровлю руками и одним движением выполз, распластался на пологой крыше.

После кромешной темноты овощехранилища на улице показалось очень светло: небо в звездах, за селом яичным желтком маячила луна. Шаркали сапоги часового. Он ходил рядом, вдоль стены. Миша лежал в оцепенении, понимая, что ему не осилить стражника, и мучился оттого, что Алексей Кузьмич остается в неволе.

Тихо и неприметно Миша переполз на противоположный скат крыши, который спускался вровень с землей, по-пластунски миновал заросшие бурьяном кусты и все полз, полз, пока не обессилел. Поднявшись, он осмотрелся — село находилось близко, но Миша не разглядел его за темнеющей возвышенностью. Пригибаясь, он пошел быстрее и быстрее от жилья, помня о ветряке, который надо было еще отыскать.

* * *

В стороне от больших дорог, глухими местами пробиралась небольшая группа Михаила Степановича Пригоды. Шли днем и ночью в направлении на Кировоград. Но вдруг узнали: город занят врагом, фронт отодвинулся. Повернули к Днепру.

— За рекой, считай, у своих. Где только и как переправиться? — вслух размышлял Пригода.

В селе Тубельцы им сказали в крайней хате:

— Дед Байбуз все знает, бакенщик.

Позвали деда. Не спеша, вразвалочку пришел крепкий, с отвислыми усами старик. Выслушав Пригоду, он певуче рассудил:

— Указать, чего не указать, мне тут и река, и берег, и все донышко известно. Только ежели меня с вами поймают, что мои пятеро внуков жевать станут?

— Плату требуешь? — прищурился Пригода и вынул из кармана пухлый бумажник, в котором лежали партийный билет, чекистское удостоверение личности, орден Красной Звезды, немного денег, которые он выложил на стол. — Двести с чем-то рублей, больше нет.

— Как хотите считайте, — не глянул даже на деньги Байбуз. — Жевать мне нечего и нечем. А немец нашу красненькую к одной марке своей равняет. На нее куска хлеба не возьмешь.

Понимая, что гнев не помощник, Михаил Степанович снял с

руки часы, положил на стол — все равно, если вплавь придется, пропадут. Вынули деньги еще трое.

— Будет, спасибо, — убрал дед плату в карман. — Пойду разведаю, в полночь ждите.

Он пришел точно, с лопатой на плече. К берегу спускались гуськом, петляя — дед знал расположение немецких постов. Остановились возле речного сигнального столба с перекладинами.

— Ройте, вытаскивайте столб и плывите на нем с богом, вечером еще наши стояли напротив, — распорядился дед и на всякий случай заметил: — Так-то и незаметнее, на лодке сразу подстрелят.

Он был прав.

— Возьми, дед, мои сапоги, — сказал приотставший от остальных красноармеец и тоже вошел в воду.

Бревно подхватило течением, начало сносить вдоль берега. Но люди скоро приспособились. Отгребаясь что есть силы свободной рукой и чувствуя движение, они радовались удачно начавшейся переправе и скорой возможности оказаться среди своих.

Но расплывчатый неразличимый берег, казалось, совсем не приближался. Начали уставать. Кто-то предложил поменяться стороной бревна, чтобы дать передохнуть уставшей руке. Так и сделали.

Плыли долго, пока не выбились из сил. Половина из них уже не гребла, едва держась за спасительное бревно. И когда до берега оставалось не больше полусотни метров, увидели впереди лодку.

— Держись, братва! — крикнули с нее.

— Свои! — небоязливо громко раздалось в ответ.

Их подхватили сильные руки. А немного погодя окруженцы, шатаясь, сошли с лодки на берег.

Отжимая из бумажника воду, Пригода спросил бойцов:

— Откуда узнали, что свои плывут? А может, немцы?

— Фриц на бревне по Днепру? Что ты, ни в жисть не переплывет!

— Вы думаете, первые, что ли, таким макаром… Встречаем вот, — дали исчерпывающий ответ бойцы.

Вышедших из окружения повели в штаб 264-й стрелковой дивизии.

Уже светало.

* * *

На лесной поляне севернее Величковщины в два часа ночи вспыхнули три костра: чекисты услышали шум самолетов. Гитлеровская разведка в условленный день слала Сухарю подкрепление.

Приняв прошлый раз груз взрывчатки и боеприпасов, Антон спустя сутки передал в разведцентр новое донесение:

> «Сменил базу, лагерь в безопасном месте, в лесу между Лозовая и Величковщина. Веду разведку близлежащих районов. Трое направлены в Сенчу определить возможность взрыва моста через Сулу. Четверо ушли в направлении Бахмач, взяли материал для подрыва железнодорожного полотна. Испытываю нехватку людей».

Центр ответил:

> «Ждите завтра в два часа ночи. Сигнал — три костра в линию. Готовность подтвердите. Уничтожение моста в Сенче отмените, будут новые указания. Деятельность одобряем».

Самолет шел над лесом, и шум его быстро нарастал.

— Костры! Сушняку подбросьте! — крикнул Антон. — Приготовьтесь, товарищи!

В лесочке и по краю — в оцеплении — рассредоточились чекисты и пограничники из охраны особого отдела фронта. Для страховки выставили побольше людей: численности десанта не знали. Решено было захватить всех по возможности без шума, живыми.

А вот уже на звездном небе стали различимы темные точечки. Десять, двадцать… Они спускались вразброс. Антон понял: ни один не опустится на поляну.

— Резерв! На южный край леса! — приказал Сухарь.

Затрещали под ногами сухие ветки. Никто не произнес ни звука, исполняя приказ руководителя операции.

«Позастревают на деревьях. Это даже хорошо, — подумал Антон и услышал над собой шуршащий звук, вскинул голову, метнулся в сторону, увидя что-то широкое под парашютом, не похожее на человека. Догадался: — Груз!»

На поляну все же опустились двое в гражданском. Сухарь не успел к ним подойти, как их обезоружили и заставили сесть.

— Сколько вас сброшено? — спросил он, присаживаясь на корточки и разглядывая парашютистов.

— Антон! — обрадовался мордастый диверсант. — А я уж

думал… Чего твои дурят? Это же я, Охрименко.

— Здорово! Порядок такой, убедиться надо… Сколько прислали? — повторил вопрос Антон.

— Семнадцать, Петро старший. И груз.

— Какой Петро? — не сразу вник в услышанное имя Сухарь, думая о другом: осталось обезвредить пятнадцать диверсантов.

Охрименко не ответил, увидя своего дружка Петро с кляпом во рту и со связанными руками, которого вели двое таких же крепких пограничников. Доставленный на сборный пункт рвался из рук, дико, по-кабаньи, прерывисто хрюкал, мотая головой. Охрименко вскочил, заметив еще парашютиста под конвоем, заорал:

— Предал, сволочь! Продал!.. — Он не успел закончить проклятие, сбитый навзничь хлестким ударом.

— Кляп ему! Всем кляп в рот! — распорядился Антон, добавив: — И чтоб ни гугу!

Выстрелов не было слышно. Но растревоженная тишина подсказывала, что операция проходит нормально, «пополнение» берут бесшумно. Привели на условленное место еще троих — покорных, без подсказки присевших возле арестованных. Но больше никто не появлялся. Не присылали пока и посыльных из оцепления. Значит, туда ни один из парашютистов не приземлился и не вышел. Оставалось взять еще десятерых.

Антону уже не стоялось на месте. Но тут как раз из оцепления связной принес успокоительную весть — взяли еще четверых.

— Быстро назад! Сообщи, осталось шестеро… Ты один? Почему одного послали?.. — И, не дожидаясь ответа, Антон выделил красноармейца в напарники связному.

И вдруг в той стороне, куда отправились двое, раздался выстрел, другой, затрещали автоматные очереди…

— Арестованных к машине! — под звук стрельбы выкрикнул Антон и с группой бойцов кинулся на выручку, сообразив, что связной с красноармейцем наскочили на врага.

Так оно и оказалось. Посланный для сопровождения боец выскочил навстречу, возбужденно позвал, указывая рукой:

— Туда давайте! Уложил я его…

— Кого уложил? Где связной? — ухватил за руку повернувшего назад красноармейца Антон.

— Бандита, кого же… Связной ранен, вот тут лежит… давайте сюда.

Где-то далеко слева вспыхнула стрельба — одиночная, частая. Антон повернулся в ту сторону, мгновение послушал и приказал:

— Вынести раненого и убитого! Выходить по проходу к оцеплению!

Сухарь без промедления повел красноармейцев по краю леса к месту утихшей схватки. Но, еще не добежав туда, узнал горькую весть про убитого красноармейца и раненого старшего лейтенанта — пограничника. Пройдя еще немного, он увидел обоих, лежащих на траве, склонился над старшим лейтенантом.

— Трое их было… видать, заметили нас, догадались, открыли огонь… Пришлось уничтожить…

— Куда ранены?

— В живот…

— Быстро за санитарной машиной! — хлопнул по плечу стоявшего рядом бойца Антон, соображая в то же время, остались ли еще парашютисты в лесу и сколько. По его прикидке выходило: одного или двоих не хватало. Надо было проверить.

За машиной, оказалось, уже послали. Санитарный автобус стоял наготове. Он подъехал быстро, в нем уже находился раненый красноармеец-связной. Антон предупредил врача о ранении старшего лейтенанта, а потом уж торопливо отправился к грузовикам, которые привезли сюда пограничников и теперь стояли возле дороги метрах в трехстах от леса. Туда уже доставили арестованных. Их оказалось одиннадцать. С учетом убитых двоих недоставало. Об этом Антон передал по цепи.

Сухарь решил ждать рассвета, чтобы прочесать лес. Но делать этого не пришлось. Еще в темноте к оцеплению выполз раненый диверсант и сообщил об убитом напарнике. Труп нашли в кустах.

Антон подал команду:

— Отбой! Оцеплению собраться возле машин!

С грустным чувством он сел на подножку грузовика, задумчиво уставился на лес. И вдруг увидел на дереве белое пятно парашюта, сообразил, что оставлять парашюты неубранными нельзя. Утром фашисты могут послать самолет-разведчик, догадаются о провале. Да и груз собрать, увезти надо.

Оставив с собой взвод пограничников и машину, Сухарь отправил два грузовика с людьми. Диверсанты сидели в кузовах под надежной охраной.

Их повезли в Прилуки, в особый отдел фронта.

* * *

До первых проблесков зари промыкался Миша Глухов по бесконечному, как показалось ему, полю, продирался сквозь кустарник, снова выходил на открытое место, дважды на

четвереньках пересекал крутой овраг с ручьем и остановился, сообразив, что свернул обратно к селу.

Было тепло, но промокшие ноги парнишки зябко чувствовали утреннюю свежесть, и сам он ощущал тревожную неуютность. Как всегда, перед рассветом темнота сгустилась; в беззвездном небе лишь высоко на востоке пробилась матово-серая полоса. Миша заметил ее, оглядевшись и поняв, что уклонился в сторону: село должно быть по правую руку.

Топчась в нерешительности, Миша не мог сообразить, куда идти дальше. Ветряк он, должно быть, прошел, не заметив. А если явился кто-нибудь от Стышко, будет ли ждать до утра? Ведь Сева Бугаенко сообщил, что «встреча назначена через три дня ближе к полуночи у млына за восточным краем села… или там же на следующий день». Миша начал подсчитывать, сколько прошло с тех пор дней. Выходило, впору — сегодня. Но было уже утро… Неожиданно у него появилось желание, пока не взошло солнце, убежать подальше от села, где-нибудь спрятаться, переждать до ночи. А днем оглядеться, отыскать ветряную мельницу — ее издали увидишь.

Тревога за Алексея Кузьмича, подавленная было неожиданным одиночеством и страхом, вдруг ожила в парнишке с такой болью, что по его щекам покатились сиротские горькие слезы. Он не вытирал их, только всхлипывал, прерывисто шмыгал мокрым носом, и вовсе не отчаяние, а какая-то небывалая решительность овладела им, побуждая что-то предпринимать, делать.

Между тем где-то далеко в глубине за горизонтом зримо сходил мрак, растворяясь и предвещая рассвет. И там, на фоне помягчевшего неба, Миша увидел неестественно высоко — на взгорье — черную, похожую на огромную парящую птицу верхушку мельницы. Он ничуть не сомневался в том, что видит тот самый млын, который ему нужен. Глухов бросился бежать, забыв, что на пути овраг с ручьем, кувырком скатился в него, выбрался на противоположный край и засеменил по ухабистому склону холма наверх.

Он подходил к ветряку, мрачному и таинственному, переводя дух и с надеждой вглядываясь в пустое светлеющее пространство: не появится ли кто-нибудь? Но вокруг было тихо и пусто.

Миша обошел вокруг мельницы; задрав голову, оглядел громоздкие ободранные крылья, постоял в раздумье, увидел скособочившуюся на одной петле дощатую дверь, чуть отодвинул ее, чтобы пролезть, и вошел внутрь. Он различил толстые бревенчатые опоры — вертикальные и в перекрестье, сооруженные давным-давно с надежной основательностью.

Прикрыв поплотнее за собой дверь, Миша по лесенке поднялся на площадку, но не стал задерживаться на ней, полез выше, на вторую. Дальше хода не было, разве что если только вскарабкаться по скрещенным бревнам, цепляясь за металлические скобы, — под крышей виднелось что-то вроде круглого потолка с квадратным отверстием.

«Посмотрю потом», — решил Миша о чердачном укрытии, успев наивно понадеяться на то, что туда, в случае чего, искать не полезут. Он притулился у щели — выбирай любую на все стороны, увидел оранжевую с краснотой зарю и огромное, как на ладони, пространство, но не выхватил глазами того, чего ему хотелось. Перешагивая и подныривая под косо поставленные бревна, он подошел к нужной стороне стены и через щель увидел знакомое село. Он отчетливо помнил, как входил в него с Лойко, испытывая робость и сочувствие к людям, оказавшимся на оккупированной территории, как остановил их староста, привел домой и Миша впервые разглядел врагов вблизи… Сейчас он искал глазами этот дом, но было все же далеко — километра два, к тому же улица отсюда не просматривалась, ее загораживали крайние беленые хаты.

Присев на бревно и сунув руки под мышки, Миша прислонился к стене и в вялой задумчивости снова прильнул к щели. И то, что он увидел, страдальчески отразилось на его лице: от села по дороге мимо холма пронеслась грузовая машина, в кузове под охраной лежал связанный Лойко. И когда машина ушла далеко, Миша метнулся наверх. Цепляясь за что попало, он добрался до квадратного лаза на чердак, пролез в него, без труда выдавил трухлявую дощечку и прильнул к отверстию.

Машина пылила далеко за поворотом и немного погодя скрылась. А Миша все смотрел в ее сторону, потеряв ко всему интерес. Ему ничего не хотелось — ни идти, ни спать, ни смотреть в щель, ни даже пить, и он с унылым безразличием опустился на грязный от многолетней пыли пол, обхватил колени и сидел так, не замечая свисающих возле лица паучьих тенет. Мысли приходили бессвязные, тоскливые.

Успокоившись немного, Миша калачиком свернулся на полу. Но сон долго не приходил к нему.

…Лишь когда начало темнеть, Глухов осторожно спустился на второй этаж своего укрытия. Немного переждав, перебрался вниз, прислушался. Решил, надо выйти наружу и затаиться неподалеку в траве. Так он и сделал, дыша свежей прохладой и чувствуя, как щекочет в носу, позывая чихнуть. Зажав пальцами нос и потирая его, Миша вслушивался в шорохи ветра, томясь мучительным ожиданием. Сейчас было посветлее, чем прошлой

ночью. На небе вспыхивали и пропадали редкие звезды, часто выныривала из туч луна, смотря прямо в лицо Мише, но, словно сочувствуя ему, снова ускользала за тучи.

До полуночи было еще далеко, когда Миша услышал шаги, а потом и увидел идущего человека. Он продвигался медленно, с осторожностью, но не прогибаясь. Подойдя к мельнице, постоял возле двери, тихонько два раза кашлянул.

Миша следил за ним, опершись руками о землю и весь подавшись вперед. Когда же услышал явно вызывающий сигнал, поднялся и без робости, но волнуясь, пошел навстречу.

— Мишута! — обнимая, шепнул ему на ухо Ништа.

— Петр… Лукич! — еле выговорил Миша, всхлипнув, но удержался, не заплакал.

Они недолго посидели возле мельницы. И когда Миша все рассказал, Петр Лукич, встревоженный и озадаченный неожиданной вестью, принял решение: идти через линию фронта к своим. Такой вариант был предусмотрен Стышко на случай, если произойдет непредвиденное и они потеряют связь с радистом. Без рации они ничто. Всякий раз не отправишь к своим донесение с посыльным. Значит, надо идти самому, вместе с Глуховым. Не мог он оставить его здесь одного. Да и подумал: «Где не удастся пройти взрослому, проберется мальчишка».

— Ты, поди, голодный, — достал из кармана сверток Петр Лукич. — На-ка, поешь. Я сейчас… — И он скрылся за дверью в мельнице.

Прикрыв полой пиджака фонарик и включив узкую полоску света, Ништа написал короткое сообщение Василию Макаровичу, положил бумажку в портсигар и закопал, как было предусмотрено, у основания центрального столба.

Когда чекист вернулся, Миша, жуя, сунул ему сверток в руку.

— Ты чего это модничаешь, голодный ведь? На-ка, дорогой, доедай, — хотел отдать еду обратно Ништа.

Но Миша не взял, сказав:

— Наелся, сами-то поешьте… Сейчас бы попить.

— Идем, Мишутка. Воды у нас на пути — не перепить, — обнял его Петр Лукич и легонько подтолкнул в спину.

Глава 28

Тяжелый сентябрь…

Ему предшествовали неудачи в последних числах августа. Возлагая большие надежды на вновь созданный Брянский фронт, Ставка укрепила его своими резервами, рассчитывая ликвидировать опасность, нависшую с севера над Юго-Западным фронтом. Однако развернувшиеся наступательные операции ожидаемых результатов не дали. Продвинувшись на отдельных участках до десяти километров, войска Брянского фронта не смогли сломить сопротивление частей прикрытия 2-й танковой группы. Это наступление сковало лишь незначительные силы противника и не ослабило его нажима на войска Юго-Западного фронта.

Восстанавливая положение на правом крыле фронта, рассеченном танковыми дивизиями Гудериана, командование не ожидало мощного удара гитлеровских войск и форсирования ими Днепра юго-восточнее Кременчуга. Резервов не было. Последний шанс — переброска полков и батальонов с неатакованных участков — стал невозможным. Враг повсюду повел активные боевые действия, скрытно сосредоточивая для решающего удара танковые силы генерала Клейста.

…Особый отдел фронта в Прилуках располагался в нескольких домах на Радяньской улице. В угловом каменном флигеле, занятом Михеевым и Ярунчиковым, шла напряженная работа. Особисты словно бы не хотели мириться с тем, что складывающаяся обстановка меняет их функциональные обязанности, все больше заставляя их принимать участие в боях.

Вернулся из 5-й армии Плесцов. Михеев посылал его к генералу Горбаню с поручением Кирпоноса узнать во всех деталях положение на правом фланге фронта.

— Пакет привез, — доложил Иван Михайлович комиссару. — Горбань говорит, что только чудо может спасти армию от окружения. На передовой ужасно непрочно. Белозерский с оперативным составом в окопах…

— Неси пакет командующему, все как есть расскажешь ему, — не стал задерживать Плесцова Анатолий Николаевич и вдруг в дверях увидел Пригоду, привстал даже: — Михаил Степанович! Заходи, чего же ты, вот не ожидал… Живой!

И снял телефонную трубку, позвонил Деревянко:

— Собирайся, повезешь в Харьков документы и арестованных. Два грузовика даю тебе.

Михаил Степанович представился как положено:

— Заместитель начальника особого отдела шестой армии старший батальонный комиссар Пригода вышел из окружения!

— Садись! — указал на стул Михеев. — С документами вышел, разумеется?

Достав бумажник, Михаил Степанович извлек из него просушенные и немного покоробленные партийный билет и чекистское удостоверение; кровяным блеском сверкнул орден Красной Звезды. Не дожидаясь расспросов, старший батальонный комиссар начал рассказывать о трудных боях в окружении и безуспешности ударов на прорыв к своим, о тыле противника, о настроении советских людей на оккупированной врагом территории.

Обо всем этом Михаил Степанович немного погодя подробно написал:

Начальнику особого отдела Юго-Западного фронта
комиссару госбезопасности III ранга
товарищу МИХЕЕВУ А. Н.

РАПОРТ

В середине июля части 6-й армии Юго-Западного фронта после шестидневных упорных боев в районе Бердичева, где на ряде участков нашими частями наносились мощные контрудары, вынуждены были отойти в юго-западном направлении.

По данным разведки и показаниям пленных, было известно, что против измотанных тяжелыми боями частей армии действует четыре дивизии противника: две танковые и две моторизованные. Враг наступал при абсолютном превосходстве в авиации.

Разрыв между нашими частями и соседями увеличивался, пополнение не получали, ощущали острую нужду в боеприпасах, особенно в артиллерийских снарядах, участились случаи потери связи и управления войсками.

В этой обстановке стали поступать данные, что танковые части и мотопехота противника обтекают наши фланги. Штаб 6-й армии с несколькими подразделениями стоял в селе Подвысокое, что в пятидесяти километрах юго-восточнее Умани. Здесь мы оказались в полном окружении.

Девятого августа приказом командующего армией был сформирован прорывной отряд. В него вошли: третья противотанковая бригада, разумеется, неполного состава; небольшая сводная танковая группа; батальон охраны штаба армии, рота особого отдела и рота командного состава штаба, в число которой влились 23 чекиста во главе с бригадным комиссаром Моклецовым, образовавшие вместе с работниками военной прокуратуры взвод. Группа во главе с командующим 6-й армией генерал-лейтенантом Музыченко и членом Военного совета дивизионным комиссаром Поповым в ночь на десятое августа пошла на прорыв вражеского окружения.

На командном пункте в селе Подвысокое остались офицеры штаба и политотдела армии. Там же находился и я, заместитель начальника особого отдела, с группой чекистов.

Командный пункт должен был руководить частями, занимающими оборону, поддерживать связь со штабом фронта, а когда группа генерал-лейтенанта Музыченко прорвется, то по сигналу следовать за ней. Однако сигнала от командующего не поступило, связи с ним установить не удалось.

Утром десятого августа командный пункт подвергся сильному минометно-артиллерийскому обстрелу и бомбардировке. На юго-восточную окраину Подвысокого прорвалось около двух батальонов пехоты противника с тремя танками. Оборонявшие окраину подразделения после продолжительного и тяжелого боя отступили в село.

Начальник штаба дважды посылал группы командиров для выяснения местонахождения и положения отряда командующего армией. Первая группа не возвратилась. Вторая доложила, что отряд т. Музыченко, по-видимому, прорвался и форсировал реку Сенюха.

К тому времени северо-восточная часть села Подвысокое уже была занята пехотой противника. В этой обстановке приняли решение продержаться в Подвысоком до наступления темноты, а потом идти на прорыв.

Бросок к лесу под огнем противника удался. Но, проникнув в лес, мы поняли, что он также окружен и обстреливается со всех сторон из пулеметов и автоматов.

Ночью перестрелка несколько утихла, и нам удалось просочиться в поле. К рассвету следующего дня, установив, что вокруг большая концентрация войск противника, мы, слабо вооруженные, разбились на небольшие группы и решили просачиваться к линии фронта.

Пятнадцать суток наша группа, состоявшая из шести человек, шла по оккупированной врагом территории к Днепру, на левом берегу которого части Красной Армии занимали оборону. Мы двигались в основном ночью, обходили населенные пункты, если предварительной разведкой устанавливали нахождение в них вражеских частей. В деревне Тубельцы крестьянин Байбуз в ночь на двадцать шестое августа провел нас плавнями к Днепру, обойдя немецких часовых и патрулей. На берегу нами был выкопан сигнальный столб, на котором наша группа переплыла реку на участок обороны 2-го стрелкового полка 264-й стрелковой дивизии. Из штаба дивизии мы направились в штаб 26-й армии в Золотоношу, откуда в штаб Юго-Западного фронта в Прилуки.

Все документы особого отдела 6-й армии в период боев и окружения сожжены. Судьба группы прорыва, возглавляемой командующим 6-й армией генерал-лейтенантом Музыченко, мне не известна.

Зам. начальника особого отдела НКВД шестой армии

старший батальонный комиссар

М. Пригода.

г. Прилуки,
1.09.41 г.

* * *

На другой день Михеев пригласил Пригоду и сообщил ему, что с ним хочет побеседовать командующий фронтом. К генерал-полковнику Кирпоносу они отправились вместе. У командующего находился только что вернувшийся с передовой член Военного совета Бурмистенко, в последние дни совсем редко появлявшийся в штабе фронта.

Разговор у командующего сразу пошел о боевых действиях 6-

й армии в окружении. Отвечая на вопросы, Пригода понял, что генерал-полковник очень внимательно прочитал его вчерашний рапорт. Тот вдруг спросил:

— Правда ли, что в районе боевых действий шестой армии немцами разбрасывались листовки, на которых генерал-лейтенант Музыченко сфотографирован в обнимку с фашистским офицером?

— Такой листовки я не видел. Генерала Музыченко я лично знаю мало, но, насколько я наслышан о нем, такого предположить не могу. Думаю, это очередная фальшивка врага.

Кирпонос переглянулся с Бурмистенко, и Михаил Степанович понял, что они разделяют его мнение.

— Музыченко действительно в плену, — сказал командующий.

Сообщение это сильно огорчило Пригоду. Он понял, что отряд прорыва был разбит и не переправился через реку Сенюха.

— Разве только тяжело раненного или контуженного, захватили генерала Музыченко, — высказал свое предположение Михаил Степанович.

Бурмистенко поинтересовался настроением населения на временно оккупированной территории, тем, что предпринимают фашисты, наводя свои порядки.

Пригода рассказывал, все больше хмурясь — о недавно пережитом шла речь.

— Население ненавидит врага, старается саботировать распоряжения оккупантов, ищет путей к сопротивлению. Озлобленность большая, враг начал активно отбирать зерно, скот, переписывать население, ходят слухи, будто молодежь собираются вывозить в Германию, — подытожил Михаил Степанович.

— А к вам, окруженцам, как относились?

— Старались помочь. Костерят за то, что отступаем, но помогают и верят в нашу победу. Не раз у нас просили оружие. Бороться, помогать Красной Армии хотят.

Михеев напомнил:

— О том колхознике скажите, который хотел, чтобы Советская власть хоть бы на три дня вернулась.

— Говорит, перевешали бы сволочей, которые на свет повылазили, и тогда помирать не грех.

В припухших от усталости грустноватых глазах Бурмистенко появилась живинка.

— Тогда-то и совсем грех помирать, — сказал он. — Вот только скоро ли вернемся?

— Ясно, — удовлетворился беседой Кирпонос и взял

прислоненную к столу палку — он еще сильно хромал. — Вы знаете, что формируется шестая армия?.. Генерал Малиновский назначен командующим. Так что есть смысл, — повернулся он к Михееву, — направить старшего батальонного комиссара в родную армию.

Пригода ушел, а Михеев остался на заседании Военного совета, как вдруг порывисто распахнулась дверь, и, не переступая порога, адъютант командующего, волнуясь, сообщил:

— Передачу из Киева начинают… перекличку с городами… об обороне…

Кирпонос включил приемник. Мужественная, обостряющая ненависть к врагу и зовущая на борьбу песня «Священная война» приковала внимание присутствующих. И когда она смолкла, из динамика донеслось:

— Внимание! Говорит Киев. Слушай нас, родная Москва! Слушай нас, героический Ленинград! Слушай нас, вся любимая Отчизна! Привет вам, труженики страны социализма! Привет вам, дорогие друзья и товарищи, из столицы великого украинского народа, города-крепости! У микрофона — секретарь Киевского городского комитета КП(б) Украины товарищ Шамрыло.

— Вот уже больше месяца на подступах к нашему родному Киеву идут ожесточенные бои, — сурово начал он. — Коварный враг пытается ворваться в наш город, чтобы залить его улицы кровью наших отцов и матерей, кровью наших жен, сестер и детей, чтобы разграбить богатства, созданные трудом советских патриотов. Но этому не бывать. Красавец Киев стоит как неприступная крепость. Героические части Красной Армии, поддержанные народным ополчением, отбрасывают врага от нашего города. Только на считанные минуты фашистам удалось с высоты Голосеевского леса взглянуть на могучий и грозный Киев, но огонь наших батарей и пулеметов закрыл навеки их глаза…

Кирпоносу вспомнился тот день и тревожный час, когда гитлеровцы прорвались в Голосеевский лес. У Михеева ожила в памяти вспышка яркого залпа «катюш», бросок в атаку… По радио уже выступал бригадный комиссар Лугай, говоривший о том, что восемьдесят два дня Красная Армия беспощадно громит и уничтожает гитлеровские полчища, отстаивая каждую пядь родной земли, что захватчики жнут плоды своей кровавой авантюры…

Члены Военного совета фронта, слушая, все больше мрачнели, наперед зная, что дни обороны Киева сочтены. Горше этого сознания им сейчас в голову ничего прийти не могло.

Глава 29

Враг активизировал наступление во всей полосе Юго-Западного фронта, глубоко вклинился в расположение советских войск на конотопском направлении. В связи с этим перед войсками 21-й армии, переданной недавно в состав фронта, была поставлена задача — наступлением на северо-восток разгромить тылы двух танковых дивизий противника.

Однако Брянский фронт не сумел поддержать успешно начавшееся наступление 21-й армии. Его 13-я армия отступила с занимаемых позиций, облегчив 2-й вражеской танковой группе прорыв в направлении Конотопа.

Военный совет Юго-Западного фронта доложил главкому направления маршалу Буденному о серьезности сложившейся обстановки. К этому времени 21-я армия под фланговыми ударами врага, пытавшегося окружить ее, отошла на Десну севернее Бахмача. В полосе же обороны 5-й армии гитлеровские войска, обойдя Чернигов с востока, вышли ей в тыл.

Чрезвычайно тревожная обстановка сложилась на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. Здесь юго-восточнее Кременчуга дивизии 17-й вражеской армии, форсировав Днепр, захватили крупный плацдарм, на котором сосредоточились основные силы этой армии и 1-й танковой группы врага, ожидающие сигнала ударить в тыл Юго-Западного фронта с юга. Попытки отбросить противника за Днепр оказались безуспешными.

…В особом отделе жгли бумаги. Густо дымила печная труба над хатой, вышвыривая вверх огненные языки. Коптящая труба, видимо, привлекла внимание вражеских летчиков, без конца бомбивших восточную окраину Прилук, где находился штаб фронта, а тут вдруг самолеты повернули в другую сторону, к Радяньской улице, спикировали вдоль нее, но не сбросили бомбы, скорее всего израсходовали все, а только полоснули из пулеметов по окнам домов и разбежавшимся прохожим.

Пережидая налет, Михеев укрылся в сенцах пустующей хаты. Ему почему-то вспомнилась первая бомбежка, под которую он попал в день приезда на фронт, отправившись в 5-ю армию. И он мысленно увидел генерала Горбаня на КП пограничного полка, майора Штыхно с забинтованной шеей… Совсем недавно это было, и как далеко отошла с тех, коростенских позиций 5-я армия. Только что Михеев узнал о том, что Ставка разрешила отвести армию Горбаня на Десну с целью прикрытия правого крыла фронта. Но противник, наступающий с севера, упредил

отход и теснит армию от Десны. Помочь ей было нечем. Анатолий Николаевич присутствовал при телефонном докладе Кирпоноса Буденному об угрожающем положении — резервов не было. А для воссоздания фронта на этом участке нужны были крупные силы. Но ни главком, ни Ставка выделить их не могли.

Единственный выход виделся в немедленном отводе войск с киевского выступа с целью выравнивания линии фронта и создания плотной обороны на одном из тыловых рубежей. С этим предложением Военный совет Юго-Западного направления обратился 11 сентября к Верховному Главнокомандующему, отметив, что промедление с отходом может привести к потерям войск и огромного количества материальной части.

В тот же день состоялся разговор Кирпоноса с Верховным Главнокомандующим. Отвечал генерал-полковник скованно, даже в какой-то момент растерянно, напомнив только о просьбе усилить фронт резервами… И заверил, что указания Ставки, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь.

Указания были ясны: войска фронта не отводить, Киева не сдавать!

Ставка сочла отвод войск преждевременным. Кирпонос принял единственно правильное решение: не допустить окружения главных сил фронта. Но за прошедшие два дня положение катастрофически ухудшилось.

…«Юнкерсы» отвалили на запад, и Михеев поспешил к хате, над которой по-прежнему густо дымила труба, с тревогой ожидая увидеть у себя в отделе что-нибудь неладное.

Возле жарко горящей печи Анатолий Николаевич увидел согнувшихся, занятых уничтожением бумаг Кононенко и Плетнева. Они не заметили вошедшего комиссара.

— Целы? — спросил Михеев вдруг.

— А чего нам? — сдвинул на затылок кубанку Плетнев. — Жарко вот.

— Аккуратнее жгите, из трубы летит черт-те что, впору ловить клочки.

Взяв кочергу и орудуя ею в печи, Андрей Павлович сказал:

— Горевал тут Пригода, что, не простившись, уехал.

— Уехал, значит. Ну и хорошо. Доволен, что ли, Михаил Степаныч новым назначением?

— Еще бы! Начальником отдела армии — куда еще, — с вывертом крутнул рукой Плетнев.

В сени, ругаясь, вбежал Грачев:

— Очумели! Дымит, как из крематория, мало фашист

обстрелял, хотите, чтобы фугаской помог вам уничтожить бумаги, — и, увидев комиссара, стих.

— Чего шумишь, они даже не знают о налете, — сказал Михеев и сообщил чекистам неважные новости: — Положение сильно ухудшилось. На левом фланге прорвались танковые дивизии генерала Клейста. И Гудериан еще мощнее жмет с севера. Между ними всего километров сто пятьдесят. Уходить из Прилук будем, вернее всего на Пирятин.

Поговорив с чекистами, Михеев вышел на улицу, шел задумчиво, не слушая идущего рядом Грачева, который рассказывал о последних сообщениях из-за линии фронта. Мысли Анатолия Николаевича были заняты донесением Тупикова в Ставку, отправленным сегодня ночью. В нем Василий Иванович, объективно представив крайне тяжелое положение Юго-Западного фронта, со всей прямотой заявил, что если Ставка и на этот раз не разрешит отвести войска, то может случиться катастрофа. «Начало катастрофических событий, — подчеркивал он, — дело пары дней». Кирпонос не решился подписать это донесение. Тогда начальник штаба фронта отправил его за одной своей подписью.

Только что Михеев познакомился с ответом Ставки, полученным на имя командующего фронтом. В нем говорилось о том, что генерал-майор Тупиков представил в Генштаб пораженческое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принимать все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение, и особенно прочно удерживать фланги. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина.

Когда Михеев прочел бумагу, Тупиков сказал ему:

«У вас достаточный повод арестовать меня». А глаза его говорили: «Если бы мы все здесь не понимали, как я прав».

«Для ареста, уважаемый генерал, необходим не повод, а преступление», — ответил Михеев сразу на два его вопроса.

Все это не выходило сейчас из головы Михеева.

* * *

В полдень 16 сентября Военный совет Юго-Западного фронта собрался в лесу в семи километрах севернее Пирятина. Генерал-майор Тупиков доложил оперативную обстановку, самую тяжелую

и неприятную, о которой ему когда-либо приходилось говорить.

— Случилось то, что, как вам известно, должно было произойти, — черство и с напряжением начал Тупиков. — Вчера к вечеру и окончательно сегодня утром две дивизии первой и второй танковых групп противника, выйдя в район Лохвица и Лубны, перерезали последние коммуникации фронта. В окружении оказались двадцать первая, пятая, тридцать седьмая и двадцать шестая армии, понесшие на сегодняшний день огромные, невосполнимые потери, — бегло водил он карандашом по карте, показывая продолговато-неровные очертания расположения армий, образовавших замысловатые контуры зажатого в танковые клещи фронта.

Глубоко выдвинутая на запад и охваченная врагом с трех сторон, 37-я армия, в сущности, одна продолжала, удерживать в районе Киева плацдарм радиусом до 25 километров. Далее фронт шел по Днепру до Черкасс, в 60 километрах южнее поворачивал к северу на Лубны, проходил западнее Лохвицы к Прилукам, изгибаясь к северу, возвращался к Яготину — 90 километров восточнее Киева — и выходил к Днепру километрах в 30 выше столицы Украины.

В этих невероятно трудных условиях Киев, оказавшийся почти в тылу врага, продолжал стойко держаться.

26-я армия, растянутая вдоль Днепра, была настолько ослаблена, что лишь героическими усилиями удерживала фронт обороны. 5-я и 21-я армии, также понесшие огромные потери, почти утратили боеспособность. Части этих армий, сосредоточенные в небольшом районе западнее и восточнее Прилук, перемешались, и управлять ими стало уже невозможно.

Заметив, что начальник штаба, всегда уравновешенный и внешне сдержанный, начал говорить нервическими, рублеными фразами, словно сдерживаясь, чтобы не закричать, Кирпонос перебил Тупикова:

— Новый главком направления маршал Тимошенко разделяет нашу точку зрения в оценке создавшейся обстановки, ставит вопрос о немедленном отводе войск. Он понимает, что решение этого главного вопроса не завтра, так послезавтра может потерять смысл. Фронт противника по реке Псёл еще не прочен, хотя, несомненно, отход наших войск уже связан с большими трудностями. Должен отметить, стало нарушаться управление частями и соединениями.

Неожиданно вошел генерал-майор Баграмян, прилетевший из штаба Юго-Западного направления с особым поручением маршала Тимошенко.

— Разрешите, доложить на Военном совете приказ

главкома, — поприветствовав всех сразу, деловито и озабоченно начал Иван Христофорович. — Военный совет направления принял решение оставить Киев и войскам фронта выходить из окружения.

— Давайте приказ, — протянул руку Кирпонос и сразу опустил ее, недовольно насупив брови, ибо Баграмян сказал:

— Приказ устный, Михаил Петрович. Самолет, на котором я летел, могли сбить, документ попасть в руки врага… — Он подошел ближе к столу, за которым сидел командующий, и уже потише, почти смущенно досказал последнее указание маршала Тимошенко: — Вам разрешено вылететь на самолете…

От этих слов распрямилась устало сгорбленная над столом спина Кирпоноса. Он резко поднялся.

— Я имею иной приказ Верховного, запрещающий отвод войск и сдачу Киева, — с нажимом произнес Кирпонос, усомняясь в достоверной точности переданного ему устного распоряжения. Мелькнула еще мысль: «Военный совет Юго-Западного направления принял самостоятельное решение, без санкции Верховного…» Нет, такого приказа он выполнить не может, тем более устного. И продолжал: — Устный приказ главкома выполнить не могу. Будем драться в окружении. А на самолете вывезите тяжелораненых.

…Тотчас же Кирпонос запросил Ставку о том, как поступить в сложившейся ситуации, выполнять ли ему приказ маршала Тимошенко.

Лишь на исходе следующих суток, 17 сентября, маршал Шапошников, по поручению Ставки, ответил, что Верховное Главнокомандование разрешает оставить Киев, но о выводе войск за реку Псёл ничего не было сказано. По причине такой неопределенности войска правого крыла Юго-Западного фронта потеряли возможность использовать для отхода две последние ночи, когда они еще сохраняли боеспособность и могли не только организованно отойти сами, но и обеспечить отвод остальных сил фронта.

В ночь на 18 сентября Кирпонос отдал всем армиям фронта приказ с боем выходить из окружения, указав направление ударов на прорыв. Лишь 37-я армия, оборонявшая Киев, не получила этого приказа, связи с ней уже не было, она продолжала самоотверженную борьбу за столицу Украины. Однако подавляющее превосходство противника в силах не позволило армиям фронта выполнить поставленных перед ними задач на прорыв.

Кирпонос решил отходить вместе с отступающими частями на восток. Основная группа штаба Юго-Западного фронта во главе

с Военным советом в ночь на 18 сентября под прикрытием 289-й стрелковой дивизии двинулась вдоль реки Удай к Городищу.

* * *

Известие об окружении правого крыла Юго-Западного фронта привез в особый отдел шофер, не сумевший прорваться на грузовике в Харьков.

— Под бомбежку попали, Деревянко на головной машине проскочил через Сулу, а я не успел, мост разнесло, — докладывал Ярунчикову шофер, оправдываясь. — Поехал на Лубну, а там уже немцы. Попетлял и назад еле-еле вырвался.

Весть эта для Ярунчикова не была неожиданной. Он узнал об окружении от Михеева, перед тем как тот уехал с Военным советом на Пирятин. Особый отдел должен был выступить из Прилук позже. Никита Алексеевич не стал пока сообщать оперативному составу пренеприятную новость. И вот она сама себе пробила дорогу.

— Без паники только, — предупредил шофера бригадный комиссар, хотя тот не выказывал растерянности. — Подстраивайтесь к колонне, выступаем на Пирятин.

…До Новой Гребли — двадцать пять километров — ехали часа три. Машины догнали колонну штаба фронта — впереди создалась пробка, свернули на проселочную дорогу, снова уперлись в скопище повозок, продвигались медленно, не ведая, что делается впереди.

На рассвете обогнули Пирятин и остановились на южной окраине города. Поступил новый приказ штаба фронта: двигаться на восток до села Чернухи.

Здесь-то и нагнали особый отдел Петр Лукич Ништа с Мишей Глуховым. Их не узнать: босые, оборванные, грязные. Ништа к тому же отрастил жиденькие усы и бородку, оброс, а чудной колпак на голове делал его похожим на монаха, поэтому ни один из чекистов сразу не угадал, кто это так восторженно вклинился в их строй.

— Миша! — схватил мальчишку за руку Грачев.

— Мирон Петрович! — всхлипнул в ответ тот.

Узнав, что Михеева нет, Ништа догнал Ярунчикова, на ходу стал докладывать ему о чекистско-разведывательной группе в тылу врага.

— Остались без рации, Лойко с Мишей схватили немцы. Мальчишке удалось бежать. Что с Алексеем Кузьмичом, выяснить

не удалось.

Ярунчиков помолчал, взглянул на Мишу, спросил:

— Как же тебе удалось бежать?

Глухов рассказал.

— Остальное все в порядке, — добавил Ништа. — Так четко начали — и на́ вот тебе. Пустой номер мы без рации, потому и вернулся. Какие будут указания?

— С Михеевым надо посоветоваться… — торопливо ответил Ярунчиков, услышав сообщение, что Чернухи уже заняты врагом.

Свернули на Куреньки, началась бомбежка, и все залегли. Лежа в кукурузе, Грачев сказал Ниште:

— Занедужил Никита Алексеевич, с Михеевым надо решить, что вам дальше делать.

— Рацию прихватить и возвращаться надо, такое дело наладили, все перевозки на двух дорогах под учетом, — вздохнул Ништа.

— Я тоже так думаю, — согласился Грачев.

Вражеские самолеты висели над дорогами. Чекисты свернули по шляху на юг. Миновали Дейманову, Шкураты и застряли с грузовиками на заболоченном берегу реки Удай.

Снова уклонились на север, в направлении села Бондари. Колонна втянулась в неширокую балку, еще более суженную на выходе крутыми холмистыми скатами по обе стороны дороги, как вдруг налетели «юнкерсы». Они будто бы следили за колонной, выбрав самое коварное место для удара — деться некуда, ринулись бомбить и расстреливать машины и бросившихся на крутизну людей.

Вдоволь покуражась, самолеты ушли. Чекисты собрались в стороне от балки, отдышались, передохнули. И снова спустились вниз — хоронить погибших. Смрадная гарь расползалась по низине от горящих машин. Каким-то чудом уцелел грузовик с документами особого отдела. Возле него обнаружили сидящих Ништу и Мишу Глухова. Лицо и руки у парнишки алели от крови. Петр Лукич обкручивал его шею бинтом и, ни на кого не обращая внимания, приговаривал:

— Это ничего, на войне нельзя без крови… Малость задело, а то бы повыше — и поминай, как говорится. Умыться бы тебе, заляпал лицо.

Миша сидел покорно, задрав подбородок.

Кое-как оттащили с дороги обгорелые машины, и одинокий грузовик, пыля, выскочил из балки. Снова двинулись в путь. Прошли Сухоносовку, занятую отходящими тылами 5-й армии, как вдруг прискакал верхом посыльный Михеева, передал Ярунчикову приказ: сжечь машины и документы особого отдела,

выходить на Лохвицу.

— Уже фашисты сожгли, один грузовик остался, — проворчал Ярунчиков и спросил: — Где комиссар, откуда послал?

— С Военным советом.

— Знаю. Куда идут, спрашиваю?

— На Городище.

— Передай комиссару, я сильно болен, язва, должно, открылась… еле иду.

Приказ Михеева исполнили здесь же: отогнали грузовик за дорогу, облили бензином и подожгли.

— Отходить! Нечего маячить! — шумел Ярунчиков. — Плесцов! Проследите, чтобы все бумаги сгорели. Оставьте с собой несколько человек.

…Утром в селе Вороньки чекистскую колонну нагнали двое верховых.

«Михеев!» — разнеслось среди особистов.

Соскочив с коня и передав уздечку красноармейцу, Анатолий Николаевич поправил гимнастерку под портупеей, придирчивым взглядом осмотрел чекистов.

— Чего приуныли? Это не годится, — без нажима упрекнул он. — Я, конечно, не ожидал, что вы с песнями идете. Но пободрее рассчитывал увидеть. Бой ожидает! Тяжелый бой. Лохвица занята, Жданы — тоже. Сворачивайте на Городище, там встретимся.

Михеев увидел Ништу, подошел к нему.

— Вернулся?!

Петр Лукич доложил о случившемся, высказал необходимость возвращения в тыл врага.

— Да, разведку надо продолжать, — согласился Михеев. — В Городище стоит подразделение связи, достанем у них рацию… И еще направлю с тобой сотрудника. Обдумать надо, куда сместить часть вашей группы. — И немного погодя добавил: — Стышко должен оставаться на месте.

* * *

Враг, видимо, следил за отходом штаба Юго-Западного фронта, в силу обстоятельств оказавшегося в отрыве от ближайших частей. К утру 18 сентября группа штаба фронта во главе с Военным советом вошла в Городище. Части 289-й стрелковой дивизии, с которыми группа продвигалась на восток, ночью на разных участках отбивали атаки врага и отстали. В

распоряжении штаба не осталось ни одного самолета. Попытки установить контакт с 21, 37 и 26-й армиями оказались безуспешными. Была потеряна связь и со Ставкой Верховного Главнокомандующего.

В штабах армий также нарушилось руководство своими частями. Войска же 5-й и 21-й армий перемешались и, потеряв управление, двинулись на прорыв отдельными отрядами и группами.

В поисках связи с армиями прошли сутки…

Едва рассвело, Городище содрогнулось от бомбардировки, которая не прекращалась до полудня. И вдруг самолеты, которые осиными стаями метались в воздухе, разом исчезли: на подступающие к селу с востока холмы прорвались вражеские автоматчики. Высоты были голые, лишь одинокая деревянная церквушка, угодившая туда как будто по недоразумению, высилась над обрывом справа. Село просматривалось врагом во всю ширь, и лишь ряды высоких тополей создавали обманчивое впечатление попавшим в окружение, будто им удается передвигаться скрытно.

Гитлеровцы стреляли беспорядочно, для страха, и вниз не спускались. Они, вероятно, ожидали подхода новых сил, считая главную свою задачу — окружение штаба фронта — выполненной.

Врага надо было тотчас сбить с высот, уничтожить и уходить из Городища. Отрезанные от войск, штаб и Военный совет фронта еще имели силу для прорыва. Тут находились командный и рядовой состав штаба фронта, чекисты и бойцы охраны тыла фронта, пограничники, курсанты школы НКВД и примкнувшие группы выходивших из окружения бойцов. Было решено сформировать из них отряды прорыва и прикрытия.

В этот чрезвычайно критический момент комиссар госбезопасности Михеев построил особистов в укрытии за домами вдоль ряда тополей и, обходя неспешным шагом строй, поджидая начальника штаба фронта, сообщил:

— Теперь одна задача: пробиваться. На Военном совете решили создать отряд прорыва из двух групп. Первая — из чекистов. Командиром назначаю Плетнева, его заместителем — Кононенко. Вторая группа будет из пограничников, курсантов школы НКВД и бойцов охраны. Командиром назначен полковник Рогатин. Командует отрядом прорыва генерал Баграмян. Вооружитесь автоматами и винтовками, запаситесь гранатами. Больные есть? Выйти из строя!

Двое шагнули вперед.

— Ступайте туда, — указал Михеев в сторону, где на траве,

скрючившись, сидел Ярунчиков. — Женщин тоже прошу выйти. — Остановился возле Миши Глухова, чуть было не спросил: «А ты к чему здесь?» — но сказал другое: — Поверни-ка шею, работает?.. Э-э, не пойдет так, брат, нынче смотреть надо разом вокруг. Шагай-ка в сторонку, еще навоюешься. Твое впереди…

Стремительно шли к строю генералы Тупиков и Баграмян. Чекисты подтянулись. Начальник штаба сразу начал:

— Обстановка вам, товарищи, понятна. Ничего не остается, как идти в атаку. Военный совет на чекистов надеется. Вы были и есть самой стойкой, организованной силой. Вам поручается первыми пробить боевые заслоны противника. — Он повернулся к высотам, указал на обрывистые склоны: — Трудно вам будет наступать, но надо; вторая группа пойдет в обход высот, ей даем два броневика. Прорываться не на восток, а на северо-запад, там меньше сил врага. Стремитесь южнее Лохвицы к реке Суле и завтра, двадцатого сентября, обеспечьте переправу через мост в Сенче. Сосредоточение там. Вопросы есть?

Все было предельно ясно.

— Сейчас шестнадцать часов пятьдесят минут, — смотря на часы, сказал Баграмян. — Готовьтесь, скоро начнем атаку. Если нам удастся прорвать окружение, а мы обязаны его разорвать, Военный совет и штаб фронта пойдут за нами. Но коли случится худшее, все сложим головы в бою, Родина не забудет нас.

Пригласив Михеева с собой, Тупиков и Баграмян отправились к группе пограничников. Те набивали патронами диски ручных пулеметов, прилаживали за пояса гранаты.

Среди бойцов Михеев увидел два знакомых лица: низенького веснушчатого сержанта и долговязого красноармейца. Он сразу припомнил, где встречался с ними: на передовой за селом Белка, в окопе, когда отражали танковую атаку. Те тоже признали комиссара.

— Опять, значит, вместе, — сказал сержант первое, что пришло на ум.

— Выходит, так, — приветливо согласился Анатолий Николаевич. — Как хоть вас звать, старые знакомые, а то уж и неловко мне.

— Сержант Зайцев! Волгарь.

— Красноармеец Лыков! Ленинградский.

— От границы идем, — добавил сержант. — Все как надо было, а тут говорят: последний решительный бой. А потом что, штыки в землю? И гитлерюг бить не надо?

— Почему же, еще как надо будет лупить. А «последний решительный» говорят в том смысле, что бой пойдет либо на жизнь, либо на смерть. А победить — значит продолжать борьбу.

Вторая группа отряда была готова к бою, и Михеев торопливо вернулся к чекистам. Настала пора выходить на исходный рубеж к пологому склону высоты. Скрытно, перебежками и по-пластунски, укрываясь за деревьями, кустарником, продвигались все дальше бойцы в командирской форме, занимая позицию для атаки.

К холмам выскочили два наших броневика и, стреляя из пулеметов, скрылись за обрывом, над которым торчала деревянная церквушка. И как-то разом чекисты и пограничники бросились в атаку. Пальба заглушила неокрепшее «ура».

Не ожидавшие дерзкого налета, гитлеровцы слишком поздно открыли плотный огонь, успев сразить наступавших в центре цепи.

Загрохотали гранаты… Упал Ништа, но тут же поднялся, и находившиеся рядом чекисты увидели его окровавленную руку. Петр Лукич пробежал еще несколько шагов, остановился, пытаясь одной рукой поставить гранату на боевой взвод, но пошатнулся и упал, придавив телом жиденький кустарник.

Граната Плесцова угодила в бруствер окопа вражеского пулеметчика. Разгоряченный боем, Иван Михайлович едва успел залечь — над ним просвистели осколки. Он выдвинулся вперед и оказался в выгодной позиции, ведя автоматный огонь по фронту гитлеровцев. А когда рядом увидел Плетнева, Кононенко и Грачева, понял: теперь самый подходящий момент захватить вершину высоты, а это — половина успеха.

— Вперед! — крикнул Плетнев.

Яростная ненависть к врагу, с которым сошлись лицом к лицу, утраивала силы чекистов, остановить которых могла только смерть.

Левым флангом они смяли гитлеровцев и, не останавливаясь, расширяя захваченный рубеж, погнали их к реке. Шел бой правее, там пограничники во главе с Рогатиным продолжали атаку.

Около двух километров чекисты преследовали остатки вражеского мотопехотного батальона и уничтожили его. К счастью, основные силы врага еще не успели подойти к Городищу. Перейдя вброд реку Многа между селами Мелехи и Вороньки, наступавшие остановились. В строю недосчитались восемнадцати человек.

Генерал Баграмян послал двоих связных доложить Военному совету: приказ выполнен, продолжаем движение на Сенчу.

…Штаб и Военный совет фронта сразу же покинули Городище. Мост через реку севернее села оказался разбитым, и о

проезде машин нечего было думать. Повернули на Вороньки. Но не повезло и там: жиденький дощатый мост завалился, едва успела пройти вторая машина. Остальные пришлось бросить.

На Сенчу потянулся пеший строй. По пути к колонне присоединялись выходящие из окружения красноармейцы и командиры. Дорога пошла трудная, то лесистая, то заболоченная. К тому же наступившая ночь и вовсе притормозила движение. Откалывались от колонны отдельные группы и по нескольку человек, должно быть бойцы одной части, самостоятельно уходили на восток к Сенче.

В роще Шумейково, неподалеку от хутора Дрюковщина Сенчанского района, колонна — человек восемьсот — остановилась. Почти на километр с юга на восток хутор опоясала широкая и глубокая лощина, сплошь заросшая дубняком, орешником, кленом, а по верху ее окаймляла полоса колючего, усыпанного ягодами терновника.

Здесь и решили укрыться на день. Продолжать путь было бессмысленно. К тому же, едва успели занять оборону, разведчики доложили, что все дороги вокруг заняты гитлеровцами, к роще приближаются вражеские танки.

Все понимали: здесь предстоит жестокий бой. Враг плотным кольцом окружил овраг и открыл по нему минометный огонь. Оказавшиеся в западне бойцы и командиры от одного к другому передавали приказ генерал-полковника Кирпоноса:

— К бою!

Глава 30

С раннего утра за селом Дрюковщина бой то затихал, то разгорался с новым ожесточением. Со всех сторон враг обложил и Шумейкову рощу, и огромный, с пологими лесистыми склонами, овраг. Ошалело, будто ища прохода, выскочили в низину легкие гитлеровские танки, паля из пушек и пулеметов. Два танка подожгли сразу, и теперь другие избегали подходить к краю оврага, где лежала плотная цепь окруженных.

Гитлеровцы наверняка знали, кого настигли они, понимали обреченность сотен людей, угодивших в западню, и хотели поскорее покончить со штабом и Военным советом фронта.

Не сумев прорваться с ходу, немцы затаились. Подошли машины с подкреплением. Враг готовил новый удар, сильнее прежнего, чтобы наверняка сбить оборону и потом с легкостью доконать в низине остальных.

На середине склона под лобастым бугром учащенно пульсировал родник. Он до краев заполнил широкую, похожую на таз чашу; бойкой струйкой сбегала по березовому желобку студеная вода, медленно наполняя котелок.

Сюда, к роднику, помогли спуститься раненному в ногу Кирпоносу. Он и без того после аварии на дороге ходил прихрамывая, а тут пуля угодила под левую коленку, и самостоятельно передвигаться командующий не мог.

Полулежа, давая разрезать и снять сапог, Кирпонос попросил воды и горько произнес:

— И опять эта нога… совсем не годится дело. — Он увидел подошедших Тупикова и Михеева с перевязанной головой, приказал, указывая рукой на то место, где сходились два оголенных склона: — Здесь усильте оборону… и западный край рощи держите крепче, он сильно мешает врагу, иначе сбросят.

— Все сделаем, товарищ командующий, — заверил Михеев.

Смотря на белую, с кровяным пятном повязку и на землисто-серое лицо комиссара государственной безопасности, на котором даже губы, пересохшие и треснутые, покрыл пепельный налет, Кирпонос вроде бы между прочим сказал:

— Слышал, а сегодня увидел… Всем бы так драться.

Произнеси эти слова кто угодно другой, Анатолий Николаевич и бровью бы не повел — не коснулись бы они его души. Но их произнес Михаил Петрович Кирпонос, который только что сам с винтовкой наперевес наравне со всеми в цепи дважды бросался в атаку. Его старались прикрыть те, кто находился рядом, в том числе и Михеев. Но как-то так вышло, что

командующий успевал сместиться в сторону и увлечь бойцов к новой рукопашной схватке — и все смешалось, Анатолий Николаевич потерял из виду генерал-полковника, сам дрался лицом к лицу с врагом.

— Где Бурмистенко? — спросил Кирпонос.

От этого вопроса Тупиков, уже направившийся было идти, круто обернулся и, словно спеша опередить других, чтобы не подтвердили слух о гибели Михаила Алексеевича, ответил громко, для всех:

— В цепи Бурмистенко, — вскинул он размашисто руку, — с людьми, где же еще ему быть, вот только что его видел…

А видел он его перед последней атакой противника с группой бойцов, спешащей из низины по склону наверх. Тупикову как-то не верилось, чтобы Михаил Алексеевич погиб, хотя уцелеть шансов было намного меньше. Член Военного совета полчаса назад удержал стихийно устремившихся в глубину лощины бойцов, куда вскоре враг обрушил мощный минометный обстрел, под который попала только часть замешкавшихся, в то время как десятки воинов бросились вслед за Бурмистенко по склону наверх, вливаясь в ряды оборонявшихся.

После небольшой передышки открыли огонь откуда-то издалека вражеские пушки. Снаряды рвались наверху, с недолетом, а с перелетом они проносились над окруженными, грохали позади, в низине, где уже никого не было.

Михеев лежал в цепи за кустами терновника, щурился — слепило солнце, и от этого комиссар выглядел еще суровее, напряженнее. Не выпуская из руки винтовку, он поглядывал в сторону противника и думал о том, как нелепо они попали в котел из-за вчерашней задержки с переправой и ночных беспрерывных заторов на дороге, помешавших до рассвета выйти к Сенче.

«Все! Тут, пожалуй, конец…» — подытожил он спокойно, без душевного надрыва и огляделся, как будто захотел рассмотреть свое навечное место. Оно было красивым и в то же время неудобным неровностью своей, на которой даже деревья, казалось, еле удерживали кривые стволы.

Люди передвигались по склону с усилием, цепляясь за стволы и ветки, торопясь к своим местам в круговой обороне. Михеев чувствовал в осмысленной торопливости командиров и бойцов направляющую руку генерала Кирпоноса.

Слева от Анатолия Николаевича лежали Ярунчиков и шофер Капитоныч. Справа, за поваленным трухлявым деревом, притулился Белозерский, за ним выдвинулся вперед Боженко — начальник особого отдела механизированного корпуса, а возле

него виднелась фигура полковника Сгибнева.

Анатолию Николаевичу бросилась в глаза спокойная суровость на лицах этих людей, вполне осознающих свое положение и решившихся драться насмерть. В них еще не остыла разгоряченная ярость недавних рукопашных, но они уже успели отвлечься, подумать о чем-то кровном и оттого стали задумчивее, увереннее и спокойнее.

Среди всех, казалось, самое неподходящее занятие нашел себе Боженко. Он успел оборвать возле себя все ягоды терна и уже залез в гущу колючего кустарника, преспокойно срывая и бросая в рот спело-синие ягоды.

— На мотоциклах несутся от села, броневики за ними… — вдруг сообщил Боженко, отползая ниже.

Михеев заметил, как зашевелились люди в цепи, а Ярунчиков, вытянув шею, напряженно посмотрел вперед, словно желая убедиться в правдивости слов Боженко.

— Танки! — звонко закричал Капитоныч.

С юга, со стороны Жданов, россыпью неслись танки, обгоняя пылящие слева от них бронемашины.

— Издали страху нагоняют, — заметил Ярунчиков.

— Жарко будет, — отозвался Михеев, прилаживаясь к винтовке.

Вражеские артиллеристы пристрелялись. Близко ложились снаряды, пылью и дымом закрывая из виду напористо идущие танки. За ними торопилась пехота. И сразу захлопали одиночные выстрелы обороняющихся. Пальба ширилась, подали голос два ручных пулемета, заставив гитлеровских автоматчиков залечь. Но ненадолго. Поднятые офицерами, они снова бросились вперед.

В цепи окруженных от одного к другому передали:

— По танкам гранатами! И сразу вперед, бей штыками пехоту!

У Михеева имелась единственная граната. Она лежала у него в кармане кожаной тужурки и была предназначена для крайнего случая. Вторую свою гранату он отдал Боженко для связки, и тот сейчас держал связку в руке.

Сильный пулеметный огонь из танков заставил обороняющихся прижаться к земле. Приглушенно охнул смертельно раненный в грудь Белозерский. Уронил голову сраженный наповал полковник Сгибнев. Тут и там появились раненые.

— По танкам! — раздалась чья-то волевая команда.

Михеев видел, как справа грохнул тяжелый взрыв, потом рядом — боженковская связка гранат, еще слева, снова справа.

— Вперед! Бей!.. — вырвался из десятков ртов боевой клич, и

поднявшиеся в контратаку ринулись на врага с винтовками наперевес.

Гитлеровцы явно не ожидали вымахнувшую навстречу разъяренную лавину, предполагая, должно быть, что окруженные встретят их огнем, станут отбиваться гранатами, и потому, должно быть, опасливо жались за танками, а теперь растерялись, в первое мгновение дрогнули. Вспыхнувшая пальба начала утихать, в ход пошли штыки и приклады…

Михеев не различал вражеских лиц, но одно крепко запечатлелось в его сознании: круглое, в очках и с искривленным ртом. Комиссар даже успел заметить, как взлетели вверх очки, а взметнувшиеся руки фашиста чуть было не мазнули Анатолия Николаевича по лицу. Михеев размашисто бил прикладом, валил наповал фашистских солдат, пробиваясь все дальше вперед и настигая дрогнувшего врага.

Вблизи ревели танки и броневики. Они словно не могли сообразить, с какой стороны подойти к дерущимся, сбавляли скорость, кружились и не прекращали огня по роще и оврагу, откуда с отчаянной смелостью бежали, бросались на помощь своим новые окруженцы.

На короткое мгновение Михеев остановился с широко открытыми глазами, увидел, что танки начали теснить бойцов к оврагу. «Эх, гранат больше нет», — с досадой подумал комиссар и дал команду отходить. Сам он шел в последней цепи, чуть пригнувшись, и даже не слышал, а инстинктивно почувствовал, как сзади разорвался снаряд. «Этот мой», — было его последней мыслью. Комиссар вскинул голову, распрямился во весь рост, хотел шагнуть вперед, но только дернулся и рухнул на спину, неловко отбросив руку с зажатой в ней винтовкой.

А минутой позже на склоне возле пульсирующего родника, незаметная в общем грохоте и пальбе, разорвалась мина. Дернулась к груди, к сердцу, правая рука Кирпоноса, но не дотянулась, упала, и сам он повалился на бок, к чаше родника, словно захотел напиться.

Его повернули на спину, расстегнули китель — Михаил Петрович еще слабо дышал, осколок угодил под сердце. Он умер тихо, без последнего тяжелого вздоха, как навсегда засыпают люди, отдавшие все свои силы и целиком жизнь делу, которому служили.

Наверху то затихала, то еще яростнее вспыхивала пальба. Движения на склонах уже не заметно было, убитые и раненые оставались там, где их настигла пуля или осколок. Но враг так и не прорвался через передовые позиции окруженных, не проник в широкий и лесистый овраг.

Тело командующего фронтом перенесли чуть ниже, к лощине. Тут же вырыли неглубокую могилу. Прощание было коротким, молчаливым. Моложавый майор из штаба фронта и двое раненых бойцов застыли в нерешительности, будто бы не зная, как положить убитого. И тогда майор снял с груди генерал-полковника Кирпоноса Золотую Звезду Героя под № 99, орден Ленина и медаль «XX лет РККА», достал из кармана партийный билет и удостоверение личности, фотографию семьи положил обратно.

Свежую могилу с едва приметным холмиком укрыли ветками, и трое свидетелей последнего прощания с командующим один за другим стали карабкаться по склону мимо родника наверх, где заметно на слух сбивалась и редела перестрелка.

…Михеев очнулся под вечер, когда его укладывали на самодельные носилки. Рядом были Ярунчиков, Боженко и несколько красноармейцев-пограничников. Ни на минуту не отлучался от комиссара поникший Капитоныч.

— Держатся? — спросил Михеев, будто очнувшись ото сна и пытаясь подняться. Ему помогли сесть. Ощупывая туго перевязанную голову, он повторил вопрос.

Ярунчиков ответил:

— Танки ушли, остались автоматчики, должно быть, немного…

— Где Кирпонос?

— Убит командующий.

— Убит?! — оглядел Михеев присутствующих. — А Бурмистенко, Тупиков?

— Погибли, — ответил Ярунчиков. — И Белозерский скончался от ран. Приказано отходить, с темнотой прорываться на Жданы. — И, видя, что Михеев пытается встать, положил ему на плечо руку. — Лежите, товарищ комиссар, вы пробитый весь…

Как будто только теперь Анатолий Николаевич увидел свою правую, забинтованную ногу без сапога, потрогал перевязанную грудь, встрепенувшись, нащупал свой маузер, удостоверясь, что он на месте, успокоился, снял с руки часы, протянул Капитонычу:

— Возьми, сгодятся… и отправляйтесь все, не застревайте тут… В плен не попадайте. Останетесь живы, привет моей жене с сыном передайте, если что, расскажите… А теперь ступайте. Удачливого вам пути!

Капитоныч принес полный котелок родниковой воды, протянул Михееву. Комиссар взял его обеими руками, жадно прильнул к студеной, освежающей воде и вдруг оторвался от нее на полглотке, что-то поискал глазами на склоне за лощиной,

откуда пришел Капитоныч, лицо его смягчилось просветленной нежностью, дрогнули веки, как будто он тайком подмигнул кому-то, любуясь и зовя к себе…

Находили сумерки. Стрельба в роще и над оврагом постепенно стихала.

* * *

Разведчики, посланные генералом Баграмяном для розыска и налаживания связи со штабом и Военным советом фронта, пришли ни с чем. Направили новые две группы в разных направлениях — те вообще не вернулись… Уже сутки отряд прорыва, обросший сотнями новых, выходящих из окружения красноармейцев и командиров, стоял на правом берегу Сулы, не решаясь покинуть его. Но надежды разыскать штаб и Военный совет оставалось все меньше. Промедление же с отходом могло стать губительным: кругом сосредоточивался враг.

Он уже проник на левобережье напротив Сенчи, блокировал широкий бревенчатый мост, и о переправе по нему не могло идти речи. К тому же с запада наскочили вражеские танки, и, хотя им дали ощутимый отпор, отряд прорыва не стал больше рисковать, скрытно отошел вниз по реке к соседним Лучкам.

— Будем ждать до темноты, — распорядился Баграмян.

Посоветовавшись, чекисты распределили обязанности. Плесцову поручили организовать оборону Лучков на высотах; Кононенко — наладить переправу; Грачеву — питание и медицинскую помощь; Плетневу — создать боевые группы.

Организовать оборону села — означало сформировать полную боевую роту, добыть оружие и боеприпасы. Все это с большим трудом Плесцову удалось сделать, и он ушел на высоты.

Верхом на лошади тут и там появлялся Плетнев, собирая окруженцев и доставляя их на сборный пункт.

— Ты кто такой? — попытался грубо не подчиниться ему капитан с группой красноармейцев, продолжая идти своей дорогой.

— Приказ командования! — преградил им путь Дмитрий Дмитриевич. — И, будьте уверены, чекист выполнит его!..

Местное население принесло продовольствие и даже табак. Хуже обстояло с медицинским обслуживанием. Не было ни врача, ни медицинских сестер.

Повезло Мирону Петровичу Грачеву. Он встретил около двадцати врачей и медицинских сестер во главе с полковником, ищущих переправу на противоположный берег. Грачев привел их,

растерянных, на сборный пункт. Медикам предложили немедленно заняться оказанием помощи раненым.

В полдень вражеские танки и пьяные автоматчики пошли в атаку. Плесцов с отрядом бойцов заставил их отступить. Все это время Плетнев, формируя боевые группы по пять и более человек, добывал для них патроны, гранаты и посылал на подмогу обороняющимся.

Когда Дмитрий Дмитриевич притащил на высоту станковый пулемет, Плесцов даже обнял товарища.

— Где достал?

— Из реки выловил.

А на берегу готовили переправу. Кононенко на лодке отправился к противоположному берегу, но не добрался до него с сотню метров, дальше пошла топь, трясина, которую ни на лодке, ни тем более вброд не перейти, и немцы это знали, потому не обращали внимания на непроходимый участок реки.

Генерал Баграмян приказал разобрать плетни, рубить ветки, нести солому и вязать маты… Лишь к вечеру настелили проход через топкий берег реки. Наготове стояли лодки и плотики.

До темноты оставалось не больше часа. Казалось, ничто уже не может остановить переправу. И тут на Лучки двинулись пять вражеских танков, а за ними, как и прежде, хмельные автоматчики.

Собрали считанные патроны и гранаты. Плесцов приказал не открывать огня без команды. Он исподлобья наблюдал за приближающимися танками, не зная, что будет; три связки гранат остановить их не могли. Но надо было стоять: ни вперед, ни назад пути не оставалось. Иначе полягут все.

Иван Михайлович первым дал автоматную очередь. В стороне раздался взрыв, и все увидели, как круто развернулся, задымил танк. Ликовали без слов, отметив удачу дружным залпом.

Вскоре горел и второй танк; тогда остальные три машины повернули в обход обороны. Гитлеровские автоматчики залегли…

А на берегу началась переправа: подоспели спасительные сумерки.

Следя за танками, Плесцов решил, что пришло самое время роте отойти. Пусть танки давят пустые окопы. И, оставив людей для прикрытия, Иван Михайлович занял с ними два окопа, приказав передать по цепи:

— Отходить! К переправе!

* * *

Всю ночь капитан госбезопасности Боженко и семь красноармейцев с Капитонычем впереди посменно несли тяжело раненного Михеева. Не оставлял комиссара и обессиленный Ярунчиков. Прошли немного, километров шесть, когда начало светать. Впереди за леском разглядели село.

— Жданы! — определил Боженко.

— Давайте к стогу, вон к тому, на отшибе, переднюем, — распорядился Ярунчиков.

— Заловят нас тут, шагать надо, — попробовал возразить Боженко. — К реке надо пробираться.

— Идите, — разрешил Ярунчиков, располагаясь у стога. — Капитоныч с красноармейцем пусть останутся, остальным нечего толпиться.

Боженко предлагал другое — идти всем вместе — и сейчас колебался в нерешительности.

— Выполняйте! — поторопил Ярунчиков.

Присев возле Михеева, капитан госбезопасности сказал:

— Пойду к Жданам, организую переправу и вернусь. Нельзя тут дневать.

Анатолий Николаевич приподнялся на локте, посмотрел в сторону села.

— Иди. Наткнетесь на немцев, не давайте взять себя, — предупредил он.

Но не успел Боженко с пограничниками пройти и километра, как увидел позади на поле три вражеских танка. Они давили копны, поджигали стога, расстреливали убегающих. Вспыхнул и одинокий, на отшибе, стог, под которым остался Михеев. Густой дым растекся по убранному полю, и стало невозможно что-либо разглядеть.

— Погибли! Я же говорил… — горестно вырвалось у Боженко.

Укрываясь за кустарником, он кинулся с бойцами обратно.

Впереди возникла перестрелка. Потом все стихло, развеялся дым. Танки куда-то исчезли, только вдалеке маячила реденькая цепь гитлеровцев. Они удалялись, прочесывая местность.

Боженко подбежал к тому месту, где догорал стог, походил вокруг — никого рядом не было. И вдруг из овражка вылез Капитоныч. Он был растерян и не сразу заговорил.

— Пошли в укрытие, пока не заметили нас, — потащил его за руку капитан госбезопасности. — Где Михеев?

— Погиб комиссар… там они, — упавшим голосом сказал Капитоныч, показывая на овраг. — Только вы отошли, смотрим, немцы летят. Мы к оврагу… Танки бы ничего — автоматчики наскочили. Мы — отстреливаться. Смяли они нас… Михеев с Ярунчиковым полегли рядышком…

— Понаблюдай там, наверху, — приказал Боженко одному из красноармейцев, сам спустился вниз, пошел по извилистому дну оврага. Убитых отыскал за бугром. Михеев полулежал, прислонясь спиной к земляной стенке, и казалось, крепко уснул, склонив голову набок. Откинутая рука его зажала маузер.

Ярунчиков лежал рядом, лицом к земле. Боженко перевернул его на спину, увидел кровавое пятно на левой стороне груди, перевел взгляд на Михеева, склонился над ним.

В планшетке комиссара госбезопасности Боженко нашел циркуль, штабную линейку и письмо жене. Письмо он сразу закопал, остальное сунул себе в планшетку. С трудом выпростал маузер, но в нем не было ни одного патрона, и Боженко положил оружие обратно, в окостеневшую ладонь комиссара.

Сверху донесся голос наблюдателя:

— Немцы! Повернули! Назад идут!

Боженко распрямился, постоял мгновение.

— Прощайте, товарищи! Мы отомстим за вас! — сказал он тихо, чувствуя, как подступивший к горлу комок мешает ему говорить. — Мы еще вернемся! Придем, товарищ комиссар госбезопасности!

Спустя много лет…

Из Сенчи в Лучки на машине минут десять езды. Но трое приехавших сюда на новеньком зеленом вездеходе оставили машину, решив пройтись пешком по дороге, на которую не ступали больше тридцати лет. Полковники в отставке Плетнев, Стышко и Грачев с волнением шли по местам былых боев.

Сенча разрослась, целехонький мост сереет через Суду. А вот млына не стало.

Плетнев задумчиво стоял у края распаханного поля, смотрел в противоположную от села сторону.

Грачев пошутил:

— Опасался я, Дмитрий Дмитриевич, как бы ты опять здесь в атаку не бросился.

— Ребят вспомнил… Вон от того края леса шли танки. Тут погибали наши побратимы…

— А я Михеева вижу, как сейчас, — с болью вспомнил Василий Макарович Стышко. — Стою и думаю: встать бы сейчас всем погибшим. О чем бы они спросили нас прежде всего?

Грачев ответил:

— Думаю, не спросили бы, а сказали прежде всего: видим, победили, и жить вам чертовски хорошо, спасибо, что не забыли нас, пришли навестить.

— Никто из них не забыт, — подтвердил Плетнев. — На днях письмо получил от Михаила Пригоды, я рассказывал ему, что собираемся на места боев, так вот Михаил Степаныч просил поклониться землице родимой и павшим. — Дмитрий Дмитриевич низко поклонился.

— Он в Донецке, генерал-лейтенант Пригода? — уточнил Грачев.

— Да, недавно в отставку ушел. Вторым орденом Трудового Красного Знамени его наградили.

Василия Макаровича восхитила новость, он припомнил:

— У него и боевых, кажется, четыре Красного Знамени.

— Пять, — уточнил Дмитрий Дмитриевич. — Бесстрашный мужик. Я видел его в бою. Между прочим, когда я приехал к нему первый раз подо Львов, вижу, как-то настороженно приглядывается он ко мне: мол, как-то поведешь себя, товарищ, под пулями…

— Нашел к кому приглядываться, — польстил Плетневу Грачев.

— Он же не знал меня. А потом ободрил: «Ты ничего, без оглядки на передовой, молодец».

— Здоровый, всех нас переслужил, — вставил Стышко.

— Ему где-то уже под семьдесят, — прикинул Грачев. — Столько же и Михееву сейчас было бы.

— Рано ушел, — горестно вздохнул Дмитрий Дмитриевич и пошел по тропе, говоря: — Полгода всего служил под его началом в Киеве, два месяца воевал, а до старости не забыл своего комиссара.

Встретили пожилого дядьку, разговорились.

— Как не помнить тот сентябрь, — оживился старик. — Начальником почты я состоял. К нам в сени занесло снаряд. Стены в щепки, ведра на воздух. Наши все на мост рвались через реку.

За Сенчей вдоль берега густо разрослись деревья; дорога не петляла — не стало топких мест. Трое шли неторопливо и легко, вспоминали пережитое.

— А мне Лойко с Мишуткой припомнились, — вдруг произнес Стышко. — Как брательники были, старшой и малый…

— Расстреляли Алексея Кузьмича, проходило в сводке, — отозвался Грачев. — А Мишу Глухова, представьте, встретил под Ростовом, когда город отбили в сорок втором… Уходил радистом с опергруппой в тыл врага. Жив ли?

И все помолчали, надеясь на лучшее.

Белые, чистенькие хаты украшали Лучки. По широким, прямым улицам бегала детвора, и как-то не верилось ветеранам войны, что здесь когда-то грохотали тяжелые бои.

— Здесь были самые драматичные, как теперь у нас говорят, события начального периода Отечественной войны, — задумчиво произнес Грачев. — А вот генерал-полковник Гальдер, бывший начальник генштаба рейха, назвал сражение под Киевом «величайшей стратегической ошибкой в восточном походе». Вот так… А как мы прорывались из окружения…

…В ту памятную ночь, когда Плесцов с группой прикрытия последним покинул высоты, спустился в Лучки, окруженцы уже все переправились на левый берег Сулы, и на долю смельчаков не осталось даже бревна.

— Помыкались они, — рассказывал потом Иван Михайлович, ругаясь крепкими словами, — забыть о тех, кто прикрывает! Потом содрали с сарая две здоровые двери — и пошел грести чем попало, — припоминал Грачев.

— Всякое бывало, — сказал Плетнев. — Я со своей группой ушел раньше. Дневки, как правило, делали в лесу. Как-то, день на пятый должно быть, нас, человек пятьдесят, вызвался провести один деревенский парень. Малость оставалось до леса, как уже

рассвело. Провожатый привел нас к совхозной конюшне. Она была заброшенной, с сеном на чердаке. Там и решили переждать до вечера, другого выхода не было. Парень пошел на хутор Двенадцать Тополей, обещал привезти харчей. И привез в полдень… фашистских автоматчиков, те давай палить по конюшне. Как нас не задело, по сей день не пойму!

— Действительно повезло, — вставил хлебнувший военного лиха Стышко.

— Настрелялись фашисты и давай кричать, предлагая, чтобы мы выходили и сдавались в плен. От нас ни звука. Фрицы ближе подобрались, но в конюшню боятся заходить, снова палят из автоматов. Мы уж стали посматривать друг на друга, мысленно прощались. И вдруг немцы как бросятся бежать. Глядим, наша конница! — взмахнул, рубя воздух кулаком, Плетнев. — Кавалеристы генерала Крученкина!

— Так и нас тоже они выручили! — присоединился Грачев.

Их лица сияли, словно чекисты снова видели тех, кто подоспел к ним на помощь в тяжелую минуту.

— А день тогда стоял такой же солнечный, яркий, — вспомнил Грачев.

— И были мы наполовину моложе, — добавил Плетнев.

Трое ветеранов войны стояли над обрывом, и с ними рядом сейчас были все те, память о ком навсегда сохранится в их сердцах.

notes

Примечания

1

В описываемое время — в течение полугода — военные контрразведывательные органы (особые отделы) значились 3-ми отделами войсковых округов. Они находились в подчинении 3-го управления НКО, начальником которого был А. Н. Михеев.

2

Сорванные, толкающиеся в беспорядке внутри плота бревна.

3

Звенья, из которых составляется плот.

4

Организация украинских буржуазных националистов.

5

Сотник у басмачей.

6

Донесение.